



Анатолий Ульянов

**ОРЁЛ
В СТАЕ
НЕ ЛЕТАЕТ**

книга вторая

**УРОКИ
АРИСТОТЕЛЯ**

Краснодар
2015

УДК: 821.161.1
ББК: 84(2Рос=Рус)6

И49 Анатолий Гаврилович Ильяхов
Орёл в стае не летает: в 3 книгах /
А. Г. Ильяхов. — Краснодар: Флер-1,
Книга 2: Уроки Аристотеля. — 2015. — 496 с.



© А. Г. Ильяхов, 2015
© «Флер-1», 2015

Посвящаю
замечательной дочери Ирине ...

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО УЧЕНИКА

На протяжении веков умы людей невольно волнует и притягивает античный мир. Кажется непостижимым, как люди, жившие несколько тысячелетий назад, смогли добиться столь высоких достижений практически во всех областях науки, культуры и общественной жизни. До недавнего времени античность была предметом внимания в области образования и воспитания молодого поколения во многих странах. В школах царской России детально изучали историю, язык и культуру Древней Греции и Рима. Каждый юноша из дворянской семьи мог, по словам А. С. Пушкина, *«потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale, да помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха»*.

А сегодня лучше не просить школьников назвать даже пару имен выдающихся личностей Древней Греции и Рима, тем более «потолковать» о литературных произведениях античных авторов или о предметах искусства ваятелей того непростого и всё-таки замечательного времени.

Напряженный ритм и вечная занятость не дают современным читателям возможности углубиться в изучение древней истории. Но вот перед нами новое произведение кубанского писателя Анатолия Гавриловича Ильяхова «Уроки Аристоте-

ля», где оказалось возможным совмещение реальных исторических фактов с авторским вымыслом. Книга, написанная живо и ясно, позволяет даже неподготовленному читателю почувствовать Элладу IV века до н. э., в переломный этап её истории, связанный с объединением суверенных греческих городов-полисов перед угрозой персидского нашествия.

Автор знакомит читателя с выдающимися личностями того времени — философами, государственными деятелями, военачальниками, а также «людьми из народа». Герои романа, свободолюбивые и мужественные, мудрые и бесхитростные, не прощающие подлости и предательства, вполне достойны нашего уважения и подражания.

* * *

«Уроки Аристотеля» — вторая часть исторической трилогии А. Г. Ильяхова «Орёл в стае не летает». Читатели, вероятно, помнят, что в первой части «Знак Зевса» речь идёт о македонском царе Филиппе II, отце Александра Великого. Но тот, кто не успел прочитать первый роман, вполне может начать чтение со второго, поскольку автор выстроил трилогию так, чтобы каждая часть представляла собой отдельное законченное произведение.

Об Александре Македонском написаны сотни художественных книг и научных исследований. Казалось бы, что нового можно ещё нам поведать? Но автор предлагает читателю взглянуть на легендарного полководца, как говорят, «в другом ракурсе». Писателя не столько интересует Александр как наследник царского престола Македонии, сколько вопрос, какие обстоятельства позволили ему проявиться в качестве гегемона Эллады? В чем причина его удивительных военных успехов?

Два неординарных человека повлияли на формирование личности будущего гениального полководца. Один из них — отец, от которого Александр унаследовал любовь к военному искусству и амбиции завоевателя, другой — мудрейший наставник, известный греческий философ Аристотель,

который, помимо научных знаний, привил царевичу живой интерес к эллинской культуре.

В большинстве литературных произведений военные заслуги Александра Македонского, как правило, затмевают деяния отца. Но царь Филипп — фигура, не менее значимая в истории Греции. При его непосредственном участии Греция впервые обозначила себя полноценным национальным государством, а не ассоциацией независимых городов-полисов. Филипп предпочитал решать государственные задачи взвешенной политикой, дипломатией и зрелой мудростью на переговорах, в конечном итоге стремясь к миру в гражданском обществе. Совсем по-другому действовал Александр. Он создавал собственную державу с монархической формой управления силой оружия, беспримерной жестокостью по отношению к народам и даже ближайшему окружению друзей.

Поскольку в представлении большинства читателей македонский царь Филипп остаётся только «отцом Александра Великого», А. Г. Ильяхов исправляет такую «несправедливость». Именно от Филиппа девятнадцатилетний Александр унаследовал реформированную профессиональную армию, что способствовало ему решать любые стратегические задачи. Необузданный характер Филиппа не помешал ему остаться в истории великим полководцем и мудрым государственным деятелем.

* * *

Наставник юного Александра, греческий философ Аристотель, проникший почти во все области человеческого познания, по праву считается выдающейся личностью. Показывая Аристотеля в различных ситуациях: в общении с царём, советниками, академиками-философами или учениками, А. Г. Ильяхов представляет своего героя не вырубленной из мрамора статуей, а живым человеком. Мы видим Аристотеля в научных диспутах и в домашней обстановке, на учебных занятиях и дружеских застольях... С каждой новой страни-

цей яснее представляем себе могучий ум и неординарный, в чем-то противоречивый характер великого мыслителя древности.

Особенно интересны и познавательны в романе «уроки Аристотеля», дающие наглядное представление об образовательном процессе в древнегреческом обществе. Рассматривая возможные кандидатуры на роль учителя и наставника для своего наследника, царь Филипп останавливает выбор на малознакомом пока философскому миру Аристотеле, преподавателе афинской академии Платона, и приглашает в Пеллу в самый сложный период противостояния между Македонией и Афинами. Аристотель не отказывается от предложения, воспринимая свою будущую работу как возможность реализовать мечту философов-идеалистов — соединить тиранию власти с демократическими ценностями. В конечном итоге ему это не удаётся, но о провале своей идеи Аристотель узнает слишком поздно...

Показывая учебный процесс, принятый в Древней Греции, автор романа ничего не придумывает. Его повествование основано на глубоком знании темы, изучении античных первоисточников и научных трудов. Вместо индивидуальных занятий с царевичем, на чём поначалу настаивал царь Филипп, Аристотель устраивает совместное обучение со сверстниками Александра. По его мнению, так ученики легче воспринимают трудный материал. Всё элементарно: наглядные уроки на природе, свободное обсуждение темы, уважение мнения ученика, каким бы странным оно ни казалось на первый взгляд. Проводя занятия в таком виде, Аристотель предугадал, как пытливый ум подростка обращался к главной цели: к познанию законов развития природы и общества. Словно между строк, А. Г. Ильяхов напоминает современной образовательной науке о существовании античной педагогики, созданной усилиями греческих мыслителей. Оказывается, в учебных методах Аристотеля содержится много интересного и для сегодняшней школы!

Наставник оказался не только мудрым педагогом, но и

старшим другом своего ученика. Шесть лет учебы сформировали характер Александра, отразились на его мировоззрении и отношении к людям. Но главное, «уроки Аристотеля», эллина по крови и демократа по убеждениям, понадобились молодому царю, чтобы окончательно определиться в целях и задачах власти, государственной политики.

Аристотель в романе А. Г. Ильяхова не «положительный герой» в традиционном смысле. Писатель порой рисует его хитрым дипломатом, заботящимся, прежде всего, о своей карьере, славе и признании собственного учения. Иногда он предстает как настоящий националист, пекущийся о главенстве эллинов над остальным миром, где живут варвары, якобы, уготовленные природой для рабства. Философ бывает груб и даже жесток по отношению к оппонентам. Он не щадит даже любимого учителя Платона, который вынужден покинуть его, не стерпев неприкрытого хамства...

В то же время во дворце македонского царя Аристотель — единственный человек, к которому в трудные минуты жизни стремится взрослеющий Александр. Даже обожаемой матери, властолюбивой Олимпиаде, подросток не может открыть сомнений, которыми делится с учителем, как с другом. За искреннюю привязанность Александра, у которого сложились трудные отношения с отцом и матерью, автор романа готов простить Аристотелю не всегда понятные сейчас привычки и особенности характера. Писатель словно говорит нам: «Не Аристотель был жесток: жестоким было время...»

* * *

То же самое можно сказать и о царе Филиппе, истинном сыне своего бурного, не всегда разумного века. После победы при Херонее пьяный Филипп, словно варвар, бесстыдно обнажившись, пирует и пляшет среди тел поверженных врагов. Его поведение вызывает резкое осуждение юного наследника, воспитанного по нравственным канонам античной литературы. Но Аристотель, которому Александр изливает душу, терпеливо объясняет, что осудить человека очень лег-

ко, гораздо трудней его понять, даже если он родной отец.

Царь Филипп, как и в первой книге трилогии, романе «Знак Зевса», обаятелен не только в своих достоинствах, но и пороках. Дело не только в парадоксальной «притягательности зла». Филипп ведет себя так, как требует его собственная неукротимая натура. Будь он другим — получилась бы фальшь, не только историческая, но и прежде всего художественная.

Описание сражения при Херонее, в котором сошлись в смертельной схватке сводное ополчение греческих городов и македонское войско — большая творческая удача писателя. Документальных свидетельств самого главного в истории Греции события почти не осталось, но автор проявил себя настоящим баталистом, описав битву так, словно сам был её прямым свидетелем и даже участником.

Образ Александра показан в развитии: мальчик, подросток, юноша. В начале повествования он ничем не приметен, кроме безудержной заносчивости. Но, по мере взросления, с каждым новым «уроком Аристотеля» мужает его характер, крепнет тело... Царевич помнит о своем великом предназначении, во имя которого готов переносить любые испытания: есть грубую пищу, ходить босиком по камням, даже терпеть жестокие наказания розгами. Какая радость засветилась в глазах Александра, когда в присутствии отца ему удалось укротить горячего дикого жеребца, ставшего для него потом боевым другом Букефалом! Подросток старается вести себя так, чтобы в будущем стать великим полководцем, достойным преемником отца:

— Когда стану царём, я пройду по всем землям, чтобы меня узнали все народы мира. Я хочу увидеть край Ойкумены*.

Но молодой задор, романтическое отношение к жизни, беззаветная любовь к близким людям — всё рушится, когда Александр узнает об ужасном предательстве отца...

Отвергнув законную супругу Олимпиаду, мать Александра, Филипп женится на юной Клеопатре, годящейся ему в

дочери. Для Александра ситуация усложняется тем, что отец готов объявить наследником младенца-сына, родившегося в браке с Клеопатрой. Семейный конфликт переворачивает всё в сознании Александра, заставляет его «досрочно повзрослеть». Душевные муки, буря ненависти, клоочущие в юношеской груди, находят выход в безрассудных выходках Александра на свадьбе Филиппа и Клеопатры, что вызывает ответную агрессию со стороны царя и его гостей. Происходит ужасная ссора, грозящая Александру не только отречением от наследования, но и реальной смертью. В этих обстоятельствах Александр уже не мальчик, а мужчина, воин. И даже вынужденное примирение с царём не может вернуть его в прежнее состояние безоблачного детства, любви и безграничного доверия к отцу.

Неожиданное убийство царя Филиппа телохранителем Павсанием в финале романа само по себе могло бы лечь в основу отдельного произведения, настолько оно непонятно, запутано и таинственно. Но писатель сознательно уходит от соблазна «развлечь» читателей детективной историей. Не в этом идейный замысел романа. Смерть Филиппа показана предельно кратко: под ударом меча царь «дернулся телом», «медленно осел». Александр успел перехватить последний взгляд отца, исполненный удивления и ужаса...

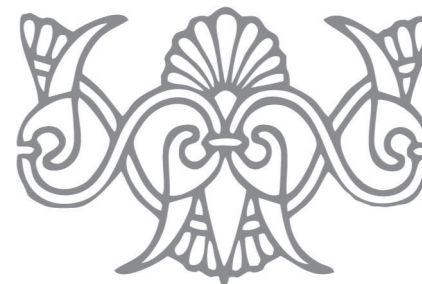
* * *

Роман Анатолия Гавриловича Ильяхова — не развлекательное чтение, а добротный, объемный художественно-популярный труд, дающий читателю полезную пищу для ума. Элементы беллетристики оживляют серьезное историческое повествование, а некоторая велеречивость стиля вполне оправдана: ведь писатель показал нам великую цивилизацию, сокрытую в глубине тысячелетий.

Особенность истории человеческого общества состоит в том, что, чем дальше прошлое уходит от нас, тем сильнее оно романтизируется в нашем сознании, становится возвышено-приподнятым. Энергетика романа А. Г. Ильяхова «Уро-

ки Аристотеля» невольно передаётся читателям, заряжая их стремлением хоть на время вырваться из повседневных будней ради того, чтобы познать и полюбить давно ушедший, но безгранично интересный неведомый мир, имя которому — Античность.

Людмила Бирюк,
член Союза писателей России



ОТ АВТОРА

Прежде чем погрузиться в события, произошедшие в Греции вслед за рождением Александра (356 г. до н.э.), напомним эпизод из последней главы предыдущего романа «Знак Зевса»:

...Филипп с младенцем на руках вышел на середину дворцового перистилья*. Подняв голову, стал всматриваться в сумрачное небо, сплошь закрытое облаками. Рядом с царём неожиданно появился Нектанаб, царский астролог и гадалец — раньше он не допускал такую вольность. Странно, но Филипп не удивился его появлению:

- Что видишь на небе, царь? — услышал он.
- Я вижу облака, халдей.
- Смотри лучше — под облаками кружит птица.

Филипп повертел головой, внимательно всмотрелся в небо:

- Теперь вижу.
- Это орёл.
- Да, я хорошо вижу орла. Но почему он один?
- Орёл в стае не летает, — голос халдея звучал негромко, но убедительно.

— Тогда ответь мне, халдей, почему орёл всё время кружит над дворцом?

— Орёл — любимец Зевса, его посланник. Он так ведёт себя, потому что подает знак.

— Как я могу узнать послание бога? Ты можешь сказать, халдей?

— Зевс даёт тебе знать, что видит малыша, которого ты держишь на руках, радуется ему.

— Ты уверен в том, что говоришь от имени бога, халдей?

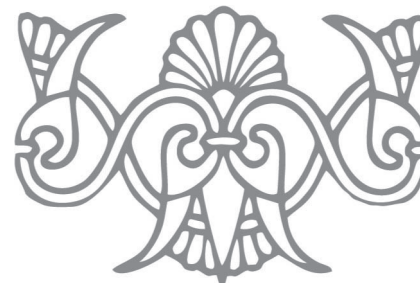
— Верь мне, царь. Зевс сообщает свою волю через меня, потому что я его верный слуга. Сейчас Зевс послал орла, чтобы сказать, что не оставит без своего божественного покровительства ребёнка, которого ты держишь на руках. Он любит его, как сына своего. Он заложил в него силу и отвагу льва, царя зверей, поэтому Александр будет способен справиться с любым врагом. В нём бьётся сердце орла, царя птиц — как орёл способен летать высоко и далеко, преследуя добычу, так и от Александра не спрячется ни один враг. Как никто из смертных не может смотреть на солнце — ослепнет, так никто не может видеть Зевса, потому что в нём сияние солнца. Только орлу дозволено смотреть на Зевса, потому что он сидит на его скипетре, держа в когтях молнию.

Филипп посмотрел на ребёнка и поднял его над головой. Громко крикнул, так, что, казалось, его услышала вся Пелла:

— Зевс! Дай знак, чтобы я поверил!

Все, кто был в перистиле, придворные и слуги, замерли в смятенном ожидании, пристально всматриваясь в хмурое небо...

Казалось, прошла вечность... Нождаданно облака над дворцом распахнулись, открываая кусочек иссиня-чистого неба. Оттуда на землю обрушился ливень ослепительно ярких солнечных лучей. От такого чуда люди невольно прикрыли глаза и даже пригнулись от страха. А Филипп посмотрел на ребёнка и увидел, что он улыбался и, не мигая, смотрел на Солнце...



СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.	
ПОЛДЕНЬ НА ЛЕСБОСЕ	
Двое в пещере.....	
Письмо из Македонии	
Глава 2.	
КОМУ БЫТЬ НАСТАВНИКОМ	
Выбор царя Филиппа: Феопомп, Исократ, Аристотель	
Глава 3.	
НЕЗВАННОЕ ПОСОЛЬСТВО	
Царевич Александр	
Персы в Пелле.....	
Глава 4.	
ИЗГНАНИЕ АРИСТОТЕЛЯ	
Дом в Стагирах.....	
В академии Платона.....	
Дерзкий новичок	
Погружение в философию.....	
Цена истины	
Прекрасная жизнь в Троаде	
Гермий: тиран и философ	
Глава 5.	
ПРОЩАНИЕ С ЛЕСБОСОМ	
Сборы в дорогу.....	
Итоги Митилены.....	

Глава 6.	
НЕИЗВЕСТНАЯ МАКЕДОНИЯ	
Неожиданный диспут.....	
Встреча с дельфинами	
Такая она, Пелла!	
Глава 7.	
ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР	
Филипп — отец Александра.....	
Наследник престола	
Философское застолье	
Глава 8.	
ФИЛИПП II, ЦАРЬ МАКЕДОНСКИЙ	
Великий реформатор	
Ради пользы и величия	
Глава 9.	
ЦАРИЦА ОЛИМПИАДА	
Мать наследника	
Супружеская жизнь	
Змей в постели	
Соперницы: Фила. Евридика. Никесиполида. Филина. Меда.....	
Глава 10.	
ДЕТСТВО АЛЕКСАНДРА	
Послушный малыш	
Пора учебная.....	
Розги для царевича.....	
Первое было слово	
Дар богини Алфито	
Музыка мира и войны	
Царский путь в математике	
Полезное воину искусство	
Лисимах, Филиск и другие.....	

Глава 11.

УРОКИ АРИСТОТЕЛЯ.....

Обустройство мегарона

Учебные будни.....

Гимн рабству.....

Занятия для ума.....

Знакомство с Ойкуменой.....

Библиотека Ашшурбанипала

Глава 12.

ГОРОД ЗЕВСА

Кони Посейдона

Состязания квадриг.....

Укрощение Букефала.....

Глава 13.

САДЫ МИДАСА.....

Опасный конфликт

Переезд в Миэзу

Философия медицины.....

Друзья или товарищи?

Становление характера

Глава 14.

СТРАСТИ ПО ГЕГЕМОНИИ

Воспоминания об Эпире

Призыв амфикинии.....

Защитник Аполлона

Власть силы.....

Византий и Филипп.....

Глава 15.

ВЗРОСЛЕНИЕ ЦАРЕВИЧА

Уроки власти

Гомер, женщины и войны.....

Глава 16.

ЦАРСКАЯ ОХОТА.....

Визит царя.....

Ночная трапеза.....

Загадочная Скифия.....

Испытание страхом.....

Глава 17.

ПРОЩАЙ, МИЭЗА!.....

Предчувствие расставания

Тайные знания

Наставления в смелости.....

Убедил — уже победил

Воспитание тела

Конец учёбы

Глава 18.

МАКЕДОНЯНЕ В СКИФИИ.....

Мать и сын.....

Проверка на прочность.....

Противостояние скифам.....

Отец и сын.....

Глава 19.

НА ГРАНИ ВОЙНЫ И МИРА

Гений Демосфена

Надежда Исократы

Глава 20.

ХЕРОНЕЯ — КРОВАВАЯ РАНА ГРЕЦИИ

Перед грозой.....

Начало схватки

Встреча в Стагирах.....

Рука судьбы.....

Победителю достаётся всё.....

Глава 21.

ФИЛИПП ВЕЛИКОДУШНЫЙ

Возраст эфеба

Письма Аристотеля

Посланник Великой Македонии

Искушение женщиной

Мир во имя войны

Глава 22.

СВАДЬБА РАЗДОРА

Разлад в царской семье

Бегство в Эпир

Ссора отца и сына

Напутствие Аристотеля

Глава 23.

ПОХОД ГРЯДЁТ

Эллада и Персия: противостояние

Новый наследник

Глава 24.

ОРАКУЛ АПОЛЛОНА

Примирение

Посещение Дельф

Глас Зевса

Жертвенный бык

Вещий сон Александра

Приложение

АРИСТОТЕЛЬ (384-322 до н.э.). Краткие биографические сведения.

Глава первая

ПОЛДЕНЬ НА ЛЕСБОСЕ

ДВОЕ В ПЕЩЕРЕ

Полдень. Над Лесбосом нависла бездна ослепительно голубого неба с пылающим глазом Гелиоса. Расплавленная жарой сапфировая гладь Эгейского моря замерла в бесполезном ожидании хотя бы легчайшего дуновения ветерка.

Лесбос — третий по величине остров Греции. Он имеет две глубокие бухты, где торговые корабли находят приют после дальних странствий. Среди скал и холмов повсюду разбросаны хлебные поля, оливковые рощи, пасутся стада овец. Дубовые и сосновые леса подступают к солёным лагунам, кишасшим шумными птицами. В живительных водах термальных источников оставляют недуги люди и всякое зверьё. Над всем этим благодатным краем горделиво возвышается вершина горы Олимбос*, где живут бессмертные боги.

На восточной стороне острова раскинулась Митилена — самый крупный и влиятельный город на Лесбосе; черепичные крыши выглядывают среди густой зеленой растительности. Перед главными городскими воротами роща серебристых олив стойко переживает знойное время; деревья спускаются уступами до самого берега моря.

Столетия назад первые поселенцы в этом месте высадили саженцы олив, привезённые с собой как память о родине. Деревья прижились не все, но с тех пор безропотно несут тяготы безжалостного времени и сезонных невзгод. У них толстые узловатые стволы, уродливые ветви, а у некоторых порушенные молниями верхушки — метки гневающегося Зевса...

Путешественника, паломника или бродячего философа-софиста, зарабатывающего себе на жизнь страстными речами на агоре*, привлекает мелодичный звон родника в роще, истекающего из-под большого замшелого валуна. Испив освежающей влаги и насладившись божественным покоем под сенью олив, прохожий люд отправляется дальше по своим делам, славя Гермеса. В честь этого покровителя странников и бродяг на ближайшем дорожном перекрестье стоит четырёхгранный столб с возбуждённым фаллосом*, Герма, завершённый кучерявой головой бога.

В глубине рощи возвышается скала с подтёками цвета ржавого железа. В ней природная выемка — пещерка или грот, куда ведёт извилистая тропа. Внутри грота полусумрак и прохладно. Если сюда забредёт путник, он найдёт благодатный приют и в зной, и в непогоду. Отсюда неплохо просматривается безмятежное море, мерцающее в мареве солнечными бликами. Блаженная тишина нарушается сухим стрекотанием неунывающих кузнечиков...

* * *

В гроте находились два человека. Они удобно расположились на земле, выстланной сухой травой. Эти люди пришли сюда до полудня, с ними был ещё слуга, который принёс с собой съестные припасы, выложил всё на рогожку и ушёл. Прохладный воздух наполнился аппетитными запахами, навевшими желание немедленно утолить голод.

Было отчего взволноваться желудкам! Варёная голова козлёнка, вспоенного молоком, его же ребра, ноги и вырезки, сдобренные восхитительным соусом из сильфии*. Жареная на углях свинина, источающая жирный сок; нежный

костный мозг и сладчайшая смесь полусырых кишок барашков. Груды горячих вяхирей* и куропаток, да горка мягких ароматных лепёшек. Пучки возбуждающей аппетит зелени, и чеснок, без которого истинному греку не прожить ни дня. Был ещё в двух горшочках *трогалий* — десерт, приготовленный искусным поваром из золотистого меда, мягкого сыра и творога. Вдобавок к ним ячменные пирожки с соблазнительной корочкой, изжаренные на оливковом масле и в свином жиру, и ещё кунжутные пирожные. Для закуски после вина яблоки с желто-красными боками, миндальные орешки. Боги на Олимпе завидовали такому обычному для эллинов застолью на природе!

Пора признаться, что к застолью в гроте были причастны Аристотель и Феофраст, первый, в прошлом, преподаватель афинской академии Платона, а второй — его ученик, тоже в прошлом, теперь их связывали крепкие дружеские отношения. Обнаружили они грот недавно и решили, что будут посещать его, когда вздумается провести досуг. Место действительно замечательное — удаленность от городской суеты, покой священной рощи, вид на море!

Для истинного эллина понятие идеального досуга представлялось не праздным отдыхом с безмятежным послеобеденным сном или бесцельным созерцанием природы, а полезными для сердца и души занятиями: посещение театра, участие в религиозных шествиях и городских торжествах или наблюдение в качестве зрителей за состязаниями поэтов, музыкантов и ораторов. К этому нужно добавить занятия атлетикой и охота на зверя, но только та, что случается ради развлечения, а не для пропитания. Но самым захватывающим и любимым видом досуга представлялась пирушка в кругу друзей — *симпосий*. Это могло быть застолье участников, близких по духу или роду деятельности, когда застольники получают удовольствие не от употребления изысканных блюд (хотя им тоже оказывается достойное внимание), а в результате обмена философскими речами, когда есть результат от разумных бесед и споров. На симпозиис каждый

высказывает свою точку зрения — на окружающий мир, природу и политику, и никто его не остановит, не осудит, наоборот, одобрит такое поведение. Не зря мудрец Фалес* сказал: «Человек разумный идет на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а чтобы и пошутить, и поговорить серьезно, и поспорить»...

Аристотель, сорокалетний сухопарый мужчина, не отличавшийся высоким ростом; у него удлинённое лицо слегка болезненного вида — он с детства страдал коликами в желудке. Волосы негустые, мягкие и слегка волнистые, рыжевато-оттенка; зачесанные вперед с затылка, они умело скрывали наметившиеся залысины. Прямой нос с тонкими ноздрями, выступающие вперед скулы и тщательно ухоженные усы с укороченной бородой до висков намекали на несносный характер их владельца. Образ педантичного «сухаря» дополнял большой выпуклый лоб с глубокими продольными морщинами и ещё тонкие суховатые губы с морщинками вокруг рта. Впалые серые глаза со свисающими веками, маленькие и подвижные, обычно смотрели исподлобья и оттого казались колючими. При этом в облике Аристотеля угадывался природный аристократизм, непримиримый с возможными в жизни неудобствами.

Его собеседник Феофраст имел склонность к полноте, на что указывало округлое мясистое лицо и лёгкий румянец; на первый взгляд, он казался сонливым. Это состояние подтверждалось слегка сощуренными глазами под светлыми, словно обгорелыми бровями — верный признак честолюбия. Большая голова, широкий гладкий лоб. Густая борода с вьющимися волосами, характерная деталь внешности эллина, росла у Феофраста широко и свободно, она не только украшала, указывала на скрытую силу воли, напористость и абсолютную уверенность в себе.

Философы были одеты в *эксомиды*, легкие туники — правая рука и плечо свободны, что давало возможность оживлённо жестикулировать. Ухоженный вид обоих, обилие дорогих перстней указывали на то, что собеседники принадлежат

к состоятельной категории общества. Они расположились в гроте в непринужденных позах лицом к морю, трапезничали и разговаривали на близкие по духу и содержанию темы...

Аристотель:

— Я всё более утверждаюсь во мнении, дорогой Феофраст, что человек — часть окружающей природы. По этой причине ему полезно знать её законы: из чего она состоит, на чём держится. Природа ничего не делает напрасно, а заблаговременно и точно. Из семени каждого существа возникает то, что природой задумано: из одного — олива, из другого — человек или зверь.

Феофраст:

— Слушая тебя, Аристо, я начинаю верить, что и клопы задуманы природой для своего дела? — говоря это, он близоруко щурился, собирая у глаз мелкие морщинки.

Аристотель:

— Конечно, природа усматривает пользу клопов в том, что они не дают человеку спать лишнего.

Феофраст:

— В таком случае, если продолжить твою мысль, мыши грызут зерно в амбарах тоже не зря?

Аристотель:

— Мыши заставляют человека заботиться о лучшем сохранении плодов своего труда. И кошка существует не для того, чтобы только пожирать мышей, и мыши не для того, чтобы их пожирала кошки; у всех есть своё первоначальное предназначение — занимать своё место в природе. По этой причине хвост у павлина — природа любит красоту и радуется пестроте.

Феофраст:

— Аристо, друг мой, не заметишь ли ты странность в том, что имеется схожесть обезьяны и человека? Для чего природе было создавать одно и другое? Не лучше бы что-либо одно из двух?

Аристотель:

— Я уверен, Феофраст, что обезьяны — промежуточное

звено, ступень между человеком и другими живородящими животными. Посмотри на ягодицы того и другого — природа сотворила их для отдыха; четвероногие, стоя, не чувствуют усталости, но человеку, как и обезьяне, надобно иметь подобие сидения. Хотя, чтобы окончательно убедиться в своих выводах, мне необходимо найти анатомические различия между животными и человеком. Меня давно это интересует.

Аристотель говорил негромким голосом, убедительно. Феофраст иногда в качестве возражений высоко поднимал брови; при этом его большие уши комично шевелились. Общепринятая этика симпозиа не позволяла перебивать собеседника, пока не завершится диалог.

Аристотель:

— Жизнь есть общее благо и для человека, и для растений, и для животного. Более всего подвержены сходству с человеком, конечно, животные, у большинства из них существуют признаки душевных состояний, которые проявляются более отчетливо. Податливость или злобность, храбрость или трусость, боязливость или спокойствие, прямота или коварство — все сходные черты с человеком. Думаю, что я нашёл закон соответствия личности животного и человека.

Феофраст:

— Пока такой вывод вызывает у меня удивление, Аристо.

Аристотель:

— Пусть не покажется тебе странным сравнение человека с животными. Ты присмотришься к поведению людей, большинство из которых, словно дикие звери, убивают себе подобных, но не для поедания их, а ради выгоды и славы, что, на мой взгляд, равноценно поеданию. Есть люди-тигры, свирепые нравом, жестокие повадками; другие похожи на сытых львов, благодущные на вид, хотя на самом деле не менее кровожадные. Люди-медведи, настырные, грубые и алчные, похожие на волков, безжалостны к добыче или слабому сопернику. Человек, избравший ремеслом хитрость и обман, похож на лукавого лиса. А тот, кто с коварно равнодушной личиной подстерегает жертву, разве не безжалостный кро-

кодил? Люди-обезьяны ловкие в обхождении и остроумные на виду сильного правителя, но проказливые и зловредные в отношении слабых сородичей. А люди, не помнящие родства, как злобные собаки ради обглоданной кости или для потехи хозяина загрызают насмерть даже сородичей.

Аристотель увлекся и задел рукой кувшин, стоявший на земле. Из горлышка вылилось вино, цветом схожее с кровью, оно продолжало толчками проливаться на землю. Феофраст подхватил посудину.



Аристотель:

— Добавим к этому великолепному человеческому зверинцу птичье царство. В нём сороки, которые только прикидываются ручными, а сами дожидаются момента, чтобы украсть у доброго хозяина что-либо ценное и сбежать. Беззащитные днём совы ночью становятся жестокими хищниками. А сколько среди людей находятся таких, кто жалят, как

злобные осы и шмели? Змеи, мухи, клопы и блохи, омерзительные жабы — все несносные существа, разве на людей они не похожи? И есть люди, похожие на домовитых пчёл, что кружат день-деньской по цветущим лугам, чтобы прокормить родоначальницу-матку и малых деток, а заодно ленивых трутней. С такой же уверенностью я говорю о муравьях, невероятных тружениках, предусмотрительных и бережливых, не знающих нужды.

Аристотель перевёл дух и, обнаружив свою чашу пустой, налил до краёв. Принюхался, нервно шевеля тонкими ноздрями.

— Слуга знал, какое вино я особо ценю. Оно из Фасоса, необычайно приятное на вкус. Мне рассказали секрет, как его делают. Кладут в кувшин с вином пшеничное тесто, замешанное на меду. От такой приправы вино приобретает особый аромат и умеренную сладость.

Аристотель отхлебнул, едва касаясь губами края чаши, зачмокал от удовольствия. Допив до конца, откусил дольку чеснока и начал жевать, думая о своём. Феофраст знал, что его собеседник ещё не всё сказал, терпеливо ожидал, налегая на куропатку, смачно обгладывая тонкие косточки.

Аристотель:

— Ещё есть люди, схожие повадками с беспечными стрекозами или трусливыми зайцами. Люди-свиньи блаженствуют в грязи, а другие, как подсадные утки, предают собственных друзей, третьи похожи на грифов или воронов, кормящихся от падали... А как схожи воины-наёмники на мотыльков, которые бездумно летят на пламя светильника, не ведая, что скоро им предстоит мучиться в предсмертных судорогах!

Аристотель потянулся к яблоку и стал с хрустом вгрызаться в сочную мякоть, словно это был для него поиск истины. Феофраст — он сидел ближе к выходу — что-то заметил на горизонте, где смыкалось море с небом.

— Будет ветер, — неожиданно произнёс он.

Аристотель оторвался от своего занятия:

— Почему ты так решил? Не вижу причин — море спокойно, небо чистое.

— Чайки высоко — верный признак. К тому же, когда мы пришли сюда, небо выглядело чистым, ясным. А недавно появилось пятнышко на небе, сейчас оно больше. Неужели не видишь, Аристо?

Аристотель хмыкнул:

— Тебя насторожила та маленькая тучка? — он показал вдаль.

— Скоро эта самая тучка станет большой. Ветер усилится и пригонит сюда уже тучу с дождём, которая прекратит наш симпозиум.

Аристотель, напрягая длинную шею, выглянул наружу.

— Следуя твоим словам, мой друг, это малое может закрыть большое — небо? — он сморщил лоб, добавив несколько морщин и, слегка искажая произношение некоторых слов (Аристотель картавил с рождения), произнес со значением:

— Что ж, могу с тобой согласиться, — он повернулся к Феофрасту. — Ты заметил, что наша тучка движется с севера? — Не дожидаясь ответа, продолжил: — Я угадываю истинную цель её передвижения по небу — это захват всего пространства. Тебе не кажется, Феофраст, что именно так Македония ведёт себя по отношению к Греции?

Довольный собой Аристотель посмотрел на собеседника, ожидая реакции на неординарный философский приём. Феофраст неожиданно возмутился:

— Аристо, как можешь ты спокойно рассуждать о таких серьёзных вещах, как устремления Филиппа, царя этих варваров? Он случайный человек на македонском престоле. А если Македония надумает ссориться с Афинами, Филиппу не поздоровится. Никому ещё не удавалось одолеть союз греческих городов.

— Успокойся, друг, — лицо Аристотеля посерьёзнело, голос обрёл жесткость. — Я так не думаю. Послушай. Филипп захватил и разрушил мой родной город Стагиры. Теперь его обживают македонские переселенцы. Но есть причины, по

которым в моём сердце не зреет ненависть к Филиппу, и даже я восхищаюсь им, — Аристотель перехватил удивленный взгляд друга. — Да, восхищаюсь не им, а его достоинствами.

При этих словах припухшие от природы глаза Феофраста расширились: он не мог понять. Аристотель пояснил:

— Я посоветовал бы нашим заносчивым грекам уважать этого дикого, как часто о нём говорят, македонского царя. Последние его успехи во Фракии говорят о том, что рядом с Грецией появляется личность, которая сможет своей волей вконец прекратить войны греков против греков. Мне представляется, что именно Филипп способен объединить греческие полисы в государство эллинов, сделать его сильным, чтобы навсегда покончить с персидской угрозой. Персия — вот настоящая беда Греции, а не Македония. — Взор Аристотеля загорелся внутренней силой, голос зазвенел. — Против такой силы, как Греция и Македония, не осмелится выступить ни один варвар. Если мы, греки, сумеем разглядеть в Филиппе не врага, а объединителя Греции, Элладу ожидает великое будущее.

Феофраст, не имея аргументов, не стал возражать, но плечами пожал, на всякий случай...

* * *

День клонился к завершению. Трапеза шла своим чередом; большая часть принесённых яств и вина была употреблена с удовольствием и пользой для желудков, без помех для разговоров. Уединение философов нарушил молодой раб, крепыш с курчавой шевелюрой. Капли пота на улыбчивом лице выразительно показывали, что он спешил с важной вестью.

— Хозяин! — обратился он к Феофрасту. — Пришёл человек, говорит, что он из Македонии, хочет видеть Аристотеля из Стагиры!

— О, боги, — воскликнул Феофраст, глядя на сотрапезника, — не успел ты упомянуть македонян, как они уже в Митилене!

Аристотель выразил удивление, передёрнув плечами:

— Кто из моих знакомых македонян может знать, что я на Лесбосе?

Он встал и засобиравшись, деланно причитая:

— Не представляю, кому я понадобился? Нет! Ничего не придумаю. Остаётся одно — поспешать, чтобы увидеть человека, прервавшего нашу приятную беседу.

ПИСЬМО ИЗ МАКЕДОНИИ

На подходе к дому Феофраста, где год назад поселился Аристотель с женой Пифиадой и маленькой дочерью, друзья увидели человека в традиционном македонском одеянии. На нём была туникообразная рубаша с вышитой каймой, широкие штаны с поясом из ткани зеленого цвета и *крепиды* — низкие сапоги из сыромятной кожи с загнутыми носами. Он сидел за столом на открытой веранде и, пользуясь гостеприимством Пифиады, угощался фруктами из большого деревянного блюда. Аристотель не увидел в нём своего знакомого. Услышав шаги, македонянин повернул голову в их сторону, поднялся и замер в ожидании. Когда Аристотель и Феофраст взошли на веранду, он произнёс, всем видом и голосом подчёркивая глубокое уважение:

— Я вижу перед собой знаменитого ученика Платона? — он смотрел на Аристотеля.

Аристотель вежливо кивнул головой.

— Если хотите, это я. Сознаюсь, удивлён, что меня кто-то обнаружил на этом благословенном острове, притом что даже близким я не давал знать о последнем своём местопребывании. Тем более кому-либо в Македонии.

Говоря это, философ старался придать голосу шутливые интонации:

— Так что раскрывайтесь, незнакомый мне человек, расскажите, что привело вас ко мне и, заодно, как угоразди-

ло отыскать меня столь далеко от Македонии? — философ улыбнулся. — Видите, сколько сразу вопросов я задал. Не обижайтесь, на это есть причины: я пухну от голода на добрых гостей и, вернее, на хорошие новости из Греции. Но, извините, не ожидаю получить их из Македонии.

Судя по недрогнувшему лицу гостя, он не обиделся.

— Я всего-навсего торговец пшеницей, не слуга Гермеса, вестника богов, — отшутился незнакомец. — Но весть я принёс, правда, не ведаю, добрая ли.

Он вытащил из-за пазухи тряпицу, откуда извлёк круглую тубу*, в какой обычно содержатся папирусы, оплетенную красной шёлковой нитью с печатью.

— Письмо моего царя Филиппа.

Он помолчал мгновение, видимо, подчёркивая важность поручения к нему, затем продолжил:

— У меня дела на Лесбосе, но я отложил встречи, чтобы найти вас в Митилене. А сделать это было несложно — в Митилене многие знают академика Стагирита.

С этими словами он передал тубу философу.

— Свои дела я закончу через десять дней. Если позволите, я зайду за ответом. Мой царь так мне и сказал: «Без письма Стагирита не возвращайся!» — македонянин извинительно улыбнулся. — Что мне прикажете делать?

Аристотель, сохраняя на лице невозмутимость, согласился:

— Зайдите, коли царь просил. Я напишу ему.

Торговец вздохнул с облегчением и распрощался с благодарностью богам, которые помогли ему исполнить задание царя Филиппа.

Под вопрошающим взглядом жены и Феофраста Аристотель с тубой в руке неторопливо спустился с веранды и направился в сад. Поселившись в доме друга, он с первых дней в нём обнаружил беседку, заросшую плющом настолько, что она стала похожей на застывший зелёный водопад. В этом уютном углу сада подолгу пребывал в раздумьях, говорил

сам себе вслух или исписывал папирусные листы, или чертил на песке понятные только ему символы. Сейчас, пристроившись удобно на каменной скамье, вынул из тубы письмо.

Феофраст не пошёл сразу за другом, но не вытерпел, приблизился к беседке. Остановился поодаль, ожидая, что скажет Аристотель. По его лицу понял, что произошло нечто важное. Аристотель протянул письмо.

— Читай.

— Филипп пишет тебе. Разве будет удобно?

Аристотель покачал головой.

— Какие у меня могут быть тайны от своего друга? Читай. Я хочу знать твоё мнение после того, как решу, как поступить.

Заинтригованный Феофраст развернул папирус, стал читать вслух:

«Филипп, царь Македонии — Аристотелю Стагириту: Хайре!

Филипп приветствует тебя, желает здоровья и благополучия и всем членам твоей семьи!

Ты знаешь, что у меня есть сын и наследник Александр, подросток. Ему нужен учитель и наставник. Твой тесть Гермий, правитель Троады, и мой друг, узнав о том, сообщил в письме о тебе. Это было до его мучительной смерти. Он говорил, что ты обладаешь большими знаниями в разных науках, имеешь опыт преподавания в афинской академии и особенно владеешь практикой мудрого наставничества любознательных юношей. А мне как раз нужен такой человек для моего сына, потомка древних царей Арголиды и Геракла. Мне будет спокойно, если рядом с Александром до его совершеннолетия будет такой мудрый наставник, как ты, Аристотель. Если при твоём участии он овладеет науками, полезными эллину, а твои наставления позволят познать искусство управления государством, я уверен, что ты дашь моему сыну правильное воспитание и образование, достойные эллинских царей.

Если согласишься, я жду в Пелле. Сообщи, как скоро соберёшься. И будь здоров!».

Феофраст, выжидательно приподняв белесые брови, посмотрел на Аристотеля.

— Какое решение примешь, Аристо?

Аристотель резко встал со скамьи, вышел из беседки и нервно зашагал по шуршащей гравийной дорожке. На ходу коротко бросил:

— Поеду!

— Зачем тебе нужен сын тирана? — изумился Феофраст. — Это безумие, согласиться на приглашение царя варваров, дня не думая!

У Феофраста заблестели глаза от возмущения или крайнего удивления. Он уже кричал в спину Аристотелю:

— Ты учёный, а не нянька царскому наследнику! Зачем тебе испытывать судьбу в такое время, когда вся Греция поднимается против Македонии? Тирания будет разгромлена, и тогда неизвестно, какие испытания ждут тебя. Подумай, ты рискуешь не только репутацией учёного, но и собственной головой, жизнью. Твои друзья и я не перенесут твоего осуждения Грецией. Одумайся, Аристо! Разве тебе плохо в Митилене рядом со мной?

Аристотель остановился, повернулся к Феофрасту, обнял и привлёк к груди.

— Друг мой верный, славный. Мне рядом с тобой чудесно живется, легко работается. Если бы не твое приглашение год назад, я не представляю, как и где жил бы после гибели Гермия, когда персы угрожали мне смертью. Я благодарен, друг мой Феофраст, что позвал к себе, в твоём доме я с семьёй ощущаю понимание и поддержку.

Аристотель отстранился от Феофраста и заглянул в глаза.

— Ты мой друг, значит, поймёшь, почему я не могу отказать от предложения Филиппа. В положении беглеца от дурных событий, преследующих меня в последнее время, служба при македонском дворе станет для меня значитель-

ным событием, — он сделал паузу. — Если назвать наставничество службой.

Аристотель перевёл дух; по белым пятнам, выступившим на лице, было заметно, что философ взволнован. Феофраст давно не видел его таким.

— Я соглашусь наставлять сына Филиппа вовсе не из-за вознаграждения, хотя в моём положении деньги не будут лишними. Я вижу в предложении македонского царя добрый для себя знак. К тому же занятия с наследником царя дадут мне определенную свободу действий и, надеюсь, повод для новых направлений в научной работе.

Аристотель понизил голос, словно приглашал Феофраста в заговорщики:

— Это судьба. Ты помнишь, зачем Платон, рискуя жизнью, трижды посещал двор сиракузских тиранов Дионисия Старшего и его сына, Дионисия Младшего? Он убеждал их, насколько выгодно построение справедливого государства во главе с мудрым правителем, не приносящим соотечественникам разочарований. Увы, тираны оказались неподатливым для философии материалом.

Аристотель уже почти кричал, размахивая руками:

— Оба тирана успели сформироваться как чудовище, поэтому Платон не смог реализовать замечательную идею, а сам едва не погиб. А в Пелле я смогу начать с детской души, чистой добрым помыслам. У меня получится, и тем отдам свой долг великому Платону.

Феофраст осознал, что Аристотель говорил о том, в чём был абсолютно убеждён:

— Волею судеб у меня появляется возможность воспитать сына царя, будущего правителя, с добродетельными качествами, о которых стоит только мечтать. Я буду рядом каждый день, чтобы посеять в его юной светлой душе семена добра и уважения к народу. Он узнает от меня, что власть над свободными людьми прекрасней, чем господство над рабами. Со мной вместе он построит царство, где будет счастлив сам и его народ. Я покажу всей Греции, каким может

быть идеальный с точки зрения философии правитель.

Феофраст надумал что-то спросить у друга, но Аристотеля уже было трудно остановить:

— Пока власть и философия не сольются воедино, до тех пор государствам не избавиться от несчастий и зол. Я воспитаю сына царя, варвара по крови, эллином по духу, и тогда Греция забудет об угрозах от Македонии. Вот для чего я отправляюсь в Македонию!

— Аристо, а твои исследования, научные труды? Что будет с ними? На Лесбосе у тебя всё ладится! Или мое присутствие рядом с тобой стало в тягость?

В голосе Феофраста просквозила грусть. Аристотель улыбнулся:

— Феофраст, друг мой! Благодаря тебе мне очень хорошо чувствуется на Лесбосе. Но я нужен сыну Филиппа, понимаю, ради могущества Греции, — Аристотель хитро прищурил глаз. — А чтобы мы не переживали друг за друга, предлагаю поехать вместе. Ты будешь учить наследника наукам, в чём силен, мне в помощь, и не отделишься от своих научных занятий, найдя для себя нужные темы. Если согласен, таким будет моё условие в ответе Филиппу.

Феофраст сразу не мог сообразить, что отвечать. Предложение было неожиданным, но показалось интересным, заманчивым. Он нерешительно произнёс:

— Позволь мне подумать. Поговорю с семьёй. Завтра скажу. Они крепко обнялись и сразу направились в дом.

Неожиданно в воздухе запахло прохладой. Только что жаркий диск солнца на глазах стал покрываться облачной пеленой. Светлый день неестественно быстро угасал, уступая натиску неизвестно откуда взявшейся тёмной туче. Туча становилась огромной и безобразной, пока окончательно не закрыла собой небо. Вместе с Митиленой во мрак погрузился весь Лесбос... Дружно всполохнули ослепительно яркие молнии, раздались раскаты грома. Кто наблюдал это природное чудо, подумал, что во мрак погрузилась вся Греция...

Глава вторая

КОМУ БЫТЬ НАСТАВНИКОМ

ВЫБОР ЦАРЯ ФИЛИППА

После недолго завтрака Филипп поспешил в кабинет, в котором любил уединяться, когда неразрешённые дела слишком наваливались на него. Если во дворце знали, что царь работает в кабинете, никто не осмеливался тревожить его без нужды: ни слуги, ни супруга Олимпиада, ни даже ближайшие советники. Лишь секретарь Элний, облечённый особым доверием за двадцатилетнюю службу, робко царапался в дверь, когда понимал, что деваться некуда...

Обычно Элний доставлял сюда донесения военачальников и тайных агентов — последних содержалось немало Филиппом в греческих городах, во Фракии и даже в Персии. Царь проводил здесь время в раздумьях, диктовал секретарю распоряжения, но особо важные послания отписывал лично, сообразно хитросплетениям собственной политики в отношениях с друзьями и противниками. Бывало, во время отдыха царь доставал из заветного сундука дорогие сердцу папирусы, перечитывая труды мудрецов, среди которых выделял Пифагора. С чем не был согласен Филипп, так это что после смерти душа человека переселяется в животных, например, в осла или хорька. Столь мерзкое предположение

философа не вязалось с представлениями Филиппа о царской родословной.

* * *

Кабинет достался Филиппу от царя Пердикки, старшего брата, который неожиданно погиб в сражении с иллирийцами вместе с войском в четыре тысячи воинов. Ужасная трагедия! Заняв престол, Филипп наказал Иллирию, а после затеял перепланировку помещения и ремонт. Идея обновления захватила его, и он, несмотря на занятость, лично принялся за подборку материалов, следил за качеством исполнения работ. Опытный в подобных делах советник Антипатр был недоволен тем, что ему, как и эконому* Хейрисофосу, царь не доверил отделку своего кабинета. Филипп оставался непреклонным, сам довёл работы до завершения, и теперь на тихой стороне дворца у него есть чудесное место для досуга.

Кабинет радовал взгляд и душу царя. Высокие потолки с дубовыми балками, окрашенными в яркий синий цвет. Каменные стены обшиты досками из светлого ореха. Полы из кипарисовой доски, что обычно применяется в храмах, в жаркую пору издают свежий аромат. Филипп настоял на этой породе дерева, так как знал, что кипарисовый запах не переносят древоточцы и моль. Помимо того, от кипариса великая польза здоровью, и настроение заметно повышается. Правда, доски обошлись недёшево, так как делали по заказу на Кипре*.

Посередине комнаты установили крепкий стол на ногах-колоннах, с дубовой столешницей. Рядом массивное кресло, *тронос*, у стены низкая софа и два сундука с крышками, украшенными изящной резьбой. В них хранились папирусы — библиотека Филиппа, пополам с личной перепиской. На стене напротив входа висел короткий меч, *акинак*, с золочёной рукояткой — подарок царя скифов Аттала.

* * *

Царь до вечера не выходил из кабинета, вызывая недо-

умение или даже легкий переполох у придворных. Он затих, словно его там не было вовсе. Не требовал к себе Элния или Антипатра. Вчера царь Филипп вернулся из Диона*, где происходил сбор войска для похода на Херронес Фракийский*. Обычно он немедленно созывал военачальников и советников, до ночи держал совет, а по завершении имел обыкновение оставлять близких ему людей на ужин. Засиживались до утра по причине того, что в разгар застолья появлялись музыканты, это были авлетриды*, и тогда уже разгульное веселье было не удержать.

В Дионе Филипп находился почти месяц, жил в лагере с воинами, а когда вернулся, никого к себе не позвал. Такое редко случалось, но это ещё означало, что он был занят очень важным делом. На этот раз царь выбирал наставника для сына Александра...

ФЕОПОМП

Первый, кто рассматривался из кандидатов, был Феопомп из Хиоса, автор исторических сочинений. Вдова царя Карики Мавсола*Артемисия приглашала Феопомпа в Галикарнас на мероприятия, посвящённые похоронам супруга, где в состязании на лучшую надгробную речь он одержал победу над знаменитым оратором Феодектом из Фаселиды. Артемисия отметила Феопомпа ценной наградой, после чего он вернулся на Хиос, где появился его восторженный отчёт о роскошных похоронах. Писатель проявил свой талант, чтобы подробно описать великолепную усыпальницу, назвав её «новым чудом света». Он с особым удовлетворением отметил, что в погребальном костре сгорело сто необычайно ценных кипарисовых деревьев, который наблюдали несколько тысяч карийцев, пришедших на поминальное пиршество. И что удивило греков, Феопомп сообщил, как Артемисия, пожелав воссоединиться с супругом, выпила воду, смешанную с его пеплом.

После получения таких сведений у царя Филиппа не осталось сомнений, что Феопомп неплохой сочинитель. Поэтому, узнав о желании писателя продолжить «Историю» Фукидида*, пригласил его в Пеллу, но с намерением использовать в своих интересах. Царь давно хотел, чтобы кто-то из греческих историков написал бы о Македонии и заодно о нём, Филиппе. Если Феопомп справится с поручением, быть ему наставником Александра! К тому же он неплохо владел *риторикой*, и если это искусство сумеет передать Александру, наследник получит большое преимущество в дипломатии.

Филипп вспоминал, что получилось из его затеи. Полгода назад Феопомп стал гостем царя, встречался с ним, когда хотел, беседовал на любые темы, принимал участие в застольях с близким окружением царя. Познавал Македонию, нравы и обычаи её жителей. Писателю ни в чём не отказывали, он жил во дворце, получил доступ к семейному архиву македонских царей. А когда собрал достаточный материал для новой книги, отбыл из Македонии.

Феопомп не обманул ожидания царя. В труде «История Греции» написал целый раздел о Македонии и, как желал Филипп, изобразил его выдающимся из всех македонских царей. Но сделал это тоже с выдающимся сарказмом! Например, будто на каждый царский пир расходуется двадцать или тридцать талантов*, а иногда гораздо больше; на эти цели каждый город обложен как бы податью. Или такое: царь Филипп со своими приближёнными бездумно тратит казну, ненасытен в стремлении к роскоши, с одинаковой легкостью отбирает добро у одних и раздаёт другим, своим друзьям, *гетайрам*. А все гетайры — это устремившиеся к нему со всех концов земли мерзавцы, грубияны и наглецы, и подбирали он их по этим признакам. Да и окажись там человек иного склада, в водовороте македонской жизни он быстро бы уподобился остальным и перенял их привычки! Все приближённые царя, якобы, ведут непристойную жизнь на войне и походах, мирное время не только пробуждает в них наглость, но и доводит до распутства, почти разбойничьего...

И хотя многое из того, что изобразил Феопомп в долгожданном разделе о македонянах, было правдой (кто не грешен из нынешних правителей?), Филиппу не могло понравиться. Особенно те эпизоды, когда, если верить писателю, он представлялся шутком, каждый день был пьян и превыше всего на свете ставил то, что этому способствует; он и плясал, и пускался в разгул и любое буйство... Не мог себе представить греческий историк, что Филипп совершал эти свои действия по движению души, осознанно, поскольку таким образом он привлек к своей особе гораздо больше сторонников из стана противников, нежели если бы он делал это подкупам, угрозами или военной силой.

К чести Филиппа, любой царь на его месте сильно бы возмутился, а он порадовался — говорил об этом событии у себя в Македонии и сообщал грекам о своём восхищении писателем при каждом удобном случае. Пусть Греция знает, что имеет дело с добропорядочным правителем! Феопомп прав, говоря о недостатках царя, — чего сердиться? Но только не знал писатель, что Филипп затаил обиду по другому случаю: не принял обвинения по поводу гетайров. Своих друзей царь считал людьми храбрыми, с благопристойным поведением. Да, он позволял состязаться перед ним во всем дурном и мерзком, любил и хвалил тех, кто жил привольно и тешился пьянством и игрою. Но разве такой образ жизни называют гнусным? Обычное дело для каждого воина!

А что писатель нашёл дурного в том, что некоторые из приближённых царя брили и выщипывали на себе волосы, и каждый из них таскал с собой двух-трех красавцев юношей, и сами были готовы отдаться другим? Он назвал их блудливыми злодеями и продажными женщинами, развратными гетерами*. Не мог понять историк, хотя долго общался с царём, что Филипп уверенно царствует и покоряет греческие города только с людьми, которые трезвости предпочитают пьянство, а вместо порядка довольны грабежами и убийствами. Клятвопреступления и мошенничество полагают

высшими добродетелями, а говорить правду и жить в согласии считают ниже своего достоинства.

Но в любом случае, пусть греки читают «Историю» Феопомпа, всё, что написал о царе Филиппе, и думают, как себя вести по отношению ко всему этому — потешаться или всё же бояться? Об этом тоже думал Филипп в своём кабинете в тот день. В результате, на кандидатуре Феопомпа в качестве наставника для сына не остановился.

ИСОКРАТ

Следующим был Исократ, сочинитель речей и яркая фигура среди афинских политиков. Он с радостью согласится приехать в Пеллу. Филиппу докладывали, что, несмотря на свою популярность, в Афинах Исократ чувствует себя не очень уютно и даже боится за свою жизнь. Ведь он чуть ли не единственный из граждан, кто публично осудил решение народного собрания по поводу смертного приговора Сократу. А после тридцать дней соблюдал траур, вызывая гневные возмущения — остриг волосы, носил черные одежды и не посещал пиры. Но для Филиппа главным в поведении Исократ было другое.

Прежде оратор призывал Афины вместе со всеми греческими городами противостоять возвышению Македонии. Когда же македоняне завладели Олинфом и другими афинскими колониями на Халкидском полуострове, разорили Фокиду*, тон речей Исократ изменился. Неожиданно для всех он увидел в действиях молодого македонского царя нечто рациональное для эллинов — возможное объединение независимых греческих городов-полисов в борьбе против Персии, исконного врага Эллады. Исократ предположил, что если возрождающуюся Македонию принять в эллинский союз, тогда Филипп его реальный лидер. Только он способен объединить эллинов, направить воинственный пыл не на междоусобицы, а на враждебных персов. Филипп получил

письмо от Исократ, вызвавшее одновременно улыбку и гордость:

«Если ты настоящий потомок Геракла, сделай всё это, и все будут обязаны тебе величайшей благодарностью: греки — за те благодеяния, которые ты им окажешь, а македоняне — за то, что ты будешь над ними законным государем, а не самодержцем. Весь же остальной род человеческий за то, что ты освободишь эллинов от варварского деспотизма, после чего всех людей осчастливишь эллинской культурой».

Тогда Филипп не ответил Исократу, и после ещё молчал, а этот чудаки долго ещё выражал в письмах свои чувства к нему, давал советы к объединению с Грецией и в этом смысле всё время призывал к решительным действиям. В одном из таких посланий он опять напомнил о своей идее, предположил, что, если Филипп откажется, из-за междоусобиц греческие города неизбежно постигнет катастрофа. Греция погибнет прежде от дурных ораторов и демагогов, затем от доносчиков-*сикофантов* и бродячих элементов. «Филипп, береги свою жизнь, столь необходимую для славы Эллады», — чуть ли не умолял Исократ. А в это же самое время его земляк, оратор Демосфен люто ненавидел македонского царя, призывая граждан греческих городов воевать с Македонией, но под предводительством Афин.

Предельной настойчивостью и необычными для афинянина искренними признаниями в любви Исократ понравился Филиппу. Царь, думая о наставнике, однажды сел за письмо, где изложил своё предложение в отношении Александра. Закончить письмо ему что-то помешало, а потом он и вовсе одумался. Появились сомнения. Во-первых, отец Исократ, оказывается, был мастеровым человеком, ремесленником — изготовителем флейт. Само по себе занятие непочтительное, но, увы, пригодное разве что рабу или вольноотпущеннику! Чему может научить царского наследника выходец из простого народа? К тому же Исократ чрезмерно увлекается сочинением воззваний к народам и царям — не только к Филиппу, не

понимая, почему отмахиваются от его настырных поучений. Думается, Исократ слишком чистоплотен, думая о политике, он учит не только красноречию молодых людей, стремящихся занять важные посты в государственном управлении, но ещё добродетели, иначе, морали в политике. Насмешил! Разве политика совместима с добродетелью и моралью?

Пусть Исократ продолжает восхищать красноречием афинян и основное — призывает греков не воевать с Македонией, верить в дружбу с Филиппом. А золотых монет для честного оратора, как и прочим друзьям царя в Афинах, жалеть он не будет.

* * *

В списке претендентов на роль наставника был ещё Спевсипп, ученик Платона. Филипп, по молодости, пересылал философу несколько своих сочинений с просьбой оценить. Тогда и состоялось заочное знакомство. Не так давно царь написал ему, пригласил погостить, чтобы познакомиться поближе, но Спевсипп вежливо отказался, сославшись на занятость в Академии. Взамен себя неожиданно предложил своего ученика Евфрая. Как позже выяснилось, хотел от него избавиться. Филипп радушно принял гостя, но скоро заметил, что молодой человек более преуспел в интригах, нежели в философии. Евфрай быстро освоился при дворе, вначале втёрся в доверие постаревшему царскому советнику Хабрию, потом потихоньку отодвинул его от Филиппа. То же самое попытался повторить с Антипатром, занять место первого советника, но царь остановил его. Убедившись, что Евфрай не подходит на роль учителя, Филипп продолжил поиск.

АРИСТОТЕЛЬ

Первоначально об Аристотеле царь узнал случайно от Евфрая, когда тот в обычной своей манере сплетничал об

учениках Платона. Из всего потока не всегда достойных сведений об Аристотеле Филипп узнал главное, что это самый неглупый из преподавателей Академии. Но у него масса отвратительных физических качеств и непокладистый характер.

— Что касается Аристотеля, — говорил царю Евфрай, — не скрою, его любят слушатели академии, есть такие, кто превозносят его выше самого Платона. Но лично меня поражает его самоуверенность. Откуда он знает, чем заняты рыбы, и как они спят, как и где проводят время? А чего стоят утверждения, будто моллюски-трубачи, да и вообще все панцирные не знают спаривания, и что багрянки и трубачи — долгожители? Откуда ему знать, что самый продолжительный акт совокупления из всех живых существ у гадюки, или что от вшей порождаются гниды, и что есть червь, который превращается в гусеницу, а она сворачивается в кокон, из кокона же выходит бабочка?

Царь видел, как мясистое лицо Евфрая при этом взмокло, когда он это говорил. Глаза философа, казалось, извергали пламя ненависти, искреннего негодования.

— Вот ещё пример. Аристотель пишет, что люди хуже пчел, потому что пчелы соблюдают равенство, не меняют привычек и, никем не обучаемые, всегда копят добро. Но откуда он это взял, я спрашиваю? Он что, к ним в улей залезал и подсмотрел, что люди хуже и полны сомнением, как пчелы медом? А в трактате «О долгожительстве» пишет, что видел муху, прожившую шесть или семь лет. С чего он так решил? Совы и ночные вороны, говорит, не могут видеть днем, они вылетают на охоту в темноте, но не на всю ночь, а с вечера, и глаза у них не одинаковые — у одних серые, у других черные, у третьих голубые. В то же время, заявляет он, что у людей глаза бывают самые разные, и от этого зависит характер человека. Еще он знает, как происходит спаривание у мягкокожих, панцирных, хрящевых и насекомых, у дельфина и некоторых рыб. В одном из трудов написал, что существуют животные, имеющие руки, как у человека,

но не люди, только кажущие быть таковыми — это обезьяны. И есть животные, имеющие суставы, — это человек, осел, бык; другие их лишены — змеи, устрицы, прочие моллюски. Всё, царь, я устал перечислять измышления сына лекаря из Стагир.

— Он сын лекаря?

— Наверное. Я слышал, что после смерти отца Аристотель промотал наследство, служил наёмником, а затем, не добившись успеха, занялся торговлей снадобьями. Но и там ничем не отличился, отчего родственники прогнали его. Так он оказался в Афинах и пришел к Платону. Тот записал его в свои ученики, а когда Аристотель, будучи не без способностей, развил в себе склонность к умозрению, стал оскорблять учителя недоверием к его учению. Тем и стал известен среди философов.

— Выходит, Аристотель в Афинах известная личность? — задумчиво произнёс Филипп.

Имя Аристотеля неожиданно всплыло у него, когда получил письмо правителя Трояды* Гермия. Трояда, где основное население состояло из греческих переселенцев древних корней, находилась под протекторатом Персии, поэтому Гермий мечтал о самостоятельности, которую обещал царь Македонии. Для успешной войны с персами Филипп подыскивал удобный плацдарм, откуда можно выдвинуться к владениям персидских царей. А Трояда по своему географическому положению идеально подходила для создания опорного пункта македонских войск. Между правителями завязалась тайная переписка, где они называли друг друга друзьями. В одном из писем Гермий написал: «Ты ищешь наставника сыну. Возьми Аристотеля Стагирита, не пожалеешь. Он лучший ученик Платона, он его очень ценил. Аристотель сейчас у меня, с моего разрешения занимается реформированием государственного устройства Трояды. Женат на моей племяннице, есть дочь».

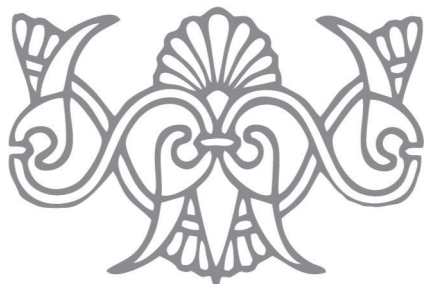
Это письмо Филипп получил больше года назад. Переписка внезапно оборвалась, а потом в Пеллу пришла дурная

весть. По доносу, Гермия заподозрили в измене персидскому царю и предали мученической смерти. Аристотель спешно покинул Трояду и поселился на Лесбосе. Но самое удивительное для Филиппа оказалось то, что память вернула ему картины детства! Он вспомнил, что лекарем у царя Аминты, его отца, долгое время служил Никомах, а у него был сын... Аристотель. Возрастом они были почти ровесниками — сын лекаря немного старше, — поэтому они общались в совместных детских играх. После смерти царя Аминты македонский престол занял Пердикка, старший брат Филиппа, он отправил его, двенадцатилетнего подростка, заложником в Фивы на шесть лет. Никомах с семьёй вернулся в Стагиры, откуда уже после его смерти Аристотель перебрался в Афины ради учёбы в академии Платона.

После небольших раздумий у Филиппа не оставалось сомнений: философ и преподаватель самого престижного учебного заведения, обладавший обширными научными знаниями, как никто другой, подходил Александру в роли наставника царского наследника. А всякие прочие обстоятельства, вроде того, что Аристотель приверженец демократических прав и свобод граждан, не так важно. В чём был убеждён царь Филипп, что Аристотель, опытный в общении с юношами из аристократических семей, окажется способным вытравить из Александра, на сегодняшний момент дерзкого мальчишки, его природное варварское начало, сделать эллином.

Царь был уверен, что Аристотель согласится, хотя бы потому, что остался без покровительства Гермия. На Лесбосе у друга Феофраста пребывать долго тоже проблематично. Возвращаться в Афины — некуда, в Академии его не ждут, да и желания у Аристотеля, видимо, не было. Родного дома у Аристотеля нет в Стагирах. Получается, ему прямая дорога в Пеллу, где Филипп окажет ему должное уважение, назначит хорошее содержание. Семнадцать талантов на год — не шутка, где ещё такое вознаграждение он получит! Пусть греки знают, как богат македонский царь и как щедр он ради наук для сына...

Филипп любит Александра, он напоминает его самого в таком же возрасте. Как брыкливому жеребёнку, ему необходимо срочно подобрать надёжную узду. Как раз этим займётся Аристотель, отвлекая Александра непосильной учёбой от всяческих проявлений необузданного характера. Рядом с мудрым наставником, каким представляется Аристотель, от мальчика уйдёт излишняя подростковая чувствительность и возбудимость, позволяющая ему совершать поступки, многие из которых граничат с безрассудством. Взвесив ещё раз свой выбор на весах сомнений, Филипп вынул из тубы сверток тонкого египетского папируса, чтобы лично написать Аристотелю письмо.



Глава третья

НЕЗВАННОЕ ПОСОЛЬСТВО

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР

Отослав гонца с письмом к Аристотелю, Филипп неожиданно вспомнил, как Александр, когда ему было семь лет, принимал персидское посольство...

В тот год Филипп решил, что пора заняться Олинфом, богатым греческим поселением на юге Халкидики. За три столетия существования на фракийской земле Олинф превратился в важный центр Халкидского союза греческих городов. Приобретение важного в географическом отношении, выгодного в экономическом смысле города означало для Македонии в этом регионе осуществление стратегического контроля над морскими и сухопутными торговыми путями могущественных Афин. Оставалось только решить, в каком виде может произойти присоединение Олинфа — войной или мирным договором.

Сначала Филипп убедил олинфян в том, что Македония ищет союзника, чтобы сообща противостоять проiscaм Афин. Олинфяне, которых это устраивало, поверили и заключили с ним договор о дружбе и военной помощи, скреплённый клятвами именем Зевса. Но олинфяне не догадывались, что македонский царь слово своё держал, если это ему было выгодно. А подобные мирные договоры служили

ему отсрочкой, временем для подготовки к очередному этапу непрерывной череды войн с врагами Македонии. И на этот раз Филипп легко заключил с Олинфом нужный для него договор, чтобы, выжидая удобный случай, не соблюдать его. Вероломство являлось частью сложного характера царя Филиппа!

Таких «дружественных» договоров у македонского царя было немало. Ему удалось убедить Фивы, непримиримого врага Афин в борьбе за раздел сфер влияния в Греции, заключить с Македонией военный союз. И хотя фивяне не воспринимали Македонию всерьёз как добросовестного союзника, в противостоянии с Афинами этот шаг усилил позиции Филиппа. Пользуясь таким мощным прикрытием, как Фивы, царь привел македонское войско на Пелопоннес, где одержал несколько блистательных побед над фокидянами, занял Фессалию. Отсюда он намеревался пройти в Центральную Грецию, в Аттику, откуда было удобно угрожать Афинам. Оставалось преодолеть Фермопилы, узкую щель в непроходимых горах — две колесницы не разминутся. Место знаменитое тем, что полсотни лет назад здесь произошла самая драматичная битва спартанцев царя Леонида с персидской армией.

Филипп давно стремился попасть в Фермопилы ещё по одной причине. Это была земля его предков. В роду македонских царей сохранилась легенда, что в давние времена на Пелопоннесе правил царь Аргос. По его имени страна называется Аргонида, отсюда отправились в поисках новых земель трое братьев из рода Аргоса: Гаван, Аероп и Пердикка. Нашли они своё царство на севере Греции в горных областях, позднее ставшими частями Македонии.

С Фермопилами связано имя главного греческого героя Геракла, древнего предка царя Аргоса, а значит, царя Филиппа. Здесь, у подножья Эты, из стволов священного белого тополя был сложен погребальный костёр, на котором умирающий от коварного яда Геракл приказал возложить своё тело. После того как поленья прогорели, из скалы

забили горячие источники: по этому природному обстоятельству ущелье называли «Горячие Ворота» («Термо Пил», или Фермопилы).

Афиняне разгадали маневр Филиппа. Они успели перекрыть «Горячие Ворота» небольшим отрядом, и этого оказалось достаточно. Не желая тратить время на невыгодное для себя сражение, сберегая силы, Филипп повернул войско и скорым маршем отправился... к Олинфу. Он на ходу поменял планы, и вместо встречи с афинским войском решил захватить «дружественный» македонянам город, оставшийся по его вине без поддержки прежнего союзника, афинян. Соблазн приобрести беззащитный город почти даром был велик. Узнав о маневрах Филиппа не в их пользу, олинфяне срочно отослали в Афины депутацию, которая униженно просила снисхождение к ним и военную помощь.

В этой ситуации, когда воевать Македонии с Афинами было нежелательно, Филипп замер в ожидании...

* * *

Перед выходом войска Филипп послал слугу за сыном, чтобы сказать на прощание строгое отеческое слово. Сияющего Александра привёл воспитатель Леонид. Отец раскрыл сыну объятия, чувствуя грудью родное тепло, оттаивающее заскорузлую от тяжких забот душу. Пощекотал ребёнка бородой, вызывая счастливый смех. Такие встречи стали событием для семилетнего ребёнка.

Не отпуская отца, Александр тронул его лицо, заглядывая в уставшие после ночной трапезы глаза, спросил:

- Ты уходишь на войну?
- Ухожу.
- С кем будешь воевать?
- С Олинфом, мой мальчик.
- Когда победишь Олинф, ты больше не пойдёшь на войну?
- Пойду и буду воевать с Византием* или Мегарами*.
- А когда их победишь, останешься дома?

— Нет, дома сидеть не придётся. Будет война с Афинами.
— А когда победишь Афины, войны больше не будет?
— О, Александр, для Македонии враги никогда не переводятся. Одолеешь одного, нужно воевать с другим. Даже друзья станут врагами, как только заметят нашу слабость. Если мы хотим, чтобы Македония была сильной, нужно всё время воевать и побеждать врагов.

— А кто самый большой враг для Македонии? — не успокаивался Александр.

Отец не сразу нашёлся, подумал, прежде чем ответить:

— Сын мой, я вижу, ты становишься взрослым, если задаёшь такие вопросы. Меня радует, что у меня подрастает помощник. На твой вопрос ответ такой: для македонян и греков самый большой враг — Персия. Персы во все времена покушались на наши земли, приходили, чтобы делать эллинов рабами. Кто не соглашался, тех убивали, города разоряли и разрушали. В недавнем прошлом все греческие города приняли условия персидских царей, отказались только Афины и Спарта. Глаза Александра округлились, он сжал кулаки.

— Что было дальше, отец?

— А дальше в Грецию пришла персидская армия, настолько большая, что после неё земля не давала урожая три года. Персы захватили Афины, осквернили греческие святыни. Собравшись с силами, афиняне разбили персов у Марафона, потопили их корабли у Саламина. Персы ушли, но с тех пор не могут смириться со своим поражением. Вот почему, пока существует Персия, есть угроза для всей Эллады, частью которой является наша маленькая, но сильная Македония.

Александр доверчиво прижался к отцовскому плечу, не желая его отпускать. Внезапно глаза мальчика загорелись, голос зазвенел:

— Отец, если ты не победишь Персию, это сделаю я, когда вырасту.

Филипп потрепал широкой ладонью сына по голове и мягко отстранился.

— Тебе пора!

Потом замешкался, видно, что-то придумал. Скрывая улыбку в усах, сказал Александру:

— Воспитатель жалуется, что ты не слушаешь его. Вот что, Александр, договариваемся мы с тобой так: я буду хорошо воевать, а ты — хорошо себя вести. На время моего отсутствия будешь здесь главным, но при условии — слушать учителей, воспитателя Леонида и моего советника Антипатра.

От осознания важного решения Александр сдвинул светлые брови и сжал губы, глаза округлились. С серьёзным выражением лица он произнёс, словно кляту:

— Отец, ты не волнуйся! Я тебя не подведу!

Филипп поцеловал Александра в лоб и подтолкнул к выходу, где его ожидал Леонид.

ПЕРСЫ В ПЕЛЛЕ

Через три дня в Пелле неожиданно объявились чужеземные гости, пять посланников персидского царя. Они сильно удивились, когда узнали, что царя нет на месте. Ведь он извещён месяц назад особым гонцом из Персии. Советник Антипатр, встречавший персов, развёл руками — ничего не знаю, ничего не слышал, догадываясь, что Филипп не зря уклонился от нежелательной встречи. Чего хорошего ожидать македонянам от Персии?

В *гинекей* — на женскую половину дворца, где Александр находился с матерью, новость принесла няня Ланика:

— Ой, сколько важных персов я сейчас видела! У всех одежды роскошные, разноцветные, расшитые золотом. Оружие блестит — глаза слепит, а драгоценностей на каждом столько, сколько женщина не наденет. Будто не люди, а павлины! — она рассмеялась. — И кони у них тоже все в дорогих накидках!

Александр играл с Караном, внучатым племянником Ланики, в «кружочек»: ударом своей серебряной монеты нужно

было перевернуть другую монету, — кто отберёт больше у противника. Услышав, о чём говорит няня, он бросил монеты на пол; глаза его округлились, выражая неподдельное любопытство. Царевич подошёл к Ланике и решительно заявил:

— Я хочу увидеть персов.

Олимпиада легонько приобняла сына и с улыбкой принялась успокаивать:

— Александр, милый, персы приехали к твоему отцу по важному делу. Им нужен только царь.

— Отца нет в Пелле, — Александр взъерошился, будто драчливый воробышек, в голосе зазвучало упрямство. — Он сказал мне, чтобы я был царём, пока он отсутствует. Пусть персы мне скажут, чего хотят!

Олимпиада впервые услышала от сына такие «взрослые» слова, причём, сказанные вполне серьёзно. Она переглянулась с Ланикой. Няня всплеснула руками и незаметно вышла, поспешив к Антипатру. В Македонии все знали, что только он является самым главным человеком после Филиппа. Царица Олимпиада, как мать наследника, имела влияние во дворце, но по македонским законам к политике отношения не имела.

Тем временем персидское посольство разместили по жилым помещениям во дворце. Нашлось место слугам, коням и обозным животным. Хейрисофосу пришлось похлопотать, чтобы приезжие были довольны, выслушивал просьбы, обещал исполнение и прислушивался, о чём говорят между собой — с их языком он познакомился в молодости, когда занимался перепродажей коней. Бывал он и в Персии. Оказалось, послы находились в растерянности, не знали как поступить — царя-то не было! Ожидать? Неизвестно, сколько на это уйдёт дней. Возвращаться домой — могут не поверить, что так получилось.

В разгар сомнений у персов неожиданно появился Элний. Он представился секретарём Филиппа.

— Уважаемые гости, — с загадочным видом произнёс он, — вы знаете, что у нашего царя есть сын Александр. Ему семь лет. Царь любит сына, объявил его наследником.

Элний замялся, подбирая слова, и произнёс:

— Так вот, царевич пожелал познакомиться с вами, хочет расспросить о вашей прекрасной стране. Он мальчик любознательный, ему всё интересно.

Теперь Элний заговорил увереннее:

— Если вы не возражаете, Александр примет вас завтра. Но мы просим не принимать всерьёз его детский каприз, если хотите, посчитайте игрой. Обещаю, ваше участие не останется без благодарности со стороны царя Филиппа.

Персы понимали, что такой «приём» не решит их проблему, с чем они прибыли в Пеллу, но после колебаний согласились. Им показалось забавным подыграть сыну македонского царя в затее. Будет о чём рассказывать по возвращении в Персию.

В назначенное время массивные дубовые двери мегарона* распахнулись, и в просторный зал, где царь Филипп обычно принимал официальные делегации, вошли пятеро персидских посланников — один за другим, согласно дипломатическому рангу: бронзовые лица, мелко завитые бороды, красные от хны, расшитые золотом яркие кафтаны с широкими складками на рукавах. Одежду дополняли узорчатые пояса с затейливыми застёжками. Под кафтанами надеты цветные шёлковые рубахи, расширенные книзу и украшенные вышивкой, тесьмой или кантом. Рубахи отдельно подпоясаны широкими шарфами. У всех на ногах невысокие кожаные сапоги с вышивками.

Предводитель посольства выделялся одеждой, изобиловавшей драгоценностями, на груди вышитое золотом изображение сокола. На голове *митра* в виде усеченного конуса с плоским верхом, расшитая золотыми пластинками с драгоценными камнями. Из-под митры свисали длинные, мелко завитые рыжие волосы парика. Выглядел он излишне полным, округлым лицом с плоским носом и прищуренными глазами казалось сонным; маленькие ушки, мясистая в складках шея и накладная рыжая борода дополняли живописный портрет главного перса.

Послы увидели наследника македонского царя. Белокурого светлоглазого мальчика в красном гиматии* поверх белого хитона. Он едва дотягивался ногами до скамейки, подставленной у основания трона, сидел в напряжённой позе, выпрямив спину — так, он представлял себе, сидят цари, принимающие важных гостей. Раньше ему представлялся случай находиться в зале приёмов рядом с отцом, поэтому он старался не показывать волнение, хотя розовеющие пятна на бледных щеках всё же выдавали его.

Вдоль стен толпились царские придворные, кто оказался «под рукой» у Антипатра — он приказал всем быть на необычном «спектакле». Хотя члены посольства старательно прятали ухмылки, подбадривая друг друга взглядами для участия в царской забаве, у них сложилось впечатление, будто сейчас и впрямь начнётся официальный приём.

Персы вежливо раскланялись в сторону царевича, почти до полу; главный посол по-гречески произнёс заготовленное приветствие, в то время как Александр, кому всё это было предназначено, разглядывал его с искренним детским любопытством.

Выслушав яркую цветастую речь, непривычную для македонского слуха, царевич ответил, стараясь придать лицу важное выражение, а голосу — необходимую твёрдость.

— Царь Филипп не может принять, его нет в Македонии. В его отсутствие я готов выслушать вас.

Главный перс был готов ко всяким неожиданностям, но услышав речь, определённо, не ребёнка, откровенно растерялся. У него даже взмокнули ладони и спина. Пробормотав по-своему что-то неразборчивое, он лихорадочно соображал, как выпутаться из необычной ситуации. Главное для него было продолжать «игру в царя» с малышом и при этом не наговорить глупостей, которые могут быть двояко расценены той или иной стороной. Чтобы успокоиться, он погладил рукой свою бороду и, важно выставив верхнюю губу, со значением произнёс:

— Александр, достойный сын достойного царя Филиппа!

Дело, с которым мы явились в Пеллу, очень важное как для персов, так и для македонян. Я обязан вручить послание моего царя Артаксеркса в руки царю Филиппу и, если можно будет, привезти ответное письмо. Твоего отца нет, поэтому я не могу исполнить поручение своего царя.

— Уважаемый посол! — последовал ответ царевича. — Ты можешь передать послание царю Филиппу, но когда это произойдёт, никто не знает. Лучше будет, если послание получит его советник, — царевич указал на Антипатра, — а он уже будет решать, как всем поступать дальше. Возможно, и царь вернётся.



Слова семилетнего мальчика повергли в изумление всех, кто присутствовал при разговоре, персов и придворных. Посол растерянно повернул голову в сторону Антипатра, тот незаметно кивнул головой.

— Хорошо, Александр, сын царя Филиппа, — решительно заявил перс, — мы поступим, как ты предлагаешь.

Присутствующие в мегароне облегчённо вздохнули, всем показалось разумным такое решение. И посол был рад возможности хотя бы таким образом разрешить своё непростое дело. Он с подчёркнутым достоинством раскланялся перед

троном, отступил назад и подал знак помощнику. Тот поднес небольшой сундучок красного дерева, откуда перс извлёк свиток с большой красной печатью на шнуре, передал Антипатру.

Подумав, что приём заканчивается, посол дал знак остальным членам своей делегации и начал откланиваться; за ним остальные персы, и все медленно попятись к двери. Среди возникшей тишины раздался звонкий детский голос:

— Пойдите, я вас не отпускаю!

Слова царевича прозвучали так, если бы участники «приёма» слышали гром среди солнечного дня! Лица персов и царских придворных отразили неприкрытые растерянность и удивление. Александр, повернувшись к Антипатру, стоявшему за спиной с непроницаемым лицом, сказал:

— Я хочу знать всё о Персии.

Персы вопросительно посмотрели на советника, не предполагая, чем всё-таки завершится их встреча. Но Антипатр, опытейший придворный Филиппа, тоже не знал, как поступить дальше. И вдруг посол догадался, как продолжить игру и при этом не потерять лицо. Он вернулся на место перед тронном и сотворил на лице приятную улыбку.

— О, Александр, сын царя Филиппа! — начал он, вытирая тряпицей обильный пот со лба. — Я буду счастлив рассказать сыну македонского царя о стране персов. Персидское царство огромно своими размерами: начинается в Египте, а край его в Индии. Не счесть народов, которые нашли покровительство у персидских царей, все благодарны им, с радостью платят дань. Наши цари имеют четыре столицы: проводят зиму в Сузах, лето — в Экбатанах, осенью переезжают в Персеполь, а остальную часть года находятся в Вавилоне. Но жемчужиной в короне персидских царей является Персеполь — чудо-столица с великолепным дворцом, выстроенным царём Дарием двести лет назад.

По довольному лицу перса и торжественности в голосе было заметно, насколько ему приятно сообщать такие сведения юному наследнику царя. От гордости за свою страну

посла распирало. Ещё с большим воодушевлением он продолжал:

— Наш царь Артаксеркс сидит на золотом троне, который находится на помосте из чистого золота, а вокруг помоста четыре золотых столба, украшенные драгоценными сапфирами, изумрудами, и на тех столбах натянут пурпурный шитый навес. Царя окружают телохранители, числом тысяча, лучших, отобранных из десяти тысяч «бессмертных» гвардейцев. В своём дворце царь ходит по самым лучшим рукодельным коврам из Сард, на которые никто не смеет ступать, кроме него. За пределами дворца никто пешком его не видит, он передвигается всегда на колеснице или коне. Когда царь выступает в поход, для него специально набирают воду из протекающей у Суз реки Хоаспа. Эта вода кипятится и разливается по серебряным сосудам, на вкус она необычайно легка и приятна, и с этой-то водой в сосудах сто четырехколесных повозок, запряженных мулами, всегда следуют за царем, если он в походе или путешествует.

Александр слушал, что говорит посол, с недетским вниманием, до конца. Потом решительно заявил:

— Ты так хорошо рассказал, уважаемый, что мне захотелось увидеть, как живет персидский царь. Но сейчас не могу, подожду, когда вырасту и сам стану царём.

Посол подобострастно заулыбался, склонился в поклоне и сказал, облизывая влажные губы:

— О, я уверен, царь Артаксеркс будет рад видеть своим гостем сына царя Филиппа.

Посол опять засобирился, считая, что уже на этот раз ему точно пора уходить. Но Александр опять задержал его:

— Уважаемый, если Персия огромная страна, и в ней живёт столько народов, как же ваш царь управляется с ними?

Посольские персы стали перешёптываться, видимо, сообщая, кому придётся отвечать. Их предводитель не растерялся:

— Наш царь из своей резиденции управляет страной через наместников областей, их называют сатрапами. Сатрапы

собирают налоги и отсылают их в казну. Когда царь объявляет войну врагам Персии, каждый сатрап собирает своё войско и с ним присоединяется к армии царя. Чем больше сатрапий, тем больше армия у царя.

Александр захопал в ладоши, заёрзал на троне.

— Мне нравится, как придумал с сатрапами ваш царь. Но для чего вам ещё воевать, если у вас и так большая страна?

Посол вдруг осознал, что продолжение разговора принимает нежелательную в дипломатии окраску. Он выразительно посмотрел на Антипатра. Тот охотно вмешался:

— Александр, позволь вмешаться в ваш замечательный разговор. Наши персидские друзья устали, и, по законам македонского гостеприимства, мы не можем их больше задерживать. Оставим на завтра остальные разговоры. Я уверен, что так поступил бы твой отец.

Неожиданно Александр заупряился:

— А мне интересно! Я так хочу!

Он капризно топнул ногой по скамейке. Персы смотрели на своего предводителя, а тот раздумывал, как вести себя дальше. Наконец, он натянуто улыбнулся царевичу и произнёс.

— Нет, мы не устали настолько, чтобы прервать нашу приятную беседу с умным собеседником. Я отвечу, мне нетрудно это сделать.

Посол осознавал, что на него неожиданно взвалилась ответственность за каждое своё слово. Если он хоть что-то скажет не так, и этот любознательный мальчик неправильно его поймёт, ему не поздоровится. Донесут Артаксерксу, и ему конец! Перс начал осторожно:

— Персидские цари сами никогда никому войну не объявляют. Только когда какой-то народ попросит защитить от врага. У нашего царя тысяча тысяч пехоты и десять тысяч всадников, причём всадники, все из знатных семей, участвуют в сражениях рядом с царём. Есть у нас повозки с большими смертоносными серпами на колёсах; они косят вражеских воинов, словно траву. Есть ещё боевые слоны, их сотни, они

обучены убивать тех, на кого им укажут. Вот почему персидская армия непобедима. Вот почему чужеземные цари и полководцы с радостью идут служить царю персов, — мясистое лицо посла расплылось в улыбке. — Твой предок Александр, гордое имя которого ты носишь, тоже служил персидскому царю Ксерксу. Все греки боялись Ксеркса, а македонского царя Александра уважали.

Царевич побледнел лицом.

— Неправда! — крикнул он с обидой в голосе и вопрошающе посмотрел на Антипатра; тот отвёл глаза.

— Да, так было, — не уступал перс. — Царь Александр, сын царя Аминты, и царь персов Ксеркс были добрыми друзьями. В то время Македония воевала с Грецией, а Ксеркс помогал ему. Сейчас царь Артаксеркс дружен с твоим отцом, уважает его как отважного воина. Царь Филипп хочет заставить Афины уважать Македонию, и в этом вопросе царь Ксеркс поможет ему. В союзе с Персией твоему отцу покорятся Спарта, Афины и все другие враги.

По глазам царевича, предательски повлажневшим, было заметно, что он расстроился. Соскочив с трона и путаясь в длинной, не по росту парадной одежде, Александр выбежал из мегарона и только за его пределами разрыдался в голос.

Гости и придворные, задержавшиеся в мегароне, неторопливо вышли вслед, притихшие и озабоченные.

* * *

Осада Олинфа продолжалась около года, и всё это время Филипп отсутствовал в Пелле. Персы давно отбыли домой, так и не получив от македонского царя внятного ответа на предложение военного союза. Это было в его манере, испытывать друзей и противников надеждами и обещаниями. Македонии было ни к чему, как предлагал Артаксеркс, предоставлять свою территорию для накопления персидских войск перед броском на Центральную Грецию, к Афинам. Филиппу не нужна была конфронтация с населением греческих городов, с которыми он намеревался договориться

купленным миром и несбыточными обещаниями. Он не спешил, выжидал, чем закончатся события вокруг престола персидских царей. Знал, что в Персеполе давно зрели заговоры членов царственных семей, которые могут привести к смене не только личностей на престоле и, отсюда, настроений в отношении Греции, но и во внешней политике Персии в целом.

Вернувшись в Пеллу, Филипп услышал от Антипатра полный отчёт о действиях сына в его отсутствие. Освободившись от накопившихся срочных дел, царь появился на семейной половине дворца.

— Александр, как ты вырос! — с радостью заметил отец; обнял, поцеловал. — Ну а теперь расскажи, как ты воевал с персами.

Александр, заглядывая ему в глаза, спросил:

— Отец, разве мой предок Александр служил у царя персов? Скажи, что это неправда.

— Мальчик мой, — Филипп сразу посерьёзnel, — ты правильно поступил, что не поверил чужеземцу. Я хорошо знаю персов, они большие интриганы. Поэтому не верь тому, что сказал тот перс. Твой предок Александр не предатель, а герой. Когда на землю Македонии пришла армия Ксеркса, он поступил мудро — сделал вид, что покорился. Если бы он так не сделал, Македония могла погибнуть. Царь Александр согласился стать союзником персов, чтобы в нужный момент принести пользу грекам, с которыми македоняне одной крови. Царь Александр был вынужден с македонским войском выступить против греков, но перешел на их сторону сразу, как представился случай. Узнав секретный план полководца персов Мардония, Александр выдал его грекам. В результате, греки победили, а царь Александр стал участником этой победы.

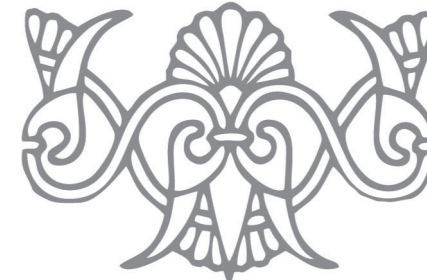
Филипп увидел, как у сына глаза занялись гневом, рука сжала рукоятку деревянного меча, который носил на поясе.

— Я убью персов, которые говорили плохо о царе Александре! — заявил он.

— Я верю, сын мой, придёт твоё время, и ты накажешь

Персию за поругание Эллады. Ты уже доказал, что достоин царского престола. Но я думаю, когда ты вырастешь, в Македонии будет тебе тесно, как статуе Зевса в храме Олимпии.

В этот вечер юный царевич долго ворочался в постели, вспоминая слова отца, ставшие вещими...



Глава четвертая

ИЗГНАНИЕ АРИСТОТЕЛЯ

ДОМ В СТАГИРАХ

Аристотель Стагирит, как его называли греки, родился в 384 году до н.э. в Стагирах, провинциальном городе в живописных горах Халкидики. Укрытые развесистыми шапками вековых дубов и платанов, жилые дома здесь проглядывали сквозь зелень красными черепичными крышами, подступая вплотную к крепостным стенам. Аристотель с детства знал, что его родной город появился на месте древнего поселения греков-колонистов, прибывших когда-то с острова Андрос; аборигены отнеслись к пришельцам враждебно, случались вооруженные стычки, из-за чего поселение вскоре обезлюдело, разрушилось и заросло мелколесьем.

Прошло несколько сотен лет, пока в этих местах снова появились греческие переселенцы с Андроса. На этот раз для жилья они выбрали более удачное место — у подножия двух холмов, которые с одной стороны прикрывали город от вражеских набегов. Другой стороной городские кварталы полого спускались к берегу морского залива, воды которого изумляли всякого, кто впервые видел это, необыкновенной прозрачностью и густым изумрудным цветом. Через залив просматривается крохотный островок Капрос (Кабан), действительно напоминающий очертаниями это животное, а за

Капросом, но уже только в ясную погоду, просматриваются горные хребты Македонии и Фракии.

Аристотель вспоминал Стагиры, когда на Лесбосе начал изучать строение и повадки морских животных, рыб и губок. Как подростком прибегал на берег, когда приставали баркасы, потяжелевшие от даров Посейдона. Усталые бронзотелые рыбаки с хмурыми лицами торговались с перекупщиками, перекрывая хрипыми голосами перекличку голодных чаек. Ударив по рукам и перегрузив улов в большие ивовые корзины, они не спешили домой, оставались у костров, счастливые от сознания, что живы и кое-что заработали на жизнь. Самый проворный из их команды ловко жарил на углях рыбу, креветок и кальмаров, потом рыбаки с аппетитом ели и угощали каждого, кто навещал их ненароком. Они в очередной раз рассказывали друг другу старые истории и всегда смеялись, где нужно было, или печалились. Пили некрепкое сельское вино, закусывая головками лука и *кефалотири* — козьим сыром, слегка расплавленным над огнём. Сыр пузырился, жир капал на раскалённые головешки, шипел и дымно прогорал, вызывая у сотрапезников чувство неукротимого голода. А с насыщением возникало ощущение полной свободы, жизнелюбия...

Аристотель жил в Афинах, когда узнал о захвате и разорении Стагир македонянами. Город находился в приграничной с Македонией территории, вследствие чего он не мог не попасть в зону внимания царя Филиппа. Не спас жителей, ни военный союз с греческими городами на Халкидике, ни собственная отвага. Город не защитили высокие крепостные стены — они не устояли перед чудовищной разрушительной силой стенобитных механизмов. Часть жителей Стагир погибли, оставшиеся в живых были пленены или им удалось бежать. Не прошло и полгода, как на пепелищах появились переселенцы из Горной Македонии.

* * *

Отец Аристотеля рассказывал ему в детстве, что предком их древнейшего рода был бог врачевания Асклепий,

сын Аполлона. У Гомера в «Илиаде» есть упоминание о сыне Асклепия, враче Махаоне, который у стен Трои извлекает стрелу из раны спартанского царя Менелая, выжимает кровь и прикладывает лекарства, чудодейственную силу которого Махаон узнал от отца. Асклепию открыл секрет мудрейший кентавр Хирон. Мужчины рода Асклепия во всех поколениях овладевали искусством врачевания, становились профессиональными врачами. Сыну Никомаха быть врачом сам Асклепий велел!

Никомах служил придворным лекарем у царя Аминты. В Пелле с ним находилась жена и двое детей: несовершеннолетняя дочь Аримнестра и маленький Аристотель. Отец не сомневался в том, что сын тоже займётся врачеванием, поэтому с детства передавал ему свои познания в медицине, нанимал хороших преподавателей для обучения общеобразовательным наукам.

В пятнадцать лет Аристотель остался без отца. Семья вернулась в Стагиры, где старшая сестра Аримнестра удачно вышла замуж за *фармаколопа* Проксена, торговца лекарственными снадобьями. По существующему закону, после смерти главы семьи его вдова и несовершеннолетние дети переходят под опеку мужчины, старшего по возрасту. Проксен становится *агнатом* Аристотеля и его младшего брата*, который успел родиться после него, и заботится о них, как добропорядочный родственник. Взамен Аристотель помогал ему в торговой лавке, прислушиваясь к советам Проксена своим покупателям. В этот период жизни у молодого Аристотеля проявился интерес к познанию природы, особенно, когда Проксен выводил членов семьи за город, где под его наблюдением они заготавливали лекарственное сырьё. Именно тогда у него проявился интерес к сбору редких трав и растений, наблюдению за поведением животных.

От Никомаха Аристотелю остались записи, из которых было ясно, что отец занимался изучением проявлений органической и неорганической природы. Чтение научных трудов

приучило юношу к анализу, послужило обретению навыка к исследовательской работе, проведению опытов и построению научно прогнозируемых догадок относительно законов природы. Подспорьем в домашнем образовании Аристотеля стали медицинские книги отца и редкие рукописи, на приобретение которых Проксен не скупился. Всё складывалось в пользу того, что после получения определенных фармакологических знаний и лечебной практики Аристотель станет профессиональным врачом древнего клана Асклепиадов.

На самом деле знакомство с научными трактатами по различным научно-познавательным направлениям пробудили в нём неутолимое желание познать ещё больше. Например, всеобщие законы развития природы. Естественным образом появилась тяга к «любомудрию», как греки определяли философию, — «учению о бытии и познании», взаимоотношении человека с окружающим живым миром. Аристотель всё меньше интересовался медициной, тратя время на чтение книг и исследование природных явлений. Проксен, как агнат, проявлял недовольство по этому поводу, а сестра Аримнестра сказала мужу:

— У брата есть родинка на темени.

— Почему ты об этом говоришь мне?

— Когда он родился, *акестрис* (повитуха) показала нашей матери родинку и сказала, что такие знаки боги дают своим любимцам. Сказала ещё, что он будет очень умным, но характером — несговорчивым. Всё оттого, что прикоснётся к великому, божественному.

Аримнестра убедила Проксена, чтобы он не препятствовал желанию Аристотеля учиться наукам, которые сам избирает.

По достижении восемнадцати лет — возраста *эфеба* — Аристотель получил свою долю отцовского наследства, имуществом и деньгами, чем до сих пор распоряжался опекун. Как убеждают одни античные авторы, что значительные средства он растратил «в гульбищах», поэтому подался в Афины, где нанялся пехотинцем в городское ополчение.

По другим сведениям, он мирно расстался с семьёй и добродетельным Проксеном, оставив ему на попечение свою имущественную долю с его обещанием помогать Аристотелю во время учёбы.

Так или иначе, восемнадцатилетним юношей Аристотель оставил Стагиры ради того, чтобы оказаться в Афинах, в самой знаменитой академии Платона, ставшей для Греции «рассадником новой философской мысли»...

В АКАДЕМИИ ПЛАТОНА

Академия получила название по имени легендарного Ахедема, участника событий Троянской войны (XIII в. до н.э.) и хозяина земельного участка, на котором появилось самое престижное учебное заведение Греции. Здесь находилась его могила, а высаженная им роща оливковых деревьев стала священной для афинян. В 385 году до н.э. Платон, «старший друг» Сократа, «справедливейшего человека своего времени», на средства друзей и учеников приобрёл заброшенный участок земли. Вскоре на северо-западной окраине города появилась школа, действующая под девизом «Союз мудрецов, служивших Аполлону и музам» — *Мусейон*.

В процессе строительства Мусейона Платон дал указание, чтобы восстановили древние руины усадьбы, возвели новые помещения для учебных занятий, храм и *гимнасий*, где слушатели в перерывах между лекциями могли укреплять тела физическими упражнениями. Вдоль дороги, ведущей из Афин, со временем появились мраморные *стелы* в память мифологических героев и гробницы афинян, прах которых заслуженно покоился в этом престижном месте. На территории академии разместилось святилище Афины-Покровительницы, куда приходили горожане со своими заботами. Между деревьями рощи для досуга учеников проложены аллеи, устроены мраморные беседки и скамьи. По границам академии возвели каменные стены с нишами, где стояли

жертвенники, посвящённые девяти Музам, герою Прометею и богу Эроту. По территории протянули оросительные каналы с родниковой водой, в результате ожил запущенный сад, клумбы обзавелись яркими всепогодными цветами.

В завершение строительства комплекса академии Платон распорядился выбить на верхних камнях главного портала слова: «Негеометр сюда не войдет», что означало его приверженность к учению Пифагора о числах, математике и геометрии. По внутреннему распорядку платоновская академия в самом начале была подобием легендарной пифагорейской школы с её общинным образом жизни: учителя и ученики совместно жили и устраивали трапезы, образ жизни тех и других был близок к аскетизму. Лекции читались не только для учеников академии, послушать приходили и обычные афиняне, для кого важен был поиск истины, кто желал проникнуть в тайны философской науки. Финансовое содержание академии осуществлялось за счёт добровольных взносов слушателей — кто сколько в состоянии был платить.

Занятия в академии проводились с утра до позднего вечера ежедневно по однажды заведённому распорядку: лекции по этике и поэтике, теологии (мифология) и натурфилософии (природоведение), математике Пифагора. Слушателям предлагали делать тематические доклады, с которыми они выступали на диспутах, каждый работал над каким-либо научным или философским сочинением. Выпускники афинской академии становились известными государственными деятелями и политиками Греции. Всё это создавало высокую репутацию учебному философскому заведению, куда устремлялись за знаниями молодые люди из всех греческих городов. Среди них были выходцы из семей разного имущественного достатка, но всех объединяло огромное желание постичь тайны природы через философию.

ДЕРЗКИЙ НОВИЧОК

В 360 году до н.э. Платон, уже руководитель академии, *схоларх*, находился на Сицилии, где при дворе сиракузского правителя Дионисия Младшего пытался воплотить в жизнь свою мечту о философе на троне и о государстве, управляемом мудрым и справедливым царем. Дионисий сначала гостеприимно принял философа и заинтересовался его учением, но, как и его отец, Дионисий Старший, вынудил Платона покинуть Сиракузы и Сицилию.

Аристотель появился в Афинах во время отсутствия Платона, поэтому его принимал исполняющий обязанности схоларха Евдокс, друг Платона. В Греции его знали как учёного и философа, он получил ещё известность политическими и экономическими реформами, которые успешно провёл в родном городе Книде по просьбе земляков. Путешествуя по Египту, он познакомился со жрецами, с помощью которых он прикоснулся к тайным знаниям Космоса, освоил врачебное искусство, проявил себя в математике, астрономии и географии.

В тот день перед Евдоксом предстал худощавый юноша, почти подросток, с лицом болезненного вида. Аристотель с детства страдал коликами в области желудка, из-за чего во время приступов прибегал к надёжному в таких случаях способу: прикладывал к животу пузырь с теплым маслом.

Евдокс с сомнением посмотрел на Аристотеля и после небольшой паузы произнёс:

— Слишком молод ты для наук, что здесь изучаются; они столь сложные, что под силу разве что взрослым мужам.

Ответ абитуриента поверг схоларха в изумление:

— Уважаемый учитель! Не стану возражать, что в вашем курятнике, который называется «академией», я кажусь цыплёнком. Если это недостаток, время исправит его. Но прошу принять к сведению, что в курятнике не только куры, но встречаются и бойцовые петухи. Кур пускают на бульон, а

петухи в схватках проявляют себя героями.

Аристотель высказался с вызовом, не опуская глаз, и схоларху его поведение вдруг понравилось.

— Похвальны твои сравнения, эфеб, — заинтересовано произнёс Евдокс. — Но если ты завёл разговор о курах, тогда скажи: что родилось в начале, курица или яйцо?

Вопрос философа не застал юношу врасплох:

— Чтобы ответить на вопрос, нужно предположить, что начало есть нечто первое — в моём представлении, некое подобие семени. Если принимаем яйцо за начало, то курицу — за результат. В таком случае, яйцо появилось раньше самой курицы.

Евдокс одобрительно закивал головой, потом, всматриваясь в юное лицо Аристотеля, подозрительно спросил:

— Ты сам додумался или от кого-то услышал?

— Учитель, я осмелюсь признаться, что поначалу увлекался орфиками*, а они провозгласили яйцо всеобщим первородством во всей природе. По мнению этих неистовых последователей Орфея, именно яйцо порождает всех пернатых и земных существ, рыб и морских животных, и земноводных, имея в виду змей, ящериц, крокодилов и даже саранчу. Всё будто рождается из яйца, и всё в себе содержит яйцо.

В глазах Евдокса мелькнули искорки, какие бывали у него при встрече с достойным оппонентом.

— Я чуть было не согласился с тобой, эфеб, да вспомнил другое. Ни один здравомыслящий человек не скажет «курица яйца», а только «яйцо курицы», как и «семя человека» вместо «человек семени». Ведь разумнее полагать, что «совершенное» предшествует «несовершенному». Оттого твой вывод равносителен утверждению, будто женское чрево появилось раньше женщины. Как и яйцо по отношению к детенышу, который в нем вынашивается и откуда нарождается. В соответствии с этим яйцо нарождается из курицы, отдавая долг природе.

Заметив, что Аристотель смущён, философ миролюбиво махнул рукой.

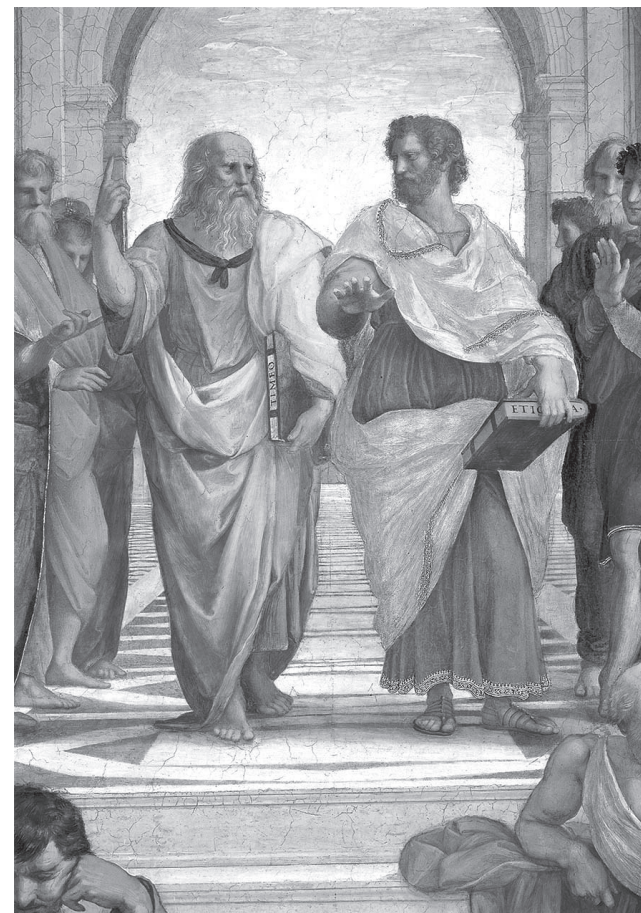
— Не будем продолжать спор, поскольку философия не позволяет завершить его победой одной стороны и поражением другой. Тебе всего-то нужно признать, что, если птицы выют гнезда до кладки яиц, а женщины заготавливают пеленки до рождения детей, не следует утверждать, что птичьи гнезда возникли ранее яиц, а пеленки ранее детей.

После такого разговора Евдокс без колебаний определил Аристотеля в группу своих учеников, не сомневаясь, что Платон по приезде не станет возражать. Евдокс был первым его наставником в философии единства эмпирических и теоретических познаний. От него впервые услышал он идею бесконечности в пределах общих сферических представлений о космосе. Несмотря на большую разницу в возрасте между ними завязались тесные приятельские отношения.

ПОГРУЖЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

После двухлетнего пребывания на Сицилии Платон вернулся в Афины, к руководству академией, получив от Евдокса лестную характеристику Аристотеля. С этих пор юноша начинает посещать лекции Платона, где, несмотря на сложность восприятия материала, удивляет учителя не столько знаниями, сколько усердием. Молодой Стагирит, как его сразу назвал Платон, выделялся среди остальных учеников ещё и беспредельной верностью учителю. Однажды был случай, когда Платон читал лекцию, настолько сложную для понимания, что слушатели начали покидать аудиторию, один за другим. В тот день философ излагал свою теорию о существовании человеческой души:

— Подлинная сущность души — Разум, в силу чего за небесное бытие является ее естественной отчизной. Вот почему Сократ, готовящийся принять смерть, не только не сожалел об этом, но и радовался предстоящему уходу из жизни. Он знал, что тело мешает душе быть собой, а смерть освобождает душу от бремени тела.



Аристотель досидел до конца лекции, вникая в каждое слово учителя, а когда Платон засобирился уходить, остановил его возгласом:

— Учитель, я не могу согласиться с утверждением, будто тело для человека только чуждая оболочка.

— Почему такое недоверие моим словам? — озабоченно спросил Платон, с интересом поглядывая на смелого ученика.

— Если следовать вашему утверждению, учитель, человеческая душа познаёт лишь себя. Тело при этом сообщает

душе свои ощущения: огонь горячий, а лёд холодный, камень твердый, ртуть жидкая. Душа вынуждена считаться с подсказками тела, задумываться над ними, как поступать. Но ведь душа должна задумываться лишь над Вечным, Неизменным, а не получать от тела представления о постоянно меняющемся мире через ощущения?

Платон не удивился такому вопросу, он привык к тому, что слушатели не всегда воспринимали материал или возражали, выдвигая свои аргументы. Такое поведение в академии позволялось, но случаев долгого противостояния идеям самого схолаха со стороны учеников до сих пор не наблюдалось. Платон подошёл к Аристотелю и стал снисходительно пояснять:

— Юноша, представь себе душу крылатой двуконной колесницей, которой управляет возничий. В образе возницы — Ум, сам по себе являющийся душой. Душа всегда настроена в покое созерцать Небо, а кони не дают ей такого случая; они есть страсти души, то, что приходит в душу от беспокойного физического тела. Душа с трудом созерцает бытие, и она же, увлеченная неразумными развлечениями и похотью в брэнном теле, способна забыть о своем первоначальном предназначении. Разум помогает душе обрести покой.

— С этим трудно не согласиться, учитель. Но что понимать под страстями?

— О, это всё, что вмещается тяжкого земного в светлой душе, что тянет её вниз. Всё, что не возвышает её к истинному бытию. Когда человек спит, ест, удовлетворяет свои нужды, он не стремится к Истине, стало быть, он оказывается в плену своих страстей.

— Получается, учитель, тогда человеку не следует, ни есть, ни спать?

— Здесь ты прав: если хочешь продолжать жить, придётся тебе есть и спать. Но в тот момент душа человека не является настоящей душой.

— Получается, никто среди людей не обладает настоящей душой? — настаивал Аристотель.

— Никто, кроме философа, не претендует на обладание настоящей душой. Но стать настоящим философом может тот, кто способен ограничить свою связь с телом. Освободит себя от мирских желаний, окажется наедине с собой, в безмятежности. Душа должна жить лишь Истиной, ничем иным кроме Истины. Чем более душа предаётся своим истинным занятиям, тем менее её обременяет земное существование.

Платон умолк. Выступившие на полном лице капельки пота давали знать об усталости; он не предполагал спора с учеником, поэтому немного разнервничался. Хотя раздражения не показывал — не в его характере было уходить из диспута с поражением.

Этот спор с Платоном ещё больше укрепил Аристотеля в необходимости продолжать заниматься философией. Сомнений не стало: философия есть высший род досуга свободнорожденного эллина, и вместе с тем его высшая деятельность, ибо деятельность ума есть жизнь. Большинство товарищей Аристотеля по учёбе именно так представляют себе занятия в Академии. Однажды он спросил Ксенократа:

— Что тебе дают занятия философией?

— Я счастлив, когда погружаюсь в философию, — ответил он.

— Не скажешь ли, друг мой, — приставал к нему с вопросом Аристотель, — разве поиск истины не лишает тебя покоя?

Ксенократ задумался и ответил, сохраняя обычное спокойствие на сонливом лице:

— Только когда занимаюсь философией, я чувствую себя надёжно. В этот момент я словно пребываю внутри крепости с высокими прочными стенами, хотя прекрасно понимаю, что от философии нет толку для меня, если ставить целью — иметь богатство. Но я всё равно философствую и пребываю в блаженном состоянии, будто достигаю вершин добродетельного наслаждения. Но чтобы достичь такого состояния, мне необходимо оставлять за стенами своей мыслями воздвигнутой крепости все заботы, стремясь внутри неё изучать жизнь и всё, что вокруг нее.

ЦЕНА ИСТИНЫ

Поначалу Аристотель следовал взглядам Платона, самого влиятельного в Греции философа. Поскольку схолярх академии был на сорок лет старше, ученик с почитанием относился к его возрасту, а если приходилось сомневаться в его высказываниях, не пытался наглядно оспаривать его суждения. Но так не могло долго оставаться, ибо с каждым годом к Аристотелю приходили знания, со знаниями — сомнения, с сомнениями появлялись собственные представления о вещах, после чего ему уже было не до авторитетов!

Молодой философ начал воспринимать окружающий мир глазами материалиста. Он отрицал наличие двух миров — мира идей и мира вещей, на чём настаивал Платон. Каждая вещь у Аристотеля заключала в себе не только свою материальную основу, но и свою идею, действующую причину и цель своего развития. Он доказывал, что идеи находятся внутри отдельных вещей как принцип и метод, как закон их становления, как энергия, фигура или цель.

Разночтения с учением Платона появились у Аристотеля и в теории познания Истины. Платон утверждал, что понятия — это не только наши мысли о бытии, но всё, что существует само по себе, самобытно и, безусловно, независимо от чувственного мира. Аристотель же выступал против подобной оценки познания; для него познание представляло собой оснoвание опыта — в ощущениях, в памяти и привычке. Любое знание, говорил он вопреки суждению учителя, начинается с ощущений: оно есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи.

По мысли Платона, высшее благо пребывает вне мира; стало быть, и высшая цель нравственности находится в сверхчувственном мире. У Аристотеля благо — это то, к чему стремится человек. Хотя есть различия: грубые люди находят благо в наслаждениях, для благородных оно сокрыто в

почестях, а мудрые ищут его в собственном сознании.

Аристотель видел назначение человека в разумной деятельности, отличающей его от растений и животных. Для Платона человек — несовершенный бог, а для Аристотеля бог — это совершенный человек, в связи с чем мера всех вещей и истины есть совершенный нравственный человек.

Однажды Аристотель, ставший уже преподавателем академии, присутствовал на лекции Платона и услышал, как он делился со слушателями своими представлениями о государстве и обществе:

— Самое идеальное, с нашей точки зрения, государство является сообществом земледельцев, ремесленников, производящих все необходимое для поддержания жизни граждан.

Платон говорил, как обычно, спокойным тихим голосом, и поскольку его внимательно слушали, в заполненной аудитории стояла тишина.

— В таком государстве есть воины, охраняющие безопасность, и есть правители, но обученные философами, отчего управление гражданским обществом осуществляется мудро и справедливо. Управляют таким государством аристократы как лучшие и наиболее мудрые граждане.

Неожиданно раздался голос Аристотеля, показавшийся почитателям Платона слишком дерзким:

— Ваше идеальное государство, уважаемый учитель, неизбежно погрязнет в заговорах враждебно настроенных групп общества, которых вы успешно отстранили от управления. Зря вы доверяете управлять одним аристократам, они уже показали себя, на что они способны.

— Откуда такое мнение, Стагирит? — отозвался Платон, не теряя спокойствия. — Каждый класс будет заниматься тем делом, для чего рождён, и заниматься будет оттого хорошо. Такое состояние общества будет идеальным с точки зрения любого философа.

Аристотель не отступал:

— В таком государстве появятся классы, лишённые политических прав. Я убеждён, что участие в управлении

собственным государством — самое главное право каждого гражданина. Вы лишаете такого права бедняков и ремесленников, отчего появятся недовольные, которые обычно составляют заговоры против гнетущей их власти.

Платон изменил тактику, задал вопрос в вызывающе вежливом тоне:

— Может быть, уважаемый преподаватель представит нам свой образ государственного строя, какой считает наилучшим?

Аристотель не сдавал позиций:

— Я готов! Наилучшим будет такое общество, которое достигается через посредство среднего элемента, когда под этим понятием будет класс, помещённый между рабовладельцами и рабами. Там, где средний элемент представлен в большем числе и где нет большинства бедных, государства будут иметь наилучший строй.

Он перевёл дыхание, поскольку немного волновался, затем, оглаживая зал, весомо произнёс:

— Но есть условие, чтобы такое государство процветало: в основе жизни людей в нём не должно быть бездумного стремления к обладанию чрезмерным богатством. Вот почему, наш уважаемый учитель, стремиться необходимо не к благой жизни, а к жизни вообще.

Платон пожевал губами, обдумывая, чем бы ответить. На этот раз решил не возражать снова, а смягчить спор:

— Похвально, что у моих любимых учеников за время общения со мной рождаются столь неожиданные мысли, — произнёс он с улыбкой. — Философия рождает истины в споре мудрецов. Но только жизнь может рассудить, в чём она, эта истина.

Подобных расхождений во взглядах со временем становилось всё больше. Например, на сущность красоты и на искусство, которое учитель воспринимал как искажённую копию мира идей и не придавал значения познавательной функции искусства. Аристотель же чувствовал искусство как творческое подражание природе, бытию, когда искусство

помогает людям познать жизнь. Теоретические разногласия Аристотеля с Платоном осуждались сторонниками знаменитого философа, нередко они осознанно подогревали неприязнь Платона к строптивому ученику. А с тех пор, как Аристотель начал преподавать собственный курс, он совсем скоро обзавёлся почитателями, которые под влиянием его лекций утратили интерес к предметам, о которых говорил Платон.

Не переставая хвалить Аристотеля и называя его душой школы, Платон был в недоумении от его вызывающего внешнего вида, выражал недовольство от проявлений дурных привычек, не принятых в философском обществе. Получая от Проксена материальную поддержку, Аристотель не испытывал затруднений для своего содержания в Афинах. При этом всегда носил изысканную одежду, щегольские сапожки и дорогие кольца — по моде «золотой молодёжи». Он искал встреч с красивыми женщинами, не считаясь, замужние они или нет, не гнушался утех продажных гетер, при этом одинаково плохо отзывался о тех и других. Вопреки моральным нормам, не находил нужным скрывать свои любовные похождения. Подобное отношение преподавателя к установленным в Академии порядкам и, конечно же, к общественному мнению сильно раздражало преклонного возрастом Платона. Сам он уже давно вёл скромный, почти стоический образ жизни. И хотя Платон уже не замечал своего лучшего ученика в рядах верных почитателей, долгое время они оба наглядно сохраняли уважение друг к другу.

Глава Академии не мог понять поведение своего выдающегося ученика, хотя этому было объяснение. В этом заключался вызов Аристотеля сложившимся настроениям внутри афинского философского содружества, как некое проявление его неуёмной гордыни. Аристотель с детства отказывался повиноваться кому бы то ни было, поэтому он и в Академии не терпел, чтобы ему предписывали, как себя вести, есть, пить или одеваться. Он старался поступать вопреки всему устоявшемуся, не вписываясь в условный кодекс

поведения философа в греческом обществе. Он стремился разговаривать с людьми, которых считал не глупее себя, а когда приходилось иметь дело по необходимости, тогда обычно грубил, говорил с вызывающим сарказмом и надменным выражением лица. Характер Аристотеля казался даже его хорошим знакомым несносным, его сторонились за привередливость в общении и вечно насмешливый тон и самоуверенность.

Если кому-то из недоброжелателей Аристотеля приходилось вступать с ним в спор, в разговоре с ним он был холоден и насмешлив, а тонкие бледные губы изображали язвительную улыбку. Однажды доброхот передал Аристотелю, с надеждой на ответную реакцию, что знакомый ему человек при всех сильно ругал его.

— Да пусть он даже побьет меня, за глаза! — смеясь, ответил философ.

Ещё случай. Один философ, уловив момент, когда Аристотель отдыхал на скамье в академической роще, бесцеремонно сел рядом и начал рассказывать о своей только что родившейся идее. Говорил долго, нудно, а потом участливо спросил:

— Я тебя не утомил?

Аристотель ответил в своей манере:

— Не волнуйся за меня! Я тебя не слушал!

По таким и другим похожим обстоятельствам не представлялось возможным многим преподавателям и слушателям академии любить Аристотеля. Кто-то его обожал, признавал своим кумиром, оставаясь верным этому чувству на всю жизнь. Но большинство не могли терпеть — завидовали и боялись! Вот почему Платон, несмотря на видимое преимущество Аристотеля в знаниях перед остальными философами, предпочитал общаться с Ксенократом, Спевсиппом, Амиклом и другими учениками и последователями, кого отличал всяческим образом. В частности, разрешал принимать участие в своих философских беседах, куда Аристотеля не приглашал.

И всё-таки у Аристотеля до разрыва с Платоном дело не доходило. Он провел в Академии почти двадцать лет, занимаясь науками, доступными философии. Везде преуспел: в логике и психологии, теории познания и космологии, физике и политической экономике, педагогике, риторике, эстетике. У него сложилось особое восприятие сложного мира Космоса и Природы, что, по сути, вступало в противоречие с закрепившимся в общественном сознании учением Платона. Но никакие дружеские узы и верность к Платону-учителю не могли заставить его несговорчивого ученика отказаться от взглядов, которые считал истинными. Восставая против идей Платона, он всегда оговаривался, что сознает все неудобства подобной полемики. Оставаясь последователем его учения, Аристотель не мог отказаться от критики, за что Платон был в обиде.

— Учение об идеях принадлежит дорогому для меня человеку, — объяснял Аристотель отношение к Платону, — но в интересах истины я обязан пожертвовать личными чувствами. Для меня оба дороги — Истина и Платон, тем не менее, я отдаю предпочтение Истине.

С каждым годом пребывания рядом с Платоном Аристотель всё больше огорчал учителя резкой критикой, обидно дерзил ему. Даже сам процесс преподавания был у него другой, назывался он тоже странно — *перипатос*: когда Аристотель, прогуливаясь по аллеям академического сада вместе со слушателями, рассуждал на свою тему и также совместно обсуждал её. Но разве могли ученики не обожать Аристотеля, провозгласившего философию как отдельную науку, исследующую «первые начала и причины», а в условиях гнетущего давления афинской демократии на личность, определившего свободу гражданина «как живущего ради самого себя, а не для другого»?

Аристотель осознал недружественную атмосферу вокруг, но терпеливо ожидал изменений в лучшую сторону. Он мог в любой момент покинуть академию и открыть в Афинах собственную философскую школу, что дало бы повод силь-

нейшей конкуренции философской школы Платона. Но он настолько уважал своего учителя, что не решался на такой шаг при его жизни. Он никогда не скрывал своих чувств, говоря, что Платон передал ему свои знания, перелил в него свою душу, и только благодаря этому он стал таким, какой есть.

* * *

Платон скончался весной 347 года до н.э. Аристотель не сомневался, что он лучший из всех преподавателей Академии, поэтому по праву займёт должность схоларха. Но он не знал, что Платон, когда серьёзно заболел, так и не решился передать дерзкому сотрясателю философского единения руководство его любимым детищем. Руководить академией стал Спевсипп, племянник сестры Платона и автор трудов по государственной службе, политике и этике, риторике, математике, психологии, теологии. Спевсипп сопровождал Платона в последней сицилийской поездке, а в академических дискуссиях о природе идей яростно защищал платонизм.

Затаив глубокую обиду на умершего Платона, Аристотель в возрасте тридцати восьми лет оставляет Афины. Он воспользовался приглашением Гермия, бывшего выпускника академии, в то время правителя Троады, в Малой Азии. Его сопровождает выпускник академии Ксенократ, ученик и друг.

ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ В ТРОАДЕ

Троада — степная область на северо-западном побережье Малой Азии, заселенная, в основном, переселенцами из греческих государств — Ионии и Эолии. Знаменита тем, что на её земле тысяча лет назад стояла легендарная Троя (Илион). Троада находилась под протекторатом персидских царей, но управлялась автономно, как сатрапия. Правитель

Троады Гермий пригласил своего бывшего учителя Аристотеля, предложив на научной основе провести в государстве экономические реформы.

В Атарнее, столице Троадского царства, Аристотель прожил три года. Здесь впервые женился на Пифиаде, племяннице Гермия, возрастом вдвое младше мужа, девушке с кротким характером и обаятельной внешностью. Решившись на такой шаг, он пошёл против устоявшегося в среде философов мнения, будто нельзя в равной мере служить любимой философии и супруге. Аристотель рассудил так: женитьба зло, но зло необходимое, ведь человек — существо природное. В живой природе всякий старается обзавестись своим подобием, составить пару и вырастить детей себе на подмогу, в старости. К тому же разве такому ценителю женской красоты и любовных утех не ведом зов плоти? Да и холостяцкий быт с возрастом становится невыносим — хочется внимания, заботы, ласки. Пришлось потом Аристотелю объяснять своё решение другим философам, кто удивлялся, словами: «Сделал такой шаг осознанно, как гражданин: потому что семья первичнее и необходимее государства!».

Жили супруги во дворце Гермия. Задумав иметь ребенка, осознавая важность зачатия ребенка, Аристотель вспомнил слова Пифагора: «Как легкомысленно и неосмотрительно поступает тот, кто собирается породить живое существо, но не заботится об этом с величайшей тщательностью». Аристотель пересмотрел своё отношение к еде и жизненному режиму вообще. Отказался от несвоевременного и обильного употребления пищи, и такой еды, от которой ухудшаются телесные свойства. Вёл разумный, здоровый образ жизни, воздерживаясь от частого употребления вина — «чтобы не возникли порочные семена».

За благоразумное ведение супружеской жизни боги дали им дочь, красивую, спокойную нравом девочку, которую, как и мать, называли Пифиадой.

ГЕРМИЙ: ТИРАН И ФИЛОСОФ

Аристотель, как близкий родственник Гермия, с головой окунулся в государственные дела, с большим желанием помогал ему в управлении городами Трояды. Это было не просто, так как правитель по своему противоречивому характеру и роду деятельности осуществлял тираническую и порой деспотическую власть. Аристотелю пришлось хорошо потрудиться, чтобы найти подход к Гермию, проявить долготерпение, поскольку властитель Трояды быстро забыл всё, чему учился в философской школе Платона. Наследовав власть, Гермий перенял азиатские формы правления, не воспринимал чужие советы, особенно по вопросам политики и государственного устройства. Но Аристотель умел убеждать своих оппонентов, поэтому Гермий не запрещал ему размышлять об устройстве «идеального» государства.

Согласно исторически сложившимся традициям, Гермий осуществлял в Трояде единоличную власть, ущемляя собственный народ в гражданских правах, хотя сам народ, глядявая на Грецию, мечтал о демократическом самоуправлении. Такие взаимоотношения грозили анархией, междоусобицами, войнами — это правитель понимал. Вот почему Гермий поручил своему советнику Аристотелю найти «возможно мягкую» форму городского самоуправления, чтобы народу быть счастливым, но чтобы ему самому осуществлять тираническую власть.

Аристотель понимал бесполезность своего участия в подобных реформах по предложенному сценарию, но отказываться от эксперимента не посмел. Угадав время, когда Гермий находился в благодушном настроении, повёл осторожный разговор:

— Философия никогда не оправдывала тиранию как верховную власть, потому что она опирается на насилие и попирает демократических институтов, законности права каждого гражданина на волеизъявление.

На лице Гермия не дрогнул ни один мускул, хотя ему было

неприятно слышать эти слова от своего учителя. Когда Аристотель закончил, высказал своё мнение:

— Зря философы возмущаются по поводу тирании. В моём понимании, тираническая власть не обязательно предполагает жестокого правителя. Тирания — временная необходимость, когда государству грозит хаос, анархия. Тогда у власти становится законный государь, тиран, намерившийся единолично управлять, стремление которого не к своей личной выгоде или превышению власти, а к общей пользе. Тиран нужен своему народу, когда народ ещё не дорос до своей демократии.

Гермий внимательно посмотрел на философа, надеясь увидеть в его глазах одобрение. Аристотель пожал плечами, не зная пока, что ответить.

— По этой причине, Аристо, — Гермий дружески улыбнулся, — я хочу услышать от тебя таких советов, чтобы народ был доволен мной, а моя власть от этого крепла. Я хочу только добра жителям Трояды. У тебя есть такие советы?

Гермий с надеждой смотрел на Аристотеля.

— Я постараюсь подобрать такое устройство Трояды, чтобы ты был доволен, Гермий, — согласился философ. — Но условие для любого правителя может быть одно: чтобы демократия* не терпел унижений от своеволия и высокомерия класса имущих, но и богатые не должны терпеть ущерба в своем имуществе от народных волнений.

— В таком случае скажи, что для Трояды покажется лучшим, — воодушевился Гермий, — целым государством под управлением тирана, или пусть каждый город в моей Трояде живёт по своим законам — самостоятельно, но при моём покровительстве?

Аристотель ответил, не задумываясь:

— Наш уважаемый Платон говорил, что в идеальном государстве люди должны жить по однажды заведенным правилам. И чем тщательней эти правила будут соблюдаться, тем могущественнее будет их государство. Я же заявляю, что не может для всех людей существовать одна одежда,

одно лекарство, один досуг и еда. Если хочешь знать моё мнение, идеал государственного устройства — небольшой город-полис, в котором первое место принадлежит средним слоям населения. Но сначала надо для такого города продумать планировку его кварталов с хорошим обзором, где все знают друг друга, и сделать плохо друг против друга непозволительно. В таком случае законы всем будут известны и никому не будут в тягость.

— Но малый город всегда малая сила! Слабый город — лакомая добыча врагам! — возразил Гермий. — Заранее возводить слабый город, значит, предполагать его сдачу врагу.

Аристотеля трудно было заставить врасплох:

— Величие полиса есть мера неопределенная, ибо, будучи слишком малым или слишком большим, он всё равно может не сохраниться. Когда древний Вавилон захватили персы, и уже находились среди его кварталов три дня, часть жителей ничего об этом не знала! — от возбуждения скулы Аристотеля обострились. — А ведь Вавилон был тогда крупнейшим городом мира: в него помещалось четыре таких города, как Афины. Как лодка малого размера может затонуть при небольшой волне, так и корабль, когда он слишком большой, потеряет способность плавать вследствие своих огромных размеров, или его опрокинет большая волна.

После такого важного разговора Гермий размышлял недолго. Он передал Аристотелю и Ксенократу в управление город Ассос, позволив разработать и применить в его структуре умеренно демократическую конституцию. Друзья-философы были по-настоящему счастливы доверием. Посчитав свои физические возможности, они пригласили себе в компанию знакомых философов Эраста и Кориска, выпускников афинской Академии. Так впервые в греческом мире создавалась своеобразная *гетерия* — «товарищество философов», которое последовательно проводила в Трое перераспределение властных полномочий от тирана до городского самоуправления.

И всё-таки, находясь под влиянием реформаторских идей

Аристотеля, Гермий лукавил. Уступая приглашённым философам в реформах, правитель Троеды соглашался лишь на видимость демократии. Он знал, что при неудачах эксперимента члены гетерии принимали на себя все удары и возмущения населения Ассоса. А он оказывался в стороне, а вот в случае успеха лавры победителя достанутся и ему, тирану Троеды.

* * *

Формально Гермий признавал верховную власть царя Персии Артаксеркса III Оха, не вызывая у него подозрений в лояльности. Но немалое богатство, собираемое им в виде налогов и торговых пошлин, давно раздражало тайных врагов Гермия. Они следили за каждым его шагом, ожидая промахов или подозрительных для Персии действий. И однажды такое произошло.

В последнее время македонский царь Филипп затеял с Гермием слишком активную переписку, хотя и тайную. Но подозрения всё-таки появились. Царь Артаксеркс, получив доклад, вызвал в Сарды своего сатрапа, якобы, чтобы наградить за верную службу, обещал безопасность и гостеприимство. На самом деле Гермия жестоко пытали, ожидая признания в заговоре, а потом, ничего не добившись, распяли на кресте. Умер приверженец философских реформ в страшных мучениях.

Ставленник персидского царя Ментор, коварно воспользовавшись печатью Гермия, занял без сражений все города Троеды. Устроил гонения на соратников умерщвленного не без его помощи правителя.

Аристотелю с семьёй пришлось искать новое пристанище. Феофраст, близкий ему человек, выпускник академии Платона, позвал его под крышу своего дома в Митиленах, на остров Лесбос. Ксенократ вернулся в Афины, где стал преподавать в академии, которой руководил Спевсипп.

Глава пятая

ПРОЩАНИЕ С ЛЕСБОСОМ

СБОРЫ В ДОРОГУ

Услышав от Аристотеля, что скоро им отбывать в дальнюю дорогу, жена Пифиада не знала, радоваться или огорчаться. В Митилене налажен, пусть временный, но привычный быт, организовался круг знакомых, а что ждёт в Македонии — неизвестно. Как в большинстве греческих семей, всякое дело у них обсуждалось обоюдно, но поскольку главенство мужа было очевидным, жена почти всегда повиновалась его решению. Только на таком незыблемом веками правиле и ещё на разуме, предписывающем гречанке заботиться не только о собственном лице и теле, но и о своём характере, сохранялась гармония брачного союза. Мужчинам в таком случае предлагалось не искать в жене лишь чувственных удовольствий, а стремиться обрести в ней мать своих детей и хозяйку дома.

Пифиаде понадобилось небольшое время, чтобы пересмотреть одежду и вещи, отобрать нужные, пригодные для жизни в Македонии. Остальное пришлось оставлять. Потребовалось проследить за действиями домашних рабов, их у Аристотеля было пятеро, надёжно ли укладывают они всё по сундукам, корзинам и узлам: отдельно — дорожную утварь, еду и посуду. После Афин за три счастливых года в Троаде и

уже года на Лесбосе семейного имущества собралось столько, что впору хвататься за голову. Здесь подарки Гермия, и приданое Пифиады: одежда, ткани, посуда и ковры, мебель, даже статуи... Взять с собой нельзя и жалко расставаться! Много добра Аристотель бросил, когда спешно покидал Троаду, опасаясь убийц персидского царя. Но, главное и самое ценное, что неоспоримо укладывалось в дорожные корзины, это были рукописи древних авторов, собственные сочинения, коллекции, начатые копиться ещё в Ассосе.

ИТОГИ МИТИЛЕНЫ

С памятного дня, когда Аристотель прочитал послание Филиппа, он не сомневался, что сделал правильный выбор. Его ожидают в Пелле. Аристотель верил в свои силы, терпение и знания, был уверен, что он сможет стать хорошим наставником юному наследнику. И всё-таки душа тревожилась от сознания, что ему, свободному и независимому учёному и философу, придётся служить македонскому царю, которого афиняне ненавидели, да и у других греков с ним сложились непростые отношения. Для жителей городов, захваченных македонянами, Филипп показался тираном.

Аристотеля тяготили предчувствия, что служба у Филиппа может перечеркнуть все его планы на будущую деятельность в Афинах. Ему нельзя порывать связь с афинянами. Но если Македония сойдётся войной с Афинами, он окажется заложником тех нерадостных событий. Кто в Греции станет разбираться, чем занимался он в Македонии? Греки назовут его перебежчиком, предателем, а македоняне объявят лазутчиком. И что тогда делать ему, наставнику юного наследника македонского царя?

И всё-таки он едет в Македонию. С ним отправляется Феофраст и ещё Каллисфен, восемнадцатилетний племянник сестры Аримнестры. Он изучает историю Греции, будет полезен при дворе в должности царского *логографа* — ле-

тописца исторических событий. В Пелле он будет учителем истории для Александра и его сверстников. О нём и о Феофрасте Аристотель известил Филиппа в письме со своим согласием.

Аристотелю не просто было расставаться с Лесбосом, где он прожил почти год. Где успел душой прикипеть к этим дивным местам. Друг Феофраст, владевший в пригороде Митилены поместьем, не скупился на содержание семьи Аристотеля, давал деньги, если имелась надобность, скорее всего, не предполагая возврата. Феофраст знал, что его учитель и друг всегда нуждался в деньгах, поскольку даже в добровольном изгнании не отказывался от аристократических привычек: предпочитал деликатесные блюда, покупал без числа дорогие платья и драгоценности, заказывал морские прогулки, где развлекался с гетерами. Но из всех больших затрат он предпочитал приобретение ценных книг, из числа которых у него уже началась складываться неплохая библиотека.

Главным удовольствием для него на Лесбосе представлялись исследования живого мира, для чего Феофраст предоставил роскошные условия. В пристройке к дому, помимо жилья в шесть комнат, разместились рабочий кабинет Аристотеля и библиотека. Была организована небольшая лаборатория, в стенах которой он проводил биологическое изучение морских обитателей. В Троаде он начал рукопись с предварительным названием «История животных», на Лесбосе продолжал работать. Теплые воды Эгейского моря вокруг острова являлись благодатным местом для существования громадного числа живых существ, а это давало богатый материал для занятий научно-исследовательской деятельности. Учёный общался с рыбаками, когда их низко посаженные лодки с уловом приставали к берегу. Рыба, кальмары и осьминоги, морские ежи, крабы, креветки — всё это многообразие давало пищу для размышлений и догадок. Он дотошно расспрашивал тружеников моря о способах ловли, повадках и поведении рыб и морских животных во время охоты и брачных игр.

Аристотель сидел на берегу у рыбацких костров, угощался рыбным супом и слушал истории о встречах с необычными морскими животными. Самые интересные и необычные запоминал, записывал, чтобы потом сесть в лаборатории или кабинете и обо всём этом подумать, проанализировать и сделать выводы. Его изумил рассказ седовласого рыбака о том, что самки голавля следуют за самцом, толкают его ртом под брюхо, способствуя более быстрому и обильному выходу молок. Следом мечут икру, а самцы ту икру пожирают; мальки появляются из икринок, избежавших такого «внимания» родителей. Рыбаки, зная повадки голавлей, ловят самца, живого сажают в корзину и опускают в воду; ждут самок голавля, которые собираются вокруг корзины со всего водоёма, и тут их ловят.

Аристотелю показали большеротого сома, длиной почти в рост человека.

— Это самец или самка? — спросил Аристотель.

— Самец, — уверенно ответил рыбак. — Самку поймать трудно, так как она, отметав икру, сразу исчезает, будто лиса из курятника. А самец занимает место рядом с кладкой икры, начинает заботиться о потомстве так, как никакая другая рыба. Он охраняет кладку, отгоняя других рыб, готовых съесть икру, и в таком состоянии проводит пятьдесят дней, пока не появятся из икринок его малые детки. Сом охраняет сомят до тех пор, пока они не станут способны спастись бегством от хищников. Сом-отец всё это время не ест, только иногда, отпугивая врагов, выпрыгивает из воды с большим шумом и ртом производит громкое щелканье. Вот тут мы его, дурака, и ловим, — закончил рыбак под общий смех.

Аристотель прервал их веселье словами:

— Но если вы поймаете сома в то самое время, когда он охраняет своих деток, вы оставляете малышей беззащитными перед хищниками. Тогда вы теряете тысячи сомов, которые не успели стать взрослыми, большими сомами. При таком подходе к естеству природы в будущем ваши уловы сильно оскудеют. Не так ли?

По задумчивым лицам рыбаков Аристотель понял, что его вопрос застал их врасплох. В другой раз рыбаки показали пойманную на крюк большую серую акулу и пока разделявали её, рассказали захватывающую историю о её размножении. Оказывается, акула-самка не мечет икру, а откладывает особые капсулы, схожие с яйцами, в специальный мешок внутри собственного тела. Капсулы содержатся там до срока, чтобы выйти и стать маленькими акулами.

На Лесбосе Аристотель мог свободно изучать морских ежей, исследовать органы слуха у рыб, наблюдать за поведением, анатомизировать рыбы тела, ставить опыты по своему разумению. Вывод, который он сделал позже в окончательной редакции своего сочинения, заключался в том, что животное царство делится на кровные существа — рыбы, земноводные, птицы и млекопитающие; и бескровные — ракообразные и моллюски, насекомые, имеющие панцири.

Аристотеля интересовал процесс размножения у животных и птиц. Обратив внимание на то обстоятельство, что четвероногие самки и самцы в период спаривания обнюхивают друг друга, он сделал вывод, что их органы размножения выделяют нечто жидкое, пахучее. Местный птицелов, услышав его слова, сказал ему:

— Так и есть, уважаемый. Самец перепёлки обязательно прилетит к клетке, где содержится перепёлка-самка, которая может оплодотвориться, достаточно поместить ее под ветер, когда пролетает самец. Самке стоит лишь вдохнуть запах самца, который он распространяет. Подобные сообщения Аристотель заносил в особую тетрадь, которую перечитывал, засиживаясь в лаборатории до глубокой ночи.

Сюда заходил Феофраст, но всегда с предосторожностями, боясь потревожить друга. Иногда Аристотель сам приглашал его, чтобы обсудить природу того или иного явления или существа. Феофраст восхищался его деловым спокойствием, готовностью к согласию с оппонентом, если видел, что сам неправ. Изучая насекомых, Аристотель пристально рассматривал тончайшие жилки в крыльях, а что не видел,

доходил до всего остротой ума, а не зрения. Ему позволялось природой познавать такое, чего не мог даже представить себе другой учёный.

Однажды Феофраст застал Аристотеля за необычным занятием. Над горящим очагом стоял котёл с водой, где вольготно плавала лягушка, спокойно перебирая лапками. Было удивительно наблюдать такое явление, потому что Аристотель безразлично относился к этим малоприятным для общения существам. Феофраст сразу подумал, что готовится суп! Заметив его в дверях, учёный спросил:

— Ты что-нибудь слышал о феномене ошпаренной лягушки?

Феофраст покачал.

— Тогда слушай. Оказывается, если бросить лягушку в котёл с кипящей водой, она попытается сразу выбраться или даже выпрыгнет. Но, удивительно, если её опустить в холодную воду, а затем постепенно нагревать, то сначала она почему-то не проявляет беспокойства. До определённой поры! А пока будет наслаждаться жизнью и останется плавать, пока вода не покажется ей слишком горячей. Только затем начнёт, вероятно, думать, что же происходит и что ей делать дальше.

Аристотель оторвал взгляд от лягушки и посмотрел на Феофраста.

— Тебе не показалось удивительным, — спросил он, — что лягушка не пытается спастись бегством, пока вода ощущается ею прохладной. А когда вода становится непереносимо горячей, лягушка оказывается неспособной, чтобы выбраться из неприятной ситуации, спасти свою жизнь. Она проявляет слабование, у неё нет сил, потому что не догадается о грядущей опасности. И вот что я называю феноменом ошпаренной лягушки: пока лягушке ничто не мешает, она остаётся в котле и будет сварена живо.

Феофраст пожал плечами, но не удержался от вопроса:

— Как думаешь, Аристо, почему с лягушкой происходит всё именно таким образом? Наверно, из-за того, что её жиз-

ненный опыт не имел подобных испытаний. Вот почему она не знает, что делать в такой ситуации.

— Ты почти прав, мой друг! — Аристотель обрадовался размышлениям Феофраста. — Именно так настроены механизмы восприятия угрозы у нашей лягушки — на внезапное изменение, а не на медленные, постепенные перемены температуры воды в котле, как в нашем случае.

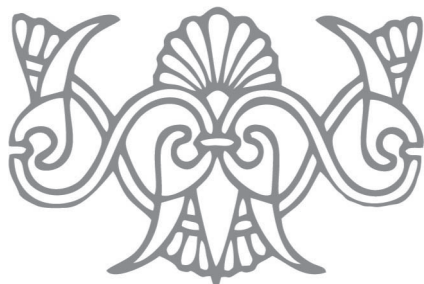
Показывая свой простой опыт, Аристотель искренне радовался, словно открыл нечто невероятное. Он жил ради таких мгновений, когда находил верный путь, когда ему открывались решения, показывалась истина. Продолжая находиться в приподнятом настроении, учёный зашагал по комнате кругами, делясь с другом своими планами:

— Я хочу овладеть всеми знаниями о природе, открыть новые законы жизни. Ведь в каждом произведении природы найдется для меня нечто достойное удивления. Хочу узнать правду о жизни всех существ, которых она вмещает в себе. Хочу обнаружить в них внутреннюю связь в противоположность внешней, классифицировать по признакам приближения к человеку.

— Пожалей себя, Аристо. — Феофраст улыбнулся. — Для чего тебе это всё нужно?

— Для того, чтобы обо всём рассказать людям, чтобы они правильно себя вели по отношению к природе и её обитателям.

В этом был весь Аристотель, нетерпеливый и неумный в исследованиях и выводах.



Глава шестая

НЕИЗВЕСТНАЯ МАКЕДОНИЯ

НЕОЖИДАННЫЙ ДИСПУТ

Плавание от Лесбоса до Македонии заняло вдвое больше времени, чем предполагалось — двадцать дней. Причиной оказалась непогода, разыгравшаяся на море в пору, когда ей не следовало быть. Обычно навигация для всех видов судов заканчивается поздней осенью, когда ветры меняют направление и, становясь непредсказуемыми, поднимают крутую волну. Аристотель с семьёй и друзьями отбыли с Лесбоса в середине лета, в пору самую благодатную для морского путешествия. Мореплавание по изумрудной глади тогда становится похожим на приятную прогулку.

Пожилой рулевой корабля — *куберней*, его звали Меланф, был родом из Афин, поэтому знал Аристотеля не понаслышке. Перевозка торговых грузов была его обычным занятием, на этот раз ему пришлось взять на борт десяток пассажиров с громоздкими домашними вещами. Людей разместили в тесном трюмном отсеке, домашнюю утварь — на палубном пространстве, увязав тюки, закрепив их веревками к решетчатым бортам. Как и многие греческие суда, корабль имел в длину двадцать пять метров и двенадцать — в ширину; ходил под парусом белого цвета, мачта из ливанского кедра ставилась в середине. Ходовые весла использовались

в штиль и для маневров в гавани, а на курсе судно удерживалось при помощи рулевого весла. Корпус имел привычный черный цвет, за исключением украшения на корме и форштевня зеленого цвета, а внутренней стороны фальшборта — красного.

Когда неожиданно занепогодило, Меланф, не желая рисковать, вел судно вдоль берега в прямой видимости, часто приставал к берегу, пряча корабль в укромные бухты в ожидании благоприятных условий для дальнейшего продвижения. Аристотель с интересом следил за его действиями, отмечая умелое распоряжение подчинёнными людьми, выверенными и, главное, уверенными командами — всем тем, что позволяет пассажирам не беспокоиться за исход плавания. Заметив проявление к себе внимания, Меланф разговорился с философом:

— У Посейдона несварение желудка, поэтому его пучит, вызывая ветры, которые нагоняют высокую волну. Иначе как объяснить настолько скверную погоду?

— Я думаю, уважаемый Меланф, у нашего Посейдона есть более весомые причины, чтобы творить нам такие неудобства, — поддержал разговор Аристотель. — Я даже уверен, что причина сокрыта в атмосферных явлениях.

Куберней поднял голову, изучая небо.

— Согласен, — отозвался он. — Всё дело во времени года, а оно, судя по всему, повернулось к Арктуру — самому могущественному божеству из созвездия Волопаса. Это враждебная человеку сила, приносящая сильные бури. Сейчас благодаря лету резкость ветров умиряется, и кораблям нечего опасаться, помимо подводных скал и скрытых мелей в бухтах. Но с похолоданием в месяце Боидромионе* выход в море грозит большими опасностями.

Аристотель заинтересованно спросил:

— Получается, что наши нынешние неприятности можно характеризовать как предпосылки для прихода власти Арктура?

— Да, это так. Но ураганы появляются на море с конца

осени, а позже, когда в месяце Пианепсионе* на небе показывается дождливое созвездие Козерога, тогда уже точно, для кораблей владения Посейдона окончательно закрываются. Дни становятся короткие, ночи длинные, на небе всё время крутятся тучи, а сила ветра, удвоенная дождем или снегом, такова, что не только прогоняет всякий флот с моря, но даже валит с ног тех, кто путешествует посуху. И так до самой середины месяца Фаргилионе*, когда самые смелые мореходы осмеливаются выходить в море с осторожностью, и то, если на это есть большая нужда, или на плавание толкает чрезмерная выгода.

Меланф ухмыльнулся, шевеля поредевшими усами, и замолк, переключив своё внимание на действия команды корабля. Моряки в этот момент подтягивали верёвки, придерживающие большой квадратный парус.

Томившийся под палубой Феофраст вышел наверх. Увидев Аристотеля, занятого беседой с кубернеем, подошёл. Поняв, о чём идёт речь, спросил моряка:

— Скажи, друг, какие есть особые приметы в природе, указывающие на приближение непогоды?

— Господин хороший правильно поступает, что спрашивает об этом у меня. Нет человека, который лучше, чем я, знает море. Ведь от бурь и волн корабли гибнут чаще и в большем числе, чем гибнут с обеих сторон воины в сражениях. Вот почему всем, кто плавает на кораблях, следует вести наблюдения за природой.

— Тогда поделись знаниями, дорогой друг, в долгу не останемся, — воскликнул Аристотель, переглянувшись с Феофрастом, — за нами кувшин* вина!

Меланф не стал отказываться, хрипло откашлялся и начал:

— Существуют приметы, предвещающие бури в тихую погоду и во время бури указывающие наступление спокойной погоды. Достаточно посмотреть на луну: если она краснеет, ожидай ветер, если покрывается голубизной — будет дождь. Но как только я замечаю грязный цвет на лице Селены, всегда готовлюсь к сильному шторму.

Моряку пришлось по душе общение с образованными греками. В дополнение его ожидал обещанный кувшин вина. Он с увлечением рассказывал, как ясная луна предсказывает хорошую погоду — особенно, если это будет четвертый день со дня её восхода, и если рога не заострены, и она не имеет красноватого оттенка, и свет её от испарений не является мутным.

Неожиданно куберней обратил внимание на какой-то непорядок в корабельной команде, перестал излагать свои мысли. Отошёл, затем вернулся и продолжил разговор о погоде.

— Я по солнцу могу узнать, что ожидает меня на море в ближайшее время — по тому, как всходит солнце или как оно клонится к вечеру. Сияет ли солнце обычным блеском или его диск становится огненно-красным, что является предвестником сильного ветра. А если на солнце видны пятна, это предсказывает близкий дождь. И воздух, и само море, величина и форма облаков, и прочие приметы дают указания опытным морякам, чего им ожидать от погоды. Некоторые указания дают птицы, некоторые — рыбы. Всё нужно моряку примечать, если он хочет быть успешным на море, дожить до благополучной старости.

Меланф замолчал, вглядываясь вдаль, припоминая, наверно, свои переживания на море. Решив не отвлекаться от своего дела, моряк поспешил закончить разговор:

— Ошибается тот, кто думает о море как о стихии. Море — живое создание, оно ровно дышит и движется в течение дня и ночи. Оно всё время находится в некоем стремительном течении, которое моряки называют *реума*. Море движется вперед и назад, то заливает берега, то уходит в глубину, создавая меняющиеся течения. Будучи попутным, море помогает плаванию кораблей, при противном течении задерживает их ход. Опытный куберней знает морские течения, чтобы, оседлав их, легко преодолевать большие расстояния.

* * *

Разговор с кубернеем настроил философов на преднамеренный диспут. Начал Аристотель:

— Друг мой Феофраст, как думаешь, море даёт человеку больше пропитания, чем суша, земля?

— Я не сомневаюсь, Аристо, в изобилии земной природы. Она обладает всем необходимым, чтобы удовлетворить не только собственные нужды, но и потребности в пище для человека. Ведь, помимо естественных гор и лесов как общего пристанища всякого зверя и дичи, есть возделанные человеком поля и сады. Разве сравнимо изобилие суши с тем, что может доставлять водные пространства — моря и реки с озерами? А вкус мяса или дичи разве сравним с рыбой?

Аристотель сдержанно улыбнулся.

— Попробую переубедить тебя, Феофраст. Во-первых, рыбное блюдо преимущественнее по качеству любого другого, мясного или овощного. Существуют племена *ихтиофагов*, рыбоедов, которые, кроме ловли рыбы, ничем другим не занимаются, в отличие от *олсофагов* или *филопсов*, кто ест говядину, поедают только рыбу.

— Аристо, ты неправ, если приводишь в качестве доказательства пример из жизни малочисленного племени рыбоедов. Они вынуждены так питаться, потому что другой пищи у них нет, а для земледелия их почвы неблагоприятные.

— Не от этого ли в продаже морская провизия ценится выше всякой другой? Иная рыба стоит больше, чем бык, а горшок особого рыбного засола обходится ещё дороже.

Аристотель выжидательно посмотрел на друга. Тот не замедлил с ответом:

— А что ты скажешь, когда к твоей рыбе не подадут любимые тобой травы — лук, петрушку, сельдерей? Как обойдёшься без них? Даже лошадей перед состязаниями кормят сельдереем, чтобы силы сохраняли подолгу и бег был быстрым.

— Поймал ты меня, Феофраст, на мелочи. Но ты не упоминаешь морскую капусту, которая гораздо полезнее для

здоровья, чем любая земная растительность. И ещё напомню о главной приправе ко всем блюдам, без которой ты не ощутишь приятность, что по преимуществу поддерживает аппетит, — Аристотель сморщил в язвительной улыбке рот. — Ты не можешь мне ответить, Феофраст, как называется то чудо, без чего позволительно говорить, что никакая пища несъедобна? Её примесь услаждает и хлеб!

Феофраст развел руками, словно признавал поражение.

— Аристо, мой ответ — соль!

— Правильно, извлечённая из морской воды соль. Как сильнее всего притягивает человека к жизни надежда, и как без её сладости жить было бы невыносимо, так надо указать на соль. Она возбудитель влечения к пище, без которого всякое блюдо сказывается неприятной и тягостной.

Легкая улыбка скользнула по бледному лицу Аристотеля; он продолжал убеждать:

— Как все краски нуждаются в свете, так и все воздействующие на вкус соки нуждаются в соли. Она нужна человеку и зверю, чтобы возбудить соответствующее ощущение, а без нее остаются неприятными и даже тошнотворными. По этой причине и закусывают перед другой едой чем-нибудь острым или маринованным, вообще таким, что заготовлено с солью: это как бы зачаровывает аппетит, и, возбужденный такой приманкой, он со свежей силой обращается и к прочим блюдам.

Феофраст не удержался от соблазна опередить Аристотеля:

— Ладно, я добавлю к твоему славословию в честь соли, что она не только придает приятный вкус еде, но и на тело действует как лекарство. — Феофраст приобнял за плечи Аристотеля.

— Убедил, Аристо, твоя взяла. Согласен, что продукты моря не только съедобны и вкусны, но ещё обладают качествами хорошего мяса, не так обременяют желудок, легко перевариваются и усваиваются. Не от того ли врачи часто назначают больным рыбное питание как самое легкое?

— Я воспринимаю твои слова, мой друг, не как твоё поражение, но как мою победу, — отшутился Аристотель. — По этой причине позволь мне сделать вывод: если море посылает к нам самый тонкий и самый чистый воздух, и если оно вскармливает существа более здоровые и более законченные, тогда я могу с полным правом утверждать: самое желательное для человека питание происходит из моря.

ВСТРЕЧА С ДЕЛЬФИНАМИ

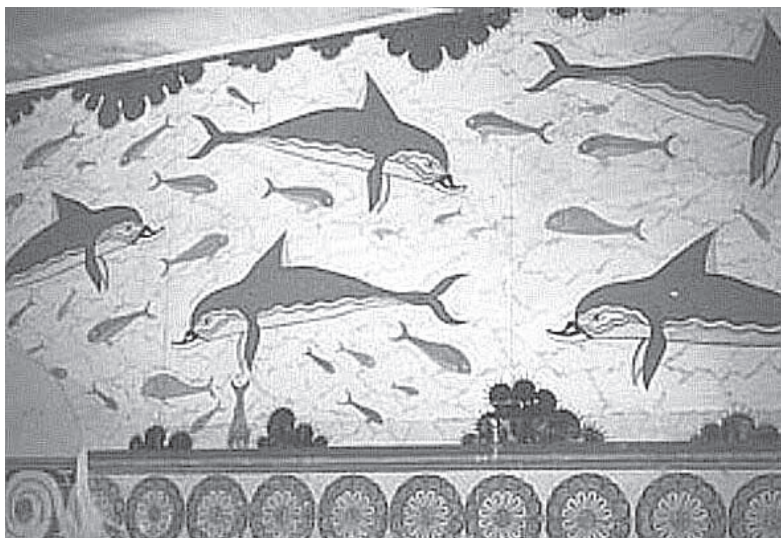
Вскоре повелители неба и морей разобрались между собой, и погода наладилась. Плавание корабля продолжилось, и дальше никакие природные проявления больше не беспокоили путешественников. Прошли Эгейское море вблизи материка, через Фракийское море попали в Фермейский залив, откуда до границы с Македонией плавания оставалось несколько дней. От устья реки Лудий, конечной точки морского пути, дальше предстоял сухопутный переход до столицы Пеллы.

На пути корабля неожиданно объявилась группа резвящихся дельфинов. Для пассажиров захватывающее зрелище! Животные грациозно плыли в толще воды, состязаясь с кораблём, не скрывая своих намерений — опережали ход или вдруг разом ныряли под него, чтобы всем вместе выпрыгнуть далеко впереди. Будто следуя негласной команде, дельфины дружно разбегались в стороны, организованно маневрировали, перестраивались парами. Животные бесстрашно пересекали курс корабля, опасно приближаясь и так же бесстрашно отдаляясь от него. Удивительные морские существа, похожие на стрелы, выпущенные из боевого лука, одновременно выпрыгивали из воды, показывая людям тёмные тела, покрытые водными жемчугами, переворачивались в воздухе и ныряли вниз головами.

Аристотель с другими пассажирами с интересом наблюдал за игрой дельфинов, но она не показалась ему

легкомысленной. Ему показалось, что дружелюбные животные, радуясь собственной ловкости, желают получить одобрение людей, хитро посматривая на них маслинными глазками. Заметив, что Феофраст тоже с интересом наблюдает за происходящим, спросил:

— Как думаешь, друг мой, отчего резвятся эти существа? Я не думаю, что они устроили спектакль ради нас, чтобы мы порадовались за них, словно заезжие актёры в театре. Думаю, что хорошее настроение у них вызвано удачной охотой на кефаль. Обычное дело! Совсем недавно я видел, как они жировали, окружив большую стаю; вода кипела, будто в котле над костром.



— Трудно не согласиться с тобой, Аристо, когда ты заявляешь, что наши дельфины так ведут себя, поскольку они только что полакомились жирной кефалью, — откликнулся Феофраст. — Но я предлагаю тебе посмотреть на их поведение иначе. А что, если дельфины рады видеть людей, и так показывают своё отношение к нам? Они словно говорят: «Не оставляйте нас вниманием!»

— Но если допустить, что дельфины таким образом реагируют на корабль и наше присутствие, тогда, выходит, дельфины разумны?

— Думаю, так и есть. Мы наслышаны о разных историях, когда дельфин дружит с человеком. Ты помнишь, Аристо, сказание об Арионе? Матросы корабля, на котором он плыл с товаром, хотели ограбить его и убить; он прыгнул в море, а дельфин подхватил его и донёс на спине до коринфского берега.

— Ты легковверен, друг мой, — с ухмылкой произнёс Аристотель.

— Я верю фактам, — Феофраст пожал плечами. — В Коринфе мне показали место, куда дельфин доставил Ариона. А в местном храме Посейдона видел бронзовую статуэтку, изображающую человека, сидящего на дельфине. Жрецы утверждали, что это дар Ариона в знак своего спасения на море.

Аристотель промолчал, а Феофраст не сдавался:

— Ты знаешь лучше меня, Аристо, что легенды не рождаются на пустом месте. В основе каждой такой легенды обязательно сокрыта правдивая история. Учёному следует не отмахиваться от неё, а докопаться до корня. Лично я верю в дружбу дельфинов и людей.

Аристотель сдаваться не собирался:

— Я не буду ставить под сомнение твои впечатления от бесед с коринфскими жрецами, но спасение Ариона представляется мне как единичный случай, а не как систему поведения всех дельфинов.

Феофраст упрямствовал:

— Я приведу другую историю. В Милете один человек по имени Койранос увидел, что к рыбакам в сеть попал дельфин, которого собирались убить. Он не позволил им это сделать, купил дельфина и отпустил в море. Через некоторое время Койранос плыл на корабле, который наскочил на подводную скалу далеко от берега. Корабль затонул, все погибли, кроме Койраноса. По его словам, хотя он не умел

плавать, его спас тот самый дельфин! Когда в преклонном возрасте Койранос умер, его тело, согласно обряду, положили на погребальный костер, разложенный на берегу моря. И в этот момент в бухте появилась стая дельфинов; они приблизились к берегу и смотрели на костёр, словно хотели привлечь внимание умершего. По их поведению люди поняли, что дельфины тоже оплакивали Койраноса.

На палубе появился Каллимах, подошёл и, прислушавшись к разговору, поддержал Феофраста:

— Я слышал о дельфинах, которые катали на спинах детей рыбаков, когда те купались, или спасали тонущих в море. Но это были рыбаки, которые никогда не убивали дельфинов, а когда дельфины нечаянно попадались, отпускали, прощая им повреждение сетей.

Аристотель решил закончить спор, как всегда, победителем:

— Ваши истории, друзья мои, ласкают слух своей занятостью. Но они всего лишь доказывают, что люди склонны к объяснению поступков этих без сомнения смыслённых животных человеческими мотивами, в то время как для них существует другое объяснение. Поэтому в их поведении я вижу обычный родительский инстинкт: в тонущем человеке дельфин видел заболевшего сородича и решил, что ему нужна помощь.

Аристотель продолжил рассказ о дельфинах сведениями, полученными от лесбосских рыбаков. Он был уверен, что дельфин не рыба, а животное без жабр и спинного хребта, как у рыб, но есть особые кости, легкие и дыхательное горло. Удивительно, но у дельфинов не видно ушей, а они прекрасно слышат звуки в воде. Животные издают писк, когда их вытаскивают из воды, будто протестуют, а в воде голос дельфина похож на человеческий стон. Детеныши кормятся материнским молоком, растут быстро, но остаются с матерью достаточно долго. Услышав от Аристотеля, что дельфины живут до тридцати лет, Каллисфен удивился:

— Кто может знать, как долго живут дельфины?

— Всё элементарно! Рыбаки иногда развлекаются, делая отметины на хвостах пойманных дельфинов, и отпускают в море. Когда такой дельфин снова попадает рыбакам, они определяют возраст животного.

Разговор о дельфинах вскоре иссяк, и дальше путешественники наблюдали за ними, не произнеся ни слова. Каждый думал о том, что они оставили на Лесбосе, и что их ожидает в Пелле.

Дельфины сопровождали корабль ещё некоторое время, а когда показалась гавань Метоны, конечный пункт плавания из Лесбоса, они исчезли, так же внезапно, как и появились.

ТАКАЯ ОНА, ПЕЛЛА

За Метоной, где усталые воды Лудия попадали в цепкие объятия морского прибоя, для Аристотеля закончилась первая часть его путешествия. Мужчины пересели в двуконные коляски с высокими колёсами, *арме*, нанятые у содержателя придорожной гостиницы вместе с возницами. Женщины следовали в *дзигоне* — удобной для дальней дороги повозке. Груз и дорожную поклажу в сопровождении слуг везли небольшим караваном мулов и ослов. Дальнейший путь проходил в живописной долине вдоль реки без затруднений и происшествий.

У самой Пеллы дорога вошла в лес, преимущественно состоящий из огромных пиний*. Колеса повозок с тихим шорохом утапывали прошлогоднюю хвойную подушку, отчего в воздухе витал крепчайший смолистый аромат.

Пожилой македонянин, встретивший в Метоне Аристотеля, как велел Филипп, сопровождал его коляску на рослом вороном коне. Чтобы скрасить дорогу, он время от времени сближался, чтобы поделиться очередной историей. От него Аристотель узнал, что раньше резиденция македонских царей находилась в Эги, царь Архелай перенёс её в отстроенную им Пеллу, теперь неприступную крепость. На возведение

зданий и сооружений новой столицы ушло много камня, выломанного из скал, и строительного леса. На склонах здешних гор раньше возвышались огромные массивы дуба, но и через сто лет повсюду видны рваные раны, нанесённые лесорубами.

Аристотель услышал, как строилась Пелла. Сначала возвели каменную крепость, задняя сторона которой подошла вплотную к никогда не пересыхавшему болоту. Отсюда можно было не ожидать врагов — ни конного, ни пешего, ни летом, ни зимой. В крепости возвели дворцовые здания, а от крепости на юг уже расположился сам город, который немного позднее тоже обзавёлся собственными оборонительными стенами.

При въезде в город из глубокого рва резко пахло затхлой водой. В крепость попали по опускаемому мосту, охраняемому царскими гвардейцами.

Аристотель мысленно готовился к встрече с городом своего детства, но то, что он увидел, произвело на него сильное впечатление. Его поразили широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом, вдоль которых выстроились в ряд каменные дома в один-два этажа с черепичными крышами. Встречались дома, сложенные из бревен, укрытые тростниковыми матами, но таковых было мало. Когда Аристотель жил в Афинах, к нему доходили слухи о красоте и грандиозности македонской столицы, мечтавшей поспорить с Фивами или даже с самими Афинами. Но то, что он увидел, заставило его не только удивляться, но и восхищаться.

Все здания имели изысканную отделку главных фасадов, а ведь именно такое проявление роскоши у греков считалось неприемлемым. Но так обозначился свой, «македонский» стиль в архитектуре. Вместо афинской городской тесноты, что, собственно, встречалось почти в каждом греческом полисе, улицы выделялись просторами. В этом Аристотель узнал непревзойденный «Гипподамов» стиль, предлагаемый Платоном для своего идеального государства. Аристотель усмехнулся, как философ Гипподам не состоялся, но пла-

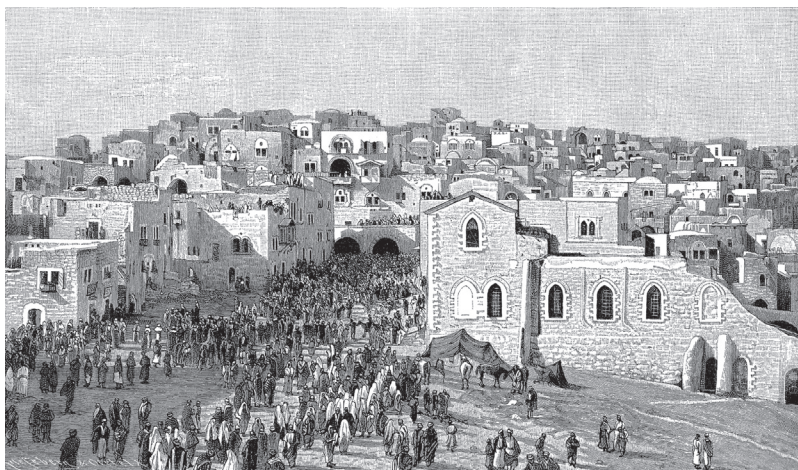
нировку полиса задумал великолепную, в конечном итоге, идеальную. Молодцы, македонские цари, переняли замечательную идею!

Гипподам, зодчий из Милета, однажды в творческом запале задумал проект городской застройки, поставив наперёд удобства для проживания в нём жителей.



Он предложил правителям греческих полисов перестроить свои города, согласно абсолютно новому решению, схожему с великим изобретением. Это планировка с пересекающимися под прямым углом улицами, выделявшая равные прямоугольные кварталы, где каждый состоял из десяти дворов. Получилось идеальное «равноправие застройки», при которой все граждане в жилых кварталах получали в собственность одинаковые по размерам земельные участки. Соседствующие участки разделялись пополам проходом, в котором укладывались керамические детали с перекрытиями из плит — для бытовой канализации. Улицы ориентировались по сторонам света. Площади, отводимые под общественные здания и рынки, становились кратными стандартным размерам квартала, а к главной улице примыкала городская пло-

щадь с общественными зданиями и рынком — *агора*. Театр и стадион вместимостью до сорока тысяч зрителей строились на окраине или за пределами города.



Гипподам условно разделил проект на три части: первая предназначалась для строительства жилья и работы ремесленников, вторая — для земледельцев с их хозяйственными постройками и скотом, третья отдавалась для проживания воинов городского ополчения в казармах. Обитатели каждой такой части платили установленные налоги в отдельные казенные хранилища. Предполагалось, что и законы в таком городе должны были устанавливаться отдельные, возникающие по роду деятельности граждан в каждой части города. Но это была уже утопия! В новой столице Македонии всей этой философской атрибутики не было, но всё равно царская Пелла оказалась достойна восхищения жителей Эллады.

Глава седьмая

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

ФИЛИПП — ОТЕЦ АЛЕКСАНДРА

Прибывших греков разместили в дворцовых помещениях, а вечером к Аристотелю явился царский слуга с сообщением, что Филипп приглашает его завтра к полудню. Будет время посетить баню, где его ожидает *алейпт* — специалист по массажу.

На другой день за Аристотелем явился эконоом Хейрисофос, дворцовый управляющий. Провёл в царский кабинет, деловито поясняя по пути назначения тех или иных служебных помещений.

Философ увидел царя, как себе и представлял: широкая кость, лицо обветренное, мужественное, внимательный взгляд слегка выпуклых глаз, низкие густые брови. Филипп сидел за столом в кресле с высокой спинкой, лицом к двери. На рабочем столе перед ним лежали папирусные свёртки. Аристотель заметил мебель, удивившую его неброским оформлением: низкая кушетка на ножках в виде львиных лап, на ней белое покрывало из овечьих шкур, два широких кресла с подлокотниками и сиденьем из переплетённых кожаных ремней, в углу стоял потёртый сундук с потемневшей перламутровой инкрустацией. В стенной нише на полках горка пожелтевших папирусных свитков.

Ожидая знаменитого афинского преподавателя, Филипп предполагал увидеть скромного на вид человечка, Аристотель же выглядел броско, одет вызывающе: царя неприятно резанул красный цвет *гиматия*, допустимый разве что в праздничной одежде властителей, а черная кайма по краю ткани говорила о моде. На груди он носил золотую цепь внушительного размера, последнее звено касалось живота. На его левой руке царь опознал серебряный *сфрагис*, печатку, с крупным аметистом. От гостя исходил резкий запах цветочных эссенций — ничего удивительного, если иметь в виду, что Аристотель был греком. Для эллина это считалось нормой. Но Филипп не разделял увлечение мужчинами косметикой, считая его проявлением женственности, и по такому поводу язвительно говорил: «Чтоб нравиться женщинам, мужчине достаточно пахнуть кровью врагов». Аристотель же пристрастился употреблять косметические средства в Троаде, где благодаря близости к Азии они обычно предполагали принадлежность к аристократическим кругам. К тому же он, как учёный, проводил исследования в восточной косметологии, экспериментировал во благо науки и некоторые благовонные смеси для себя составлял сам.

Филипп не был в восторге и от черт лица Аристотеля: некрупный рот, сжатые, словно в недовольной гримасе, сухие губы, нос удлинённой формы и настороженный взгляд глубоко посаженных глаз; волосы темно-бронзового оттенка, прихваченные сединой, словно утренней изморозью. Сетка морщин над рыжеватыми бровями дополняла первое не очень благоприятное впечатление.

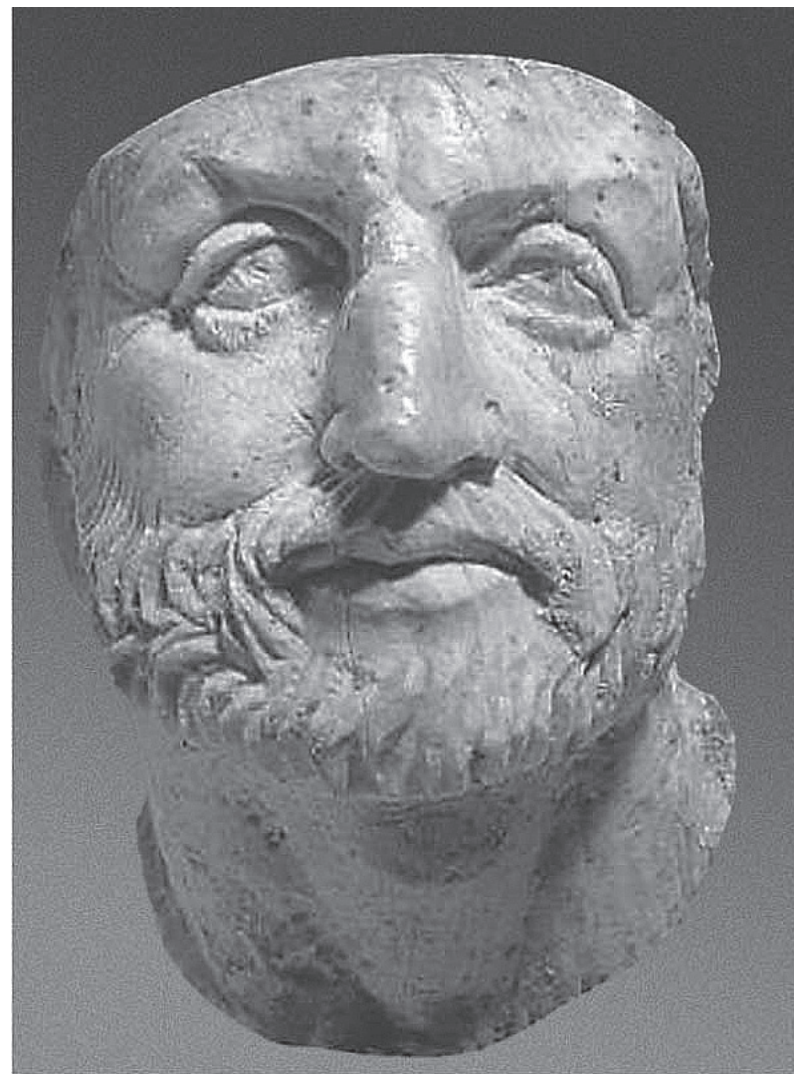
Аристотель от двери ещё сдержанно поздоровался:

— Хайре!

— Хайре, Аристо!

Озадаченный приёмом Аристотель не знал, как вести себя дальше, — подобное сокращение имени допускалось только близкими людьми.

— Аристо, — повторил Филипп, — ты удивлён, что я называю тебя, как в детстве?



Теперь всё стало на место. Аристотель до приезда в Македонию вспоминал свои детские годы в Пелле, где у них с маленьким Филиппом были общие игры. И хотя царевич был года на три младше его, они оба с упоением скака-

ли по двору на палочках, изображая всадников, сражались на деревянных мечях, бегали взапуски. И вот встреча через столько лет!

Филипп не отпускал Аристотеля, будто боялся расстаться с воспоминаниями.

— Аристо, ты почти не изменился с тех пор. Только подрос. — Он засмеялся и показал на свой левый глаз. — А я стал похож на Полифема*.

Аристотель сразу не заметил, что глаз смотрелся неестественным, но был очень похож на настоящий.

— Наслышан о том несчастье, что постигло тебя, царь, и сильно огорчён. Хотя люди говорят, что воина украшают рубцы от ран. Как это произошло?

— При осаде Метоны.

Аристотель лукавил, когда спрашивал, где потерял свой глаз царь. Он узнал подробности по дороге в Пеллу от сопровождающего македонянина...

Ко времени осады Метоны (355 г. до н.э.) войска Филиппа захватили на побережье Македонии и Халкидики все греческие города, кто был связан с Афинами военным союзом. Оставалась одна Метона, которая в случае поражения отдавала Македонии контроль над всей береговой линией и, тем самым, над дорогой в Фессалию. Афинское народное собрание проголосовало за военную помощь Метоне, но отправка экспедиционного войска к месту событий всё время затягивалась по срокам. Сказывалось влияние промакедонской политической группировки среди афинских лидеров. Воспользовавшись ситуацией и занятостью Афин в войнах на Пелопоннесе, Филипп привёл своих воинов к стенам беззащитного города.

Поначалу он потребовал у жителей Метоны сдать город, и, получив отказ, начал осаду с применением таранов. Жители Метоны, не оставляя надежд на подкрепление из Афин, сопротивлялись стойко, отражая попытки македонян овладеть городом с помощью приставных лестниц. Филипп безрезультатно посылал на стены отряды, которых встречал

убийственный ливень из камней, копий и стрел защитников. Осознав критичность ситуации, и чтобы не допустить паники, царь возглавил очередной штурм. Среди рядовых воинов он был узнаваемым, выделялся яркими дорогими доспехами, отчего ранение стрелой в голову не явилось случайностью. Жизнь Филиппа оказалась в опасности, и только благодаря врачу Критобулу он был спасён от смерти. Увы, один глаз не видел, но, благодаря тому же Клеобулу, выглядел так, что нужно всматриваться, чтобы это заметить.

— Я оставался неуязвимым для вражеского оружия благодаря шкурке убитой мной крысы, — неожиданно сказал Филипп. — Крыса ловко избегает опасности, и человек, носивший при себе её шкурку, неуязвим. Но в тот день я о ней не вспомнил — и вот результат!

Он вздохнул, переживая неприятные воспоминания.

— Хорошо ещё, что стрела была на излёте. Остался жив.

— На все воля Зевса! — сдержанно произнёс Аристотель. — Часто такое происходит от случайности. А я знаю историю, когда человек сам себя ослепил.

— Неужели такое возможно? Ты назовёшь имя чудака?

— Он философ, имя Демокрит из Абдер, который однажды заявил, что мир вокруг погряз в мерзости. А если люди не замечают их, это означает, что зрение мешает им видеть те мерзости. Тогда, лишившись зрения, можно обратить свой взор вглубь себя и, обострив остроту ума, добраться до сути, причин мерзости. Демокрит решил доказать это собственным примером: в полдень поставил перед собой отшлифованный до зеркального отражения бронзовый щит, поймал отражение солнца и стал пристально смотреть на него до тех пор, пока не ослеп.

— И что твой философ? Обнаружил, чего искал?

— Думаю, да. Когда его спрашивали об этом, он отвечал: «Я не различаю красок жизни, а вместо того ощущаю блаженство, мне открывается дорога в бесконечность, и ни единого препятствия на ней».

Филипп пожал плечами и, указав кресло, вернулся к столу.

— Мне бы его заботы! Ладно, поговорим о нашем деле, зачем ты мне понадобился, — царь испытывающим взглядом посмотрел на Аристотеля. — Мой сын Александр, когда вырастет, станет царём македонян. Надеюсь, что это случится не скоро, и всё же я обязан позаботиться о воспитании наследника. Он будет служить своему народу и Македонии, а Греция пусть узнает его *филэллином*, другом эллинов. А чтобы так случилось, Александру следует познать эллинскую культуру. Вот для чего ты здесь.

Филипп смотрел в глаза Аристотелю, словно хотел заглянуть в самую душу.

— Ты согласен? — спросил он сдержанно.

Аристотель догадывался, о чём будет первый разговор с царём, поэтому думал, как ответить, недолго:

— Царь, я уже в Македонии, что означает мою готовность послужить твоим интересам. Но прежде позволь узнать от тебя, в чём ты видишь моё усердие.

— Обучай Александра всем наукам, открытым твоей мудрости. В этом смысле будь с ним предельно строг. Никакого снисхождения за леность или безразличие. В его начальном воспитании я допускал наказание розгами. Занятия будешь проводить во дворце, для вас выделена комната. А я буду наблюдать.

Царь несильно ударил изогнутым обломом* по *гонгу*, бронзовой тарелке, висевшей на стене. Появился слуга.

— Зови Александра, — сказал ему Филипп.

Обернувшись к Аристотелю, выразительно поднял брови и приоткрыл желтеющие крупные зубы подобием улыбки:

— Сейчас увидишь моего сына.

НАСЛЕДНИК МАКЕДОНСКОГО ПРЕСТОЛА

Пока разыскивали Александра — он был на дворцовой половине матери, Филипп рассказывал о нём, и в его словах скрывалось огорчение:

— Александру исполнилось двенадцать лет — уже не ребёнок, но и не эфеб. Удобный момент вытравить дурные привычки, которые успел накопить под влиянием взбалмошной матери, и наставить его на путь, достойный царей.

В голосе Филиппа зазвучала доверительность.

— Аристо, я вижу, что Александр тянется ко мне, глаза его горят, когда он слушает меня. Но после перерыва в общении, когда я отбываю из Пеллы, его опять не узнать, он становится жеребёнком с необузданным норовом.

Со слов царя, Аристотель узнал о детских годах Александра. Малыш любил кататься на качелях, осознавая, что это забава для девочек. Ловко скакал на одной ноге — подальше и быстрее, опережая товарищей по играм. Предлагал сверстникам состязаться в перетягивании верёвки, в свою команду набирал товарищей, кто сильнее и старше. Любил испытывать себя на устойчивость, предлагая другим столкнуть его с места, и это испытание получалось у него лучше остальных.

Подростком ловко бросал камни в цель, небольшим копьём попадал в бегущую ящерицу. С малых лет, и сразу, научился плавать, любил устраивать состязания со сверстниками на речке или озере — кто быстрее или кто дольше продержится под водой. Обсыхая с товарищами по играм на берегу водоёма, бросал плоские камешки о воду так, что они отскакивали неоднократно от поверхности. При этом часто выигрывал и громко радовался победе, горделиво поглядывая на проигравших. В таких случаях ему нравилось унижать товарищей за проигрыш. А если случалось ему самому проигрывать, тогда сильно переживал, кричал или даже плакал, обвиняя в нечестности всех, кто оказывался ловчее.

— Отличное качество для будущего царя — стремиться быть лучше других, — оценил рассказ царя Аристотель.

— Ты угадал, Аристо. Моему сыну нравятся игры в «царя». Он сам их придумывает. Представь, зовёт сверстников — все из семей придворной знати — и предлагает выбрать царя. Настаивает, чтобы выбрали его, а если так не случается, злится и отказывается от участия в игре. И знаешь, что он

говорил? — Филипп широко улыбнулся. — Мой отец — ваш царь, а я его наследник. Поэтому вы все должны мне подчиняться, а я — никому из вас не буду подчиняться.

Лицо Аристотеля стало озабоченным.

— Я так понимаю, у Александра нет близких друзей?

— Ты не ошибся. Во-первых, каждый македонянин с детства не приучен подчиняться кому бы то ни было. По этой причине дети неохотно играют в такие игры, где не они первые. Но у моего сына хорошо получалась игра в судей. В ней охотно принимали участие все дети, находились желающие быть судьями, свидетелями защиты и обвинения. Некоторые даже соглашались на роль палача — надо же было кому-то исполнять «смертный приговор», когда судьи его выносили для обвиняемых. Александр объявлял себя главным судьёй, всегда с удовольствием рассматривал жалобы, назначал наказания, среди которых более всего приговаривал к конфискации имущества. Самое трудное для такой игры было найти желающих на роль обвиняемых.

Филипп сощурился и со смехом произнёс:

— Александр не знал, что, когда его товарищи отказывались играть с ним, я подговаривал соглашаться своих слуг. Потом мне приходилось делать им подарки как «пострадавшим от правосудия».

Аристотель узнал о том, что в последнее время наследник часто проявляет раздражительность, порой безрассудство. С товарищами неводержан, бросается на обидчика с кулаками, не задумываясь, справится с ним или получит отпор. Пропуская удары, бесстрашно продолжал стычку, даже если нос ему разбивали в кровь. Никогда не плакал, получая ссадины и ушибы, и всегда обижался на взрослых, если они называли его ребенком.

— Меня вот что удивляет, — задумчиво произнёс царь, — Александр, когда товарищи предлагают ему по-настоящему состязаться в силе и ловкости, отказывается. Мне он объяснил, что согласится на это только с царями, чтобы их побеждать.

Аристотель слушал, изредка поднимая рыжеватые брови и поглаживая бороду, что говорило о предельной сосредоточенности.

— Я так понимаю, что Александр не имеет друзей? — уловив момент, спросил он.

— Меня беспокоит эта черта его характера, — Филипп развёл руками. — Каждый мужчина должен иметь друзей, которые поддержат в трудный момент. А друзья детства — великая сила, тем более для царя. Я обязал родовитые семьи прислать в Пеллу сверстников Александра, чтобы они росли вместе, участвовали в играх и получали образование рядом с ним. Когда дети станут взрослыми, некоторые из них станут его близкими друзьями и помощниками.

Разговор прервал подросток со светлыми волосами, невысокого роста, крепыш. Вошёл стремительно, будто вихрь ворвался в кабинет. По возбуждённому виду было заметно, что ему не терпится познакомиться с человеком, о котором давно говорили во дворце. Увидев Аристотеля, замер, разглядывая пристально и не отводя глаз.

Он ожидал встретить пожилого грека со скучным лицом и взлохмаченной бородой, какая, ему представлялось, имела у всех философов. На Александра внимательно смотрели серые колющие глаза, будущий его наставник имел ухоженные усы, на голове — зачесанные вперед негустые рыжеватые волосы.

— Александр, познакомься с Аристотелем, — произнёс Филипп голосом, не допускавшим возражений, и подтолкнул сына к Аристотелю. — Он теперь твой наставник, если хочешь, второй отец. Учись прилежно, слушай его советы, исполняй распоряжения и в отношении учёбы не допускай недовольствия с моей стороны.

Царевич согласно закивал головой.

— Ну, здравствуй, Александр, — Аристотель с улыбкой протянул руки навстречу. — Я уверен, что мы с тобой найдём общий язык.

Он легонько притянул его за плечи и поцеловал в голову.

У Александра в груди потеплело. Неожиданно у него повлажнили глаза, и чтобы не выдать свои чувства, он опустил голову. Отец сделал вид, что ничего не заметил.

— Александр, ты говорил товарищам, что будешь великим полководцем, — с улыбкой произнёс Филипп, поглядывая на Аристотеля.

У Александра вспыхнули жаром уши. Он поднял подбородок и, глядя отцу в глаза, решительно заявил:

— Когда я вырасту, совершу великие подвиги, как Геракл и Ахилл, если ты оставишь места для моей славы. Я могу не успеть за тобой, видя, как ты расправляешься с врагами Македонии.

Филипп расхохотался во весь голос, хлопая себя по коленям.

— Но ведь я добываю славу и новые земли для тебя! — успокоившись, сказал он.

— Что толку, если у меня будет полно добра и мало дела! — парировал сын.

— Александр, твоё стремление мне знакомо, в этом ты очень похож на меня в молодости. Сейчас я понял, что ты будешь великим полководцем, отчего македонского царства тебе покажется недостаточным. Ты пойдёшь дальше, гораздо дальше, чем я даже предполагаю.

Филипп перевёл дух, лицо его посерьёзнело.

— Да, сын мой, иди дальше меня, если почувствуешь себя Гераклом, великим предком нашей семьи. Но лишь бы не пришлось тебе раскаиваться в содеянном, чего уже более нельзя изменить. Ты это понял, Александр? — строго спросил он.

— Понял.

— Вот, молодец. Теперь иди к себе, жди, когда наставник призовёт к учёбе.

ФИЛОСОФСКОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Когда Александр вышел, Аристотель подумал, что царь закончит встречу, но Филипп сделал протестующий жест.

— Мы столько лет не виделись, Аристо. Неужели нам не о чем поговорить? Прошу, подели со мной трапезу. У меня отличный повар, а ты, я знаю, знаток греческой кулинарии. Он будет доволен, если тебе понравятся его блюда.

Он хлопнул в ладоши. Появился слуга, получив распоряжение, он вышел. Филипп, видимо, тоже был равнодушен к еде, поскольку продолжал говорить о своём поваре, которого звали Афиноген, с любовью:

— Пятнадцать лет назад он сбежал от сиракузского правителя Дионисия, для которого готовил, помимо прочего, особое блюдо из морских ежей. Недавно сотворил для афинского посольства, которое я принимал, удивительное кушанье: когда открыли крышку котла, по всему дворцу стоял аромат свежих роз, возбуждающий разум. Один из гостей тогда даже продекламировал: «Вдруг до земли и до неба божественный дух разливается, столь велико благоухание роз!» Можешь мне верить, Аристо, вкус блюда оказался сродни запахам розового куста в пору цветения. Афиноген раскрыл мне секрет: он истолок в ступе лепестки самых душистых роз, добавил сваренные птичьи и свиные мозги, вынув из них жилистые волокна, и подал под соусом с яичными желтками, оливковым маслом, перцем и вином. Вот что называется искусством кулинара!

Аристотель пожал плечами, намереваясь, по обыкновению, возразить собеседнику:

— Как бы ни был искусен повар, приготовление пищи я не считаю искусством, а лишь сноровкой в отличие от врачевания. Ведь врачевание постигло и природу того, что оно лечит, и причину собственных действий. А приготовление пищи целиком направлено на удовольствие её употребляющему, ему одному служит.

— Это почему?

— Потому что повар устремляется к своей цели вообще безрассудно и безотчетно, не изучив ни природы удовольствия, ни причины, не делая различий. Для него блюдо хорошее, если просто-напросто доставляет удовольствие тому, кому предназначено. Я стараюсь избегать таких кушаний, которые соблазняют человека поесть, не чувствуя голода. У Гомера волшебница Цирцея превращала людей в свиней, угощая их такими кушаньями в изобилии, и Одиссей держался от чрезмерного их употребления. Вот почему он не превратился в свинью.

— Я скорее соглашусь, нежели начну спорить с тобой по этому поводу. Самая простая еда доставляет мне не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если только не страдать от того, чего нет. Даже хлеб и вода доставляют величайшее из наслаждений, если дать их тому, кто голоден. У македонян еще предками заведена привычка к простым и недорогим кушаньям. Она здоровье укрепляет и позволяет не страшиться превратностей судьбы.

Филипп с интересом слушал Аристотеля, открывая для себя незнакомые грани философии еды.

— Когда рядом с тобой есть прислужники, царь, которые исполняют любое твоё желание — я имею в виду сейчас поваров, — они начинают потчевать тебя чем-то таким, о чём сами понятия не имеют, но знают, что это наверняка вкусно. При случае готовы раскормить тебя до тучности, если их не остановить. А причина в их уверенности, что за своё усердие они будут окружены похвалами, а порой наградами. Только ради этого и стараются.

Аристотель говорил увлеченно, со знанием предмета, так как и в застолье любил «докапываться до истины». К тому же он был рад случаю познакомиться ближе с правителем страны, где предстояло жить и работать до совершеннолетия наследника.

Четверо слуг вынесли два низких стола, заставленные блюдами. Рядом на полу пристроили корзинку с ячменными

и пшеничными хлебами, дразнящими аппетитными запахами. При виде хлеба Аристотель не удержался, напевно произнёс из стиха: «О сколько силков для хлеба ставят несчастные смертные! Давайте же spoём хвалу хлебу».

Филипп поднял брови, с интересом спросил:

— Чьи стихи? Не слышал.

— Малоизвестного пока в Греции комедиографа Александы из Фурий. Пишет талантливо, резко и смешно. Надо же, так написать о хлебе! Я очень люблю хлеб, особенно ячменный, для меня он платонический идеал простоты в еде. Говорю с убеждением, так как перепробовал всякие сорта: квашеный и не квашеный, из муки тонкого помола и грубый из непросеянной муки, ржаной или полбенный из проса. Но лучшим хлебом признаю духовой хлеб, испечённый в печи. Он вкусен и полезен, легко усваивается, не крепит и не ослабляет желудок.

Филипп охотно поддержал неожиданную для него тему:

— На македонских пирах в хлебе тоже нет недостатка. Его подают в начале и в самом разгаре трапезы. А когда едоки насытятся и уже не смотрят на выставленные кушанья, в качестве соблазнительной приманки выносят так называемые помазанные жаровенные лепешки. Они тают на языке с такой сладостью, что одно их появление приводит к удивительному результату: подобно тому, как пьяный частенько трезвеет, точно так же и сытый от полученного наслаждения превращается в голодного.

В подтверждение своих слов он восхищенно зацокал языком.

Тем временем *архитриклин*, виночерпий, разлил вино по чашам, после чего в воздухе повис выразительный запах «крови Диониса». Затем бесшумно исчез, словно растворился — хорошее качество расторопного слуги, но появился толстячок с розовеющими щеками. Под глазами у него свисали дряблые мешочки, выдающие скрытые в организме недомогания, а может, пристрастие к чревоугодию или вину. Толстячок уверенно подошёл к царю. Аристотель догадался,

что это царский повар. Филипп указал на стол, где из середины выглядывал большой горшок, прикрытый крышкой.

— Чем ты удивишь, Афиноген?

— О, царь, сегодня приготовлен суп из нарубленных голов угрей в дружном союзе с каракатицами, чесноком и луком и приправами. А приправой послужит сильфия. Вот ещё блюдо с морским скатом под соусом. Как управитесь, посоветую закусить парной кефалью, осьминогами, жареными в сухарях, и этими креветками.

Афиноген показал на золотистую горку, укрытую зеленью укропа. Повар произносил всё это комичной скороговоркой, голосом полным и приятным:

— А вот ещё улада для ваших голодных желудков — тушеный тунец; куски вырезаны из самых мясистых подбрюшных частей. Клянусь богами, не тунец, а вершина пира! Пуп застолья, я бы так и назвал своё блюдо!

Повар хлопотал над блюдами, расставленными на столах, не переставая говорить:

— О, едва не пропустил! Обратите внимание на горячие потроха и кишки откормленного поросенка, хребет и ребра с горячими клецками. Великая радость для едока! — он повернулся к десертному столу, который появился в помещении, пока он выступал перед участниками трапезы. А вот, обращаю ваше внимание, мои винные пирожные и сласти в цветочных лепестках, пшеничные лепешки с глазурью, кисло-сладкие. Следом принесут ещё такое, что оставит в ваших желудках незабываемое ощущение божественного праздника.

Филипп был явно доволен произведённым на Аристотеля эффектом. Философ действительно не был готов к столь обильному сценарию за трапезой. Выходит, он имел очень отдаленное представление о македонском гостеприимстве.

— Всё! Всё! Уходи прочь с наших глаз! Надоел своей болтовнёй! — добродушно прикрикнул на повара Филипп и повернулся к гостю. — А мы, пожалуй, приступим.

Он театрально повёл носом, улавливая ароматы, исходя-

щие от блюд, и неожиданно произнёс, как это сделал бы поэт или актёр: «Трепещут ноздри от запаха шалфея, а вот и мирра, ладан с ними, аир, стирай и майоран, и линд, и кинд, и кист, и минт*», — после чего принялся за еду, приглашая делать то же самое Аристотеля.

— Мой врач Критобул не раз говорил мне, — жуя, произнёс царь, — что перед выпивкой впору наесться, и лучше всего закусками, ибо, если пища попадает в желудок после вина, она губит не только хороший напиток, но ещё может вызвать всякие неудобства и даже боль. Слава Зевсу, македоняне никогда не признавали умеренного питья. Мы сразу напиваемся допьяна уже к первым переменам блюд, так что дальше уже не способны наслаждаться едой, — царь оторвался от еды. — Зная за собой такое, я постоянно борюсь с собой, но нередко позорно сдаюсь перед обстоятельствами. Особенно на пирушках с военачальниками.

Филипп громко захохотал, широко раскрывая рот. Аристотель в ответ улыбнулся, поддерживая его настроение.

— Тебе известно, царь, что я имею отношение к медицине, если исходить из семейной традиции. Могу подтвердить, что в начале трапезы следует избегать обильных винных возлияний. Они препятствуют обработке пищи, поступающей после них. Из этих соображений лучше всего употребить закуски из зелени и белой свеклы. Хороша также солонина из морской, озерной и речной рыбы, ибо она малопитательна, малосочна, суха, легко переваривается и возбуждает желание участвовать в дальнейшей пирушке.

— Нет, Аристо, для возбуждения аппетита лучше мы употребим маслины в особом рассоле, по рецепту Афиногена, он называет их «утопленницами», — царь взял горсть маслин и стал с удовольствием их поглощать. — А вот ещё репа в горчичном уксусе, для той же цели.

Аристотель не отказывался ни от чего, что предлагал царь, с удовольствием угощался вином. После нескольких чаш хозяин стола и его гость насытились и расположились к умственным размышлениям. Понимая, что Филипп оставил

его не только ради трапезы, Аристотель поспешил спросить:

— Царь, если позволишь, могу я узнать, почему в наставники своему сыну ты пригласил меня? Ведь я более философ, нежели педагог. Разве в Греции недостаточно учителей, готовых оказать македонскому царю столь важную услугу?

Филипп, видимо, ожидая такой вопрос, не удивился.

— Ты правильно заметил, Аристо, говоря о «важной услуге». Что может быть важнее для царя Македонии, чем желание иметь в лице наследника надёжного продолжателя своего дела? Я хочу видеть Александра лучшим из правителей Греции, и даже, чтобы он был лучше меня. Разве решение такой задачи я могу доверить другим учителям, даже очень знаменитым? Тебе нужно понять, друг Аристо, что с семи лет Александром занималась его мать. Она сама нанимала учителей и воспитателей, по своему вкусу и желанию. Ты разве не предполагаешь, чем это закончится для Александра, когда он вырастет, — Филипп уже не сдерживался. — Нет, в его возрасте материнское влияние выглядит пагубно. Именно этим я и недоволен!

— Но моими учениками всегда были взрослые люди, каждый имел определенный запас высоких знаний. Я общался с ними как философ.

— А разве воспитание юношества не удел философии? — в голосе царя прозвучало раздражение. — Часто молодые люди не знают, что такое рассудительность, делают опрометчивые поступки. А кто может их познакомить с рассудительностью? Только если с ними поделится знаниями философ. Вот почему я предложил дальнейшее воспитание сына тебе, в надежде на то, что мой наследник извлечет пользу от общения с тобой, овладеет эллинской культурой, а это обязательно принесёт пользу ему и народу, которым он будет управлять.

— Соглашусь с тобой, — отозвался спокойно Аристотель. — Ещё Платон хотел, чтобы философы служили у царей советниками. Только мудрецы могут уберечь правителей от ошибок, а если в каждом государстве появятся мудрые

правители, народы почувствуют себя счастливыми.

Филипп удовлетворённо хмыкнул, налил до краёв свою чашу и выпил *апневисти* — разом, не прерываясь, словно утолил обычную жажду. Кинул в рот кусок желтоватого сыра, медленно прожевал и продолжил:

— С чем не соглашусь, будто философией следует заниматься всю жизнь. Если царю философствовать больше, чем следует, существует опасность остаться без опыта, какой даёт обычная жизнь. Он останется совершенно неопытным в человеческих отношениях, в радостях и желаниях, потеряет способность познавать свой народ. Такой царь становится непонятым, и как следствие, неуважаемым своим окружением и народом. Он покажется смешным, если для решения государственных дел он каждый раз будет обращаться к философии как послушный ребёнок. Тебе ли, Аристо, не знать судьбу несчастного Гермия, большого друга философии!

Аристотель сдержанно возразил:

— Философия сильна тем, что вовремя может оказать правителю ценную услугу, помочь думать и размышлять над тем, какую форму правления ему избрать. Только философ подскажет правителю, какие достоинства он обязан иметь, чтобы добросовестно управлять подданными.

— Откуда ты знаешь, какие качества присущи царям? — Филипп с удивлением посмотрел на Аристотеля.

— Для этого не нужно быть царём, Филипп. Я думаю, что главное достоинство любого правителя — быть полезным своему народу. Но для этого ему потребуется уважать народ.

— Кто он такой, этот народ? Есть за что его уважать?

— Народ твой, царь, состоит из отдельных людей, у каждого из них есть своё занятие: воин, пахарь, кожевник или он пекарь. Разве ты, царь, презираешь своего воина, с которым идешь в сражение на врага, или, к примеру, кожевника, выделавшего кожу для твоих сапог?

— Нет.

— А оружейника, который выковал для тебя меч, или булочника, испекшего хлеб к твоему столу, торговца соленой

рыбой или цирюльника, поправляющего тебе бороду?

— Нет! Что за вздор! — Филипп уже почти кричал.

— Так они и есть твой народ, царь. Если ты не презираешь каждого в отдельности человека из народа, тебе следует полюбить их всех вместе.

Филипп понимал, что он не сердится на Аристотеля, если тот возражает ему и спорит. Общение с ним доставляет удовольствие. Это было ещё одним подтверждением того, что он не ошибся в выборе наставника.

— Аристо, твои рассуждения достойны похвалы как разумные. Но я скажу тебе так: царь не сможет заставить каждого человека из народа уважать себя, тем более, любить. Бессмысленная затея! Поэтому беспокоиться по этому поводу мне не приходится, потому что в моих руках власть и армия, а власть с армией вместе — всегда сила. Люди, обладающие властью, честолюбивее и мужественнее людей обычных, даже родовитых и знатных — они стремятся к делам, которые способны исполнить вследствие их власти. Они заботливее остальных людей, так как постоянно находятся в хлопотах, принужденные смотреть за всем, что касается власти. И эти обстоятельства позволяют им быть любимыми своим народом в целом.

Аристотель не сразу ответил, раздумывая, настаивать ли на своём мнении. Чтобы протянуть время, он медленными глотками пил вино, показывая, что для него сейчас важнее ощущения вкуса хмельного напитка. Филипп понял молчание как согласие с его доводами и тоже занялся своей чашей. Испив до дна, неожиданно спросил, меняя тему разговора:

— Сейчас мы пьём вино неразбавленным, в отличие от греков, но так привыкли делать в Македонии с древности. Не можешь ли ты сказать, откуда пошёл у греков этот малопонятный для нас обычай.

Аристотель начал размышлять:

— Трудно утверждать, было ли так на самом деле, но я слышал легенду о Дионисе, подарившем чудесный напиток, который греки называют «кровью бога». Когда Дионис при-

вез в Грецию вино, его начали пить, какое оно было, неразбавленным, и напивались до состояния буйства или, наоборот, полного бесчувствия. Однажды какие-то люди устроили попойку на берегу моря; неожиданно начался ливень, все разбежались, а когда ливень кончился, люди вернулись и обнаружили, что в чаши с остатками вина налилась дождевая вода. Кто-то попробовал и сказал, что так вкуснее, и вскоре все убедились, что содержимое чаш очень вкусно. С тех пор повелось, что «кровь Диониса» пьют, разбавляя «росой речных нимф», в пропорции, кто как привык: обычно, одну порцию воды на две вина. А жертвоприношение вином Дионису творят несмешанным вином, называя его Благим Богом за то, что он подарил грекам этот напиток; смешанным вином чествуют Зевса, называя его Спасителем за то, что он как владыка всех дождей и ливней вовремя научил людей правильно пользоваться Дионисовым даром.

Филипп глянул на Аристотеля вприщур, словно примеривался, сможет ли он ответить на следующий вопрос:

— Аристо, мне говорили, что у вас с Платоном случилась ссора или вражда, и ты побил старика. Что вы не поделили такого в философии, чтобы стать врагами?

Слова царя застали Аристотеля врасплох, и ему ничего не оставалось, как объясниться:

— Платон для меня, как и для других выходцев Академии, великий учитель, каким останется для философии навсегда. Но чтобы понять мои с ним отношения, требуется знать Платона со сторон, неизвестных большинству людей. Есть сведения очевидцев, что сам Сократ, учитель Платона, не без колкости однажды сказал, разгадывая своё о нём сновидение: «Приснилось мне, Платон, будто ты обернулся вороною, сел на мою лысину и стал клевать и каркать на стороны. Так что, боюсь, Платон, немало лжи насочиняешь ты на мою голову». Думается, имелся повод сказать так. А после смерти Сократа Платон пришёл к его ученикам и призвал не падать духом, говоря им, что теперь он станет во главе школы, и предложил за это выпить вина. Все промолчали, а один из

них, Аполлодор, ответил: «Слаще мне была бы чаша с ядом от Сократа, чем с вином от тебя».

Аристотель посмотрел на Филиппа.

— Тебе ничего не говорят слова Сократа и Аполлодора?

Не дождавшись ответа, нехотя продолжил, словно не желая расставаться с добрым образом своего учителя:

— В самом деле, Платон слыл завистником, да и вообще не отличался приятным нравом. Он издевался над Аристиппом, который был однажды гостем сиракузского тирана Дионисия Старшего, но сам плавал в Сицилию трижды — к нему и его сыну. У нищего Эсхина, близкого друга Сократа, он переманил его единственного ученика Ксенократа. Да и всех учеников Сократа, кто не перешёл к нему, преследовал, как злая мачеха.

Аристотель, пересиливая себя, явно не желая открывать такие тайны общения с учителем, продолжил:

— Был Платон не только злонравен, но и тщеславен, о чем сам заявлял: «Даже в смерти мы совлекаем с себя хитон тщеславия последним; оно присутствует и в завещаниях, и в похоронах, и в гробницах». А желание основать государство по своему типу и дать ему свои законы — разве это не страсть тщеславия? Это его слова: «К моему «Государству» у меня такое чувство, как у живописца, которому хочется увидеть свои картины живыми и действующими: так и я думаю о гражданах, которых описываю». Мне всегда хотелось сказать ему, что пишет он свои законы не для живых людей, а для выдуманных им, не зря пришлось ему разыскивать, кто бы согласился их принять. По этой причине он оказался у двух Дионисиев, Старшего и Младшего, тирана-отца и тирана-сына, за что едва не поплатился жизнью. Нет, Платону надо было писать такое, что могло бы в его устах убедить людей, и надо было брать пример не с тех, кто витает в благих намерениях, а с тех, кто крепко держится в пределах своих сил. Вот почему у Платона немало не только последователей его учения, но и противников и даже врагов. Но к последним я не отношусь.

* * *

Случай, о котором полюбопытствовал царь Филипп, имел место в конце жизни Платона, но не в таком виде, как об этом рассказывали недоброжелатели. Восьмидесятилетнему *схоларху* в последнее время часто нездоровилось. За стенами Академии существовала заболоченная местность, из-за чего, когда ветер дул оттуда, в атмосфере вокруг создавался не совсем благоприятный климат. Врачи советовали Платону избегать длительного пребывания на воздухе в такую пору, но Платон проявлял в этом отношении невероятное упрямство:

— Ради того, чтобы продлить свою жизнь, я не соглашусь поселиться даже на благословенном богами Афоне, — твердил он врачам и близким.

Платон вообще перестал выбираться в Афины, остался жить при Академии, а для прогулок избрал в саду тихую аллею со скамьей, куда его сопровождали проявлявшие к нему заботу близкие ученики. Никто не осмеливался нарушать его покой, когда он там находился.

Однажды Платон по своему обыкновению устроился отдыхать на любимой скамье, послушать птиц. На этот раз он был один: Ксенократ, ближайший помощник, отбыл из Афин по своим делам, а Спевсипп из-за болезни остался дома. В это время той же аллеей проходил с занятиями Аристотель со своими учениками, между ними велась оживленная дискуссия. Когда шумная группа молодых людей приблизилась к месту, где отдыхал Платон, Аристотель вместо того, чтобы поздороваться и пройти мимо, остановился и присел с другого конца скамьи. Затем повернулся к Платону и, будто только что увидел его, с наигранной вежливостью спросил:

— Учитель, мы не помешаем своими разговорами?

Платон пожал плечами.

— Ну вот, друзья, — обратился к слушателям Аристотель, — разрешение Учителя получено, и это позволяет мне развить критические замечания к его высказыванию, напри-

мер, о силе речи. У меня есть все основания не доверять выводам уважаемого Платона, который говорит, будто искусство красноречия есть умение увлекать душу словами. Но ведь душа имеет столько видов, сколько оратор видит перед собой слушателей, и они бывают все разные.

Старый философ невольно становился заложником несуразной выходки Аристотеля, но, не имея сил сразу встать и уйти, вынужденно выслушивал высказывания своего ученика и лучшего преподавателя Академии, которым гордился, но его присутствие едва терпел. Аристотель продолжал провозглашать, что задумал:

— К сложной душе слушателя оратору надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе — с простыми. Когда это установлено и разобрано по деталям, слушателей легко убедить подготовленными для этого речами. Оратор сам определяет время, когда ему уместнее говорить, а когда — и воздержаться; ему следует применять вовремя все изученные им виды речи — сжатую, жалостливую или зажигательную. А если кто не учитывает характеры своих слушателей, тот никогда не овладеет искусством красноречия.

Платон продолжал сидеть к Аристотелю спиной, прислушиваясь и делая вид, что его ничто не беспокоит. Аристотель завершил словами:

— Стать хорошим оратором трудно, все равно как взрастить хороший сад. Трудно овладение языком, но цветы красноречия благоухают в устах оратора, им рукоплещут зрители, будто хорошему актеру в театре, они богаты и всегда новы.

Платон встал, опираясь на палку и, тяжело ступая, пошёл прочь. В спину он услышал:

— Прости, Платон, но мне дороже истина, к которой я упорно стремлюсь.

Платон, не оборачиваясь, проворчал себе под нос, но его всё равно услышали:

— Жеребенок, который только бросил сосать молоко, уже брыкает свою мать.

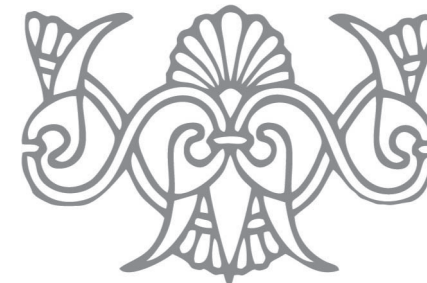
* * *

С этого дня Платона больше не видели гуляющим в саду, а лекций он давно не читал. Ксенократ вернулся через три месяца. Узнав от близких учеников о случившемся — не от самого Платона, он поспешил встретиться с Аристотелем. Застал его прохаживающимся со спутниками там, где обычно гулял Платон. Ксенократ действовал решительно: в резких выражениях обвинил Аристотеля в оскорблении руководителя Академии:

— Как посмел ты унижить уважаемого всеми человека, да ещё при своих несмышленных учениках! Ты прогнал учителя со скамьи, принадлежавшей только ему в его же саду, чем содействовал ухудшению состояния здоровья! Ты убийца!

Так это было на самом деле, или иначе, но Платон через полгода после инцидента умер.

Филипп не задавал больше Аристотелю вопросов. Дальше они вкушали блюда в покойном молчании, а когда кувшин опустел, царь отпустил гостя, оставшись один на один со своими воспоминаниями...



Глава восьмая

ФИЛИПП II, ЦАРЬ МАКЕДОНСКИЙ

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Филипп не мог пожаловаться на невнимание богини Лахесис, назначающей каждому человеку особую судьбу. Долгие шесть лет, которые он, младший сын царя Аминты*, подростком находился в Фивах в качестве заложника, Лахесис подарила ему терпение и доброго наставника, полководца Эпаминонда*. Филипп жил в его доме, не чувствуя особых тягот, а знаменитый фивянин полюбил его как сына. От него юноша впитал любовь к эллинской культуре, познал вкус боевых сражений, секреты эллинского военного искусства. Вернувшись в Македонию, Филипп сумел быстро определиться, кто друг ему, а кто — враг, завёл связи среди родовитых князей и старой военной элиты. Это помогло ему не только выжить в смертельной схватке за временно пустующий престол, победить претендентов, которые, к своему несчастью, недооценили его как слишком юного для соперника. На общевойсковом собрании, где Филиппа избрали царём, он обещал возродить былую мощь Македонии. С той поры царствует двадцать три года, исполняя обещание народу.

С первых дней он решительно взялся за реформирование армии, которой, по сути, не существовало, набиралась как ополчение из разных областей Македонии и не подчинялась

единому командованию, царю. Пригодились знания, полученные в Фивах, помогли опытные военачальники Парменион, Полиперхонт и Антипатр, служившие ещё при его отце, царе Аминте. При их поддержке македонская армия обрела новые организационные очертания, переоснащалась вооружением и, главное, становилась кадровой. Если раньше македонские цари призывали ополчение с разных областей, которое распускали после военных действий, сейчас у Филиппа появилось войско на постоянной основе. Он говорил вербовщикам:

— Выбирайте из всех желающих самых рослых, а я сделаю их храбрыми. В моей армии полезней будет землепашец, чем городской. Крестьянин привык находиться под открытым небом, он терпеливо переносит дожди и солнечный жар, не обращает внимания на ночную сырость. У него врождённая привычка носить на себе орудия труда, таскать тяжести, копать ямы и рвы. К тому же он чужд роскоши, простодушен и довольствуется малым. Его надобно обучить военному делу и подчинению своему командиру.

Молодому царю труднее пришлось с самонадеянными аристократами, составляющими отряды всадников. Во время войны они нередко показывали беспримерную отвагу, храбро шли на врага, но действовали разобщённо, каждый сам по себе, не подчиняясь верховному командиру. Их разрозненные действия не приносили ощутимых результатов для общей победы. Филиппу удалось совладать с этой частью военной элиты, убедить, что сила всадников станет гораздо эффективнее, если они объединятся в конный отряд, который войдёт в состав общего войска как организованное подразделение под командованием единого военачальника.

* * *

Обновлённое царское войско показало, на что способно в первых сражениях с иллирийцами, фракийцами и прочими враждебными соседями. Греки поначалу не обращали внимания на действия молодого македонского царя, не придавали

значения его военным успехам, поэтому некоторое время не воспринимали Македонию как угрозу для себя. А царь Филипп, пользуясь их благодушием по отношению к нему, начал неприметно отбирать у Афин, главного гегемона Греции, влияние над греческими городами во Фракии и Халкидике, расчищая путь Македонии к морскому побережью. Афиняне забеспокоились, только когда поняли, что действия Филиппа наносят вред их историческому престижу на севере Греции, но до прямого сражения дело у них не доходило. В таком «замороженном» состоянии отношений между Македонией и Афинами стратегическое преимущество пока оставалось за Филиппом!

На полях боевых действий македоняне всё чаще оказывались сильнее противников, но даже поражения шли им на пользу. В проигрышах Филипп не паниковал, делал здравые выводы, после чего приходили победы, и он быстро навёрстывал упущенную выгоду. Скоро персидские цари, мечтавшие об очередном походе на Грецию, с интересом начали присматриваться к новому македонскому лидеру, пытаясь подобрать к нему ключи, определить, кто он для них — будущий соперник или союзник, согласный на участь сатрапа*.

Царь Филипп покорял чужие города не только в победоносных сражениях. Он проявлял себя искусным дипломатом и переговорщиком, умело маневрировал настроениями союзников, легко давая им и противникам обещания и клятвы в дружбе, которые нарушал в выгодной для себя ситуации. Прежде чем начать военные действия, не скупился на золото, подкупая правящую верхушку противника, вождей и царьков, и, как следствие, часто добивался успеха мирными договорами, без кровопролития. Филипп пользовался любой выигрышной для него ситуацией, чтобы войти в доверие потенциальной жертве. Например, когда жители одного греческого города враждовали с жителями другого греческого полиса, кто-то из них призывал македонского царя в помощь. Филипп никогда не отказывался от подобных просьб, однако, завоевав такой город, не спешил передать его сво-

ему «заказчику». Обычно оставлял в нём македонский гарнизон, объясняя той стороне необходимостью оберегать их собственную безопасность.

* * *

Во время первой в своей жизни военной экспедиции Филипп захватил во Фракии известные Пангейские рудники, богатые рудами с золотом и серебром. Начал их осваивать, для чего нанял опытных горных мастеров, оснастил производство техникой и увеличил число рабов в десять раз — для работы в три смены. В результате вместо прежнего дохода в восемьдесят талантов* драгоценного металла в царскую казну теперь поступало в двенадцать раз больше. Сюда же добавились военные поборы и дань с покорённых городов. Царь Филипп оказался богаче азиатских правителей, и чтобы окончательно произвести впечатление на греков, он сделал то, что до него не делал никто в Элладе — начал чеканить золотую монету с собственным изображением. Располагая огромными запасами золотой и серебряной монеты, Филипп повёл себя гораздо решительней в отношении территорий, соседних с Македонией.

До восшествия Филиппа на македонский престол страна погрязла в междоусобицах, некоторые области не признавали царскую власть. Однажды он пригласил удельных князей во дворец, устроил весёлую пирушку, а в разгар устроил развлечение: в загон выпустили двух бойцовых собак. Дрались они ожесточенно, насмерть, пока к ним не запустили волка. Собаки перестали драться и, вдвоём бросившись на волка, загрызли зверя. Гости благодарили царя за доставленное удовольствие, а он сказал:

— Разве не похожи вы на этих псов, когда грызётесь между собой? В таком случае кто-то из вас должен погибнуть. Не лучше ли вам сделать правильный выбор и сообща сразиться с врагом, как сделали эти собаки? Афины, Фивы, Спарта — вот ваши враги, пусть лучше прольётся кровь их граждан, а не македонян. А следующим врагом, с кем мы должны справиться, будет Персия.

После таких слов царя князьям ничего не оставалось, как добровольно принять власть Пеллы. Немного позже, чтобы навсегда покончить с самостоятельностью удельных князей и родовой аристократии, Филипп составил из них ближайшее придворное окружение. Теперь недовольные были рядом с царём, на виду, не делая попыток устраивать заговоры или выражать иными способами недовольство. Среди царских вельмож не было недовольных, так как Филипп щедро раздавал им почётные государственные и военные должности, хотя всегда ценил прежде всего личные заслуги, а не родовитость и знатность. Нерадивых и трусов, несмотря на былые заслуги, знатность или родовитость, жестоко наказывал и расставался без сожаления. Приказывал не допускать в расположение лагеря до тех пор, пока провинившийся воин не предоставлял в доказательство своей храбрости двух убитых или пленённых им врагов.

РАДИ ПОЛЬЗЫ И ВЕЛИЧИЯ

Военные действия против греческих городов Филипп вёл избирательно, в первую очередь ему нужны были те из них, где имелись гавани для стоянки кораблей. Таковыми были на побережье Амфиполь, Стагиры, Пидна, Олинф. Постепенно Македония выходила к морю, следовательно, появилась необходимость в строительстве собственного флота — боевых и торговых кораблей. При наличии сильного флота для македонян открывались большие возможности в освоении морских торговых путей, что усиливало могущество Македонии не только на суше, но и на море. Это нужно было делать как можно быстрее, прежде чем Афины надумают воевать с Македонией.

Для сооружения кораблей царь пригласил из Финикии нескольких искусных судостроителей. Финикийцы — известные мореходы и мастера корабельного дела, что находило подтверждение в древних финикийских колониях, повсюду раз-

бросанных в Средиземноморье. Они первыми разработали проекты судов, на шпангоутах которых предусматривалась обшивка, а важнейшей частью являлся киль; их суда имели помещения под палубой, в которых размещался груз, а у других народов такого не было. Они придумали двухпалубное размещение гребцов, что позволило увеличить скорость и маневренность корабля. Их корабли имели длину до пятидесяти метров, могли перевозить большие грузы и без особых проблем перемещаться на дальние расстояния.



Греки тоже считались хорошими судостроителями и мореходами, но опыта они набирались у финикийцев. Для военных целей создавались однопалубные *триеры*, где на вёслах сидели вольнонаёмные гребцы, до ста семидесяти человек. Носовой таран корабля пробивал бреши в борту неприятельского корабля: часто успех морского сражения зависел от стремительного нанесения удара тараном.

Филипп услышал неизвестные ему ранее сведения о ко-

раблях от Матана, пожилого мастера с лицом бронзового цвета. Речь финикиянина оказалась на редкость цветастой, образной.

— Если при постройке дома, — говорил он царю, — ты обращаешь внимание на качество камня, извести и песка, то тем более будь внимательным во всех отношениях при постройке кораблей, так как гораздо больше опасности быть на плохо построенном корабле, чем в доме.

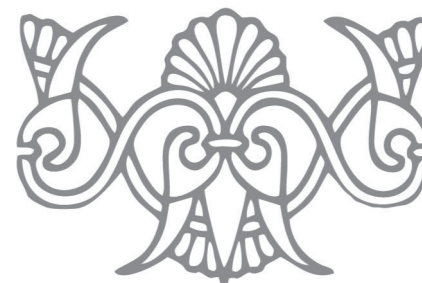
Матан обстоятельно делился с Филиппом своими секретами. Говорил, что самые лучшие корабли финикийцы строили из ливанского кедра, но его, увы, почти полностью вырубил. Сейчас на возведение корабля главным образом идёт кипарис, также сосна и ель, из-за хорошей смолистости. Доски обшивки лучше соединять медными гвоздями, чем железными, хотя расход меди будет несколько значительнее. Но это прочнее, значит, выгодно: железные гвозди быстро разъедаются ржавчиной от тепла и влаги, а медные и в воде сохраняют свою основную металлическую основу.

В работе Матан оказался на редкость требовательным ко всем, и к Филиппу тоже, когда дело касалось корабля. Однажды царю доложили, что Матан приказал рабочим прекратить работы и хочет его видеть. Филипп, не ожидавший подобной наглости от наёмного работника, тем более, чужеземца, возмутился и приказал передать, чтобы Матан сам пришёл к нему. Тот не подчинился. Тогда Филипп решил выяснить, в чём дело. Оказалось, что мастер забраковал всю партию брёвен, предназначенных для распиловки на доски. Кто из македонских торговцев, закупавших брёвна, мог знать, что корабельный лес хорош, если он срублен между пятнадцатым и двадцать вторым числом месяца? Дерево, срубленное за эти восемь дней, навсегда остаётся нетронутым гниением и трухлявостью; срубленное же в другие дни дерево ещё в том же году, источенное изнутри червями, обращается в пыль.

— Поверь, царь, кораблестроители познают всё из наблюдений, — с горячностью заявил при встрече Матан. —

Самое время, полезное, чтобы рубить деревья — после летнего солнцеповорота* и во время осеннего равноденствия: только в эти месяцы засыхают соки, отчего дерево становится более сухим и крепким. Чего необходимо остерегаться ещё, царь, так это, чтобы не распиливать ствол на доски тотчас же после того, как дерево срублено, а как только оно распилено, не посылать досок на постройку корабля. Ведь если пускать в работу сырые материалы, то, когда выходит природный их сок, они ссыхаются и дают очень широкие щели. Нет ничего опаснее для мореплавателей, чем когда доски корабельной обшивки начинают давать трещины.

Благодаря усердию финикиянина Матана и содействию ему со стороны царя, в распоряжении македонской армии появилась пока небольшая группа боевых кораблей. Ежегодно флот прирастал десятками, вызывая раздражение афинян, до этого времени считавших себя хозяевами морских торговых путей.



Глава девятая

ОЛИМПИАДА

МАТЬ НАСЛЕДНИКА

На другой день Аристотелю сообщили, что царица желает беседовать с ним. Из рассказов людей, бывавших в Пелле, и ещё из разговора с Филиппом у философа сложился портрет неуравновешенной и мстительной женщины, уставшей от измен и невнимания мужа, ведущей с ним давнюю борьбу за привязанность сына.

Дворцовый слуга провел Аристотеля во внутренний двор с обустроенным небольшим садом: несколько плодовых деревьев, ряды цветочных клумб, тропы. Извилистая щебенистая дорожка вела к водоёму, над которым свисали гибкие ветви одинокой ивы. Рядом две мраморные скамьи; на одной сидела женщина с лицом породистой элинки — крупные черты, прямой нос, начинающийся от основания крутых бровей, низкий лоб. Золотая застёжка в виде ажурной диадемы завершала сложную причёску из светлых волос; собранных наверх, они придавали ей горделиво величественный вид.

Подойдя ближе, Аристотель обратил внимание на яркие пятна египетских румян, *ледорота*, на бледных щеках. Заметил зеленые глаза, оттененные сурьмой и длинными ресницами. На царице была *калитра*, легкая накидка с обнажённым правым плечом, застёжка на левом плече. Под невысокой гру-

дью *митра* — кожаный пояс в виде двух сплетенных змей с глазами из мелких драгоценных камешков.

Аристотель уловил аромат *тимьяна*, в настойке которого, вероятно, царица принимала оздоровительную ванну. Она заметила его, повернула голову и смотрела с любопытством, пока он приближался.

Философ поприветствовал, как принято у македонян, легким наклоном головы, присел на соседнюю скамью. Вокруг в саду никого не было. Продолжая внимательно его разглядывать, Олимпиада произнесла низким, но неожиданно приятным голосом:

— Я хотела познакомиться с наставником своего сына до того, как начнутся занятия. Хочу убедиться в том, что царь сделал выбор правильный.

Аристотель ответил:

— Готов услужить матери своего будущего воспитанника.

Он догадывался, что царица знает о нём достаточно, чтобы иметь общее представление, но, понятно, как всякая мать, излишне беспокоится за своё чадо. Так и было. Когда она узнала о решении Филиппа, многое ей рассказал царский советник Евфрай, достаточно осведомлённый о жизни Аристотеля. Характеристики получились неблагоприятные, поэтому у неё появились сомнения, правильно ли поступил супруг. Теперь этот человек с цепким неприятным взглядом невозмутимо стоит перед ней. Странно, но от него веяло спокойствием и уверенностью.

— Чему будешь учить Александра, Аристотель? — спросила Олимпиада, прерывая своё молчание.

— Царица, что касается наук, он получит от меня весь объём человеческих знаний, которые помогут ему справиться в жизни. Но это при том, если мне удастся продержаться в должности наставника столько времени, сколько понадобится, — он слегка скривил губы в улыбке.

— Всё будет зависеть от наставника, — парировала царица. — Справится ли он со строптивым воспитанником. В любом случае, мешать я не намерена.

— Благодарю, царица, именно этого я остерегался. Теперь буду спокоен, и за свою судьбу, и за образование наследника. Приступаю к занятиям сразу, как только оборудую учебные помещения.

— В таком случае, прошу успеть до новолуния, — оживилась Олимпиада, показывая мелкие белые зубы. — Растущая луна благоприятствует восприятию знаний; а когда она убывает, молодой организм труднее усваивает уроки. Я думаю, ты учтёшь эти обстоятельства, и в дальнейшем не будешь слишком загружать Александра уроками в неблагоприятные периоды.



— Разделяю твои опасения, царица. Я сам сторонник учебного процесса, позволяющего уберечь детей от чрезмерных физических и умственных нагрузок. По этой причине попросил у царя Филиппа разрешение на устройство *ксиста*, комнаты для физических занятий, рядом с учебным помещением. Это для того, чтобы мальчик в любую погоду чередовал умственные занятия с гимнастическими упражнениями.

По оживлённому лицу Олимпиады было заметно, что идея Аристотеля нашла в ней поддержку. И вообще, в процессе разговора наставник сына ей нравился всё больше, задвигая на задний план прежнее представление о нём со слов Евфрая.

— Из беседы с царём, — продолжал Аристотель, — я понял, что для своего возраста Александр достаточно образован, а в некоторых науках сильно преуспел. В этом подозреваю большую заслугу прежних учителей, которых, говорят, подбирала ты, царица.

Олимпиада едва сдержалась, чтобы не расчувствоваться, но повлажневшие глаза выдали её. Она отвернулась и сделала вид, что внимательно следит за пчелой, которая старательно возилась на ближней цветочной клумбе. Аристотель деликатно замолчал.

Прошло некоторое время, понадобившееся царице продолжить разговор. Она повернулась к нему и неожиданно спросила:

— Видишь вон ту пчелу? Говорят, что каждая пчела — это душа умершего человека. Что по этому поводу говорит философия?

Аристотель пожал плечами.

— Я прежде учёный, поэтому вынужден признавать только факты, которым удаётся найти объяснения или подтверждение догадок и предположений. Для учёного пчела — обычное насекомое, которое наглядно живёт по своим законам, данным ей природой. Живёт огромными семьями в долблёнках и дуплах деревьев, летает за соком цветов, заготавливает для своего потомства мёд, которым пользуется человек. В этом случае человек для пчелы заботливый друг, хозяин и враг, отнимающий у неё еду. Хотя, соглашусь, пчела по своим повадкам необычное, загадочное существо. Например, она задолго узнаёт изменения в погоде: например, если они скопом залетают в улей и оттуда вылетают мало, ожидается дождь. Откуда она это знает — загадка!

— Но я уверена, что есть пчелы, в которых живёт душа

человека. Я слышала об одном волопасе, который спал на лугу с открытым ртом. Его напарник видел, как оттуда выползла пчела, затем улетела. Когда стало жарко, напарник перенёс волопаса в тень под куст, а сам лёг на его прежнее место, и увидел, как та самая пчела вернулась и как бы с удивлением всматривалась в лицо этого человека. Она испуганно заметалась и улетела прочь. Волопаса стали будить, но он так и не проснулся. Разве это не доказательство моих слов?

— Царица, не могу возразить и, тем более, согласиться. Но именно таким вещам в науках я хочу уделить внимание Александру. Я постараюсь направить его ум на то, чтобы познания не ограничивались рассказами людей, а опирались на исследования учёных, человеческий опыт и физическую природу событий и чувств. Философы не зря говорят: «Кто знает всё, чего может достичь через силу ума, он Бог среди людей».

— О, Аристотель! Моему Александру достаточно будет, если люди признают его не богом, а всего лишь его сыном.

Философ не понял, в шутку или всерьёз сказала Олимпиада, а она, понизив голос до шепота, добавила:

— Но это останется нашей маленькой тайной.

Царица решила, что она уделила Аристотелю достаточно внимания. Встала и направилась во дворец, оставив философа в уверенности, что заниматься с Александром будет ему гораздо легче, чем, если бы не было этой встречи.

СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ

До замужества царицу, дочь эпирского царя Неоптолема, звали Мирталой. После свадьбы она добровольно взяла себе новое имя Олимпиада, в честь триумфальной победы конной *квадриги** Филиппа на Играх в Олимпии. Через год родила Александра, провозглашенного наследником царя. Начальные годы супружества оба любили друг друга, нахо-

дили понимание во взаимоотношениях. Свидетельством тому рождение вслед дочери, названной Клеопатрой. Возвращаясь после военных походов, Филипп без меры баловал супругу ценными украшениями, дорогими тканями, дарил рабынь, а она светилась счастьем. Это нравилось ему, и он ещё больше удивлял её щедростью.

Олимпиада никогда не отказывалась от такого внимания мужа. Она смолоду обожала изделия из золота, но воспринимала их не столько за ювелирную ценность, как за таинственные чудесные свойства. Золото обожают олимпийские боги, значит, владеющий им приближается к ним. Имеющий золото обретает право иметь власть над другими людьми. Олимпиада понимала это, принимая в подарок украшения. Особенно ценила золотые диадемы, тяжелые цепи, кулоны и перстни, а когда носила их, чувствовала на себе тепло золотоносного светила. С этими целями носила днём золотые диадемы поверх длинных волос цвета спелой пшеницы, надевала золотые серьги с изображениями богини любовной страсти Афродиты и Геры, покровительницы семьи и брака. А в ожидании супруга у себя в спальне примеряла особые серьги: они были изготовлены из двух тонких серебряных дисков с мельчайшим узором и инкрустацией; с дисков на серебряных нитях свисали легкие подвески из жемчужин в виде больших капель. Жемчуг стоил больших денег: царь, когда дарил их, похвастался, что одна такая «капля» стоила ему десяти рабов! Возможно, по этой причине Филипп любил, когда супруга носила эти серьги, или потому что при ходьбе они издавали нежный звон, вызывающий у него прилив страсти к супруге.

Олимпиада всегда следила за своей внешностью, чтобы выглядеть свежо и молодо. С помощью браслетов она стремилась подчеркнуть изящество своих длинных белокожих рук. Один из любимых браслетов был выполнен в виде двух змей, сплетённых в любовном соитии. Вместе с ним царица носила полупрозрачный хитон из *аморгина* — египетского льна с тонким волокном. Искусно драпировала тканью одно

плечо, а другое открывала, показывая руку с драгоценными кольцами на длинных утончённых пальцах. Столько ювелирных изделий одновременно носить не осмеливалась ни одна уважающая себя элинка, но Олимпиада была супругой влиятельного македонского царя. Ей многое позволялось!

* * *

За тринадцать лет замужества Олимпиада привыкла к жизни среди македонян, и большинство жителей Македонии спокойно воспринимали её своей царицей, матерью наследника Филиппа. К моменту появления Аристотеля в Пелле ей исполнилось немногим за тридцать лет, но она продолжала выглядеть молодо. Следила за собой так, как ведёт себя женщина, сама способная к любви, жаждущая страсти своего мужчины, мужа...

Но в последнее время царица замечала, что Филипп не стремится посетить её спальню. Олимпиада не собиралась сдаваться обстоятельствам. Не зная причин охлаждения к ней мужа, она продолжала сохранять красоту и молодость: применяла сложные косметические средства и часто меняла украшения и одежды. Зная, что Филипп любит высоких женщин, носила обувь на толстой подошве. Однажды вызвала к себе старую знакомую — финикиянку Зарру, жрицу Астарты. Несколько лет назад, когда жаркий пламень между супругами поутих, она раскрыла царице тайны «точек Эрота». Прошло немного времени, как распалившись новой страстью к жене, Филипп забыл всех своих женщин.

Когда Зарра узнала, что хочет царица, она сказала:

— Пламя светильника затухает, если в чашу не добавить масла. Не бойся жертв, которые надо положить на алтарь своей любви. Накладывай на ладони масло из жасмина, а на шею и щеки масло кедра. Эфирное масло из амбры втирай в ложбинку между грудями, а на голову пролей каплю экстракта нарда. Тончайший запах мускуса* кабарги* немедленно возбудит копье мужчины, призовет его посетить женское лоно, при этом не забудь наложить на бедра капли

сандалявого масла, а выжимку шафрана — на ступни. Они усилят любовное влечение у вас обоих...

Олимпиада исполнила все советы Зарры, и дальше происходило так, как и должно быть. Она готовилась к приходу мужа, превращая спальню во вместилище любви, в котором Эрот есть основной бог. Подбирала нужные настроению цвета: красный и пурпурный — для возбуждения, темно-синий — для расслабления и придания силы. Кровать разгораживала занавесами, матрац велела набить высушенной морской травой, возбуждающей запахами. Раскидала на постели, подушках и подушечках лепестки роз, и на коврики тоже; бронзовые зеркала и светильники расставила так искусно, что они создали настроение, пробуждая в душе восторги. По углам расставила блюда со свежими фруктами, печеным тестом, разложила благовония и цветы...

Проверка обустройства таким образом любовного гнездышка последовала сразу после возвращения Филиппа из неудачного похода в Иллирию. Раздражённый и усталый, он заглянул, из вежливости, к Олимпиаде, да так и не вышел оттуда скоро. Прислуга и советники во дворце, знавшие о натянутых отношениях между супругами, немало тому удивились, когда царь не объявился и на другой день, и на третий — словно не было у них до этого первой супружеской ночи. И после возвращения царя к своим обыденным делам царь часто посещал Олимпиаду, теща её самолюбие и власть над ним, а он действительно каждый раз находил жену привлекательней, чем прежде. Когда же царь засобирался в новый поход, супруги не расставались три дня, чем неприятно расстроили военачальников. А она все дни нежно массируя уставшее от любви тело мужа, втирая масло сандалового дерева на лоб, шею и грудь, низ живота, плечи и бедра, ладони и ступни. Филипп обретал новые силы, усталость исчезала, и он с ещё большим усердием овладевал её телом, вёл себя настойчиво, как весенний олень...

Олимпиада научилась управлять чувствами, исходящими от обоих, с тем, чтобы умело направлять их любовную лодку

по бешеным струям реки Эрот... И если Филипп становился равнодушным к её телу, она искусной игрой пальцев умело раздувала пламя его желаний, превращая любовную игру в восхитительную охоту за удовольствиями для обоих... Тесные объятия вновь и вновь возрождали желания любить, тела наполнялись неистовыми страстями...

В такие мгновения Олимпиада ощущала себя самой счастливой женщиной, богиней Афродитой, к святилищу которой устремляется восторженный паломник, чтобы каждый раз найти там для себя нечто новое, необычное. И это состояние казалось Олимпиаде вечным...

После проведённых супругами ночей Олимпиада ходила по дворцу с гордо поднятой головой, показывая окружению, что по праву занимает место царицы. Но были и такие встречи, когда Филипп нередко под утро вваливался пьяный в её спальню без предупреждения — такое случалось после пирушек. Без промедления овладевал ею, как дикий кабан в лесу, и сразу затихал, затем громко храпел, широко открыв дурно пахнущий рот. В такие ночи Олимпиаде случалось терпеть сильную обиду. Пересиливая чувство омерзения, она терпела и надеялась, что это произошло случайно, и в последний раз. Но поступи она по-другому, ещё неизвестно, чем всё может закончиться. Но вскоре и такие посещения Филиппа прекратились...

* * *

Олимпиада не собиралась признаваться в поражении. В Эпире, когда она была ещё девочкой, придворный жрец, заметив её тягу к мистике, познакомил с чародейством, способным внушить свою волю другому человеку, повлиять на состояние его души. Миртала запомнила несколько обрядов, наговоров и приворотов, научилась подбирать особые травы, настои которых могут привлечь мужчину к женщине. Она изучила свойства ядовитых растений и, заодно, составление противоядий к ним. Зачем? Миртала запомнила слова жреца: «В жизни тебе всё может понадобиться». Убедившись в том,

что Филипп в очередной раз увлётся другой женщиной, она стала думать, какие тайные знания применить.

Глубокой ночью, когда гвардейцы дворцовой охраны задремали, Олимпиада вышла в сад, расставила треугольником три бронзовых светильника, зажгла, а посередине положила золотую пряжку от пояса Филиппа. Он когда-то оставил её в спальне. Как учил жрец, она начала пристально смотреть на пряжку, затем произнесла:

— Филипп, ты теперь мой!

Опять смотрела, долго, словно пыталась найти в ней что-то особенное, только ей понятное. Время проходило напряжённо, царица почувствовала, как сознание её уплывает... И она вдруг увидела себя высоко в небе странного темно-фиолетового цвета, заметила круг на небе, а в круге стрелу, направленную вверх. Произнесла с придыханием, делая паузы:

— Да будут чары мои, моя магия, моя любовь и мои слова услышаны тобою...

Филипп — ты мой любимый муж, и пусть моим словам не препятствуют высокие плотные стены, которые ты возвёл вокруг себя...

Мои слова проходят сквозь твои преграды, как вода сквозь сито...

Слова мои просачиваются в дом, где ты сейчас находишься, и самые прочные двери не останавливают их, самые надежные засовы не заставляют их повернуть назад...

Как змеи, проскальзывают они сквозь дверь и, как ветер, врываются сквозь доски пола... Они обнаруживают тебя, муж мой Филипп, и внушают тебе, что ты любишь только меня, и твоя любовь никогда не покинет меня...

В этот момент Филипп, находящийся вдали от супружеской спальни, неожиданно вспомнил об Олимпиаде, захотел увидеть её, — он и вновь долго ещё принадлежал ей...

Но царь ушёл в поход, а на отдалении магические чары Олимпиады ослабели, или его мужская воля оказалась сильнее женской магии. Он вновь забыл дорогу к её сердцу.

ЗМЕЙ В ПОСТЕЛИ

Что означает для замужней эллинки вести супружеский дом? Во-первых, ей следует организовывать закупку продуктов и приготовление питания для всех членов семьи, для слуг и рабов. Ежедневно задавать прислуге работу — в доме и в имении. Лечить больных — как членов семьи, так и рабов, и прислугу, заботиться обо всех, кто называет её хозяйкой, не допускать от наличия больных убытка в доме. Но главное предназначение замужней женщины — быть преданной мужу, ублажать его прихоти, рожать детей, лучше сыновей, растить их и воспитывать. При этом жена знает, она чувствует, что муж воспринимает её лишь в качестве дополнения к домашнему уюту, как необходимый одушевлённый придаток, без которого нет семьи, составляющей вместе с другими подобными семьями единое суверенное государство. В этом смысле женщина являлась ценной и всё равно обычной вещью, неотделимой частью материальной составляющей супружеского дома, мебели и кухонной утвари.

Отдыхать жене было некогда: подруг заводить ей не разрешалось, а если приходилось посещать родственниц, её сопровождали слуги мужа или сам муж. Единственным развлечением для замужних женщин оставалось редкое посещение храма в особые для женщин дни или участие в религиозных шествиях во время городских праздников. С разрешения супруга, женщина могла посещать театр, в сопровождении доверенных лиц, когда там ставились трагедии; на комедии, где актёры вели себя непристойно, приходили только проститутки и гетеры.

* * *

Слава Гере, хранительнице семейного благополучия, в своём супружестве Олимпиада имела немало преимуществ перед другими замужними женщинами. Прежде всего, она была царицей и матерью наследника престола, а значит,

пользовалась долей уважения и почитания не только дворцовой челяди, но и части населения Македонии. Используя это обстоятельство, Олимпиада занималась воспитанием маленького Александра, как считала нужным. По этой причине отец, который часто проводывал их в *гинекее*, выражал недовольство, говорил, что мать своими нежностями, слишком оберегая его от всяких напастей, уже испортила сына.

— Ты делаешь из Александра девчонку, — кричал он на неё. — Мягкотелость ни к чему будущему воину, защитнику отечества, моему наследнику!

Олимпиада, как могла, возражала мужа, успокаивала его, обещая быть строже к сыну. Но втайне радовалась тому, что в трудных ситуациях Александр обращался к ней. Именно это не нравилось Филиппу. Он всё реже приходил к сыну, заодно, забывал посещать жену, а когда желал видеть Александра, посылал слугу. После дворцовых пирушек Филипп чаще отсыпался у одной из своих наложниц, но Олимпиада особенно не расстраивалась, осознавая своё место в жизни македонского царя, надеялась, что охлаждение мужа скоро пройдёт...

В тот вечер, изрядно нагрузившись вином во время застолья с военачальниками, царь вспомнил, что давно не посещал супругу. Нетвердой походкой направился в гинекей, в конце коридора подошёл к спальне. Он с удивлением обнаружил, что дверь лишь прикрыта, а оттуда через щель пробивается полоска света. Филипп с любопытством заглянул вовнутрь и сначала, кроме спящей супруги, ничего странного не заметил. Олимпиада спала, разметавшись обнажённым телом на постели. Неожиданно царь увидел рядом с ней... змея! Он тоже спал, и она его... обнимала! То, что это был змей чудовищного размера, Филипп не сомневался, хорошо просматривались необычные гениталии...

Ужас сковал тело царя, он не мог шевельнуться, словно окаменел...

А змей, видимо, ощутив присутствие вблизи человека, шевельнулся и воспрянул от сна, затем медленно повернул

голову в сторону двери. Царь почувствовал на себе жуткий леденящий взгляд. Хвост змея дернулся, пасть широко открылась, и оттуда угрожающе высунулся раздвоенный ярко-красный язык... В ночной тишине раздалось длительное сипение...



Филипп вмиг протрезвел. Сделав невероятное усилие, совладал с онемевшим телом, отпрянул от двери и бросился бежать. Размахивая руками и мыча нечто нечленораздельное, бежал полутёмными коридорами спящего дворца, пугая воинов дворцовой охраны. Они во всяком виде встречали царя, но такое происходило впервые. Это точно! Оправившись от изумления, стража приняла его необычное поведение за последствия прошедшей весёлой пирушки.

Только в кабинете к Филиппу вернулось прежнее состояние тела и души. Он постепенно успокоился и стал припоминать пересуды близких людей о царице. На память пришло, что вместе с приданым невеста привезла из Эпира три большие корзины со змеями, своими любимцами. Царь не спал до утра, вздыхал и стонал. Наутро призвал жреца, обладавшего даром предвидения, и потребовал рассуждений о том, что царь увидел в спальне супруги. Жрец долго соображал, как лучше ответить царю, потому что знал истину.

— Царь, я готов тебе сказать правду, но ложь будет для тебя спасительней.

— Не тяни, жрец, говори правду, с чем придётся жить мне дальше.

— Хорошо, если ты настаиваешь, я скажу. Но ничему не удивляйся, — произнёс жрец. — Ты увидел то, чего тебе не следовало видеть — с Олимпиадой спал Зевс, она его избраница. Ни одному смертному неизвестно, почему боги избирают смертных женщин. Но тебе не нужно думать об этом и, тем более, порицать жену свою. Такова воля Зевса. Поэтому, мой совет, — забудь обо всём, что видел.

Филипп остался наедине с мрачными мыслями. Что делать дальше, как вести себя с женой? Если Олимпиада возлюбленная Зевса, возможно, Александр зачат не от его, Филиппа, семени? Царь вспомнил день, когда он поднял родившегося малыша к небу, откуда из туч вдруг выглянуло солнце. Это ли не знак Зевса?...

Ответа на свои вопросы Филипп не нашёл, но с этого дня отстранился от общения с супругой, чем немало удивил Олимпиаду, да и придворных. По отношению к Александру в нём боролись противоположные чувства — при всех царь продолжал называть его своим сыном и наследником, но лишний раз обнять его уже не стремился, что тоже вызывало недоумение Александра. И всё же, удивительное дело, по прошествии некоторого времени, из памяти Филиппа постепенно исчезли детали той ночи, словно кто-то специально стёр их, вытравил из сознания. Остались лишь смутные ощу-

щения чего-то загадочного, необычного, что иногда прорывалось наружу, словно из дурного сна через тёмную завесу забвения...

* * *

Олимпиада так и не догадалась об истинных причинах охлаждения к ней мужа, но если бы ей пришлось объясниться перед ним, она нашла бы оправдание. В двенадцать лет на священном острове Самофракий после таинства обряда её посвятили в жрицы Диониса, она стала вакханкой. В культе бога, помимо символов в виде плюща и виноградной лозы, существовали обряды с участием змей. Царь Неоптолем разрешил дочери приобрести несколько молодых питонов, которые оказались потом в дворцовом гинекее, в Пелле. Филиппа предупредили о странном увлечении невесты, но тогда он пожал плечами, приняв странное увлечение за женскую причуду.

Питоны с тех пор заметно подросли в длину и прибавили весу, что неудивительно — хозяйка кормила змей живыми петухами и кроликами. Когда царица устраивала в саду вакхические обряды, питоны в них участвовали. Но прежде она устраняла их агрессивность, окуривая благовониями и напоив настоями особых трав. В прохладную погоду, особенно, осенью или зимой, питоны становились малоподвижными, скучными. Тогда хозяйка оберегала их от чрезмерного охлаждения, иной раз, согревая собственным телом. При этом она как служительница культа Диониса не чувствовала страха!

Вот какие подробности не знал Филипп, да, наверно, и не желал знать.

СОПЕРНИЦЫ

ФИЛА. За пять лет до Олимпиады Филипп имел три официальных брака, и все неудачные. Вернувшись из Фив, где провёл в качестве политического заложника шесть лет, по

поручению царя Пердикки, старшего брата Филиппа, в двенадцать лет стал наместником горной области Эги. Здесь обустроивал дороги, возводил приграничные крепости и, не желая себе забвения вдали от столичной жизни, присматривал невесту, желательно из родовитой семьи. Это оказалось непростым делом, так как младший брат царя не представлял большого интереса для древнейших македонских родов. И всё-таки он женился на Филе, дочери элимиотского князя Дерды, которая потом скоропостижно умерла.

ЕВРИДИКА. Со вторым браком он не спешил, поскольку уже находился в Пелле по причине того, что Пердикка погиб в Иллирии во время похода. Царский престол внезапно осиротел, после чего начался затяжной период безвластия, во время которого активизировалась борьба претендентов. Филипп был достаточно молод, чтобы его не принимали всерьёз на эту роль, он не обзавелся ещё надёжными друзьями, способными составить дворцовый заговор. Но Филиппу удалось убедить Войсковое собрание назначить его опекуном малолетнего сына Пердикки и законного наследника престола. А вот с этой ролью Филипп управился хорошо!

За короткое время успел показать себя активным организатором и политиком. На свои средства набрал отряд из молодых авантюристов, с ними вторгся в Иллирию и разгромил войско царя Бардила, который погиб. Разграбив иллирийские поселения, македоняне во главе с Филиппом вернулись домой, приведя за собой большой обоз с богатой добычей — ценностями и рабами. В обозе находилась дочь Бардила Аудата, на которой Филипп вскоре женился, заполучив желанный титул царя Иллирии. Свадьбу сыграли по обычаям македонян и иллирийцев, гуляли весело три дня, после чего Аудата взяла греческое имя Евридика. В положенный срок она родила дочь Кинану, но сама прожила недолго. Умерла в тот же год.

Взматерев, накопив достаточный опыт в управлении Македонией, Филипп решил, что ему пора занять македонский

престол. Сговорился с военной элитой, сделал богатые подарки командирам, имеющим влияние в Войсковом собрании, не забыл вниманием и жрецов, от кого зависели божественные знаки и предсказания. И случилось так, было им задумано: малолетний Аминта, законный наследник престола, был отстранен «за недееспособность», а его двадцатипятилетний опекун стал царём. Взамен Филипп обещал народу возрождение могущества Македонии через войны с внешними врагами и неперенных побед над ними.

НИКЕСИПОЛИДА. После покорения Иллирии взоры Филиппа обратились на соседнюю Фессалию, самую живописную и плодородную часть Греции. Вернувшись с одного из походов, молодой царь привёз пленницу, черноволосую красавицу Никесиполиду. Поселил во дворце и, не скрывая своего увлечения, сделал *палаккой*, наложницей. Открыто жил с Никесиполидой и в то же время поручил друзьям искать ему официальную жену из царского рода. Незадолго до прибытия Аристотеля в Пеллу у Никесиполиды родилась дочь Фессалоника, названная отцом в честь покорения Фессалии (Фессалия — Ника, богиня победы).

ФИЛЛИНА. Чтобы окончательно завоевать Фессалию, македонскому царю понадобились бы годы непрерывных походов и сражений. Но представился удобный случай, не требующий больших жертв. В фессалийских городах началось противостояние между сторонниками единоличной тиранической власти и крупными аристократическими семьями. Чтобы разрешить вопросы власти в свою пользу, представители каждой из партий обратились к Филиппу за военной помощью. Граждане города Ларисса призвали македонского царя изгнать неугодного им тирана Сима, на что Филипп немедленно откликнулся. Пришёл с войском, изгнал неугодного фессалийца Сима, но в Лариссе оставил свой военный гарнизон, позволивший македонскому царю взять под свой контроль всю Фессалию.



В Лариссе Филипп познакомился с гетерой Филинной, женщиной необыкновенной красоты. Неожиданно для себя царь всерьёз влюбился, уговорил её поехать с ним в Пеллу, где увлечённый страстью и вопреки пересудам царь объявил о своём браке с ней.

Филинна умерла в послеродовой горячке, подарив ему сына Арридея. Царь два месяца топил горе в вине, отвлекался в разгульных пирушках, не отказываясь от связей с *трибадами* — доступными жрицами любви. Пробовал общения с мальчиками, хотя они его в дальнейшем не привлекали. Устав от пирушек и грубых мужских забав, Филипп отправился в очередной раз на войну, поручив советникам подыскивать невесту, непременно из царской семьи и чтоб с древнейшей родословной, способной родить наследника престола.

Он женился в четвёртый раз, на Миртале, дочери эпирского царя Неоптолема, сменившей имя на Олимпиаду.

МЕДА. Когда Александру исполнилось десять лет, в дворцовом «гареме» Филиппа появилась совсем юная фракиянка Меда. Дочь правителя Южной Фракии Кофеля досталась ему в качестве подарка, как знак покорности фракийцев Македонии. Но Филипп женился на Mede при наличии официальной жены Олимпиады исключительно из государственных соображений. Подчёркивая особое отношение к союзу с фракийскими царями. Македонские законы позволяли царям совершать подобные браки. Единственное, что радовало Олимпиаду, детей от Меды у Филиппа не было.

Шептались при дворе, что у царя был ещё сын Каран от темнокожей рабыни, но спросить мужа, так ли это и где мальчик содержится, Олимпиада не решалась. Но укоряла мужа при каждом удобном случае.

— Супруг мой, ты можешь сказать, зачем нашему сыну Александру ты наделал столько братьев и сестер? — однажды спросила она мужа.

Филипп отшутился:

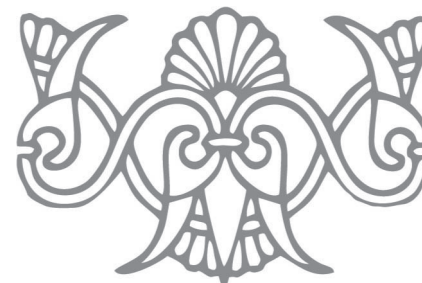
— Я сам не понимаю до сих пор, откуда у меня взялось столько детей. Но понимаю твоё беспокойство: ведь сколько детей у отца — столько проблем у его наследников. Но ничего поделать с собой не могу — я люблю воевать, люблю женщин, а они за мою любовь плодят мне детей.

Филипп громко рассмеялся и добавил:

— Царь Аминта, мой отец, имел шесть сыновей от двух браков, понимая, что только этим он гарантировал престолонаследие в пределах одной своей семьи. Так поступаю и я. Передай своему сыну Александру, чтобы он имел в виду, что, помимо него, есть соискатели на царствование. Захочет сам стать царём, пусть рассчитывает только на себя, а не на закон престолонаследия, как сделал я в своё время.

Понимая, что Филиппу не безразлична судьба своих побочных детей, Олимпиада освоила иную тактику. Она открыто проявляла заботу обо всех прежних его женах, наложницах и сожительницах, о детях мужа от них. Особенно

жалела больного Арридея, с лица которого не сходила добрейшая улыбка. Поначалу лекари надеялись на улучшение его болезненного состояния, и даже царица дала ему приготовленное ею снадобье. Но пасынок окончательно стал *маргитом*, дурачком.



Глава десятая

ДЕТСТВО АЛЕКСАНДРА

ПОСЛУШНЫЙ МАЛЫШ

Эллины использовали две системы воспитания детей: спартанскую и афинскую. В Афинах с первых часов жизни наблюдали за здоровьем младенца, не позволяли умереть, а для спартанцев важно было, чтобы больной ребёнок не остался жить. Новорожденного показывали отцу, чтобы, во-первых, он признал его за своё дитя, затем *акестрис*, повитуха, выносила его из дому и оставляла на воздухе как есть, обнажённого — в летнюю жару или на холоде в зиму. Слабый ребёнок не выживал, но родные огорчались не сильно. Спартанские женщины обмывали младенцев холодной водой, излишне тепло не пеленали. Во всех семьях ребёнка рано отнимали от груди, не ведая, что лишают его полезных для здоровья качеств, заложенных в материнском молоке. Но было принято нанимать кормилиц из сельской местности.

Если младенец рождался с явными физическими отклонениями, отец приносил его к старейшинам, и те уже принимали решение, как с ним поступить. Чаще всего оставляли умирать на скале Тайгет, откуда в обычные дни сбрасывали беглых рабов и приговорённых к смерти убийц. На всё воля богов!

* * *

Малышу Александру нашли кормилицу из ближайшего селения, крепкую телом, чистоплотную молодую женщину. Молока хватало — она недавно родила. Кормление проходило под присмотром заботливой няни Ланики из старинного, но обедневшего княжеского рода. Для Александра Ланика стала второй матерью, научила его говорить на родном языке македонян, освоил *койнэ* — несложный язык общения греков. Няня иногда приводила с собой сводного малолетнего брата Клита, с которым Александр быстро сдружился и души в нём не чаял.

Олимпиада неистово любила первенца, близко никого к нему не подпускала, кроме Ланики и кормилицы, успевая ревновать обоих. Молодая мать придирчиво следила за кормлением, как няня бережёт его во время прогулок, какую колыбельную поёт на ночь, чтобы малышу не приснилась Эмпуса с ослиными ногами, пожирающая детей. Боялась сглазу, если кто неосмотрительно восторгался Александром; тогда царица незаметно плевала в его сторону, приговаривая:

— Дурные уста, дурной язык, дурная губа!

Она была уверена, что сглаза нужно бояться, так как находились люди, вредившие своим дурным взглядом здоровью детей.

Александр рос активным мальчиком. Все, кто видел его, говорили, что он красивый. Но цвет глаз имел немного странный: один — голубой, другой — темно-карий, хотя в этом виделся какой-то небесный знак. С младенчества голос у Александра проявился тоже необычный — высокий и резкий, сильный. А когда он спал, с лица не сходила кроткая улыбка, и от неё будто сияние исходило; на щеках проступал нежный румянец, очаровывающий всех. Кожа его удивительно приятно пахла без всяких благовоний. В самом детстве волосы малыша были светлые, позже потемнели, превратились в темно русые, и это тоже был признак некой божественности. И вообще, люди говорили, что в его присутствии они ощущали себя необычно приятно, легко.

С малых лет Александр виделся с отцом не часто, основное время находился в обществе матери. В сфере её любви ему становилось покойно и уютно, к сердечному состоянию добавлялись ласки любящей няни, отчего ребёнка не сильно тянуло к строгому во всех отношениях отцу. К тому же Филипп не занимался с ним играми, больше требовал исполнительности и покорности. В долгие зимние вечера под завораживающий стрёкот невидимых сверчков мать рассказывала сыну захватывающие истории из жизни своих предков. Один из них Ахилл, герой Троянской войны, глубоко запал в душу Александра. Он любил хвастаться своим родством с Ахиллом перед сверстниками, грезил его подвигами, мечтал быть похожим на него. Но когда Александр говорил отцу о нём, с удивлением замечал, как его лицо кривилось в недовольной гримасе. В ответ царь произносил гордую речь о родословной по мужской линии, где легендарным предком был Геракл, вдохновенно рассказывая о его героических деяниях. Но влияние матери в противостоянии царственных родословных для Александра оказалось сильнее, отчего Ахилл оставался для него культовым героем.

Подрастая, Александр обнаружил в себе проявление иных чувств к отцу. Мальчику нравилось сидеть на его могучих плечах, когда он появлялся в гинеее, испытывал огромную радость от ощущения сильных рук, которые высоко подбрасывали его, слушать истории родителя о его походах и сражениях. В такие моменты сын всецело принадлежал отцу, не вспоминая о матери, забывал её наставления, как себя вести в присутствии отца. Он обожал родителя, мечтал о том времени, когда вырастет и станет похожим на него. В такие дни Александр долго ещё ощущал завораживающе крепкий отцовский запах, вспоминал раскатистый смех и, к большому неудовольствию матери, говорил о подвигах Геракла...

ПОРА УЧЕБНАЯ

В обычных греческих семьях родители не ограничивали малышей до семи лет в играх и забавах. Под присмотром матери, няни или прислуги им разрешалось безнаказанно шалить, и тогда детки с упоением возились в грязи и песочке, скакали верхом на палочке. Нередко в игрушечную тележку запрягали козу или свинку и катались по очереди, пугая скотный двор радостными возгласами. Дети обожали возиться с дворовыми собаками, которые не сильно возражали, когда их пытались приспособить под «боевых коней». Маленький царевич с удовольствием принимал участие во всех забавах своих товарищей, выбранных ему матерью.

Приучение детей к знаниям начиналось с семи лет с той лишь разницей, что мальчика забирали под надзор отец, а девочка до замужества оставалась при матери, перенимая навыки ведения домашнего хозяйства и семейных отношений. Редко кого из девочек обучали наукам, за исключением детей из царских или княжеских семей. Но если уделом людей с низким происхождением было занятие ручным трудом, для мальчиков из благородных семей интеллектуальное воспитание являлось обязательным, значительным, а хорошее домашнее образование — престижным качеством свободного рожденного эллина.

Преподавание знаний в основном проводилось в семье ученика, реже — в доме учителя. Почти всегда это был грамотный раб или наёмный вольноотпущенник, из бывших рабов. Он следил за личной гигиеной и поведением ученика, отвечал перед его отцом за успехи в обучении наукам. Учитель имел право наказывать подопечного за провинности, связанные с учебным процессом. Практически он находился при ученике постоянно, являясь *педагогом*, воспитателем, оказывая значительное влияние на формирование личности воспитанника в меру собственного уровня знаний и преподавательского опыта. Когда мальчик становился подростком,

нужда в наставнике отпадала, после чего благодарные родители, как правило, отпускали раба-педагога «на волю». Но уходить далеко от привычного уклада и быта ему не было смысла: бывший раб, теперь вольноотпущенник, получал от хозяев скромное жилье и пропитание в этом же доме, где оставался в качестве приживальщика и помощника хозяина до конца жизни. Но случилось, что на правах свободного человека, он продолжал учить детей в других домах или даже открывал собственную школу.

* * *

Когда Александру исполнилось семь лет, за ним в гинекей пришёл слуга отца, чтобы отвести на мужскую половину дома. Теперь сын мог видеться с матерью только в свободное от учёбы время, на каникулах и по праздникам. С этого дня отец определял дальнейшее воспитание сына до возраста эфеба. При достижении восемнадцати лет власть отца над свободами сына прекращалась, когда юноша получал гражданские права, привлекался в городское ополчение, чтобы с оружием в руках защищать отечество.

Важные для Македонии внешние обстоятельства и царские обязанности постоянно требовали от Филиппа находиться вне пределов Пеллы, в результате чего контролировать учебный процесс наследника ему приходилось не часто. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, царица не отказывалась от продолжения усилий влиять на сына, занималась его воспитанием и подбором учителей. Тем более что в девичестве благодаря заботе любящего отца получила хорошее образование: с помощью лучших афинских педагогов усвоила греческие науки, письмо и риторику, поэзию — Гомера, Архилоха и Пиндара, лирику Алкея и Сапфо. В дионисовых мистериях пела дифирамбы, исполняла обрядовые танцы, играла на кифаре, а придворный жрец поделился с ней искусством разгадывания снов — *онейросом*, от него познала секреты предвидения событий. Пришло время передать всё, чем владела Олимпиада, взрослому Александру.

Воспитателем семилетнего сына она предложила Леонида, её эпирского родственника. Филипп согласился. Она с трудом сдерживает слёзы, вспоминая день, когда Леонид впервые увёл Александра на занятия.

— Прошу тебя, Леонид, не нагружай сильно моего мальчика учёбой. Следи за его здоровьем, — царица подала плетеную коробочку. — Возьми. Будешь потихоньку давать.

— Что это? — полюбопытствовал Леонид.

— Сладости и печенье, какие любит Александр.

— Царица, прошу, не навязывай мне ничего недозволенного! — для убедительности Леонид отвел руки за спину. — Царь Филипп запретил баловать Александра! Было сказано: никаких уступок, никаких поблажек!

— Но Александр ещё ребёнок! — царица уже не следила за собой, готова была разрыдаться. — Возьми, умоляю, и пока спрячь, а когда он захочет съесть что-нибудь сладенькое, ты дашь. Скажешь, от мамочки. Всего-то кусочек дашь.

— Прости, царица. Но я не посмею навлекать на себя, да и на тебя, гнев царя. Повсюду его соглядатаи — увидят, доложат Филиппу. Вот уж тогда точно не только мне будет плохо.

Доводы Леонида показались убедительными. Олимпиада, понимая ещё, что не следует унижаться перед прислугой, перестала настаивать. Теперь ей оставалось с тоской представлять себе, как Филипп, отняв у нее сына и его любовь к ней, всецело распоряжается им. Её Александр, родное дитя, заполнявший всегда собой все ее дни и ночи, кажется, навсегда ушел из её жизни. Ушёл, как она успела заметить, едва сдерживая радость.

Когда Леонид ушёл, Олимпиада впервые за годы замужества заплакала — навзрыд, громко, не остерегаясь, что её услышит прислуга. Ланика плакала за перегородкой, тихо и без слёз — от её любящего сердца тоже оторвался кровотокающий кусочек...

РОЗГИ ДЛЯ ЦАРЕВИЧА

Воспитатель Леонид значился главным среди учителей Александра. Помимо общего надзора за учебным процессом, он занимался с ним закаливанием тела через физические упражнения. Филипп соглашался с Леонидом о необходимости применения суровых методов воспитания сына, как веками воспринималось в Спарте.

— Я рад, что ты проявляешь строгость на занятиях с моим сыном, хотя не применяешь грубости, — похвалил царь. — Так и в дальнейшем поступай, не допускай в обращении с ним нежностей. Никаких поблажек, иначе вырастет неженкой, а не воином!

Леонид поступал, как велел царь. Но ему иногда приходилось объясняться по этому поводу перед царицей, когда она узнавала от слуг или от Александра подробности о занятиях. И всё равно строгий воспитатель не позволял Александру лакомиться сладостями, а если обнаруживал их, тайно переданные служанкой Олимпиады, отбирал и отчитывал воспитанника, как простолюдина. Иногда приходилось наказывать розгами, на чём настаивал Филипп, говоривший, что столь жестокая мера царевичу пойдёт только на пользу.

Однажды воспитатель рассказал Александру о спартанском царе Агесилае, который в каждом сражении выходил победителем и до самой старости лично водил войско в походы.

Леонид заметил, как у Александра загорелись глаза.

— Учитель, я тоже хочу всегда побеждать. Расскажи, как это делал Агесилай.

— Хорошо, Александр. Но для начала тебе нужно поступать, как Агесилай. А он с детства занимался физическими упражнениями, зимой гулял босиком в одном гиматии. Всю жизнь в любое время года обливался холодной водой, никогда не пользовался тёплыми ваннами, расслабляющими, как он говорил, душу воина и сердце. Вот почему этот царь даже в старости легко переносил жару и холод, не уставал в пешем переходе.

— Я буду ходить босиком зимой, обливаться холодной водой! — отозвался звонким голосом Александр. — Хочу стать непобедимым полководцем!

— Похвально, царевич! — приветствовал воспитатель. — Если будешь следовать моим наставлениям, обязательно станешь сильным духом и здоровым телом.

Александр часто просил Леонида рассказать об Агесилае, как он воевал, слушал его истории с замираньем сердца. Однажды его воины привели в Спарту большое число пленных: полагалось продать их в рабство, а деньги разделить поровну между всеми гражданами — кто воевал, и кто дома их ждал. Агесилай распорядился раздеть пленных догола...

Александр, услышав это, удивился:

— Зачем?

— Спартанцы тоже спросили своего царя: «Зачем?», а он объяснил: «Рабов будем продавать отдельно от их одежды. Так гораздо выгоднее. На то и на другое найдётся покупатель». Пленных раздели догола, а царь обратился к воинам: «Спартанцы, посмотрите на эти белые, рыхлые, изнеженные тела. Они принадлежат врагам Спарты. Вы их победили, и теперь они ваши рабы. Решайте, стоит вам впредь бояться своих врагов?»

Царь показал рукой на одежду пленников, сваленную в кучу, на ценное оружие и другую военную добычу, добавил: «А вот ради чего вы сражаетесь! И теперь скажите мне, что лучше — воевать или отсиживаться дома, ожидая врага у ворот?»

Александр от восторга захлопал в ладоши. В этот день он узнал от Леонида, что царь Агесилай обязал всех свободнорожденных юношей готовить себя к суровой походной жизни, занимаясь физическими упражнениями в палестрах* и гимназиях*. Ведь до него граждане не готовили себя к военной службе через трудности и тренировки, а воины не собирались в лагерях для боевой выучки. Агесилай собственным примером всё изменил, после чего спартанские воины стали непобедимыми.

— Агесилай заключал с врагами мирные договоры, зная наперёд, что он их нарушит, — рассказывал Леонид, — но лично сам исполнял законы Спарты, требовал от граждан того же, независимо от занимаемых должностей. Когда кто-то из чужеземцев спросил Агесилая, как далеко распространяются границы Спарты, царь взял копье у воина и, потрясая им, ответил: «Они отстоят настолько далеко, насколько далеко прошёл с этим копьем спартанец».

Александр не мог остаться равнодушным:

— Когда я вырасту, моё копье покажет, где будет край земли для македонского воина.

Леонид заметил проступившие на глазах Александра слёзы во время рассказа о смерти Агесилая в Египте, где он воевал, когда ему уже исполнилось восемьдесят четыре года. Не мог чувствительный Александр остаться равнодушным, услышав от воспитателя слова царя, обращённые к воинам, обступившим его смертное ложе: «Не воздвигайте мне памятников из камня или бронзы, ни лепных, ни писаных, ни иных изображений. Если я сделал что-либо хорошее, это и будет мне памятником. Если же нет — не помогут все статуи мира, эти ничего не стоящие изделия жалких ремесленников».

* * *

Леонид, пользуясь согласием царя, строго наказывал воспитанника за малейшее нарушение распорядка. Заставлял отжиматься на руках от земли помногу раз, ограничивал в одежде зимой, обязывал бегать босиком по острой щебенке, требовал быстро подниматься вверх по крутой горе с камнями в руках. Не разрешал пить воду, когда очень хотелось. Запрещал часто мыться и душиться цветочными эссенциями, велел коротко обстригать волосы, чтобы не мешали в играх.

Царица ужасалась, когда узнавала о таких испытаниях для сына, но скоро перестала волноваться, успокоилась, понимая, что подобные требования к воспитанию идут ему на

пользу. Тем более Александр не только старательно переносил тяготы, но, похоже, ему всё это нравилось. Он игнорировал обычную постель, охотно спал на *кульките* — тонком рогожном тюфяке, набитом грубой соломой, и в прохладное время не укрывался одеялом. Чтобы испытать себя, голый ложился на тростник и камыш, который ломал собственными руками, терпя порезы и уколы. Зимой обходился без теплого головного убора, *пилея*, в непогоду отказывался от *трибона* — толстого плаща из шерсти. Пищу употреблял простую, грубую и скудную, приводя воображение матери в ужас, когда она узнавала об этом.

За провинности, а они случались у царевича, воспитатель Леонид иногда применял даже розги, заготовленные из *фериулы*, гибких веток кустарника. Леонид со знанием дела отмачивал их и также умело использовал. Когда наказание случалось, Александр терпел, пряча слёзы, а однажды, когда Леонид в очередной раз хлестал его тело, с усмешкой выдавил из себя:

— Посоревнуемся, кто из нас первым устанет?

Леонид знал, почему так сказал Александр. Недавно воспитатель рассказывал о суровом испытании спартанских подростков — добровольном бичевании, *мастикс*. В Спарте в определенные дни перед алтарем богини Артемиды секли пятнадцатилетних мальчиков свежесрезанными прутьями из ивовых кустов. Обряд происходил в присутствии большого числа жителей города, родственников ребят. Предполагалось, что мальчишка, выдержавший без единого стога жестокое испытание, может называть себя мужчиной. Сдаться, попросить пощады означало показать, что ты слаб, безволен! В таком случае мальчик унижал не только себя, но и всю семью, терял уважение друзей. Были случаи, когда во время истязания дети умирали на глазах у родных и близких, которые бы не вынесли позора в случае его отказа от продолжения жестокого испытания.

Услышав историю, Александр спросил потом у отца:

— Зачем нужно добровольно выносить боль?

— Юноша, прошедший подобное испытание, не выдаст тайн отечества, даже если враги будут его мучить жестокой пыткой, — уверенно ответил он.

* * *

Встречаясь с сыном по разным поводам, разговаривая с ним, отец отмечал его усердие в учёбе. Хвалил или выражал недовольство — по обстоятельствам. А когда Александр пожаловался на трудности, ответил:

— Обучение наукам на самом деле схоже с подъёмом на гору: чем круче гора, тем труднее её преодоление. Если на пути встречаются камни, не обходи их стороной, не ищи лёгкого пути. Подумай, что эти камни здесь для того, чтобы ты научился преодолевать трудности в достижении вершин — власти или для победы над врагом. Из тех камней ты можешь сложить ступени, по которым доберёшься до своей вершины. Главное, не оглядывайся назад и не страшись камней и колючих кустарников на пути.

Царь не вмешивался в учебный процесс до тех пор, пока Александру не исполнилось двенадцать лет.

ПЕРВОЕ БЫЛО СЛОВО

У греков не существовало такого понятия, как высшее образование, но в каждой семье для обучения подростка обозначался круг дисциплин, необходимых для его будущего общественного статуса. Имелась огромная потребность в изучении грамматики, риторики, философии, геометрии, арифметики, астрономии и, в обязательном порядке, обучение музыке, игре на каком-либо инструменте. Приветствовалось усвоение дополнительных знаний по таким областям знаний, как медицина, архитектура, военное искусство.

Начальное образование, выработанное афинянами в течение столетий, считалось в Греции лучшим. Оно состояло из

трёх частей: словесности, музыки и атлетической гимнастики. Словесность преподавали *грамматисты*, а музыку — *кифаристы*, владеющие игрой на струнной кифаре. Физическим воспитанием, гимнастикой, занимались *педотрибы* — детские тренеры-инструкторы. Словесности учились с малых лет, поскольку в Афинах с её демократическими свободами государственная жизнь определялась тем, насколько убедительным окажется выступающий в публичном месте. В народном собрании гражданин был обязан выступать перед народом, то есть, владеть красноречием, поскольку вся политическая жизнь общества строилась на впечатлениях от высказываний ораторов и государственных деятелей. Судебные решения тоже зависели от того, чья речь — обвинителя или защитника — больше повлияет на судей-присяжных. На городских торжествах, заседаниях в органах управления, в застольях и на погребальных мероприятиях афиняне произносили возвышенные речи. Но для усвоения риторических приёмов и методов нужно было учиться.

* * *

Для преподавания греческой словесности Филипп пригласил из Афин Анаксимена, по отзывам, лучшего грамматиста. Едва начались занятия, учитель попросил царя разрешения, чтобы на уроках присутствовали сверстники Александра, товарищи по играм. «Вместе им будет легче учиться и запоминать уроки», — заявил он. Филипп не возражал, чтобы с детства его наследника окружали надёжные грамотные друзья.

Царскую свиту в Пелле составляли представители древнейших македонских родов, и пока они управлялись с государственными делами, их дети и внуки находились рядом с царевичем. Ребята состязались в силе и сноровке, совместно воспринимая законы дружбы и придворного общения. Все были разные, по возрасту и характерам, но тем и были они интересны для Александра.

Например, ему нравился целеустремлённый в учёбе и играх Селевк. Небольшого роста крепыш часто развлекал

товарищей загадками, остроумными и мудрёными. Сочинял он их всегда сам, и было их у него всегда в избытке.

Лисимах — задиристый шалун. Когда ребята давали ему сдачи, долго таил обиду. А Леоннат поначалу вёл себя не приметно, словно присматривался к товарищам, а позднее стал проявлять немало агрессии не только в играх, но и в обычных спорах. В драке не сдавался, плевался и кусал противника, надеясь не столько на собственные силы, сколько на терпение противника.

Пердикка был старше Александра на пару лет, вёл себя соответствующим образом, сторонился малышей. В силовых состязаниях проявлял характер, заносчиво объявляя друзьям, что будет храбрым полководцем. Своими заявлениями он раздражал Александра, который в такие моменты не скрывал огорчения.

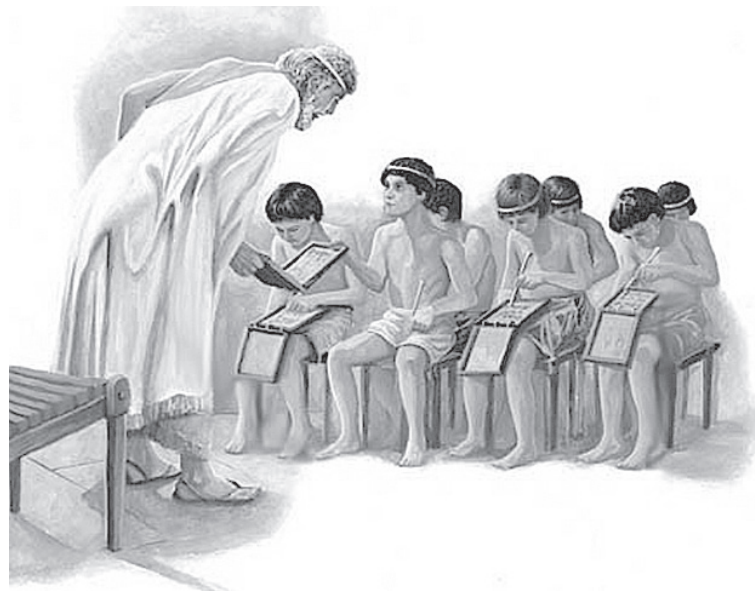
Из близких друзей наследник выделял Птолемея, сильного подростка с ранними прыщами. Над ним слегка пошучивали по поводу большого носа, а он не обижался. Его любили за необычные знания, которыми он охотно делился с товарищами в моменты затишья между играми и учёбой.

Были ещё Филота, Марсий, Никанор, Протей. И Гефестийон — высокий черноволосый подросток с задумчивым взглядом. Из всех товарищей по играм на него первого обратил внимание Александр — сначала из-за роста и забавной рассеянности.

* * *

На занятиях с Александром и его товарищами грамматист Анаксимен напевным голосом читал наизусть строки из поэмы Гомера, Еврипида, Эсхила. Затем спрашивал каждого, что ему понравилось, и какие выводы может он сделать по содержанию произведения. Выслушивал, терпеливо поправлял, если ученик заблуждался, или хвалил — по заслугам. Обязательно давал задание, чтобы ученики заучивали тексты, выбирая стихотворение, где есть мудрый совет или поучение. Анаксимен был уверен, что в таком виде ученики смогут раз-

личить дурное и доброе. Выводы, сделанные сейчас, пригодятся ребятам в жизни, помогут разобраться, какую дорогу выбирать дальше. Анаксимен обращал внимание обучаемых не столько на литературные достоинства текстов, сколько на идею автора, чтобы пошло на пользу и то, и другое. Помогая разобраться во всём этом, он говорил ученикам:



— Как среди густой листвы на ветках незаметен зреющий плод, так вы, по малым годам своим, в стихах того или иного поэта можете не заметить полезное для себя. А чтобы так не случилось, вам следует уяснить характер каждого героя, чем хорош он или плох, обратить внимание на их слова и поступки. Ведь у каждого действующего лица они свои, особенные, соответствующие его нраву.

Помогая ученикам запоминанию текстов, Анаксимен декламировал по частям, заставляя повторять за ним, фраза за фразой, часть за частью, стих за стихом. Урок продолжался до тех пор, пока стихотворение не заучивалось учениками полностью. Помимо всего, грамматист принуждал анализи-

ровать сюжеты, изложенные в поэмах, выявлять авторские ошибки и неточности, критиковать или хвалить героев, придумывать новые темы и эпизоды, отличные от авторских. Он призывал понимать автора, за что и почему следует его уважать, чтобы ученики потом наперебой спорили, громко, до ожесточения, отстаивая собственное мнение. Анаксимен в этот процесс не вмешивался, лишь иногда неназойливо поправлял, считая поведение учеников на уроках весьма полезным.

* * *

Филипп, верный слову, иногда посещал занятия по греческой словесности, сидел и молчал, слушал, а когда уходил, хвалил Александра, если был повод. Однажды он появился в тот момент, когда Анаксимен разбирал с ребятами стихотворение Алкея. До конца урока не проронил ни слова, а как только ученики ушли, спросил учителя с озабоченным видом:

— Анаксимен, я слышал об Алкее, что он был другом любвеобильной Сапфо, в их отношениях есть немало забавного. Но скажи мне, что полезного для себя вынесет мой Александр из его стихов о пчёлках, веточках и овечках на лугу? Мне нужен сын — воин, а не пастушок.

Анаксимена не смутил вопрос:

— «Мужество — крепкая ограда государства; блеск золотого оружия не поразит врага», — это сказал Алкей. А теперь, царь, позволь развеять опасения, будто Александр не сможет стать достойным защитником отечества с лирической поэзией в душе. Кто читает поэтов не только ради удовольствия, не станет слушать лениво и равнодушно те места, где говорится о добродетели, рассудительности, справедливости. Алкей говорит о таких вещах постоянно. Подобно тому, как на лугу пчела устремляется на поиск цветов, так и юноши, читающие разных поэтов, должны уметь собирать цветы содержания, упиваться красотой и стройностью выражений, получать пользу от слов, воспитывающих характер. Я учу этому твоего Александра.

Было неясно, согласился Филипп с Анаксименом, или нет; он глубокомысленно хмыкнул, встал и вышел прочь. Но на следующем занятии царь появился вновь. По несвежему лицу, тёмным мешкам под глазами и хриплому голосу нетрудно было догадаться, что он заглянул сюда с пирушки. Для застолья повод был, об этом во дворце знали: Филипп подписал союзный договор с несколькими фессалийскими городами. От царя несло крепким мужским потом, вином, чесноком и луком. Он молча сидел, слушал, пытаясь узнать, о чём говорил Анаксимен, а когда понял, что Александр пытается исполнить задание, выстраивая речь по аттическим канонам, с раздражением воскликнул:

— Анаксимен, ты хочешь научить македонянина говорить так, будто он выступает перед афинскими демократами в их собрании — длинно и ни о чём?

— Царь, для Александра это всего лишь упражнение в построении речи. Я хочу привить ему любовь к изяществу, — невозмутимо ответил Анаксимен. — Великий Гомер говорил: «Гибок язык человека: речей в нем — край непочатый, царство словесное неистощимо по всем направлениям». Твой сын, когда вырастет, будет знать, в каких случаях пользоваться ему нужным стилем речи. Например, в отношении недругов ему потребуется воспользоваться языком человека гневающегося, негодующего, полным соответствующих чувств, но без оскорблений. Когда ему придётся кого-то похвалить, он скажет об этом с восхищением, а о вещах, возбуждающих сострадание, выразит себя со смирением. А если придётся сдерживать эмоции, он применит слова, их сдерживающие. Вот чем мы сейчас занимаемся.

— А мне ближе люди, кто говорит, как думает, составляя свою речь из выражений, взятых из понятной всем речи, — не сдавался Филипп, осознав, что вмешался зря.

В ответ услышал:

— О важных вещах, царь, нельзя говорить слегка, как о пустяках нельзя говорить торжественно. Я предлагаю твоему сыну, например, отражать серьёзность противника по-

средством шутки, а шутку — посредством серьезности. Он обязан овладеть искусством интонации, иначе речь уподобляется человеку, несущему бревно.

Чтобы сгладить неловкость, в которой оказался Филипп, Анаксимен добавил, смиренно глядя в его сторону:

— Но я присоединяюсь к твоим словам, царь, что к простому слову никогда не следует присоединять украшений. В противном случае стиль языка покажется шутовским.

Филипп посидел ещё немного, не проронив ни слова, и ушел, не прощаясь. На занятия Анаксимена он больше не приходил.

В конце обучения словесности Александр и его товарищи разучивали сцены из трагедий, словно настоящие актёры. Получалось шумно и весело. Александр настоял, чтобы Анаксимен поставил для него и ребят трагедию, сочинённую ими как «Завоевание Трои». Ведущую роль Ахилла Александр взял на себя. Ребята настолько увлеклись запоминанием стихов вообще, что в дальнейшем вместо уроков предпочитали развлечения иного рода. Например, Александр декламировал строку гекзаметра или ямба, а товарищ говорил следующие за этим строки; или же один пересказывал смысл каких-либо стихов, а в ответ ему приводили отрывок из произведений другого поэта с той же мыслью; или каждый декламировал по строчке ямбов. Кроме того, каждый проговаривал строчку длиною в несколько слогов, чтобы она укладывалась в размер по всем правилам о слогах и буквах. Подобным же образом играющие должны были назвать на заданную букву имена всех ахейских вождей под Троей, или всех троянских вождей. Таким образом, забава была не бестолковая, а показывала образованность каждого; наградами «актёрам» служили цветочные венки и словесные похвалы учителя, от которых учёба становится необременительной.

* * *

Когда Александру исполнилось десять лет, в Пелле появилось афинское посольство с участием известного политика

и оратора Демосфена. Чтобы удивить гостей из враждебного лагеря, Филипп распорядился во время приёма устроить спектакль, где его сын вдохновенно прочитал огромную часть поэмы из «Странствий Одиссея», а потом разыграл с товарищем сцену из поэмы Еврипида.

Потрясённый приёмом царя Филиппа афинской делегации, его умением вести самые трудные переговоры в свою пользу, Демосфен, как ни осторожен был в высказываниях, в речи перед собранием так отозвался о сыне македонского царя:

— Удивительно, но малолетний варвар, сын царя Филиппа, читает стихи, как настоящий эллин. Я нашёл наследника умным и не по годам взрослым, хотя по этой причине, мне так показалось, беззубый волчонок выглядел смешным.

ДАР БОГИНИ АЛФИТО

Следующим этапом учебного процесса для Александра явилось освоение греческого письма. Учитель Полиник приступил к занятиям с истории появления алфавита:

— Алфито, она же Белая богиня Луны, подарила людям письмо как условие для общения друг с другом посредством определённых звуковых обозначений. Посланник Зевса Гермес перевел звуки в буквы, придав каждой букве собственное начертание. Вначале они имели форму клинописи, словно стая летящих журавлей. Это уже был алфавит. Впервые им научились пользоваться египтяне, от них он попал через торговцев в Финикию, а от финикийцев искусство написания букв переняли греческие жрецы бога Аполлона. Из всех букв они выделяли только гласные, считали их священными, в сопровождении лиры применяли в песнопениях, прославляющих бога. Со временем алфавит стал доступен всем грекам, которые с его помощью вели записи важных государственных событий, заключали договоры и писали письма, обозначали названия товаров и прочие полезные действия.

Александр преуспевал в освоении письма, им овладевало возвышенное чувство радости, гордости. Не чудо ли, когда на чистом листе египетского папируса телесного цвета появляются рукотворные чернильные значки, обозначающие собственные или чужие мысли? Эти мысли даже после длительного молчания люди произносят вслух, повторяя слово в слово.

На одном из уроков он полюбопытствовал у Полиника:

— Учитель, если стихи записываются буквами, чтобы читать их в любой момент, зачем их тогда заучивать на память?

Пришлось Полинику искать подходящее пояснение:

— Видишь ли, Александр, письма служат людям не для закрепления памяти, а лишь как упражнение памяти — как служат атлету его мышцы рук, ног и тела. Алфавит нам дан всего лишь для припоминания. Это видимость мудрости, а не сама мудрость. Но через письма люди передают друг другу знания от прошлого времени в настоящее, что-то узнают не понаслышке, усваивая, становясь в большинстве умными, способными к мудрому общению.

Уроки Полиника происходили следующим образом. Учитель сидел на кафедре, высоком стуле со спинкой, а ученики вокруг — на табуретках; на коленки клали *пинакс* — доску для письма, покрытую воском. Для написания букв и слов применялось *стило* — палочка, заостренная с одного конца: острым концом выцарапывали буквы, тупым заглаживали неправильно написанное. Учитель на верхних строчках таблички показывал образец буквы, четко и аккуратно, ниже ученик старался изобразить подобное, переписывая не единожды, пока учитель не одобрял исполнение. Написанное слово читали по складам: «бета-альфа — ба, гамма-альфа — га, бета-ламбда-альфа-гла» и так далее, перебирая всевозможные сочетания, пока ученики не начинали узнавать целое слово с одного взгляда. Строчки греческого письма читались с трудом, потому что между словами не существовали пробелы, они разделялись на слух ударениями. Времени и сил для написания одного слова уходило неизмеримо, но Полиник

никому не делал поблажек, ни царевичу, ни его товарищам.

— Вы знаете, почему бегуны на тренировках подвязывают себе свинцовые подошвы? — спрашивал он и сам отвечал:

— Чтобы на состязаниях бежать без них и представлять, что на ногах появились крылья. Так и в учении, сначала тяжело, но как сладки его плоды!

Уместные доводы помогали в учении, отвлекали от трудностей, скрашивали будни занятий. Совсем скоро Александр, запомнив правила написания, далеко опередил своих сверстников, что позволило ему с большой охотой осваивать науки с другими учителями.

МУЗЫКА МИРА И ВОЙНЫ

Музыкальные занятия проводил Левкипп из Лемноса, один из лучших кифаристов Греции. В душе он разделял учение пифагорейцев о музыке, будто она существует не для развлечения, но является естественным дополнением к образованию детей и подростков. Благородство ритмов и неразрывная с музыкой поэзия возвышает юные души, не позволяет занимать голову мыслями о дурных поступках. И по Платону, музыкальное искусство внушает душе вкус к добродетели.

Каждый урок начинался с того, что учитель исполнял какую-нибудь мелодию на кифаре, затем предлагал Александру повторить услышанное, но голосом. Или Левкипп, подыгрывая себе на лире, напевал стихотворение, призывая ученика присоединиться голосом. Пели вместе. А когда учитель предложил Александру выбрать инструмент, чтобы научить играть, тот взял *тибию* — большую роговую дудку, и попытался извлечь звуки. Смешно раздувал щеки, а из тибии раздавались резкие неприятные звуки, похожие на скрежет металла. У царевича ничего путного не получалось, он злился и, наконец, выбросил дудку.

— Тибия не достойна того, чтобы я играл на ней, — с

недовольным видом сказал Александр Левкиппу. — Не царский она инструмент!

— Ты можешь объяснить, почему?

— Потому что от неё щеки делают моё лицо некрасивым. Пусть на ней играют рабы.

Выбор остановил на кифаре. Левкипп показал, как ударами *бряцала* по струне нужно извлекать мелодичные звуки. Александру не терпелось играть по-настоящему, он спросил:

— Что изменится, если я ударю по другой струне?

Учитель терпеливо объяснил:

— Тогда всё ощутимо изменится. Это как управление государством. Царь хорошо управляет народом, если народ и он сам соблюдает законы, установленные предками. Закон, *номос*, это норма человеческого поведения в государстве. А теперь представь, что народ не соблюдает законы. Тогда царь не сможет управлять государством. Так и в музыке: игра на кифаре, как на любом инструменте, подчинена своим музыкальным законам. У исполнителя ладится всё, если он соблюдает законы, которые хорошо познал в процессе учения. Моя задача — обучить тебя тем законам.

Левкипп придумал, как доходчивей объяснить Александру суть музыкальной грамоты:

— Спроси у отца, от чего зависит успех сражения, и он тебе скажет, что победы добьётся войско, где действия пехоты, конницы, лучников и пращников согласованы и подчинены единому военачальнику. Так происходит и в музыке, где без дисциплины, без совершенного порядка не извлекается ни одна мелодия. Когда все звуки согласованы со всеми, они звучат прекрасно; когда хоть один выбивается из согласия — вся гармония гибнет, так и в войске.

Слова учителя объяснили Александру многое, но следом он заинтересовался другим, не менее важным для него вопросом:

— Почему у одного человека возникает желание играть на инструменте, а у другого — самому слушать музыкантов?

— Александр, запомни, желание погрузиться в мир музыки — всё равно слушать музыку или играть на инструменте, — возникает, когда у людей появляется стремление к согласию и покою. С музыкой возникает желание всё упорядочить до совершенства. Вслушайся в звуки природы, и ты в журчании ручья и шуме морского прибоя, дыхании ветра и пении птиц — везде услышишь музыку. А где звуки, там всегда улавливается музыка. Люди способны слышать музыку в природе, но каждый из нас слышит только свою музыку, исходя из собственного характера, настроения и даже воспитания, и там, где люди находят общение друг с другом, радуются, они под свою музыку вместе танцуют и поют.

Левкипп поведал, что музыка способна унять в человеке заносчивость и грубость, она прогоняет мрачность в настроении, а в душах порождает кротость и благородную радость. Гомер изображает богов, услаждающих себя музыкой и сладостным пением муз, особенно после ссор, которые случаются на Олимпе. Так и у людей! Музыкальное искусство полезно на пирах как врачеватель от буйств и безобразий.

— А есть такие люди, кто не понимает музыку или не желают её слышать?

— Такие, увы, есть. Я называю их людьми войны, так как им чужды звуки прекрасной музыки, вдохновляющей на мирный труд и блаженство. Им лучше слушать громкие выкрики военных команд, ржание коней в сражениях и ужасные стоны раненых. Они глухи к мирной музыке, потому что живут ради победных звуков медных труб.

Левкипп заметил, что Александр слушал с недетским вниманием. Поэтому продолжил доверительным тоном:

— Я предложил бы каждому правителю, пробуждаясь, первым делом слушать звуки лиры или кифары, а не доклады военачальников. В таком случае они совсем по-другому увидят решения государственных дел. Наши предки пели гимны богам, ибо имя бога, вложенное в согласное пение, возвышает образ мыслей каждого из нас. Но так предки сохраняли душевную красоту эллина. Пришло время, когда

наступил беспорядок, и стали ненужными почти все обычаи предков, и после того преданность людей музыке развеялась. Обнажились иные, дурные музыкальные вкусы, от которых у всех и каждого мягкость превратилась в изнеженность, а чувство меры — в распущенность. Если это пойдет еще дальше, и кто-нибудь не воротит вновь на свет музыку наших предков, Эллада погибнет от варварской музыки.

Левкипп по-отечески обнял Александра.

— Когда станешь царём, вспомни мои слова и сделай так, чтобы мирная музыка звучала в каждом доме эллина, в труде и застольях, в народных собраниях, советах и судах. А если будешь вести переговоры с врагом, прикажи звучать мирным флейтам и кифарам. Только так люди отучатся бросаться друг на друга с обидами и обвинениями, они станут добрее и не такими кровожадными. Войны между народами прекратятся сами собой. Вот почему я не хочу, Александр, чтобы ты остался глух к прекрасной музыке.

— Учитель, я обещаю, что по утрам буду слушать кифару, — заверил царевич, на что Левкипп грустно улыбнулся.

ЦАРСКИЙ ПУТЬ В МАТЕМАТИКЕ

Через три года обучения добавилась математика, которую вёл Менекл. Первым делом он сообщил ученику, что понятие предмета произошло от *«матемы»*, иначе «познания», и что математика есть свод разных и очень важных наук, из которых первые есть арифметика, геометрия, астрология и арифмология как высшая ступень её познания. В обучении Менекл использовал метод, при котором ученику с самого начала подавался сложный материал, не делая скидок на юный возраст. Александр, привыкший к тому, что успешно осваивал прежние науки, не сразу схватил искомое.

— Учитель, — воскликнул он, — объяснения, которые я слышу, такие длинные и запутанные, что, когда они заканчиваются, я уже забываю начало.

— Но такова математика, в поисках решения наука терпеливых и настойчивых.

— Мой отец — царь, и я буду царём. Мне он говорил, что у царей нет времени долго выслушивать. Нужно сразу принимать решение. Я хочу, чтобы математика излагалась для меня не так длинно, как предлагаешь ты.

Менекл не сразу нашёлся, что ответить нетерпеливому царевичу.

— Твой отец прав, что для царей есть путь короче, для народа — длиннее, — с достоинством отвечал учитель. — Но в математике, мой друг, есть только один путь, общий для всех: и для царей, и для простых людей.

Александр понял, что был неправ, устыдился своего поведения, и с этого дня прилагал больше усердия, чтобы усвоить математический предмет. Уже через несколько уроков Менекл сообщил царю об успехах его сына.

В арифметике царевич вместе с товарищами изучал простейшие свойства чисел, прежде всего, целых и дробей, а также свойства действий сложения, вычитания, умножения и деления чисел. В её основе лежал пальцевой счет и счет на *абакe* — специальной доске, разделенной на столбцы, по которым передвигались счетные камешки, бобы, от одного до девяти. В целях закрепления знаний Менекл предлагал ученикам решать загадки. Александр не удержался от вопроса:

— Учитель, мы любим загадки отгадывать, но разве они не для забавы детям?

— Нет, мои дорогие, загадка — это шуточная задача, требующая путем размышления найти решение. За разумный ответ обычно получают награду. Только кажется, что загадки несут вздор, но вздор особый, они придуманы для уловки. Вот пример: «Не смертен и, однако, не бессмертен он; его природа смешана: не божеской живет он жизнью и не человеческой, ежедневно рождаясь и исчезая вновь. Незрим для глаз он и всем знаком». Что это?

Менекл смотрел на учеников, а они в поисках ответа морщили лбы. Молчание затянулось.

— Видите, вы не способны дойти ленивыми умами до простой истины. А ведь это сон!

Раздался гул удивления и разочарования. Менекл продолжил урок:

— Ещё предки эллинов показывали свою образованность на пирах загадками, полагалось шуточное наказание для тех, кто не мог справиться с ними. И философы нередко устраивали симпозиы, на которых ели, пили вино и развлекались загадками.

Менекл улыбнулся, оглядывая учеников.

— Вы сейчас не в том возрасте, чтобы пить вино, но в загадках вас попробуем испытать.

Неожиданно в дверях показался царь. Не глядя ни на кого, прошёл к креслу, сел и стал прислушиваться. Менекл, не прерывая занятия, говорил Александру:

— В лесу рос куст орешника, и было на нём орехов, не счесть. Шла мимо девушка и собрала с нижних веток пятую часть плодов. Проходил пастух, который собрал четверть орехов. Пришёл мальчик, и ему досталась восьмая часть, следом пришла его сестра и собрала с веток седьмую часть урожая. Охотник сумел найти на ветках ещё шестую долю орехов. На следующий день пришли трое Харит*, которые собрали сто шесть орехов, а девять Муз* забрали, каждая, по девять орехов. И вот на самой дальней из веток осталось всего семь орехов, которые никто не заметил. Но их съели птицы.

Менекл испытующе посмотрел на Александра.

— Теперь вопрос: «Сколько всего орехов было на орешнике с самого начала?»

Александр, размышляя, сжал губы и наморщил лоб, стал выписывать цифры на своей абаке, после чего радостно воскликнул:

— Я знаю ответ: орешник имел тысячу шестьсот восемьдесят орехов.

— Правильно! — похвалил Менекл. — Ты — молодец!

Раздался глуховатый голос Филиппа:

— Теперь разгадай мою загадку. Посмотрим, какой ты молодец.

Александр в ожидании замер.

— Недавно я побывал в Беотии*, — начал Филипп, — и вот какую эпитафию увидел на плите:

«Здесь погребен мудрец Диофант. Дивись великому чуду:

Числа на этой плите скажут усопшего век.

Волей богов шестую часть жизни он прожил ребенком

И половину шестой встретил с пушком на щеках.

Часть жизни седьмая прошла — и он женился;

С женою проведя пять лет, сына дождался мудрец.

Бедный сын! Вдвое меньше отца он прожил на свете,

И возложили его на погребальный костер.

Дважды два года еще отец оплакивал сына;

Тут и нашел он конец жизни печальной своей».

Вот теперь скажи мне, сколько прожил лет Диофант?

Александр нахмурил брови, соображая. Менекл в ожидании посматривал с озабоченным видом, на царя и на ученика. Прошло некоторое время, как Александр выдохнул с облегчением:

— Мудрец прожил восемьдесят четыре года!

Отец с радостным возгласом вскочил с места и обнял сына. Поцеловал в голову и долго не отпускал от себя.

* * *

Однажды Менекл принёс на урок небольшие плоские палочки, искусно вырезанные из твердого дерева.

— Они не для забавы, — загадочно произнёс учитель. — Мы ими будем изображать математические фигуры, которые называются треугольником, квадратом, прямоугольником. И эта наука уже называется геометрией.

Он показал.

— Но это ещё не всё. Палочки чудесным образом связаны

с арифметикой, которую вы неплохо изучили. Смотрите. — Менекл положил на стол три камешка в ряд, сверху еще ряд. — Что получилось?

Александр пожал плечами.

— Камешков шесть. Что в них удивительного?

— Не в камешках, а в их построении. Получилась математическая фигура, называется «прямоугольник». Теперь я ставлю в ряд по три камешка. Это уже «квадрат». Сколько уместилось в квадрате? — Девять. Тогда получается, число три в квадрате будет девять. А если наложим три таких квадрата один на другой — сколько будет камешков? — Двадцать семь. Что у нас получилось? — «Куб». Из этого следует, что число «три» в кубе дает число «двадцать семь». А теперь попробуй сложить число «тридцать».

Александр, недолго думая, взял горсть камешков и уложил их — три по длине, по ширине — два, в высоту предложил уместить пять камешков.

— Молодец! У тебя получился «параллелепипед».

Менекл рассказывал об удивительном мире чисел, который Александр воспринимал с восторгом. Он не знал, зачем царю могут понадобиться все эти «квадраты» и «кубы», но урок — есть урок. Он услышал и запомнил, что есть «совершенные» числа, они «цари» в мире цифр — 6, 28, 496, 8128. Каждое такое число равняется сумме собственных делителей. И есть числа «дружащие», такие, у которых из двух чисел каждое равняется сумме собственных делителей: например, 220 и 284 ($1+2+4+71+142$ и $1+2+4+5+10+11+20+22+44+55+110$). Есть «невыразимые» числа — отношение диагонали и стороны в квадрате — $1,41421...$ Или отношение длины окружности к диаметру в круге, называемая «периферия», равная $3,14159...$

Учитель разъяснил, что такое «дробление чисел», когда число «20» кратковременно числу «16», то есть делится на разность между ними. А число «4» — это среднее гармоническое чисел «3» и «6», то есть удвоенное произведение, деленное на их сумму.

Немного позже Менекл давал ученикам задание — построить квадрат, равновеликий кругу с помощью только циркуля и линейки. После того, как были усвоены простейшие математические символы, ученики учились выстраивать сложные фигуры, с чего начиналась геометрия.

— Учитель, — обратился Александр к Менеклу, — научи меня другой геометрии, чтобы я мог измерить всю землю.

— Александр, зачем тебе понадобилась такая геометрия? — осторожно спросил учитель.

— Я хочу измерить всю Македонию, все расстояния от Пеллы до границ. И ещё я хочу знать великость земель за пределами Македонии.

Менекл пообещал. После таких разговоров изучение геометрии проходило успешно. А после знакомства с геометрией Александр приобщился к *аритмологии* — загадочной и спорной науке.

— Весь живой и неживой мир вокруг нас охватывается «числом», — торжественно заявил Менекл. — Так сказал Пифагор. Его последователи, пифагорейцы, продолжают это утверждать, и что на гармонию мира влияют «критические дни». Число также имеет большое значение в развитии болезней, как утверждал Гиппократ, знаменитый врач древности. Поэтому для блага больных врачи обязаны учитывать все нечетные дни, а среди четных только четырнадцатый день месяца, двадцать восьмой и сорок второй. В этом заключается предел, установленный некоторыми мудрецами в счете гармонии, и это безукоризненное четное число.

Александр трудно давалась наука о таинственных свойствах чисел, он понял только, что аритмология не является в чистом виде математикой, не естествознанием и не философией. Она есть знание человека, полученное путем самопознания Бытия. А Бытие, как пояснил Менекл, является Единое, как Всеединое Сущее, или простое Всё.

После аритмологии перешли к астрологии, определяющей связь между положением небесных светил и человеческой жизнью.

ПОЛЕЗНОЕ ВОИНУ ИСКУССТВО

При подборе учителей для наследника Филипп сомневался, стоит ли обучать сына рисованию, отвлекать от главных наук. Олимпиада настаивала, да и старый советник Хабрий убеждал царя:

— Греки учат детей знаниям не только в интересах получаемой пользы — таково, например, обучение грамоте, но ещё потому, что благодаря обучению они получают целый ряд всевозможных других сведений.

— Хабрий, дорогой, я не пойму, что получит мой сын от того, что нарисует, к примеру, стадо пасущихся коз? — удивился Филипп.

— Польза от наук для людей повсюду, стоит лишь хорошо поискать. Так и с рисованием, где художник отражает на картине то, что он отметил как прекрасное. Но в рисовании проявляется весьма полезное свойство человека — тренировка зрения. — Хабрий хитро прищурился. — Ведь ты, царь, не будешь отказываться от утверждения, что в рисовании скрытно тренируется зрение? Вот и согласись, что рисование полезно даже для воина, — чтобы он лучше видел цель, которую намерен поразить.

Хабрий, довольный, что царь терпеливо выслушивает его доводы, продолжал:

— Скажу больше, рисование выше письменности, так как письма различных народов нуждаются в истолковании на различных языках. Но стоит любому живописцу выставить на обозрение картину, она молчаливо расскажет любому иноземцу обо всём, что хотел сказать её создатель.

Хабрий настоял, чтобы царь пригласил для Александра учителем рисования Апеллеса из Колофона.

— Человек он молодой, — деловито пояснил советник, — но уже известен среди живописцев. На Родосе Апеллес посетил мастерскую знаменитого художника Протогена в его отсутствие, увидел приготовленное для рисования полотно.

Родосец оставил для хозяина знак о своём посещении: провел краской изящную линию вдоль полотна. Когда Протоген вернулся, он мельком взглянул на линию и воскликнул: «О, у меня был сам Апеллес!».

От Хабрия Филипп узнал, что греки восхищались картинами Апеллеса, его умением воодушевлять зрителя образительными образами. Сильной стороной его творчества признавался факт использования всего четырёх цветов, в то время как другие художники пользовались более разноцветной гаммой. По окончании работы он покрывал картины тонким слоем особой глазури, тем самым добиваясь эффекта, и тогда оттенки становились живее, разнообразнее.

Александр сдержанно воспринял сообщение, что одним из его учителей будет художник. Пришёл день, когда отец призвал сына и, указав на черноволосого человека, коротко сказал:

— Будешь брать уроки рисования у Апеллеса.

Художник был одет в плащ вызывающего пурпурного цвета — любимый царями и гениями. Лоб перехвачен белой шерстяной лентой, в руке деревянный посох, обвитый золотыми спиралями; на ногах модные ременные сандалии с золотыми пряжками.

Пока отец говорил, а наследник разглядывал Апеллеса, тот время не терял. Взглянув на Александра, он взял кусок древесного угля и провёл плавную линию на чистом папирусе, лежавшем на столе Филиппа. Несколькими движениями добавил ещё линии, потёр их пальцами и, отбросив уголь, отошел от стола. Пораженный его действиями царь взял в руки папирус, всмотрелся и узнал лицо сына всего в нескольких штрихах...

— Апеллес, ты не будешь возражать, если я куплю его? — то ли в шутку, то ли всерьёз спросил Филипп.

— Царь, рисование для художника — сплошное удовольствие. Сначала он получает удовольствие от процесса рождения картины, а позже от звона монет, когда продаёт эту картину. Какие могут быть у меня возражения, если речь идёт об удовольствии? — нашелся Апеллес.

* * *

Занятия рисованием начались на другой день. Учитель был в два раза старше Александра, и всё-таки он быстро нашёл подход к нему:

— Художнику труднее всего изобразить две вещи, — говорил на уроках Апеллес, — красоту и выражение лица. Когда Гомер пожелал описать Елену, взошедшую на троянскую стену, он не стал говорить, как она была прекрасна, но сказал: «Старцы троянские посмотрели на неё и молвили: «Да, за такую красоту не страшно вести войну с греками!». Вместо того чтобы словами рассказать зрителю о том, как прекрасна Елена, как она красива и нарядна, художнику требуется нарисовать её такой, но так, чтобы зритель поверил.

Апеллес однажды поведал ученику давнюю историю о двух великих художниках Паррасии и Зевксисе, которые вечно спорили, доказывая, кто из них искуснее. Однажды вызвались они на состязание между собой, каждый написал по картине, принесли на площадь, чтобы народ оценил. Зевксис отдёргнул покрывало со своей картины, где была изображена виноградная гроздь, да такая спелая и сочная, что на неё слетелись птицы и стали клевать. Народ, видевший чудо, рукоплескал! «А теперь ты открывай своё покрывало, — сказал Зевксис сопернику. «Я не могу этого сделать, — смиренно отвечал Паррасий, — покрывало у меня нарисовано».

— И тут Зевксис склонил голову перед соперником, — торжественным голосом произнёс Апеллес. — Он сказал: «Паррасий, ты победил, потому что я обманул глаз птиц, а ты — глаз живописца».

Учитель рассказывал дальше историю двух непримиримых соперников:

— Другой раз Зевксис нарисовал мальчика с гроздью винограда, и опять слетелись птицы, чтобы клевать виноград. Народ опять рукоплескал, а живописец был недоволен собой.

— Чем был недоволен Зевксис? — спросил Александр.

— Он сказал: «Птицы должны были испугаться мальчика, изображенного мной! Мне это не удалось. Плохо!». Вот, что такое настоящее живописное искусство, Александр, — завершил Апеллес.

Основное правило мастерства этого большого художника заключалось в постоянных занятиях. Того же он настоятельно требовал от Александра. Апеллес всегда что-нибудь рисовал углём, земляными или медовыми красками, грифелем. «Если день прошёл без линии — он прошёл зря!» — говорил художник. В общении с учеником он вёл себя свободно, но в занятиях становился требовательным. К тому же заставлял тщательным образом растирать для него земляные краски, хотя на это малопривлекательное занятие обычно ставят любого раба. Если Александр возражал, негодуя против своего «подневольного» состояния, Апеллес дружелюбным тоном объяснял, что все его ученики обычно сами платят ему, лишь бы попасть в подмастерья.

— Как видишь, Александр, тебе придётся хорошо потрудиться, чтобы научиться рисованию.

Александр начинал рисовать на буковых дощечках, покрытых воском. На них костяной палочкой — *стило* — выцарапывал рисунок, *абрис*, какой-нибудь фигуры. Если рисунок получался неверный, он разравнивал восковую поверхность тупой стороной стило, после чего наносил новый рисунок.

После месяца упорных занятий Александр уже довольно умело рисовал углем. Однажды он изобразил змею с цветком в пасти, получилось очень похоже. Вечером он посетил мать, которая его не ожидала, подарил картинку. Повлажневшие глаза у царицы ему многое сказали...

В один из учебных дней в мастерской появился Филипп. Апеллес решил порадовать его успехами сына:

— Царь, если в обучении живописному мастерству Александр будет прикладывать ещё большее усердие, Греция, возможно, получит великого художника.

Филипп грубо оборвал:

— Пусть Греция получит в лице моего сына великого пол-

ководца! А картины с его изображением рисовать будет великий Апеллес. Ты только старайся!

ЛИСИМАХ, ФИЛИСК И ДРУГИЕ

Александр старательно осваивал новые рубежи знаний, но с взрослением характер его менялся не к лучшему, отчего общаться с ним становилось всё труднее — учителям, матери и его товарищам. У подростка проявлялась неразумная вспыльчивость, временами становился беспричинно упрямым. Царю докладывали о недостойном поведении сына, а он объяснял это дурным влиянием матери. Олимпиада винила в этом супруга. Но под влиянием учителей Александр постепенно становился управляемым. Оказалось, что с царевичем трудно совладать строгостью и приказом, а применяя разумные доводы, можно было с ним справиться.

Благодаря усердию и природным способностям к учению Александр в двенадцать лет опередил сверстников в объёме знаний. Своими неожиданными и глубокими вопросами он нередко ставил учителей в тупик. Однажды спросил учителя философии Филиска:

— Учитель, что для царя важнее — воевать с врагами или дома управлять народом?

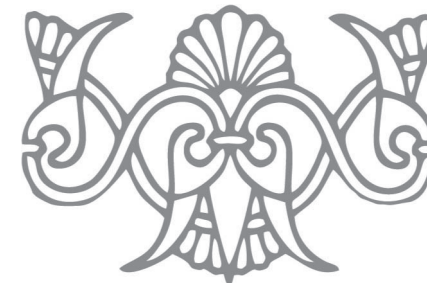
Прежде чем ответить, философу пришлось задуматься:

— Для своего народа царь — защитник. Если враг угрожает народу, царь отправляется с войском защищать народ. В мирное время царь делами своими даёт жителям городов возможность безопасно жить. Но и во время мира царь помнит, что война никогда не прекращается, война откладывается на неопределённое время, потому что враг дожидается удобного момента, чтобы напасть на мирное государство. Вот теперь ты рассуди, Александр, когда царь себя лучше чувствует — во время мира или во время войны?

Александр остался доволен разговором с философом.

* * *

Помимо воспитателя Леонида, к Александру с семи лет прикрепили наставника Лисимаха, назначенного в дядьки с особыми надзирательными полномочиями. Лисимаха отыскала Олимпиада в Эпире среди обедневших родственников; она хотела окружить любимого сына преданными ей людьми. По внешнему виду и повадкам, Лисимах выглядел сельским простаком: одевался непритязательно, даже неряшливо, говорил с сильным деревенским акцентом, отчего его едва терпели во дворце. Но ко всему происходящему вокруг Лисимах относился с удивительным спокойствием, вернее, с презрительным равнодушием. О своём незнатном происхождении он говорил без смущения. Царица была уверена в его честности и порядочности, и что он внимателен к её сыну, компенсируя недостаток любви родного отца. Поэтому Лисимах часто рассказывал наследнику об Ахилле, легендарном предке Александра по материнской линии. Он грезил им, во снах видел себя в золотом шлеме, бесстрашно сражающимся с троянцами. Но рассказывать отцу о своих грезах маленький Александр не спешил.



Глава одинадцатая

УРОКИ АРИСТОТЕЛЯ

ОБУСТРОЙСТВО МЕГАРОНА

Аристотель потратил несколько дней на то, чтобы с помощниками и слугами оборудовать удобное помещение для учёбы. Филипп хотел показать заботу о наследнике, велел давать всё, что потребует наставник, отчего эконоф Хейрисофос метался от хозяйственных кладовых к мегарону, поставляя нужные вещи и мебель. В результате получилось добротное и, главное, удобное для занятий помещение. Высокие потолки, подпертые темными балками, стены, обшитые ореховыми досками. Два небольших окна, слабо пропускавшие свет из сада через слюдяную плитку. В стенах неглубокие ниши с полками для книг и учебных пособий. Для учителя поставили *кафедру* — высокий стул со спинкой, а для учеников подобрали табуреты и широкую скамью. Царю, если появится на занятиях, предусмотрели удобный *клисмос* — стул с изящно гнутой спинкой и сидением из плетёных кожаных ремешков.

Посередине мегарона на высоких стойках повесили доску, выбеленную алабастром*. Она предназначалась для письменных занятий, планов и эскизов, обычно сопровождающих уроки. Аристотель всерьёз задумал анатомическое изучение тела человека. По его просьбе Хейрисофос нашел

художника, который изобразил всё так, как нужно. Из дорожных корзин, привезённых с Лесбоса, извлекли чучела птиц и глиняные фигурки морских обитателей — разных рыб, черепахи, дельфина. Феофраст на время занятий расстался со своей ценнейшей коллекцией камней, которую начал пополнять во время прогулок по окрестностям Пеллы.

Дворцовые мастера по дереву исполнили заказ Аристотеля: изготовили два вместительных ящика, куда были уложены *тубы* с папирусами и учебные пособия, макеты и математические фигуры. В одном хранились принадлежности для письма: восковые дощечки — *пинакс*, запас *каламусов* — тростниковых перьев, флаконы с *меланом*, цветными чернилами, чистые листы папирусов для *каллиграфии* — занятия, достойного образованных царей.

В дальнем углу для кратковременного отдыха учителя появился *апоклинтр* — неширокое ложе, рядом *трапеза* — низкий трёхногий стол для принятия пищи. Для возможных занятий в темное время из царского хранилища доставили два напольных *лампадария* из бронзы с четырьмя подвесными масляными светильниками.

Каллисфен, которого Аристотель взял в Пеллу, готовился преподавать историю Греции. Сам начертал схему Ойкумены с границами обитания различных народов. Укомплектовал библиотеку книгами из личной библиотеки, да такими, что, когда Филипп обнаружил «Историю греко-персидских войн» Геродота, он воскликнул:

— Каллисфен, я хочу узнать о Персии как можно больше. Бери меня в ученики!

Царя также заинтересовал труд Фукидида «История Пелопоннесской войны». Он взял почитать, стараясь найти ответ на вопрос, чем сильны Афины и Спарта — противники Македонии. А Каллисфен, пользуясь вниманием царя, попросил разрешения на посещение дворцового хранилища книг. Он вознамерился написать свою книгу по истории Македонского царства с древнейших времён, отметив все события, в которых участвовал Филипп.

Царь потом неоднократно обращался к библиотеке, собранной в мегароне, брал книги, чтобы в свободное время почитать в тиши рабочего кабинета. Он познакомился со знаменитым сочинением Ксенофонта «Анабасис», где автор пишет о беспрецедентном возвращении десяти тысяч греческих наёмников из Персии в Грецию. Заметив интерес Филиппа к афинскому писателю и военачальнику, Аристотель подарил другие труды автора — «Греческую историю», «Об охоте», «О верховой езде», «О командовании конницей». Но более всего Филипп оценил книгу Ксенофонта «Воспитание персидского царевича Кира», с содержанием которой Аристотель намеревался познакомить наследника македонского царя. А сочинение «Гиерон», где изображаются страдания и лишения народа при тиранической власти, Аристотель не рискнул показать. Но обязательно почитает Александру.

УЧЕБНЫЕ БУДНИ

Аристотель с первого урока отметил, что прежние наставники передали Александру хорошие знания для его возраста. Он так и сказал Филиппу:

— Твой сын обучался начальным наукам у хороших учителей. У меня нет повода говорить в этом смысле о небрежности с их стороны. Теперь мне предстоит познакомить его с действующими законами природы, устройством государства и гражданского общества, и всему, что есть в других науках, чтобы он получил представление о пространственных формах действительного мира.

С новым наставником Александр вошёл в учебный процесс без осложнений. Учился охотно, был настолько любознателен, что усердие приходилось иногда сдерживать. Неистовый в играх, устремлённый всегда и во всём быть первым, побеждать, он с таким же упорством осваивал новые предметы, опережая в этом товарищей. Отец время от времени интересовался сыном, спрашивал Аристотеля, чуть ли не с

пристрастием, иногда заглядывал на урок, прислушиваясь и присматриваясь к тому, что там происходит. К неудовольствию Аристотеля, царь нередко вмешивался в разговор, высказывал мнение по поводу темы урока или метода преподавания. И непременно хвастался перед гостями на приёмах или в застолье:

— Мой сын умнее любого греческого сверстника!

Если в Пелле находились чужеземные послы, царь показывал им наследника. При этом ему было всё равно, занимается ли Александр в это время с учителем. Посылал слугу с требованием явиться, а когда сын появлялся, велел «для настроения» читать наизусть главу из Гомера. Ему было невероятно приятно наблюдать изумление на лицах послов, и тогда он заявлял с гордостью:

— Каков наследник растёт у меня! Царь из него получится посильнее меня. Чего я при жизни не успею совершить, он всё сделает!

Присутствующие слова царя воспринимали по-своему: «Чего я у вас не успею отобрать, отберёт мой наследник!»

Аристотель не одобрял подобного проявления отцовской любви, говорил Александру, что воспринимать это нужно как безудержное хвастовство и самолюбование отца, но замечал, что подростку нравится такое внимание взрослых.

* * *

Для Аристотеля начались преподавательские будни, необычные тем, что с утра до вечера он принадлежал только одному ученику, Александру. Но поскольку ради обучения царевича во дворце собрали группу его сверстников, нужно было уделять внимание им тоже. Аристотель не хотел тратить на них своё время, поэтому занятия со знатными сотоварищами царевича поручил вести Феофрасту и Каллисфену. А сам полностью углубился в процесс передачи Александру высоких знаний.

В целях притирки с подростком Аристотель искал контакт с ним в обычной сфере человеческих отношений. Он

уже знал, что Александр равнодушен к военным успехам отца, словно боялся, что он не успеет совершить что-либо героическое.

— Я обещал твоему отцу, что воспитаю тебя лучшим из всех эллинских царей и полководцев, — внушал наставник, — но ты станешь им, только следуя моим урокам. Царь Филипп — большой стратег и храбрый воин, о его победах уже говорит Греция. Но тебе не нужно беспокоиться, будто на твою долю не достанется воинской славы и почестей. К сожалению, мир и войны увязаны одной цепью. Есть время войны, есть время мира, но война — это, прежде всего, смерть, горе и разорение народов. Вот почему, когда ты станешь царём, прежде чем воевать с кем-либо, спроси свой народ, нужна ли ему эта война. Спроси себя, зачем тебе нужна война. И когда ты получишь ответы, действуй по обстоятельствам.

Аристотель внимательно посмотрел на Александра, пытаясь определить его реакцию. Заметив его интерес, продолжил:

— Когда станешь царём, никогда не вой с Афинами! Запомни, этот город принадлежит не одним афинянам, он центр политического и культурного единения Эллады. В нём живут свободолюбивые люди, эллины, которые не знают, что такое рабство духа. Они могут быть пленены, но их эллинскую природу никому не сломить. Живут они по законам демократии, не терпящей насилия, жестокости, неправопорядка, тем более, рабства. В гражданах Афин ищи, Александр, своих союзников, но не врагов.

* * *

Аристотель с удовлетворением отмечал, что ученик воспринимает его уроки, семя мудрости падает на благодатную почву. И в дальнейшем он направлял движение мыслей Александра в русло понимания Эллады, её культуры, поиска путей мирного разрешения конфликтов между греками и македонянами.

Греки упорно называли варварами другие народы Ойкумены, хотя среди них имелись древнейшие высокоразвитые цивилизации, такие как Египет, Вавилония, Финикия. Аристотель не скрывал эллинистического мировоззрения, придерживался тех же взглядов, как и остальные греки. Он даже указывал на природные различия между эллинами и варварами, не забывая, что к последним афиняне относили и македонян. Но с первого дня знакомства с юным наследником македонского царя он рассмотрел в нём эллинистическую натуру, ухватившись за идею непременно вырастить из него союзника Эллады.

Очередной урок он посвятил важной теме:

— В пределах Ойкумены живут разные народы, но первейшим из всех природа выбрала эллина. Остальные — варвары, оттого что они не способны к умственной работе и неразумны в высоких искусствах, отсюда — не способны к государственной жизни. Только занятия ремёслами доставляют им удовольствие. А эллин по природе своей мужествен, как и мыслящий, не терпит насилия, живёт свободой, оттого организует для себя лучшую государственную жизнь.

Последние слова Аристотеля услышал Филипп, пришедший, как обычно, внезапно, чтобы навестить сына во время занятий. Подобные визиты царь проделывал довольно часто, пытался понять, что получится из его необычной затеи — пригласить в Пеллу афинского философа.

— Аристо, неужели эллины настолько безгрешны, что у тебя нет сомнений на этот счёт? — воскликнул он вызывающим тоном. — Так уж далеко ушли афиняне или спартанцы от нас, несчастных македонских варваров?

Аристотель не рассчитывал на полемику с царём, поскольку проводил обычное, как он себе представлял, занятие с внимающим его царевичем. Но сейчас он почувствовал приступ раздражения со стороны Филиппа. Аристотелю пришлось защищаться, как философу, веским словом, но это занятие ему привычное:

— Царь, я одобряю твоё намерение присоединиться

к нашему уроку, где мы пытаемся выяснить, кто заслужил честь быть рабом эллина. А на твой вопрос отвечу, что у греков есть один серьёзный недостаток — они чрезмерно любят личную свободу, их города разобщены, представляя собой легкую добычу варваров. Эти обстоятельства могут погубить Элладу. В остальном эллины выше других народов.

Филипп скривил недовольную гримасу.

— Смелое предположение человека, если учесть, что он сидит напротив царя страны, которую греки презрительно называют варварской.

Аристотеля не смутил жёсткий тон:

— Во-первых, греки не столь прямолинейны в утверждениях, что все македоняне варвары. Большинство считают так благодаря недружественным поступкам, которые допускали македонские цари в разные периоды истории по отношению к Греции. Получается, что доля правды в подобных речах есть. Но беспокойства у тебя, Филипп, как и у твоего наследника, это не должно вызывать. Прежде всего, потому что ваш род происходит от Геракла, греческого героя. Потомки Гераклидов были царями Пелопоннеса, один из них Аргей, а его потомки ушли на север Греции, где совместно с коренными племенами иллирийцев, фракийцев, фригийцев создали нынешнее македонское царство. И вот эта часть населения Македонии, не способная отказаться от скверных привычек своих предков, воспринимается греками как варвары.

Аристотель заметил, что доводы, высказанные им спокойно и уверенно, достигли цели. Филипп задумался, что позволило развить мысль дальше:

— Согласись, царь, что тех македонян, которые приходили в греческие города как захватчики, грабили и убивали жителей, не могли называть иначе как варварами. Я же надеюсь, что у тебя хватит политической мудрости привести Македонию к союзу с Грецией ради того, чтобы совместными усилиями привести остальные народы к покорности. Природа уже однажды определила участь варваров — быть рабами эллинов.



Неожиданно раздался голос Александра:

— Учитель, почему один человек становится рабом, а другой его хозяином?

Аристотель охотно откликнулся:

— Я уже сказал, что сама природа позаботилась о том, чтобы одни люди существовали для господства, другие — для повиновения. Она пожелала, чтобы существа, одаренные

прозорливостью, повелевали как господа, и чтобы существо, способное по своим физическим свойствам исполнять приказания, повиновалось как раб; и этим самым объединяются интересы господина и раба.

ГИМН РАБСТВУ

В Афинах Аристотель обожал дискуссии, спорил и о природе рабства, имея на этот предмет рассуждения, отличные от мнения Платона. Основатель академии видел в своём «истинном государстве» свободное общество, основанное на труде, где «нет знатных, нет простого народа, нет хозяев, нет рабов». Для защиты государства он назначал людей «с храбрым сердцем», а для управления — «людей ума», и есть «слуги, которые могут быть употреблены для нужд роскоши. На их роль годятся люди, малодостойные принимать участие в жизни государства, но чьи крепкие тела недоступны усталости». К тому же Платон стремился обратить профессии каждого гражданина в их естественное состояние и иметь, таким образом, наследственно неизменные отряды ремесленников, воинов и правителей: «Вы будете иметь детей, которые будут на вас похожи...». Поэтому Аристотель ухватился за возможность представить собственную точку зрения на рабство в обществе Филиппа, правителя государства Македонского.

— Я не могу согласиться с Платоном, будто быть слугами богов — это справедливость, а быть слугами людей — злоупотребление, — начал издавека философ. — Я готов представить обычную греческую семью в виде треугольника, одной стороной которого является супруг — глава семьи, его жена, заботящаяся о продолжении рода, и раб, который эту семью обслуживает. Попробуйте убрать одну из трех сторон треугольника, и фигуры, то есть семьи, уже не существует, а значит, нет государства. Получается, если нет ничего другого, что могло бы заменить раба, тогда рабство естественно и необходимо.

Филипп, которому с юности философия не была чужда, охотно вступил в полемику:

— Но каждый человек обладает чувством достоинства, а оно препятствует ему быть рабом. Как ты заставишь его обслуживать семью другого человека?

— Царь, природа обо всём позаботилась. Я утверждаю, что рабом становятся по природе, кто может предоставить себя в распоряжение другого и кто может понимать смысл указаний, сделанных другими, а сам рассудком не обладает. Природа придала телам рабов силу, необходимую при грубых общественных работах, предназначив возможность их господам заниматься исключительно гражданской жизнью, которая у них делится между военными упражнениями и досугом. А досуг для эллина необходим не только для благополучия в частной жизни, но и для выполнения государственных обязанностей, когда вся духовная деятельность требуется для служения государству, а все физические силы должны служить обязанности защищать свое государство. Эти качества проявляются только эллинами, поэтому варвары, не имеющие таких обязанностей, легко становятся рабами эллинов.

— Аристо, я не вполне доволен ответом, поскольку говорил о нравственных достоинствах, заложенных в каждом человеке, его разуме, не позволяющих ему служить рабом.

— А я утверждаю, что у раба отсутствуют совершенства нравственного существа — личное достоинство, воля. Раб имеет только волю своего господина, и разума у него ровно столько, чтобы отличить себя от животного, у которого разум, как известно, отсутствует. А если предположить в рабах эти достоинства, то в чем же будет их отличие от свободных людей?

Убежденность Аристотеля понудила Филиппа задуматься. Он, словно за поддержкой, повернулся к сыну.

— А ты чего молчишь. Урок для твоего отца или для тебя? Александр не смутился.

— Учитель, — обратился он к наставнику с серьезным вы-

ражением лица, — я хочу узнать, откуда берутся рабы? Если их покупают, тогда кто их продаёт?

— Замечательный вопрос, Александр, на который отвечу, но с прискорбием, а если буду неточен, твой отец меня поправит. Война является неиссякаемым источником рабства. Ещё у Гомера находим: *«Мужи убиты оружием, дома превращаются в пепел, Их пышно одетые жены и дети уводятся в плен»*.

Аристотель сделал паузу, обдумывая, как сказать всё, что думает, и не навлечь гнев царя.

— Почему я говорю — «с прискорбием»? — продолжил он. — Насколько я знаю, доряне, что проживают в Спарте, первыми превратили местных ахейцев в своих рабов, тех, чьи земли отняли и заставили на них работать. А покупать пленных для использования в качестве рабов начали жители острова Хиос. Затем появились рынки рабов на Самосе, Лемносе и Имбросе. В результате одни эллины сделали несчастными рабами других эллинов, которых продавали их третьим эллинам! С тех пор это безумие не может остановить ни один правитель Греции.

— Неужели греки воюют друг с другом из-за рабов? — удивился Александр.

— О, ты обнажил кровоточащую рану. Рабство действительно следствие войны, хотя в Греции войны совершаются не ради рабов, а ради главенства одного города над другими, или из-за личного честолюбия какого-нибудь правителя. В этом смысле рабы — прискорбный результат убийственной для каждого эллина политики недалёковидных демагогов. А причина здесь одна — разобщённость греческих городов, глупо не желающих иметь единое сильное государство под названием Эллада.

— Что же мешает грекам объединиться?

Аристотель, сотворив печаль на лице, грустно вздохнул.

— Как ни странно звучит из моих уст, религия — главный враг эллинов. Именно поклонение своим богам требует от каждого греческого города независимости от другого го-

рода, полиса, государства. Отсюда вытекают свои законы и суды, свои празднества и календари, месяцы и годы не одинаковые в соседних городах, свои собственные деньги с изображениями религиозных эмблем, у каждой свои меры. Различия так сильны, что запрещается выдача гражданства «чужеродным» жителям города, сколько бы лет они в нём ни жили. С трудом позволяются брачные союзы между членами двух городов, их союзы объявляются незаконными, а дети — незаконнорожденными. Это трудно представить, но чтобы такой брак узаконить, необходим договор между городами, и то если они состоят в одном военном союзе.

Аристотель долго ещё перечислял «неудобные» законы, действующие в разных городах Греции. Например, такие...

Ни один «чужеземец», *метек*, не имеет право поселиться в городе, для этого нужно найти покровителя из местных граждан, *проксена*, делившего в дальнейшем ответственность за всего его дела. В Спарте община запрещает быть неженатым, выбраковывает родившихся младенцев и отбирает детей в лагери для мальчиков; запрещает женщинам оплакивать убитых сыновей и мужей, требуя ходить всем с веселыми лицами. В другом городе запрещают пить чистое вино, в других — устанавливаются пределы роскоши, запрещаются праздничные застолья. В каждом греческом городе можно было ненавидеть или не любить какого-нибудь «своего» бога, но богов, установленных государством, покровителей общины, не любить и не соблюдать обряды — запрещалось! Вот где заложена разобщённость греков и причина враждебных междоусобиц! Великий Сократ пострадал за такую «провинность». Подобные законы имели силу в пределах межи, устроенной вокруг города, за которой начинали действовать уже иные законы и порядки, нередко враждебные соседям.

В разговор вмешался Филипп.

— Уважаемый наставник! — это обращение он произнёс с неприкрытой издёвкой. — Тогда объясните мне, почему нам, несчастным македонянам, нужно непременно стремиться

быть похожим на эллинов? Пока я не вижу в этом необходимости.

Но Аристотеля трудно было заставить врасплох. Как человек, истинно преданный эллинской культуре, он высказывался по такому высокому для философии предмету без всяких сомнений:

— При всех видимых недостатках у эллинов есть преобладающее преимущество перед другими народами. Во-первых, у эллина воображение всегда охлаждается разумом, чувство — сознанием, а страсть — размышлением. Другая особенность всякого эллина — бесконечная любознательность в познании окружающего мира, природы, Вселенной. Он хочет всё знать и видеть, эта потребность исследовать неизвестное выразилась в появлении философии, которая, в свою очередь, помогла в разъяснении всего непонятого и загадочного во внешнем мире. Отсюда успехи в области естественных и моральных наук, в искусстве и литературе.

Аристотеля уже было трудно остановить, он говорил с большой убежденностью и даже упоением:

— Да, эллины бывают подавлены заботами, но это не даёт им повода долго печалиться, поскольку их отличает жизнерадостное отношение к жизни. Они никогда не кланут богов за судьбу, наоборот, заботы и печали пробуждают у них воображение, которое выражают в творческом процессе, театральном или изобразительном искусстве. Эллины научились любить жизнь, какая она есть, судьбу, которая досталась каждому своя, извлекая наслаждения не только из этой жизни, но еще из мыслей и из чувств.

* * *

После столь убедительных рассуждений философа Филипп решил вернуться к разговору о рабстве.

— Аристо, твои слова, что без раба нет семьи и нет государства, я воспринимаю как согласие желать войну ради добычи рабов. Иначе кто добровольно поставит себя в такое унижительное положение? Разве что убийцы, которые про-

давали себя в рабство, с отказом от свободы очищались от греха, совлекая с себя прежнего человека. А пока только война является естественным средством приобретения рабов, так как она, по твоему разумению, заключает в себе понятие охоты на людей, которые, будучи рождены для повинования, отказываются подчиняться.

— Я не имею в виду захват пленников из варварских племен. Меня не устраивают войны, в результате которых победитель принуждает свободнорожденных людей, эллинов, к рабству. Я говорю о войнах греков против греков.

— Аристо, не думаешь ли ты, если кто-то родился эллином, это навсегда даёт ему право на господство только над не эллином? Сыновья богов, сыновья царей в одинаковой мере могли надеть ярмо раба. Аполлон был рабом у Адмета, и Геракл, по воле Аполлона и Зевса, много лет пребывал в рабах у Омфалы. А вспомни дочерей царей, благородных пленниц, несчастья которых воспели Эсхил, Софокл, Еврипид! Все они — Андромаха, Филоксена, Кассандра — жертвы войны, и ничего с этим не поделаешь.

— И я об этом же говорю, царь! Ещё Сократ возмущался, что несправедливо обращать в рабство друзей и справедливо обращать в рабство врагов.

— Ха! Тогда все греки должны объявить друг друга братьями, стать друзьями. А пока этого я не замечал и, следуя их благородному примеру, обращаю в рабство тех, кто с оружием в руках сражается против меня. Но я не беру пример с сицилийца Гиерона, продавшего в рабство всех своих бедняков за пределы страны. Не желаю никому из греков судьбу жителей Платей, которые сдались спартанцам, потом были вырезаны, а их женщины обращены в рабство. А вспомни самосцев, которых афиняне заклеили печатью рабства, выжгли на лбу своих пленников фигуру совы*. А после разгрома сицилийской экспедиции пленные афиняне тоже были проданы в рабство и заклеены печатью со знаком лошади. Это все твои братья, Аристо!

Аристотель вздохнул, глаза его повлажнели. Было за-

метно, что равнодушие не являлось чертой его характера. Успокоившись, он со значением посмотрел сначала на царя, потом на Александра.

— Я думаю, что в нашем споре не будет победителя до тех пор, пока в Элладе не появится лидер, способный объединить все греческие города в один союз. Эллинам нужен сильный и мудрый царь. — Эти слова он произнёс со значением. — Сильный и мудрый царь, способный так сделать, чтобы своими усилиями образовать одно государственное тело, способное господствовать над другими народами, поступая с ними, как с животными или растениями. Я надеюсь, что македонский царь не откажется от такой чести.

Филипп, не ожидавший подобного завершения разговора, промолчал, не зная, что ответить. Неожиданно Александр произнёс:

— Если отец не сможет стать царём эллинов, это сделаю я. Мне подчинятся все варвары, прежде всего, персидские цари.

— Твои устремления достойны уважения, Александр, — с серьёзным видом произнёс наставник. — Но для достижения цели тебе следует приложить немало усилий в учебе. Мудрецы не зря говорят: «Если каждый день приносить горсть земли, в результате появится гора». Если от каждого дня занятий ты будешь получать по крупице знаний, ты возведёшь свою гору, с вершины которой увидишь дальние страны, о которых ты пока мечтаешь. А я помогу тебе достичь этой своей вершины.

ЗАНЯТИЯ ДЛЯ УМА

День за днём, месяц за месяцем проходили занятия Александра с наставником и, заодно, с Феофрастом и Каллисфеном, обучавших его сверстников. Царевич учился с упорством и большой охотой, удивляя способностью быстро усваивать знания, накрепко запоминать. Ему не хватало

обычных уроков, он любопытствовал по разным поводам, в вопросах был разнообразен и неутомим. Однажды, гуляя по саду, сорвал спелый плод смоквы, вкусил медовую мякоть и спросил наставника:

— Почему смоква сладкая, а дерево, листья и сок горькие?

Аристотель сразу не сообразил, как ответить, пришлось идти круглым путём.

— Наверно, оттого что вся присущая зрелым смоквам сладость первоначально вытягивается из ствола, веток и листьев, не оставляя в них ничего, кроме горечи. Подобно тому, как печень, выделив в одно место всю желчную горечь, сама становится сладкой. Но если тебя заинтересовала смоковница, я расскажу об этом дереве удивительные вещи: она плодоносит исправно, но никто не видел у неё цветов, а в грозовую погоду смоковницу никогда не поражает молния, какой бы высоты она ни выросла. Такие проявления я поясню наличием той самой горечи в её стволе.

Во время грозы Александр решил проверить доводы наставника. Не испугался, всё смотрел на небо, ожидая, когда молния ударит в дерево. К счастью, ничего страшного не произошло, но потом возник ещё вопрос:

— Няня говорила, что молнии посылает Зевс в наказание людям. В кого он их бросал, если вокруг, кроме меня, никого не было?

— Александр, если хочешь, верь Ланике, но сейчас ты обратился к учёному. А я могу объяснить тебе появление молнии её природой.

Аристотель огляделся по сторонам, поднял два камня тёмно-коричневого цвета, ударом одного о другой высек искру и разъяснил:

— Вот таким же образом от столкновения облаков рождается молния. Теперь понятно, отчего бывает молния?

Однажды Александр обратил внимание на то, как старый советник Хабрий, прежде чем прочитать письмо, отвёл его подальше от глаз.

— Почему ты так делаешь? — спросил Александр.

— О, мой мальчик, — советник огорченно вздохнул, — это потому, что я вблизи разглядеть уже ничего не могу. Старики при чтении отодвигают написанное подальше из-за того, что не выносят отблеска букв на близком расстоянии. Приходится разбавлять блеск воздухом, словно вино водой.

Хабрий поразмышлял над тем, чтобы ещё сказать любопытному царевичу, и добавил:

— Старики отодвигают дальше от глаз всё, чтобы хорошо рассмотреть. Это как мы воспринимаем запахи цветов, проходящие издали. Так они кажутся нам более приятными, чем если же подойдешь близко к цветку, где ощущаешь чистые, но слишком резкие запахи.

Аристотель, ставший свидетелем разговора, высказался по-своему:

— Платон говорил, будто в этом случае играет роль сходжение лучей зрения: до некоторого расстояния от каждого глаза исходит такой луч в отдельности. Но, удалившись, они, лучи, совпадают друг с другом и образуют единое свечение. Когда старики держат близко к глазам текст, оба луча существуют раздельно, отчего восприятие остается туманным. А когда они отодвигают книгу подальше, свет собирается и, усиливаясь, достигает большей отчетливости. Так мы можем двумя руками поднять то, что поднять одной не можем.

Познавательные уроки проходили не только в дневное время. Осенью, к вечеру закончив занятия, Аристотель предложил Александру присоединиться к трапезе, совместной с Феофрастом и Каллисфеном. За прошедший день все здорово проголодались. Слуга принес блюдо с кусками отварной свинины, два круга желтоватого сыра, свежее испечённые лепёшки, зелень. Аристотель, отметив, что ученик ел охотно, надумал использовать время для очередной игры ума.

— Александр, — спросил он, делая вид, что занят своим куском мяса, — ты можешь сказать, почему осенью люди больше кушают, чем летом?

Царевич перестал жевать и задумался. Потом не очень уверенно сказал:

— Считаю, причина в том, что осенние плоды всегда сочнее и вкуснее тех, кто созревает весной или летом. Весной тепла мало, летом его достаточно, а осенью плоды набирают полезные свойства с умеренной приятностью. Из-за этого в это время у людей появляется желание съесть больше вкусных плодов и еды, чем летом.

— Молодец, — похвалил Аристотель, — рассуждаешь правильно. А теперь, друзья, обсудим ещё вопрос: какая пища для человека полезнее — разнообразная или простая?

Первым высказывался Феофраст в своей привычной манере, спокойно, негромко и обстоятельно:

— Мои наблюдения за тем, как питаются животные, привели к выводу, что у вольных зверей, поедающих однообразную и простую пищу, здоровье крепче, чем у тех, кого содержат в клетках: они подвержены заболеваниям и часто страдают расстройством пищеварения. Оттого, что кормят их смешанной, приготовленной с приправами пищей. Следовательно, такой вывод пригоден и для человека.

Феофраст посмотрел на Аристотеля, который не замедлил с ответом:

— Мне уместно вспомнить Сократа, советовавшего друзьям остерегаться пищи изысканной и разнообразной, воздерживаться от кушаний, которые побуждают к еде. Ведь именно это увлекает человека за пределы удовлетворения природной потребности. А в простых и единообразных блюдах нет соблазна, не надо есть больше, чем требует природа. По-моему, излишества в еде — это отклонение от пути к здоровью. Могу добавить, что переварить сложную пищу, составные части которой часто противоположны по свойствам, также трудно, как построить убедительное доказательство на противоречащих друг другу доводах. К тому же разнообразные качества пищи, сталкиваясь во множестве в желудке и противоборствуя между собой, взаимно уничтожаются. Подобно толпе чуждых друг другу и городу пришельцев, они не могут прийти к единому направленному сосуществованию, но каждое тянет в свою сторону и никак не сочетается с чужеродным.

Следом прозвучал голос Каллисфена:

— Но разве не ясно, друзья, что разнообразная пища доставляет нам большее удовольствие, нежели простая. Хотя бы тем, что она устраняет всяческие недуги и восстанавливает в организме природный порядок, как природа находит успокоение после непогоды. Нет, не следует избегать пищи, от которой предостерегал Сократ.

Аристотель удовлетворённо хмыкнул:

— Друзья мои! С моими доводами будет нетрудно согласиться. Разнообразная еда вкуснее простой и однообразной — это проверенная истина. То, что вкуснее, вызывает у нас хороший аппетит, а хороший аппетит сопутствует здоровью, если исключить излишества.

На этом участники диспута подвели итог своеобразному философскому занятию для ума. Продолжив трапезу, Аристотель потом обратился к Александру:

— Позволь, мой друг, загадку загадать.

— Я весь во внимании, учитель, — царевич обрадовался, что постоит за себя таким путём: в последнее время разгадывание всяческих головоломок стало для него увлекательным занятием.

— Слушай, Александр: «Оно среднего рода, в лоне детей укрывают; немые они, но всегда издают отчетливо звуки, перелетев через города и земли, через волны морские, к тем, кому хочешь послать их. Те люди смогут услышать голос живущих вдали, хоть звук не коснется их слуха». Что это?

Александр недолго соображал, затем последовал ответ:

— Учитель, я решил загадку.

— Скажи.

— Это написанное буквами письмо. Буквы — дети письма, оно несет их в себе; хоть немые они, а говорят с людьми, как бы далеко они ни были.

Аристотель, улыбаясь в сторону Феофраста и Каллимаха, развёл руками.

— Ничего не скажешь, хороший у меня ученик!

ЗНАКОМСТВО С ОЙКУМЕНОЙ

Аристотель занимался с Александром по нескольким предметам, изучая географию, физику, естествознание и астрономию. Следующим этапом явилось ознакомление с этикой и эстетикой, основами государственной политики и хозяйственной экономики с параллельным преподаванием греческой литературы и риторики. Это позволяло наследнику царя за короткий срок превзойти товарищей по играм и учёбе в знаниях, которые занимались с Феофрастом ботаникой, биологией и минералогией, а с Каллисфеном — историей Греции и Персии. Так решил царь Филипп с первых дней занятий.

На уроках географии Александр услышал, что в разных частях Ойкумены существует множество стран, где правят свои государи. Каждый из правителей всё знает о собственной стране и народе, и очень мало о странах, находящихся за пределами его владений. Но если страна достаточно большая, то больше у него сведений об областях, расположенных ближе к его столице, и он не всё знает, что делается ближе к окраинам.

— А теперь представь, Александр, что ты царь, и хочешь из стран и народов составить одну великую державу, — сказал Аристотель. — Ведь на то цари, чтобы по природе своей всегда стремиться обладать более значительными территориями, чем имеют. А это означает их господство на суше и на море и объединение народов и городов под единой властью. Не скрою, польза окажется значительной, особенно для деятельности единого царя, но едва ли сумеет он управлять таким государством, не зная хорошо все его части. А чтобы сумел, ему невероятно важно приобретение знаний в такой науке, как география.

Аристотель увлечённо рассказывал своему воспитаннику о том, что лучше управлять страной и народом, зная её расположение на карте мира, и зная о других странах, на-

сколько они велики или малы по отношению к Македонии, в чём отличия и особенности их климата, рельефов и почв. По ходу изложения лицо наставника светлело, говорил с вдохновением. Его душевное состояние объяснялось тем, что география, как и другие науки, входила в круг интересов и занятий каждого философа. Анаксимандр из Милета и его соотечественник Гекатей, за ними Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и другие философы впервые взяли на себя смелость всерьёз заняться географией. Иначе не могло быть, так как большая учёность даёт человеку основу для занятия географией, одинаково способной к рассмотрению вещей божественных и человеческих, знанием которых и является философия.

Через уроки географии Аристотель прививал Александру любовь к познанию неведомого мира. Объяснял, что эта наука даёт правильное представление о странах и народах, которых он не видел. Ему необходимо будет всё о них знать, даже если он никогда их не посетит. По крайней мере, говорил наставник, в этом заключается культура эллина.

— Польза от географических знаний для царя и воина очевидна. Вот пример: битва героев спартанцев во главе с царём Леонидом в Фермопильской теснине. Хорошее знание местности позволило Леониду использовать благоприятные для себя обстоятельства и достаточно долго сдерживать малыми силами армию персов. Лишь предательство пастуха Эфиальта, знавшего козы тропы в обход ущелья, позволило персам сломить сопротивление греков. Я предугадываю, Александр, что в твоих будущих военных предприятиях наградой за победу или расплатой за поражение будут являться результаты твоих познаний или невежества в географии.

Аристотель привёл пример одного такого невежества:

— У великого Гомера есть весьма показательная история с микенским царём Агамемноном. На кораблях он с воинами отплыл к Троянскому царству, по пути заблудился. Вместо Трои попал на берег дружественной ему Миссии, убил жителей и разорил город, а потом вернулся домой, праздновать

победу над Троей. Позор на всю Грецию! Миссийские греки долгие годы проклинали Агамемнона за его невежество, — Аристотель улыбнулся. — А виной было нежелание царя учить в детстве такую полезную науку, как география.

Александр немало удивился, когда услышал, что греческие философы считают Гомера «первооснователем науки географии». Оказывается, легендарный эпический сказитель превзошёл всех людей своего времени не только высоким достоинством поэтического слова. Он позаботился о правдивом изображении событий, рассказывая только ему известные факты. Гомер, освещая знания об известных ему странах, прежде всего, ставил целью передачи их потомкам. Это он впервые рассказал людям, что обитаемая земля со всех сторон омывается Океаном. В его поэмах одни страны обозначены их названиями, сохранёнными до сих пор — Ливия, Эфиопия. Других обозначил именами и узнаваемыми намеками. Гомер указывал на народы, живущие на пределе восточного края земли и на дальнем западе, он знал людей, живущих на самом крайнем севере. Поэт не всегда даёт народам имена, но показывает их образ жизни, и мы узнаём их сейчас. Поэт описывает черты загадочного Боспора Киммерийского*, описывает обычаи людей, живущих вокруг него. Он знал, что существуют океанические приливы и отливы, изображал солнце восходящим из Океана и заходящим в Океан, и созвездия у него восходящие из Океана, и ещё кое-что, соответствующее нынешним знаниям учёных мудрецов.

Аристотель внимательно посмотрел на ученика и спросил:

— Теперь ты понял, почему люди признают Гомера великим географом?

* * *

Изучение географии заметно повлияло на характер Александра. Он часто становился задумчивым, у него разыгралось воображение, недетское, сильное. Друзья не могли его выволить из этого состояния даже на игру. А он грезил странами, о которых узнавал на уроках, его неудержимо

уносило в мечтах, где достигал края земли. Однажды Александр стал допытываться, откуда вообще появилась земля и вода.

— Никто достоверно не знает истины, — заявил Аристотель, — но есть предположение Анаксимандра из Милета, что первоначально наша Земля сплошь состояла из воды, а позднее от неё произошли горы и равнины. Но получилось всё не по воле богов Олимпа, как представляют люди, а вследствие длительного воздействия солнечного огня на воду, отчего часть воды притянулась вверх, и на её месте проявилась суша. Хотя к последнему явлению всё же боги могут быть причастны.

— Но если землю вокруг обтекает Океан, почему тогда вода в море солёная, а в реках и озерах — пресная?

— Молодец, Александр, правильно заметил! Не ты один задумался по этому поводу. Мнение Ксенофана из Колофона должно тебя удовлетворить, а он утверждал, что в Океане изначально вода солёная, а в ней верхний слой тонкий и наиболее легкий; он притягивается в высоту от солнечного жара, образуя из капель пресной воды облака в небе. Во время сезонов дождей облака освобождаются от воды, которая проливается на землю, образуя потоки ручьев, а те, в свою очередь, сливаются в низины, образуя пресные реки и озера. Часть дождей проливается в моря, но она мала и поэтому незначительно меняет солёность. И реки, текущие в море, смешиваясь с солёной морской водой, тоже не делают больших изменений. Затем под воздействием солнечного огня пресная вода вновь устремляется вверх. И так — всегда! В результате появляется вечный природный круг, где вода — жизнь для всех живых существ и растений.

— Мне непонятно, откуда в море появилась соль.

Аристотель терпеливо пояснял:

— Я рад отмечать проявление твоей любознательности. Соль — это всего лишь камень в породе, как руда, но необычная, потому что она есть для земли первородное вещество. Прими это учёное мнение как должное.

Аристотель воспользовался случаем, чтобы рассказать ученику о воде, обыкновенной воде, прозрачной и на вид невзрачной. Сказал, что надлежащим образом прокипяченная и охлажденная вода хороша для питья, она не портится, если держать ее в медных или серебряных сосудах. Объяснил, какая вода считается хорошей, пригодной к питью, и почему вода в стоячих озёрах, болотах и лужах застаивается, загнивает. Сослался на Гиппократ, который утверждал, что самая лучшая вода вытекает с высоты земляных холмов, она сладкая и светлая, и для разбавления вина, по-гречески, её требуется самая малость. Хвалил источники, которые текут в сторону солнечного восхода, особенно летнего, вода в них всегда прозрачна, легка и ароматна. Полезна ещё дождевая или колодезная вода. Такие познания, наставник был уверен, обязательно пригодятся Александру в военных походах.

Со временем подобных вопросов к наставнику было больше, они становились всё сложнее, предметнее. В поисках ответов приходилось прибегать к философии, как к действенной помощнице, но объём вопросов не уменьшался. Зато Александр узнал, почему мировой Океан раздроблен на моря, разделяющие материковые суши и архипелаги островов. Позже услышал мнение Платона о том, что после Девкалионова Потопа*, посланного Зевсом за людской разврат и клятвопреступления, возникли три формы жизни. Первая — на вершинах гор, только что освободившихся от воды, где люди вели примитивный образ жизни, были дикими. Вторая появилась позднее и развилась на горных склонах только после того, как вода опустилась в равнины. Люди постепенно набрались храбрости и опыта жить в изменившихся природных условиях, они присматривались к долинам рек, предполагая обживать их. Когда равнины стали просыхать, люди осторожно заселяли новые земли в низинах и гораздо позднее появились на побережье морей и на островах. Но это случилось после того, как человечество избавилось от чувства страха перед водной стихией.

— Я слышал, что Земля плоская, и у нее есть края, —

любопытствовал Александр. Аристотель несогласно покачал головой.

— Если следовать мнению Платона, Земля представляется шарообразной, её пространства настолько обширны, что существуют места, где бывает слишком жарко, и есть, где слишком холодно. Есть земли с нормальным климатом, оттого густонаселенные людьми, а есть безлюдные местности из-за слишком суровых условий для жизни человека. И не следует отрицать предположений мудрецов, что есть народы, которые до сих пор не знают нас, а мы — их, и неизвестно ещё, узнаем ли мы когда-нибудь друг о друге.

— Это как у Гомера в странствиях Одиссея? — Александр обрадовался, что может высказаться.

— Что ты имеешь в виду, мой мальчик?

— А то, что Одиссей с товарищами заплывал так далеко, что никто не знал, в какие страны они попали, и что за существа там живут.

— Гомер прав, когда говорил, что страны, которые мы знаем, представляют собой только часть общего обитаемого мира, Ойкумены. Существуют свидетельства финикийских торговцев, которые в древности заплывали так далеко на юг и на север, что видели людей, похожих на нас, таких же, как мы. Но есть люди, их называют *антиподами*, которые живут по отношению к нам как бы вниз головой.

— Как это?

— Представь, Александр, есть и такие народы. Их так называют «обращенные друг другу ногами» потому что предположительно живут они на противоположной от нас стороне земли, что обозначается «анти». Жрецы Египта, хранители тайных вселенских знаний, рассказывали Платону, что земля не плоский круг, плавающий в воде, она имеет сферическую форму, как и Луна. Поэтому жизнь на обратной стороне земли очень возможна.

— Я представить себе не могу, чтобы жители противоположной к нам земли стояли вниз головой, — не сдавался царевич.

Аристотель недовольно хмыкнул и пожал плечами.

— Признаться, мне тоже трудно представить антиподов в столь неудобном положении, но если принять Землю сферой, шаром, этим все объясняется: «низ» у шара находится в его центре, а люди, стоящие на его поверхности, имеют со всех сторон под ногами «низ».

Аристотель с облегчением вздохнул, будто только что решил сложнейшую задачу. Потом, видимо вспомнив нечто ещё более веское, сказал:

— Есть легенда о Дионисе, которому его воспитатель Сатир рассказал о странном континенте, расположенном за водным потоком Океан. Он огромен, это континент, полностью отделенный от Европы с Азией, и от Африки, а там есть множество прекрасных городов, населенных высокими счастливыми долгожителями, живущими по справедливым законам. Они прибыли на кораблях из Европы до страшного природного катаклизма, называли себя атлантами.

Александра, судя по задумчивому лицу, увлекла история с антиподами.

— Если финикийцы плавали за пределы Ойкумены и видели своими глазами новый мир с другими людьми, я тоже хочу всё увидеть!

— Я верю, что ты осуществишь свою мечту, — оживился Аристотель. — У каждого человека в жизни должна быть своя значительная мечта, тем более у царей. Я убежден, что ты увидишь край Ойкумены.

* * *

С каждым новым занятием Александр узнавал, как живут чужеземные народы и племена, и вот наступил момент, когда наставник понял, что одному не справиться. Пригласил Каллисфена, чтобы историк поделился познаниями, дополнил уроки географии фактическими событиями старины.

Александр узнал об удивительном мореплавании финикийцев, которые по приказу египетского царя однажды вышли из Красного моря, обошли вокруг огромного дикого ма-

терика, где жили чёрные племена, вернулись через Столпы Бриарея* и через три года, когда мореплавателей не ждали, объявились в Египте. В течение трёх лет каждый год они восемь месяцев плавали на кораблях, затем приставали к берегу и четыре месяца пережидали непогоду, сеяли пшеницу, ожидая урожай, устраняли неполадки в кораблях, собирали хлеб с полей и вновь отправлялись в путь, в опасную неизвестность. Они плавали в так называемом каботажном режиме — вдоль побережья, в пределах видимости, от острова до острова, не упуская берег из виду. А на ночь приставали к незнакомым берегам, рискуя собственными жизнями и грузом на корабле, поскольку желающих пожить чужим добром всегда везде хватает. Если они отдалялись от берега, их выручали чайки, а если чаек не было поблизости, выпускали своих птиц, которых заранее брали на корабль. Они знали, что птицы привычно летят к берегу, ориентируясь собственным чутьем. Финикийцы рассказывали своему царю, что в пути видели удивительное солнце — с северной стороны!

Во время таких занятий Александр вбирал в себя столько впечатлений, что потом надолго оставался задумчивым, неразговорчивым.

От занятия к занятию Аристотель осознавал, что ему совсем не трудно и не хлопотно быть наставником наследника царя. Александра не приходилось заставлять учиться, он скорее сам изо дня в день изучал жизнь, познавал мир из рассказов учителя, при этом получая удовольствие, собственное познающему что-либо, имеющему собственный разум и мышление. В общении же с Аристотелем он испытывал непередаваемое наслаждение, словно вкушал что-нибудь вкусное, ранее неизведанное.

БИБЛИОТЕКА АШШУРБАНИПАЛА

Феофраст и Каллисфен снимали жильё неподалеку от дворца. Аристотель с семьёй удобно разместился в дворцовом комплексе, где ему выделили несколько жилых помещений; ещё в двух комнатах он устроил кабинет с лабораторией. По договоренности с царём, ему позволялось в свободное от учебных часов время заниматься научными исследованиями. Филипп знал, что открытия и сочинения Аристотеля, сделанные в Пелле, придадут, прежде всего, значимость его авторитету среди греков.

Аристотель продолжал заниматься естественными исследованиями, опытами и, главное, писал труды, начатые в Троаде и на Лесбосе. Работал по вечерам сразу в разных направлениях. Задумал сочинение о растениях, оставил на время и начал заметки «О Благе», доказывая, что любое действие и предпочтение человека имеет целью некое Благо; а среди множества благ наилучшим является то, которое делает жизнь человека удачной, успешной и счастливой. Но человек не может обрести высшее Благо, ни в удовольствии, ни в богатстве, ни в почете, поскольку счастье в этом случае будет зависеть от других, то есть от политики. В таком случае человек — существо политическое, стремящееся к общению, и государство для него просто необходимо. Затем Аристотель приступает к сочинению труда «Политика», где подвергает критике позицию Платона, его стремление ввести в государстве полное единство, не считаясь с реально существующей множественностью. В следующий раз, он заочно спорит с «идеями» Платона, находит время для исследования истории риторики; следом идёт проработка рукописей «Категории», «Топика», «Аналитика», Физика», «Этика» и других тем.

Оборудовав рабочий кабинет, Аристотель больше всего не хотел, чтобы его беспокоили в то время, когда он погружён в раздумья. В такую пору даже Феофраст зря не тре-

вожил друга, не говоря о жене Пифиаде, которая вообще не осмеливалась сюда заходить. Поэтому Аристотель сильно удивился, когда после ужина услышал осторожный стук в дверь. На пороге стоял смущённо улыбающийся Александр.

— Учитель, можно посмотреть собрание рукописей, о которых я знаю понаслышке?

Наставник вспомнил, что в разговоре о хорошей греческой поэзии он обещал ученику показать редкие рукописи, приобретением которых он занялся не так давно. Пригласил Александра и тут же забыл. Теперь ничего не оставалось, как сказать:

— Рад видеть, заходи.

Александр увидел, что наставник работал над рукописью: на столе лежал исписанный лист папируса, в чаше — тростниковый *каламус* для письма. Аристотель приветливо кивнул гостю, усадил на свободное кресло и сам вернулся к столу. Александр с любопытством осмотрелся. Его удивило наличие полок со свитками в нишах; два стеллажа заняты папирусами и круглыми кожаными тубами с важными рукописями. Он обратил внимание на корзину, накрытую тканью: таким вещам место в кладовке, *апотеке*, где хранятся продукты. Заметив его интерес, Аристотель с удовольствием объяснил:

— Здесь у меня драгоценная часть библиотеки. В корзине глиняные таблички царя Ашшурбанипала. Ты не слышал о таком? Ах, да! Ты слишком молод, чтобы знать Ашшурбанипала!

Он заговорил о царе уверенно, будто знал его лично и гордился знакомством с ним:

— Ашшурбанипал был мудрым царём и великим полководцем. Он создал огромное по размерам государство Ниневия, от Мидии до Вавилона и Египта. Но я считаю, что главное достоинство этого царя заключалось не в том, чтобы побеждать врагов и отбирать у них земли. Мало ли полководцев и царей отличаются военной доблестью! Помимо славы и приобретения новых территорий, он занимался необычным для правителей делом — собирал рукописи с древнейшими

знаниями. Ашшурбанипал оставил после себя десятки тысяч табличек из обожженной глины с важными историческими сведениями, сочинениями писателей и поэтов, бесценными научными записями.

Аристотель указал на корзину.

— В этой, казалось бы, обычной ивовой корзине великое богатство — часть тех самых табличек. Я купил их случайно на рынке в Ассосе в лавке финикийца, который сам не знал им подлинную цену. Он немного знал этот древний язык, рассказал мне о царе, прочитал некоторые надписи.

Аристотель откинул ткань, прикрывающую корзину, взял глиняный прямоугольник; размером он был с ладонь и толщиной в палец. На обеих поверхностях виднелись мелкие клинообразные штрихи.

— Это буквы и слова на языке жителей Ниневии. Они записаны на табличках из сырой глины, а потом закреплены на огне. Судя по виду, знаки нанесены тростниковым стержнем, имевшим на срезе форму маленького треугольника. Каждая сторона поделена на два столбца буквенных обозначений.

Аристотель протянул табличку.

— Вот на этом маленьком кусочке глины запечатлены слова Ашшурбанипала, мне их прочитал финикиец: «Я, Ашшурбанипал, постиг мудрость бога Набу, всё искусство писцов, усвоил знания всех мастеров, сколько их есть, научился стрелять из лука, ездить на лошади и колеснице, держать вожжи..., постиг скрытые тайны искусства письма. Я читал о небесных и земных постройках и размышлял над ними... Я присутствовал на собраниях переписчиков... Я решал сложные задачи с умножением и делением, которые не сразу понятны...»

По изумлённому лицу Александра было заметно, что история глиняных табличек ему невероятно интересна. Он услышал, как Ашшурбанипал посылал в разные города Месопотамии опытных писцов, которые разыскивали древние рукописи, покупали их или снимали копии: об этом говорит приписка: «Согласно древнему подлиннику списано и

сверено». Среди табличек царя имелись тексты по самым разным отраслям знаний на нескольких языках: медицинские трактаты и грамматические справочники, книги религиозного содержания и мифы, летописи ассирийских царей и записи астрономических наблюдений.

Всё это богатство Ашшурбанипал ценил больше золота и дорогих камней, содержал в охраняемом здании под названием «Дом наставлений и советов». Каждая «книга» имела своё место в отдельном ящике, свою бирку со словами: «Дворец Ашшурбанипала, царя царей, царя страны Ашшур, которому бог Набу и богиня Гаслиста даровали чуткие уши и зоркие очи, чтобы разыскивать творения писателей моего царства». Горе преступнику, укравшему, хотя бы одну табличку! Об этом свидетельствовала другая бирка: «Того, кто посмеет унести эти таблицы... пускай покарает своим гневом Ашшур и Белит, а имя его и его наследников навсегда будут предано забвению в этой стране».

Александр со смятением чувством слушал Аристотеля, когда он пересказывал содержание известных ему табличек, среди которых были слова: «Точно лев я разъярился, надел доспехи и возложил на голову боевой шлем. С гневом в сердце я помчался в высокой боевой колеснице. Яростно гремя, я закричал боевой клич против неприятеля. Вражеских воинов я поражал дротиком и стрелами, их трупы я дырявил, словно решето. Я быстро перебил всех врагов, словно связанных жирных быков. Горло им всем я перерезал, словно ягнятам!».

Аристотель пояснил:

— Написал кто-то из царей, правящих до Ашшурбанипала. Вероятно, тоже был храбрый — видишь, сколько поразил врагов. Надо думать, он очень любил воевать, если оставил о себе такую память.

— Учитель, я услышал столько замечательных историй, записанных всего лишь в нескольких табличках. А сколько их ещё в остальных табличках в твоей корзине? Можно их прочитать все?

— Увы, мой мальчик! — Аристотель сокрушенно развел руками. — Знание чужеземных языков, к тому же, древних, мне неизвестно. Но я записал ещё слова от финикийца, обязательно перескажу, поверь, будет очень интересно и полезно. Например, такое: «Кто роет другому яму, сам в нее попадет», — чем не мудрая мысль?

Аристотель бережно вернул таблички в корзину, прикрыл тканью и сказал:

— Я жду, когда ты спросишь: «Что стало с Ашшурбанипалом?»

— А что с ним стало, учитель?

— Древнее прошлое для потомков всегда великая тайна. Судьба Ашшурбанипала мне неизвестна, возможно, жизнь его закончилась печально: есть доказательства, что Ниневия погибла, а дворец сгорел. Видимо, нашёлся другой царь, оказавшийся сильнее его. Но, как бывает в истории, имя этого царя неизвестно, а Ашшурбанипал остался в памяти людей. А все потому, что занимался он благородным делом — собирал истинные знания. Как видишь, глина не горит, она крепнет от огня. К счастью, несмотря на пожар и разрушения во дворце, некоторое количество сокрытых в подвалах табличек сохранилось. Уже в наше время кто-то обнаружил их. Обычно в царских сокровищницах люди ищут золото и драгоценности, а здесь — глина! Вот и не покушались на них, хотя значительная часть табличек изрядно попортилась. Моя мечта — найти всё, что собирал царь Ашшурбанипал, ибо, я уверен, в них заключены великие знания наших предков, если не тайные записи небесных богов. Меня удивили и потрясли слова финикийского торговца, который сообщил, что в них есть воспоминания древних о неизвестном страшном оружии, которое когда-то применили боги, не то в битве между собой, не то против дурных людей.

От удивления лицо у Александра вытянулось.

— Неужели так было?

— Возможно. Подобное я уже слышал от Платона, когда он рассказывал о своём пребывании в Египте. Жрецы ему

сообщили, что десять тысяч лет назад на земле, в воде и в воздухе происходили ужасные войны, на истребление народов. И это похоже на правду, потому что в табличках Ашшурбанипала тоже есть об этом упоминание.

Наставник рассказал Александру, что у Ашшурбанипала было какое-то оружие, полученное от богов: «свет, ужас нагоняющий, исходил из головного убора». С ним он воевал против Египта, о чём свидетельствуют древние рельефы на стенах египетских храмов. В древних записях о войне богов есть упоминание, что они летали на больших «ладьях» или «дисках», откуда напускали на вражеское войско невидимую и страшную «бурю, несущую смерть».

— Платон говорил нам, близким ученикам, о египетском божестве Солнца, его имя Гор — для нас он сопоставим с Аполлоном, — который изображался древними египтянами в виде крылатого диска. Местные жрецы говорили, что Гор летал на диске, откуда поражал светом врагов, «исчадий мрака».

Аристотель, говорил неуверенно, даже неохотно, он словно переступал через собственные представления о науке, какой до этого был предан всецело.

— Вот так, Александр, хочешь — верь, а хочешь — не верь. Наверно, зря люди утверждать не будут. Есть что-то, происходившее на самом деле. Скажу больше, греческие учёные, побывавшие на службе у персидских царей, тоже записывали диковинные сведения о древнем оружии, применяемом в Индии. Я сам слышал об этом. У индийского народа сохранились воспоминания, будто их боги воевали друг с другом страшным бесшумным оружием, приводящим к потере сознания или с таинственным убийственным излучением. Боги могли вызвать панику у целой армии или вмиг превратить каменные города в руины. Люди со страхом наблюдали огненные взрывы в небе и на земле, вызванные, без сомнения, небесным оружием. Боги пользовались небесными «повозками», летавшими, если нужно было, «быстрее мысли», и ещё они свободно передвигались по земле и под

водой.

Александр долго находился под впечатлением услышанного от Аристотеля, которому он всецело доверял.

— Учитель, я хочу узнать больше об оружии богов, — от нетерпения лицо воспитанника побледнело. — Я хочу владеть им, чтобы наказывать своих врагов.

— О, для этого мне придется сначала изучить древний язык, на котором говорили древний народ Ниневии, ассирийцы, и другие языки. Нужно время и деньги, чтобы нанять переводчиков, знающих древние языки. Большие деньги!

Глаза Александра загорелись, он воскликнул:

— Учитель, когда я стану царём, я дам тебе много денег, чтобы ты купил все нужные таблички.

Бледное лицо Аристотеля раскрылось в доброй улыбке.

— Ты так сильно хочешь всё узнать, что написано в табличках?

— Да! — эти слова прозвучали неожиданно и с такой убежденностью, что Аристотелю показалось — так и будет.

* * *

Назавтра Аристотель с загадочным видом протянул воспитаннику свёрток, обёрнутый зелёной тканью.

— Дарю, — с улыбкой произнёс он, — тебе пригодится.

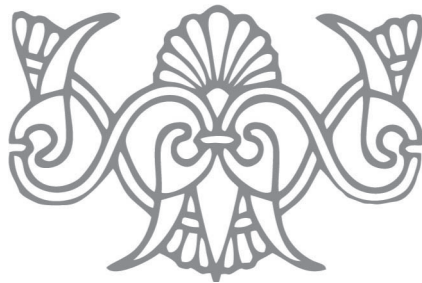
Александр развернул тряпицу и увидел деревянную коробку с потемневшей от времени крышкой. В коробке лежали свёрнутые папирусные листы, накрученные на палки; на каждом свитке бирка с надписью красными чернилами.

— Когда ты ушёл от меня, я вспомнил, что обещал подарить тебе Гомера, твои любимые «Илиада» и «Одиссея», и не сделал. Вот теперь дарю самое дорогое, что у меня есть. Это первая редакция, созданная по воле Писистрата*. Когда я учился у Платона, заказал себе три копии; одну подарил своему другу Гермия, и вот теперь одна есть у тебя.

Александр был счастлив. Перед сном с неосознанным чувством благоговения он открывал коробку, осторожно перебирал листы рукописи, выбирал одну из глав и с упо-

ением читал. Он непременно ощущал в себе возбуждение и восторг от восприятия оживших образов богов и героев, живущих в бессмертных строках. Но читая «Илиаду», видел только Ахилла, он учился на его бессмертных подвигах, впитывал опыт сражений и высшей воинской доблести. При этом в нём пробуждался завистливый интерес к непреходящей славе героев и небожителей, царей и военачальников. Ему открывался неизвестный мир, полный любви и ненависти, казалось, непреодолимых трудностей и в то же время всепобеждающего героизма личности.

Перечитывая «Илиаду», Александр с вожделением вдыхал острый аромат легендарных сражений, и в этот момент ему казалось, что он сам готов к героической миссии — быть покорителем Ойкумены...



Глава двенадцатая

ГОРОД ЗЕВСА

КОНИ ПОСЕЙДОНА

Учебные занятия Аристотеля с Александром проходили ежедневно с полудня до вечера за исключением религиозных праздников. Поскольку предметы отличались разнообразием, не было заметно, чтобы ученик уставал, за ним не наблюдались утомление или равнодушие. Иногда появлялся царь, как обычно, без предупреждения. Он сидел с молчаливым равнодушием на своём месте, прислушивался, о чём идёт речь. Если тема казалась ему знакомой, он высказывался, не претендуя на приоритет собственного мнения.

Через полгода пребывания в Пелле Аристотель настолько освоился в роли наставника и преподавателя, что он не представлял себе день без занятий с Александром. Скучал без его бесконечных вопросов, на которые отвечал без скидок на возраст. Однажды Александр задал вопрос, чем отличается живой мир от неживого. Вместо того чтобы подробно рассказывать, что в природе существуют неживые вещи — такие как камни, лишь под воздействием извне обладающие способностью к изменениям, и, с другой стороны, живые вещи, одушевлённые, способные к самостоятельным изменениям, наставник неожиданно спросил его:

— Ты сам как думаешь?

Александр изогнул в размышлении брови, но ответил быстро:

— Я думаю, различия между ними выявляются, исходя из того, что они умеют или не умеют что-либо делать.

— Ты правильно мыслишь, друг мой! — обрадовался наставник. — Животные и люди обладают способностью поглощать питательные вещества, расти и развиваться. Они обладают способностью чувствовать окружающий мир и передвигаться. А человек ещё умеет рационально мыслить и действовать сообразно мыслям, отчего стоит на самом верху живой природы. Выше только Бог, который дал в своё время толчок движению в природе.

В один из уроков по биологии появился царь. Он давно не посещал сына, был занят сборами войска и встречами с командирами. Серое лицо, набухшие веки и новые морщины на лбу выдавали чрезмерную усталость. Он занял кресло и стал слушать, о чём говорит Аристотель.

Речь шла о лошадях, их повадках и нравах — тема для Филиппа знакомая, поэтому он не мог промолчать.

— Аристо, ты можешь сказать, как в природе появились первые кони?

— Точных сведений по этому вопросу нет, но поскольку какой-либо существенной границы между живой и неживой природой не существует, первородные кони появились, как и остальные существа, из единого Живого, которое как бы само собой зарождалось под действием всей природы, возникая из разлагающейся земли или определенных частей растений. Не обошлось и без Активного Начала, которое также присутствует в солнечном свете.

— А я слышал, что первых коней сотворил Посейдон, — высказался Филипп. — Он впрягал их в колесницу и так ездил, обозревая морские владения. Когда кони уставали бегать по волнам, Посейдон отпускал их на прибрежные пастбища. Вот там греки подкарауливали коней, приручили и вывели домашнее потомство.

— Не буду спорить, царь, по такому замечательному

выводу, — спокойно отозвался Аристотель, — но мы с Александром согласимся с фактом, что рядом с человеком кони находятся уже очень давно, и они незаменимые помощники в хозяйстве и военном деле.

— Конь коню — рознь! — не унимался Филипп, стараясь показать сыну свои знания. — Крестьянину нужна лошадь сильная, воину — смелая и выносливая. Для тех, кто участвует в беге колесниц, должно быть важно, чтобы зрители восхищались красивой лошадей, и чтобы она не проиграла в быстроте ног, силе мышц. А для царей и полководцев нужна особая порода коня — верного друга на всю жизнь, чтобы в сражении не подвёл. Учи, Аристо, моего наследника этой замечательной науке — знанию лошадей.

— Будь спокоен, царь, такова моя цель занятий.

Аристотель сказал эти слова с легкой иронией, но Филипп сделал вид, что не заметил.

— Если верить афинянину Ксенофону, военачальнику и автору занимательного труда о лошадях, — продолжал Аристотель, — лучшими из греческих пород являются кони из Эпидавра. За ними, знатоки считают, кони из Ливии, как быстрой. Говорят, им незнакома усталость, потому что выращены кони в жарких сухих местностях. Ливийцы на них загоняют на охоте до смерти диких ослов, а дети скачут без седла, правя конями прутиком, в то время когда грекам требуются для этого удила и уздечки. Когда кони устают, ливийцы не ухаживают за ними и не чистят, не приводят в порядок копыта, не расчесывают и не заплетают гривы, и не моют их, а отпускают погастись, пока они не отдохнут, не наберутся сил. У иллирийцев и скифов есть кони, способные на охоте преследовать оленя до тех пор, пока добыча не упадёт мёртвой от истощения сил, или пока охотник не убьёт или не заарканит ее.

— Учитель, Хейрисофос говорил мне, что у кочевников на севере есть лошади, которые никогда не бросают своего седока, если он упал, — с готовностью сообщил Александр. — А у лидийцев есть большие и красивые лошади с длинными

головами, широкими спинами и густыми хвостами. Но они бывают непослушными и драчливыми, трудно переносят плохую погоду: в жару им трудно дышать, быстро устают. Ещё я знаю, что в Мидии малорослые скакуны с маленькими ушами, храбрые, но с норовом. А самые красивые лошади у арабов — рыже-гнедой окраски, неутомимые в самый лютый зной. Они необычайно гордые и очень умные, скажут во весь опор, при этом высоко держат шею.

Филипп ничего подобного не ожидал услышать от сына. Он радостно воскликнул:

— Александр, твой ответ превзошёл все ожидания!

Он подошёл к сыну, взял за плечи, заглянул в глаза.

— Молодец, что уже знаешь так много о лошадях. Когда видишь их, невозможно остаться равнодушным. В лошадях соединилось всё, что вызывает восторг и благоговение: ум, благородство, преданность, мощь и сила, стремление к свободе... Каждая порода по-своему неповторима и великолепна.

Филипп увидел счастливые глаза сына.

— За твою любовь и уважение лошади ты достоин награды. Завтра я отбываю в Дион, где находится войсковой лагерь. Возьму тебя с собой. Хочешь?

Последовал радостный выдох:

— Отец, я мечтал об этом!

— Вот и замечательно. В Дионе покажу боевые квадриги* как дополнение к уроку о конях.

СОСТЯЗАНИЯ КВАДРИГ

Общение Александра с отцом чудесным образом продолжалось на другой день. Едва солнце встало, они наскоро позавтракали и вскоре уже ехали в двухместной повозке в сопровождении небольшого отряда царских гвардейцев. Чтобы занять время в пути, около половины дня, отец занимал сына историей города Дион.

Дион, или «Город Диоса*», возник у подножия Олимпа, обители богов, очень давно и первоначально служил местом проживания паломников, посещающих святилище. Усилиями

македонских царей Пердикки и его сына Архелая поселение превратилось в духовный и культурный центр Македонии, сравнимый с всегреческими святилищами в Дельфах и Олимпией. Дион обзавёлся великолепным храмовым комплексом, стадионом, где в дни религиозных торжеств состязались известные атлеты. При Архелее появился театр, на сцене которого знаменитый Еврипид вместе с греческими актёрами показал трагедии «Вакханки» и «Архелай», сочинённые в Македонии.

— В Дионе хватает места не только для паломников, — хохотнул Филипп, поглядывая на сына, — за городом я устроил лагерь для обучения воинов, где они учатся воевать. Сегодня увидишь бега колесниц — незабываемое зрелище.

Филипп понимал, что мало общается с сыном. Сейчас, коротая время, наверстывал упущенное, пытаясь сблизиться с ним посредством разговоров. Александр тоже был рад возможности говорить с ним:

— Отец, наставник говорил мне, что греки и македоняне не должны воевать между собой. Тогда зачем ты опять уходишь на войну?

Филиппу пришлось отвечать на столь неожиданный вопрос:

— Сейчас для Македонии мир с греками невозможен, потому что греки считают македонян слабыми. А во время войны македоняне проявляют себя, каковы они есть на самом деле: сильные, храбрые, мужественные. Мира ещё не может быть, потому что между всеми народами на самом деле происходит вечная непримиримая война, поскольку исходит она от сущности человека. Любой народ понимает, что его имущественное достояние, ремесла или занятия, вообще ничто не защищено от чужой враждебной силы. Поэтому я решил, что лучше воевать на опережение, воевать с врагами Македонии, пока они воспринимают нас как слабый народ.

— Получается, война — это навсегда?

— Пойми, сын мой, разве мир может быть вечным, если победитель отнимает всё у побежденного народа? Мир длит-

ся настолько, пока слабый накапливает силы, чтобы вернуть себе утраченное преимущество. Он лишь откладывает свою войну, дожидаясь удобного момента, когда сможет нанести победителю непоправимый вред. Вот почему напрасны любые усилия по заключению соглашений о мире. Вот почему я легко иду на переговоры с противниками, зная, что также легко могу их нарушить, и страдать от такого поступка не буду.

Александр слушал откровения отца, затаив дыхание.

— Трудно себе представить, но греки и македоняне могут не противостоять друг другу. Но такое произойдёт в том случае, если мы объединим военные усилия против Персии, — голос Филиппа обрёл необычную возвышенную силу, так что лошади в упряжке тревожно зашевелили ушами. — Для этого необходимо согласие среди всех греческих городов, чтобы македоняне и греки научились извлекать выгоду не из междоусобиц, а из предстоящей войны со своим настоящим врагом. Такая война будет полезна и для тех, кто стремится к мирной жизни, и кто мечтает о войне. Одни могли бы спокойно извлекать пользу из своего добра, другие — приобрести большие богатства за счет богатств персидских царей. Я воюю с Грецией, чтобы принудить её жить в мире с Македонией.

Филипп более не проронил ни слова, поглядывая по сторонам. В начале пути повозка продвигалась по равнине и вдоль реки, по взгорью и снова по равнине. Потом дорога пролегла среди холмов, покрытых высохшей травой бурого цвета. Когда холмы внезапно закончились, повозки и конников обступили деревья. Начался густой мрачноватого вида лес. Над головой нависали толстые ветви, приходилось быть настороже, наклонять головы и сторониться, чтобы какая-нибудь ветка не сшибла человека с коня или повозки. Александру показалось неуютно в негостеприимной чаще. Филипп, угадав состояние сына, произнёс со смешком:

— Если верить жрецам, в каждом таком дереве живёт своя нимфа. Об этом лесе ходят слухи, будто Дионис раз-

гневался на женщин из окрестных поселений. Вот они, смотри, — Филипп со смехом показал на ближайшие деревья, подступившие к краю дороги, — сейчас схватят и уволочут нас в чащу.

Неприятный холодок пробежался по спине Александра.

— А почему разгневался Дионис? — спросил он, поглядывая по сторонам.

— О, это давняя история, легенда. Я расскажу. В Дионе есть река, на берегу которой оказался Орфей, сын Аполлона, великий певец и музыкант. Он был наделен магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа. Орфей играл и пел, а местные женщины, услышав колдовскую музыку, пришли в неистовство, растерзали его. Потом бросили куски тела в реку, осквернив тем самым священные воды. Дионис разгневался на женщин и превратил всех в деревья. Так и стоят они до сих пор в этом лесу.

Обычно Филипп не доверял подобным историям, считал выдумками, а с богами пытался договариваться дарами. Но желание удовлетворить любопытство сына пересилило, он продолжил:

— Говорили мне, что один лесоруб пришёл сюда и срубил дуб, не исполнив очистительного обряда. После первого удара заструилась кровь, будто из свежей раны, а ветви и листья из зеленых окрасились бледностью.

— Что за обряд он не исполнил?

— Я не раз слышал о нём. Оказывается, нельзя рубить дерево, если не принести жертву нимфам леса. Лесорубы приносят живую курицу и отрубают ей голову на стволе уготованного дерева. Говорят, что тогда душа нимфы, убитая жертвой, перебирается внутрь другого дерева. Но если лесоруб не исполнил обряда, вместе со срубленным деревом умирает его душа, нимфа. После наступает возмездие виновнику несчастья. На того лесоруба нимфа перед смертью навлекла ощущение неимоверного голода. Он ел днём и ночью, не мог насытиться, так и умер от истощения.

Царь с сыном продолжали путь в молчании. Когда лес закончился, дорога пошла по унылой каменистой равнине до самого города. На въезде повозка прогрохотала по мосту, перекинутому через тихую заводь, зарастающую осокой. Сквозь тину на дне Александр успел заметить белый песок, в воде ярких рыбёшек.

Колёса хлестко застучали по дорожным камням. Из-за невысоких оград отовсюду проглядывали аккуратные домики, все под яркой черепицей; внутри дворов зеленели стройные пирамиды кипарисов. Они настолько удачно вписались в окружающую природу, что казались естественными подпорками необыкновенно высокого пронзительно-голубого неба. На перекрестиях улиц стояли мраморные фонтанчики для омовения паломников.

На пути царской повозки встречались паломники, жрецы и храмовые служители; ремесленники и крестьяне, кто встал с утра пораньше, уже трудились. Проехали мимо святилища Исиды, устроенного на другом берегу реки. Показался храм Афродиты, откуда дорога вывела за городские ворота на другой стороне и упёрлась в *гипподром* — место состязаний в беге конных колесниц.

* * *

Гипподром представлял собой ровную площадку в окружении предгорья. У него имелись загоны и помещения для временного содержания лошадей. Когда царя увидели, побежали конюхи с приветствиями «Хайре!».

Филипп выбрался из повозки, вяло ответил:

— Хайре, показывайте!

Он пожелал увидеть недавно устроенную площадку для обучения коней резвости и плавности бега. Подобные площадки он видел в Фессалии, где уже давно растили быстрых коней. Он приказал соорудить точно такую в Дионе, потому что в Македонии издавна существовал обычай приучать лошадей к плавной поступи, доставляющей удовольствие всадникам. С этой целью ноги коней отягощают тяжёлыми поножами, чтобы на состязаниях, уже без груза, они

бежали мягче. Но теперь в Дионе царь собирался преобразовать бег коней, для чего имелся новый способ тренировки. Для этого на выровненной сухой поверхности земли разместили скаковой круг, размером в пятьдесят шагов в длину и пять шагов в ширину; внутри рядами исполнены невысокие земляные борозды. Александр показал на них рукой, спросил конюха:

— Зачем нужны борозды?

Конюх охотно пояснил:

— Когда лошадь только начинает учиться, она задевает борозды ногами как передними, так и задними, спотыкается и чуть не падает от этого. А наученная опытом, поднимает ноги выше, уже не задевает борозды и плавно несёт седока, сгибая суставы в коленях и щётках*. Она учится делать очень короткие шаги, чтобы ставить ноги между бороздами, а если попытается перескочить через борозды, то ударится о гребни земли между ними. При очень коротких шагах лошадь несёт седока более удобно для него и при этом являет собой прекрасное зрелище.

— Хитро, — отозвался царь, услышав объяснение, потом отправился придирчиво обследовать площадку.

Результатами остался доволен и тут же приказал:

— Выпускайте колесницы.

Зрителей было мало: Филипп с сыном и военачальники, подоспевшие сюда из лагеря, как только узнали о приезде царя. Вывели пять четырёхконных колесниц, квадриг, каждая своей масти. Кони нервничали, чувствуя азартный забег, в возбуждении перебирали ногами и всхрапывали, вскидывая морды. Возницы едва справлялись с желанием коней немедленно устремиться в состязание. Для сдерживания коней впереди протянули веревку, выровняв их в одну линию. Возницы, успокаивая своих коней, в ожидании команды подтянули вожжи. Все напряглись в ожидании, когда служба гипподрома сбросит на землю стартовые веревки.

Александр наблюдал за происходящим, тоже заволновался, предчувствуя схватку коней и людей. Сердце заби-

лось учащённо, словно он сам сейчас держал в руках вожжи, и вот-вот ринется вместе с конём вперёд, наперегонки. В Пелле он присутствовал на конных бегах, где происходило самое настоящее сражение за победу. Вид стремительно мчащихся коней никого не оставлял равнодушным, он тоже сильно переживал за «свою» квадригу...

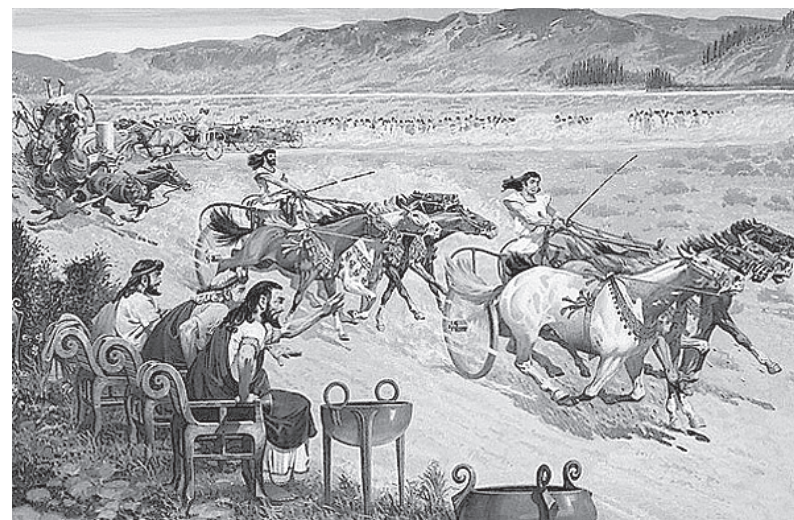
Беговые двухколёсные повозки представляли собой копию боевой колесницы: низкая посадка, открытый кузов. Филипп объяснил Александру, что для победы требуется преодолеть двенадцать кругов*, опередив всех участников. Трудности начинаются при объезде поворотных столбиков, *мет*, когда мчавшиеся во весь опор колесницы сталкиваются и цепляются колесами, и часто разбиваются. До финиша добираются единицы, остальные кони или травмируются по пути, или сбрасывают седоков, продолжая пробежку без них. Когда проходят настоящие конные состязания, в которых нередко участвуют до сорока квадриг, зрители на заполненных до отказа трибунах режут от восторга — их возбуждает зрелище разбиваемых вдребезги колесниц, выпадающие из повозок калечащиеся возницы. Непередаваемые ощущения!

В этот раз обошлось без жертв и увечий. Возницы берегли коней и коляски для настоящих бегов. Но случай заставил зрителей поволноваться, сопереживать. На крутом повороте возничий не устоял на ногах и неожиданно выпал из повозки. Умная кобыла, нацеленная в длительных тренировках только на победу, не остановилась, наоборот, почувствовав свободу, бодро устремилась вперёд. До этого момента она находилась позади остальных, а теперь у неё будто появились крылья: она начала опережать соперниц одну за другой, несмотря на то, что не имела возницу. На поворотах слегка придерживала бег, чтобы затем уверенно продолжать бежать в стремительном темпе.

Прозвучал звук трубы-сальпинги, предупреждающей, что впереди остался один прямой участок, после которого состязание завершалось. Неожиданно для всех кобыла, будто по команде возницы, резко прибавила в беге, легко обо-

гнала последнюю соперницу и, к большому восторгу присутствующих, пересекла черту...

Филипп громко смеялся. Окружение ревело от восторга. Когда судья попросил царя решить, кто победил, он обратился к Александру:



— Рассуди, сын мой! Тебе придётся когда-нибудь судить людей, вот и начни с этого невероятного случая.

Ответ подростка удивил всех зрелостью:

— Кобыла пришла первой, не нарушив правил. Она победительница.

По торжествующему лицу царя было видно, что он доволен решением наследника. Александр тоже был рад видеть отца таким. Кобыла получила от царя награду — полную торбу ячменя.

Проведя ещё немного времени на гипподроме, любуясь лошадьми и давая советы конюхам, царь уже решил отправиться в лагерь на учения, как его остановил старший конюх.

— Царь, фессалиец Филоник просит задержаться. Хочет тебя приятно удивить.

УКРОЩЕНИЕ БУКЕФАЛА

Незадолго до приезда царя в Дион придворный эконом Хейрисофос, зная его увлечение конными бегами, начал поиски подходящей лошади среди барышников. До службы у Филиппа эконом неплохо зарабатывал перепродажей коней, знал в них толк. Среди его знакомых был Филоник, известный в Фессалии торговец, с ним повёл переговоры. И вот Филоник здесь со своим, как он обещал, «не конём, а чудом».

Солнце клонилось за полдень, когда Филипп увидел жеребца удивительно гармоничного телосложения. Двое конюхов едва сдерживали его на длинных веревках, а он проявлял неукротимый темперамент, не желая покоряться насилью, вызываясь взбрыкивался, вздымая копытами облачка рыжей пыли. Нервно подёргивая лоснящуюся кожу, он всем видом выказывал полное презрение к собравшимся вокруг людям.

Изумительной стати жеребец с ярко выраженными чертами экстерьера обладал гнедой мастью редкого золотистого оттенка. Под блестящей от масла шерстью перекачивались сильные мускулы; на гордо поставленной шее не менее горделиво возвышалась сухая, средних размеров голова с прямым профилем и белой отметиной на лбу. Высокая холка, спина широкая и ровная. То, что увидел и успел оценить опытным глазом царь, заставило его замереть, как охотничью собаку перед затаившейся куропаткой. Александр тоже застыл от восхищения, ему в какой-то миг показалось, что из жарких ноздрей жеребца вот-вот повалят, если не искры, так дым.

Филоник, упитанный малорослый человечек с лысиной на макушке, сдержано улыбался и щурил глазки, втайне тешась произведённым впечатлением. Он знал цену — себе и своему товару.

— Царь, — наконец, произнёс он, — посмотри на это со-

кровище. Разве конь не заслуживает, чтобы быть в твоей знатной конюшне?

Филипп, не отводя взгляда от жеребца, попытался казаться равнодушным.

— Филоник, разве ты не знаешь, что у меня достаточно породистых коней, несравнимых с этим, которого ты мне так бесцеремонно навязываешь?

— Вся Греция наслышана о твоей квадриге, которая на Играх принесла тебе бессмертное звание олимпийщика. Но это было тринадцать лет назад. А такого коня нет сейчас у тебя. Ведь ты сам оценил, что он несравним с твоими прежними! — спокойно возразил Филоник, продолжая невинную игру под названием торг.

Царь не устоял первый:

— Сколько хочешь?

— Тринадцать талантов, и ни монеты меньше! — назвав огромную сумму, Филоник не дрогнул голосом.

— Тринадцать талантов за невоспитанного подростка? — искренне возмутился Филипп. — За такие деньги я куплю полсотни крепких рабов!

Филоник оставался непреклонным.

— Я соглашусь с тобой, царь, что он стоит полсотни крепких здоровых рабов.

Барышник хорошо знал закон рыночного торга: если видишь, что покупателю товар нравится, держи цену до последнего. Загоревшиеся глаза Филиппа откровенно говорили о желании непременно обладать жеребцом.

— Согласен, что жеребец молодой, непривыкший к присутствию людей, но такого, как этот, заверяю, нигде больше не найдёшь! — Филоник произнес эти слова с таким убеждением, что оппонент сопротивляться уже не мог.

— Ладно, — сдался царь, — но сначала я проверю, каков он.

Филипп махнул рукой конюхам. Пока он пытался сесть на круп, слуги придерживали жеребца за верёвки. Конь упирался, приседал на задние ноги, фыркал, брызгая слюной.



Филипп, намереваясь успокоить его, погладил, а тот едва не укусил. Царь сделал несколько попыток овладеть ситуацией, но вскоре оставил затею.

— За этого дикаря ты хотел взять с меня такие деньги? — возмутился Филипп, обращаясь к барышнику. — Ему не место в моей конюшне! Убирайся!

Филипп махнул рукой и с недовольным видом направился в сторону лагеря. Он осознал себя неудобно, понимая, что перед своим окружением выглядел не должным образом. Нождаданно раздался голос сына:

— Ох, какого жеребца мы лишаемся, и только потому, что кто-то не смог его укротить!

Если бы гром прогремел среди ясного неба, Филипп не так удивился. Он непроизвольно схватился на рукоятку ножа, который всегда имел за поясом, но вовремя остановился, сделав вид, что не расслышал дерзость.

— Отец, если ты не смог усмирить коня, позволь это сделать мне, — выкрикнул Александр, не смущаясь проявлениям гнева у отца, который в этот момент резко развернулся в его сторону. Встретив дерзкий вызов в глазах сына, возмутился:

— Мальчишка! Я знаю, о чём говорю, — для хорошей лошади достаточно и тени кнута, для ленивой мало и удара палкой. Это плохой конь.

Голос царя зазвучал жёстко:

— Ты осмеливаешься смеяться над старшими по возрасту, ведешь себя так, будто умеешь и знаешь в жизни больше, чем они!

Царь едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик или ругань. В таком состоянии он мог оказаться в глупом положении. Понимая это, он с кривой улыбкой произнёс:

— Ты хочешь показаться смелым. Тогда докажи.

Филипп торжествующе оглядел своих военачальников. Они дружно закивали головами. Но Александр не смутился:

— Отец, ты учил меня с семи лет управляться с лошадьми. Я благодарен тебе за это, а сейчас хочу доказать себе, что смогу справиться с тем жеребцом! Я надеюсь, что он поступит со мной не так, как с тобой!

До слуха Филиппа донеслось хихиканье челяди, сдержанный шепот военачальников. Царь понял, что сын сделал ему вызов.

— Большого хвастуна, чем ты, я не встречал! — раздражённо произнёс он. — Ладно, испытай себя. Но если ты не справишься, какому наказанию следует подвергнуть тебя за твою дерзость?

— Я готов заплатить тебе вдвое денег больше, чем просит фессалиец.

Эти слова Александр произнёс под откровенный смех сви-

ты. Чтобы не показаться смешным, отец не стал продолжать перебранку и попросил присутствующих быть свидетелями.

Полезно понять, какие чувства испытывал в это время Филипп. Раздосадованный обидными упреками Александра, в то же время он чувствовал себя неловко. В нём боролись два чувства: с одной стороны, он желал увидеть позорное поражение сына, с другой, как отец, — не мог допустить такого исхода. Но сейчас ситуация так сложилась, что ему оставалось ждать...

Тем временем Александр подбежал к жеребцу и схватил за узду. Прижавшись к его боку, почувствовал, как тело животного сотрясает мелкая дрожь, означавшая возбужденное состояние, страх перед неизвестным. Воспользовавшись нерешительностью жеребца, царевич неожиданно резко развернул его против солнца. До этого он заметил, что конь пугается тени человека, пытавшегося его обуздать, оттого дико всхрапывал, роняя пену, и взбрыкивал. Солнечные лучи на миг ослепили животное — этого было достаточно, чтобы Александр потянул на себя узду и крикнул конюхам, чтобы отпускали сдерживающие верёвки. Но конь, почувствовав вдруг свободу, рванулся вперёд. Резко дёрнутая узда сдержала его порыв. Александр тронулся с места, побежал, соприкасаясь с крупом коня. Некоторое время тот ровно бежал, позволяя человеку выровнять свой бег рядом с его ходом.

У Александра от напряжения слегка тряслись колени, но он продолжал бежать, ускоряя шаг. Заметив, что конь разгорячился и вспотел, видимо, от неожиданного испытания, замедлил бег и остановился. Скинул с себя плащ и накинул на круп. Конь воспринял его действия спокойно. Убедившись, что он ему доверился, Александр резко оттолкнулся от земли и оказался там, куда целился, — на коне.

На влажной спине коня удержаться непросто: седла не предполагалось, только кожаное покрывало. Македонские всадники ездили верхом без седел и стремян, рассчитывая на собственные крепкие ноги, сжимавшие конские бока.

В сражении отсутствие стремян для всадника являлось серьёзной помехой: воину приходилось удерживаться на коне не стоя на стремянах, а сидя на его спине, да ещё действовать мечом и копьём!

* * *

Жеребец, не ожидавший столь дерзкой выходки человека, встал на задние ноги и заржал, пытаясь сбросить. Наездник удержался. Он не бил его ногами и не дёргал узду, но сидел со спокойствием, как влитой, давая жеребцу возможность понять, кто хозяин положения. А конь попытался ещё раз освободиться от наездника как от ненавистой поклажи: взбрыкнулся вверх и вбок. Когда это у него не получилось, он громко заржал и стремительно поскакал со двора. Все, кто с напряжением наблюдал необычную схватку, ахнули — кто от испуга, кто — от восторга...

Для Филиппа время потянулось утомительно долго. Он выглядывался вдаль, пытаясь что-либо разглядеть в удаляющихся клубах пыли. Вскоре послышались радостные возгласы — ураган пыли начал приближаться, превратившись во дворе в коня с наездником, Александром. Он уверенно сидел на взмыленном, но укрощённом жеребце. Приблизился к отцу, оглушённому небывалыми событиями, и соскочил на землю. Увидев сына, живого и невредимого, отец неожиданно расчувствовался. Александр, которого распирали торжествующие ощущения, услышал:

— Это твоя первая значительная победа, сын мой! Сегодня я увидел, что у меня есть достойный наследник. Ещё я увидел, что Македонии тебе будет мало, почему говорю при всех — ищи для себя царство по силам твоим!

Филоник получил за жеребца назначенную сумму. Филипп неожиданно передал узду сыну.

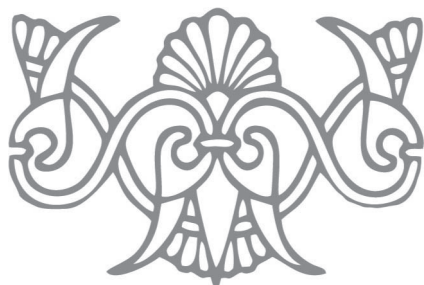
— Александр! — сказал он, скрывая добрую улыбку за усами. — Я раздумал ставить жеребца в свою конюшню. С сегодняшнего дня он твой. Ты ещё заслужил, чтобы с этого дня тебя называли мужчиной. И пусть этот конь станет

твоим боевым товарищем. Люби его, как своего близкого друга.

Александр, не ожидавший такого исхода, обнял шею жеребца, поцеловал во влажные губы, а тот в ответ доверительно заржал.

— Посмотри, отец, какой лоб у него — большой и крутой, как у быка, — воскликнул царевич, — я назову его Букефалом*.

Этот день оказался самым счастливым для Александра. Да и для царя Филиппа он выглядел не таким уж плохим.



Глава тринадцатая

САДЫ МИДАСА

ОПАСНЫЙ КОНФЛИКТ

Обучение царевича продолжалось успешно, но Аристотель стал замечать, что не всегда его ученик внимателен на уроках, а иногда проявлял недовольство, когда не понимал объяснения. Наставник видел причины в атмосфере царского двора. Придворная жизнь в Пелле за последние годы наглядно оживилась в связи с успехами Филиппа на полях сражений. Александр вырос, и его с каждым днём всё больше захватывали события, происходящие в Пелле, Македонии, Греции. Уделять прежнее внимание учёбе наследнику становилось всё сложнее и сложнее...

В Пелле теперь часто появлялись иноземные делегации, царь устраивал роскошные приёмы, которые, как правило, завершались шумными пиршествами, а то и разнузданным гульбищем. В такие дни отец бесцеремонно отрывал сына от занятий, заставляя его присутствовать на приёмах с желанием показать его гостям и, заодно, привить навыки государственного управления. Аристотель с горечью замечал, что его ученику нравились такие отвлечения от уроков и, как итог, после ряда перерывов в занятиях Александр надолго терял интерес к учёбе, становился раздражительным, неуправляемым.

Аристотель решил, что так долго продолжаться не может. Подготовился к серьёзному разговору с Филиппом. А если царь не поймёт, был готов расторгнуть договор на обучение царевича.

Для встречи с царём ситуация сложилась благоприятная. В тот месяц он задержался в Пелле дольше обычного из-за раны, полученной в схватке с трибаллами*: брошенное издалека копье перебило правую ключицу. Долго отлёживаться в постели царь не собирался, полагал, что как только избавится от опеки врачей, он снова отбудет во Фракию — царские дела прежде всего! Рана слегка затянулась, не вызвала больших опасений, отчего он устроил с друзьями и военачальниками такую круговёртку пирушек, что жизнь во дворце для всего окружения превратилась в сплошную оргию. В театре для народа устраивались представления греческих актёров, а на гипподроме проходили конные бега и силовые состязания атлетов. Бродячие фокусники, музыканты и силовые акробаты веселили народ на улицах Пеллы, быстроногие скороходы бежали в факельных эстафетах, а воины танцевали боевые пляски — *пиррихийи*. На пирах особым спросом пользовались флейтистки, *авлетриды*, завораживающие слух легкомысленной музыкой, дразня обольстительными телодвижениями.

После того, как царь в очередной раз вызвал сына в зал приёмов, чтобы удивить иноземных гостей своим блистательным наследником, Аристотель решил, что предел допущенного пройден. Пора говорить с царём. Но так случилось, что на следующий день Филипп сам объявился на уроке, не протрезвевший и оттого благодушно настроенный.

— Я посижу у вас, — миролюбиво произнёс он, удобно усаживаясь в кресло, — послушаю, чему учит моего сына большой афинский учёный.

Сказано было с иронией, но Аристотеля уже давно ничем нельзя было обидеть — за год пребывания в Пелле ко всему привык. Оставаясь спокойным, продолжал урок о счастье:

— Александр, ты будешь по-настоящему счастлив, если

обретёшь в душе своей доброту, ставшую чертой твоего характера. Это состояние нужно занимать, потому что добродетель не даётся при рождении человека, от природы. Она обрывается из привычек, которыми двигает разум. А для этого вспоминай заповедь Пифагора: «День для тебя пропал, если ты не совершил сегодня доброго дела».

Филипп с некоторым напряжением вслушивался, а наставник, поглядывая на него, продолжал философствовать:

— Быть счастливым всегда не дозволено богами. Но если следовать мудрому правилу: «Забудь всё плохое!» — ты будешь счастлив.

Аристотель говорил о том, что счастье для всех людей неодинаковое, ибо нет для всех единого счастья. Но у каждого человека есть ощущение собственного, личного счастья.

— Большую ошибку совершит человек, который с беспечным видом станет ожидать своё счастье у врат Фортуны, пока за дело возьмётся богиня удачного случая. Правильно поступает тот, кто действует наоборот, кто испытывает Фортуны, дерзко пробиваясь вперёд, полагаясь на собственные силы. Только на крыльях доблести удаётся настигнуть ускользающее от тебя счастье.

Аристотель посмотрел в сторону царя. Заметив, что он слушает, сказал с назиданием:

— Но полным твоё счастье будет тогда, Александр, когда вокруг тебя заживут счастливо все люди. Цари должны помнить эту заповедь.

Филипп не остался равнодушным к услышанному:

— Аристо, для меня счастье быть царём, иметь верных друзей, с кем приятно быть в компании, быть полезным для Македонии. А разве не счастье — иметь хорошее здоровье и ещё такие физические преимущества перед другими, как красота, сила, статность, ловкость в состязаниях, или такие достоинства, как слава, почет, удача? Думаю, что для ощущения личного счастья нужно богатство, к этому нужно присоединить могущество и удачу, потому что в таком случае в жизни наступит наибольшая безопасность. Если человек

обладает такими благами, находящимися в нем самом и вне его, он чувствует себя очень счастливо. Разве я неправ?

Аристотель покачал головой.

— То, что ты, царь, считаешь своим счастьем, является лишь упоением призрака счастья. Такое счастье длится всего мгновение как наслаждение состоянием души и тела. А искать наслаждений, известно от мудрецов, значит опрометью гнаться за горестями. Ведь Гомер, желая показать, как постыдно наслаждение, говорит, что и величайшие боги перед ним бессильны, и оно ведет их к большим несчастьям. Сколько доброго ни измыслил для троянцев бдящий Зевс, всё погибло из-за единого дня, отданного наслаждению с Герой, которая обольстила его с помощью пояса Афродиты. Даже могучий бог войны Арес был связан путами слабосильным колченогим Гефестом, выставлен на позор и расправу всего лишь, что поддался неразумной любви Афродиты. Вот почему искатель подобного счастья влачит самое безрадостное существование.

Аристотель следил за Филиппом, предугадывая нежелательное для него настроение. Но царь был настроен благодушно.

— Аристо, дорогой друг, тогда скажи, чем ты предлагаешь заняться человеку, достигшему определённых высот в политике и должностях, если не развлечениями? Разве весёлая пирушка с друзьями не достойное занятие для меня?

— Нет, почему! Я сам люблю весёлые застолья, но не частые и в качестве досуга. Иначе не останется времени на полезные людям дела, и последствия от частых возлияний вина и чревоугодия вредно скажутся для здоровья. Пропадёт моя полезность гражданина не только для семьи, но, что важно, для моего отечества.

— Коли так, чем ты предлагаешь заниматься царям помимо войн?

— Досугом, царь, — он идеал человеческой жизни.

Александр с интересом слушал наставника и отца, следил за их лицами. Было интересно узнать, кто окажется прав.

Филипп, заметив внимание сына, не сдавался:

— Аристо, ты подводишь свою теорию под всех людей, а среди них есть не только цари и знать. Как вести себя ремесленникам, художникам, зодчим и ваятелям? Разве они не заслужили развлечений после тяжкого труда? Они вправе выбирать развлечения по своему разумению. Эти люди беспрерывно трудиться не могут, для них развлечения — это посиделки в трактирах и домашние пирушки. В этом они видят передышку от своих рабочих забот.

Аристотель постарался смягчить ситуацию:

— Я поспешу согласиться, царь, что досуг для каждого эллина выглядит неравноценным по многим обстоятельствам, поскольку деятельность любого из них отличается от соотечественника. Для одних досугом служат атлетические занятия в палестре*, другим свойственна охота на льва или чтение древних рукописей. А философу, для которого свойственна умственная деятельность, досуг заключен в тишине и созерцании мира.

Филипп, удовлетворённый словами Аристотеля, собрался уходить. Но наставник неожиданно остановил его:

— Царь, я хочу обратиться к тебе с просьбой, но с уверенностью, что она не доставит тебе особой озабоченности.

Филипп уставился на него покрасневшими глазами.

— Чего ты хочешь, Аристо?

— Я хочу говорить с тобой без Александра. Позволь ему оставить нас.

* * *

Когда они остались вдвоём, Филипп выжидательно посмотрел на Аристотеля.

— Не подумай плохого, царь, но если ты доверил мне воспитание сына, я обязан говорить тебе только правду.

Царь, заинтригованный началом разговора, напрягся.

— Да это так. Слушаю тебя, Аристо.

— Когда я брался за обучение Александра наукам, в которых силён, — начал Аристотель, осторожно подбирая сло-

ва, — у меня не было повода сомневаться в правильности выбора места для занятий. Как ты решил, во дворце. На первых порах я не обращал внимания на помехи в занятиях или неудобства в обустройстве помещения, считал их мелочами, не требующими твоего участия. Но прошел год, и я понял, что совмещение дворцовой жизни с учёбой идёт наследнику во вред по причине того, что близость к дворцовым событиям никак не способствует развитию его личности и дальнейшему образованию. Скажу больше, Александра стало портить постоянное общение с придворным бытом и порядками. При таких обстоятельствах мне приходится задумываться о результативности моего участия в образовании царевича. Тебе, царь, решать, но я теряю влияние на своего ученика.

Неожиданно Филипп развеселился — может быть, он думал, что у Аристотеля имелись более серьёзные претензии к нему:

— Аристо, ты откровенно удивил меня! Ты хочешь сказать, что отец портит своего сына?

Филипп громко рассмеялся, обнажив крупные с желтизной зубы. Неожиданно настроение его поменялось. Он вскочил с кресла и быстрыми шагами заходил по комнате. По его лицу было заметно, что он рассердился. В последнее время подобное происходило с ним часто, и этого боялся Аристотель, когда затевал разговор.

— Нет-нет, царь, ты неправильно меня понял, — он вовремя сообразил, что пора разрядить обстановку. — Я беспокоюсь о том, чтобы Александр правильно оценивал жизнь, происходящую вокруг него. Он входит в возраст, когда некоторые фантомы необдуманно может принять за настоящую жизнь. Попадая незрелой душой в обстановку, где воины, например, заслуженно празднуют свою победу над врагом, он может понять, будто жизнь существует только для наслаждений, а окружающий мир есть обитель непреходящего счастья. И этот мир не даётся лишь тем, у кого недостаёт ловкости овладеть им. Если сейчас оставить всё, как есть,

дальнейшие годы Александра превратятся в необдуманную погоню за искаженным видом счастья. В конце концов, как печальный результат, к нему неизбежно придёт разочарование. Но уже будет слишком поздно что-либо исправлять.

Слова Аристотеля постепенно дошли до Филиппа. Усмешка, которую он сохранял всё время, медленно сходила с лица. Он продолжал слушать со строгим вниманием и даже озабоченностью.

— Александру не следует торопиться жить, — говорил наставник. — Всему своё время. К обычному бегу времени нет смысла добавлять свою торопливость. Пусть Александр ещё остаётся в своём детстве, не спешит стать взрослым с таким рвением, потому что детство — единственная пора всей нашей жизни, когда проглядывает по временам настоящее счастье.

Выслушав Аристотеля, царь задумчиво отозвался:

— Ты предлагаешь мне принять благообразный образ жизни для себя и моих друзей?

Он хмыкнул, искоса глянул на Аристотеля, встал с кресла и вышел. А когда день в Пелле пришёл к завершению, и на посеревшем небосводе начали вспыхивать россыпи звездной пыли, к наставнику явился Хейрисофос с ответом Филиппа: «Переезжать в Миэзу».

ПЕРЕЗД В МИЭЗУ

Для Аристотеля неожиданное решение македонского царя явилось ощутимой победой. Если бы Филипп обиделся, или хуже, разгневался, неизвестно, что случилось бы дальше. Тирания власти — вещь непредсказуемая! Но, к счастью, протест наставника обернулся хлопотливыми и радостными сборами в дорогу для него, помощников и учеников. А они оказались непростыми из-за малого времени, определенного царём на переезд, и ещё по причине огромного количества и громоздкости вещей и предметов, которые нужно было забрать на новое место.

* * *

Мизза представляла собой крохотное селение в горах в полуднях конного перехода от Пеллы. Там жили пастухи и охотники, привыкшие к мысли, что им здорово повезло, поскольку в округе достаточно имелось выгонов для скотины и охотничьих угодий. Собственно, это было основной причиной, когда местный князь когда-то выстроил здесь нехитрый по удобствам охотничий домик. По прошествии стольких лет Филипп перестроил домик в просторную усадьбу, объявив загородной резиденцией. Наезжал сюда, когда выкраивал время для охоты. Ведь зверя в лесу: кабана, медведей, волков и барсов, и всякой дичи в горах было множество, а в холодных струях горных ручьёв обильно ловилась форель.

В округе Миззу издавна знали под другим названием — «Сады Мидаса». Если верить легенде, здешние окрестности облюбовал фригийский царь Мидас: завёл плодовый сад, где побывал воспитатель юного Диониса — сатир Силен. Он был пьян, отстал от веселой свиты бога и заснул в ближайшей пещерке, а когда пришёл в себя, попытался найти своих друзей, да заблудился, и даже забыл, как его зовут. Слуги Мидаса обнаружили Силену, доставили к царю, который узнал его и возвратил Дионису, выпросив необычный дар: всё, к чему прикасались его руки, превращалось в чистое золото! С этого момента блюда и питьё немедленно превращались в золото. Слуги и дочь царя стали золотыми статуями. Когда Мидас понял, что умрёт с голоду, он стал умолять бога, чтобы тот взял назад свой дар. Бог сжалился и освободил Мидаса от золотой напасти... Такова была атмосфера вокруг той Миззы.

Бывший «домик» для временного пребывания охотников превратился в удобную усадьбу с прочными стенами из грубо отесанных камней — впору защищаться от врагов. В пределах имения располагались посадки орешника и яблонь. Сад заканчивался у отвесной скалы с глубоким гротом — в том самом, где когда-то заснул Силен. Внутри грота прохла-

да сохранялась круглый год, тем была ещё знаменита. Со скалы срывался небольшой водопад, *катаракта*, дробно рассыпающийся жемчужными брызгами.

Аристотель поселил Александра и его товарищей по учёбе — двенадцать подростков — в подготовленные для них комнаты. Из остальных выбрал помещения для учебных занятий, определил жильё для себя, Феофраста и Каллисфена. Жену с дочерью Аристотель оставил в Пелле.

Как и во дворце, на новом месте пришлось оборудовать учебный мегарон, получился просторный и светлый. Для библиотеки присмотрели хорошую комнату. Прислуга соорудила подобие литейной мастерской для занятий горным делом, с настоящим оборудованием и материалами: в ней были воск, олово, медь, серебро, брикеты формовочной глины. Для музыкальных занятий и поэтических состязаний с постановками драматических спектаклей приготовили Одеон — просторное помещение с отличной акустикой.

Для занятий на воздухе стал Нимфейон, или «Святилище нимф», представлявший собой павильон с фонтаном, где днем и ночью с ласковым журчаньем изливалась вода — всегда холодная; она подавалась через систему керамических труб непосредственно из горного родника. Нимфейон удачно вписался среди огромных хвойных *линий* с прямыми стволами, отсвечивающими розоватым оттенком коры. Деревья будто пронзали зелёными верхушками небо, успевая дружески обнимать соседей ветвями-лапами. Между деревьями обнаружились почти нетронутые аллеи, через которые, словно огромные змеи, «переползали» корневища. В солнечные дни в нешироких просветах между деревьями металась светлые пятна.

Вокруг незримо обитали нимфы, эти живые силы природы. Они скрывались повсюду: в горах и лесах, в долинах и пещерах, на лугах и полях. Но в Миззе они мирно соседствовали с людьми в водных источниках — водопадах, ручьях и родниках, обещая способствовать учебе и отдыху новоприбывших из Пеллы.

ФИЛОСОФИЯ МЕДИЦИНЫ

Учебные помещения в Миэзе пополнились двумя крохотными, но очень важными для занятий лабораториями. Одна предназначалась для исследования жизни растений, другая, приспособленная под *фармакотеку*, оснастилась специальной посудой и перегонным устройством, где предполагалось приготовление различных медицинских препаратов и средств ухода за телом: масел, благовоний и прочих косметических веществ. Аристотель, как представитель древнего рода Асклепиадов, имел неплохие познания в медицине, чему намеревался обучить Александра, особенно лекарским навыкам, пригодным в походной жизни. Будущему военачальнику следует знать, говорил наставник ученику, как оказывать первую помощь своим воинам при ранениях, излечивать несложные болезни.

Когда у царя зашёл разговор, быть ли медицинскому образованию у наследника, Филипп поначалу засомневался, надо ли философу поручать такое важное дело.

— Хороший врач — всегда философ, и хороший философ — всегда врач, — отпарировал Аристотель. — Нет большой разницы между мудростью и медициной. Ещё Пифагор говорил, что искусство врачевания состоит в том, чтобы заниматься как телом, так и душой; ибо ни одно существо не может быть здоровым, пока больна его высшая часть. А иной врач иногда предлагает, как плохой актёр, постыдный спектакль, ничего не делая полезного. Я свидетель, когда лекарь предлагал больному поймать ласточку, помазать её маслом и отпустить, обещая, что с ней улетит его болезнь. Чем не спектакль!

— Не скажи! Не все плохие врачи. Что-либо подобное ты можешь сказать о моём Никомахе?

— Ты прав, царь, врач врачу — рознь.

— Вот и хорошо, Аристо. Ты лучше подскажи, от чего всегда по весне мне нездоровится? Не зимой, когда сырость

и холод, не летом, когда жара, а именно весной! Что на этот счёт говорит философия?

— Ответ несложный — от образа жизни. Я догадываюсь, что ты не выполняешь рекомендации Никомаха в еде, питаешься неразумно: наедаешься изрядно на ночь, вина употребляешь непомерно. А ведь зимой люди должны больше есть, а пить меньше, чем в иное время года. В таком случае тело будет наиболее теплым и сухим. Весной следует больше вводить в себя напитков, а кушанья употреблять мягкие и поменьше; хлеб совсем устранить, но употреблять *мазу* — лепёшки пресного ячменного теста. Из питания нужно устранить жареное мясо, заменить вареным, а овощи употреблять свежие и жареные, и больше употреблять зелени, чтобы человек приготовился к лету. Напитки в эту пору нужны в большем количестве: если вино — уже более разведенное; и это делать постепенно, чтобы не было сразу большой перемены.

Аристотель перевёл дух, поглядывая на царя (не утомил?), затем, улыбаясь уголками рта, продолжил:

— Такой образ питания, по мнению философии, способствует человеку хорошо воспринимать окружающий мир, двигаться и мыслить, не прибегая к насилию над организмом, тем самым не давая повода недомоганию и болезни. Всё остальное я называю негодной пищей, которая ничем не способствует росту и жизни и, будучи введенной в больших количествах, причиняет организму вред.

Уловив внимание царя к проблеме здоровья, Аристотель, войдя во вкус, успел рассказать, что и сон связан с питанием, так как воздействие питания на рост происходит более в состоянии сна, чем в состоянии бодрствования. Еда приходит извне в предназначенные для нее помещения — желудок и кишки, где происходят изменения — хорошее попадает в кровь, плохое изгоняется. От испарений, происходящих из пищи, возникает сон; еда и питье, особенно употребление вина, содержащего немало теплых веществ, действует на человека усыпляющим образом.

— Хотя признаюсь, что в природе сна полно неясного. Но

я уверен, что сон наступает по той причине, что пространства и ходы внутри головы охлаждаются вследствие движения, когда туда попадают испарения, — закончил «урок» Аристотель.

* * *

Первое занятие с Александром по медицине Аристотель начал с истории Македонии и биографии Гиппократ. Сто лет назад знаменитый греческий врач посетил двор македонского царя Александра I, чтобы выяснить причину странной болезни сына Пердикки. По мнению местных лекарей, царевич был болен грудной болезнью, таял на глазах. Гиппократ обследовал состояние его здоровья, понаблюдая за образом жизни и сделал вывод, что Пердикка безнадежно влюблен в юную наложницу отца Филу. Царь, узнав истинную причину, отказался от Филы, позволив сыну открыть девушке своё любящее сердце, и тем самым дал повод ему выздороветь.

Впоследствии сын Гиппократ Фессал служил у царя Архелая, сына Пердикки, личным врачом. По заданию отца он обследовал приграничные с Македонией земли Иллирии и Пеонии, где бушевали смертельные эпидемии, дал македонянам рекомендации, чтобы они повсюду разжигали большие костры и поливали винным уксусом, очищая «гнилой воздух». Так была предотвращена в Македонии моровая болезнь.

В Мизе благодаря усилиям и настойчивости наставника Александр познакомился с лечебным эффектом различных примочек, микстур и припарок на растительной основе. Узнал пользу от воздействия лекарственных трав, корней и плодов на организм больного — укропа, тмина, чеснока и лука, ромашки, полыни, льна и подорожника, мака, фиников, граната и других представителей древнейшей фармакологии. Научился ставить очистительные клизмы, делать оздоровительные кровопускания и в каких случаях применять мочегонные и рвотные средства. Однажды наставник показал оригинальный способ, чтобы не заснуть, если ему когда

потребуется бодрствовать: держать в правой руке шар, а под ним поставить медный лист; когда дремота будет одолевать, из расслабленной руки шар выпадет, и раздастся грохот, от которого, уже точно, можно прийти в себя...

Царь Филипп посетил одно из занятий. После вчерашней пирушки он страдал желудочными коликами. То ли он хотел услышать от Аристотеля профессиональный совет, то ли зашёл пообщаться, но спросил с мрачным видом:

— Если ты всё знаешь, Аристо, скажи, какова причина желудочных болезней?

— Царь, эта тема будоражит умы врачей не одно столетие. Но есть предположение, что причинами болезней являются ветры.

— Ветры? Те, что гонят тучи?

— Нет. Эти ветры возникают в наших желудках, когда в них скапливаются непереваренные остатки еды. Остатки появляются в тех случаях, когда теплота, которая должна вызывать пищеварение, подавляется большим количеством принятой еды. Из остатков возникают ветры, которые являются в нас самыми необходимыми и самыми могущественными. Это оттого, что здоровье у человека присутствует, когда есть хорошее отхождение ветров. Болезнь же наступает, когда присутствует плохое отхождение ветров. Эти ветры служат причиной любой болезни. Выходит, царь, тебе нужно постоянно следить, сколько и что ты ешь. И тогда всё будет замечательно!

ДРУЗЬЯ ИЛИ ТОВАРИЩИ?

Задолго до Пеллы, работая в Академии Платона, у Аристотеля возникла идея проводить занятия с учениками не только в аудиториях, но и в открытых пространствах, на воздухе. Не все преподаватели одобрили новшество, бранили за то, что он, таким образом, нарушает установленный годами учебный процесс и сам идёт на поводу у молодых людей,

развращённых нетерпением к незыблемым канонам образования. Аристотель продолжал поступать, как считал нужным, обретая всё большее количество слушателей, верных последователей своего учения. Вследствие того, что учитель с учениками на занятиях прохаживались чуть ли не гурьбой по аллеям академического парка, их стали называть *перипатетиками* (от греч. *перипатос* — прогуливаться, прохаживаться).

В Мизе Аристотель часто прибегал к проверенному методу. Уроки проходили в помещениях, лишь когда непогода не позволяла ученикам быть на воздухе. Для занятий годились прогретые солнцем камни у ручья, на зеленом лугу, но чаще всего на лысой макушке ближайшей скалы, откуда открывался великолепный вид окрестных мест. Учитель называл тему занятий, затем излагал суть, предлагая ученикам не только внимательно слушать, но и по ходу спрашивать, спорить с ним или друг с другом, но, в любом случае, требовал не быть равнодушным к предмету урока. Такой способ обучения требовал от Аристотеля больших усилий и времени для подготовки к занятиям, но это его не беспокоило, и даже радовало, так как он замечал, что ученики лучше запоминают урок, а сам процесс познания наук оказывался для них проще и доходчивей.

Товарищи Александра по возрасту являлись почти ровесниками, с разницей в два-три года, но характерами и знаниями отличались друг от друга, уступая царевичу в науках, преподанных Аристотелем. Следует назвать их имена, поскольку в дальнейшем все они стали боевыми товарищами царя Александра, разделившими с ним тяготы войны, верные своей детской клятве — остаться друзьями до смертного часа...

Филота — сын знатного полководца Пармениона. Получил хорошее домашнее воспитание, любил читать и был умом развит, хотя на уроках не спешил с ответами. При случае хвастался перед друзьями отцом, называл его героем и мечтал о том времени, когда сам будет воином, и обязательно большим военачальником.

Неарх — сын Андротима из Крита, большой шалун и выдумщик в играх. Особым усердием в науках не отличался; охотно учился географии. Он грезил морскими путешествиями, мечтал стать главнокомандующим военным флотом, часто рисовал на песке силуэты кораблей и устраивал игрушечные морские сражения.

Гарпал был из семьи властителей богатейшей области Элимиотиды, обладал смекалистым умом, но старался не выделяться среди сверстников. На уроках предпочитал отмалчиваться. Гордился предками, героями греко-персидских войн, и сам готовился быть военачальником.

Марсий из Пеллы, младший брат военачальника Антигона, слыл среди ребят балагуром, весёлым заводилой в играх, на уроках удивлял быстрыми ответами на вопросы учителей.

Лаомедонт, Кассандр, Эригий — шумные в играх ребята. Острый на язык Птолемей. Они всегда держались вместе, на уроках старались не выделяться друг перед другом, если чувствовали, что кто-то из них не знает правильного ответа. У Птолемея лицо рано покрылось возрастными прыщами, появилась небольшая курчавая борода рыжеватого оттенка, редкого для эллинов. В затишье между играми и учёбой читал книги, которые брал из обширной библиотеки в Мизе.

Леоннат был из родовитых горских князей, заносчивых родственников бывшей жены Филиппа — Эвридики. Он один из всех стремился опередить Александра в учёбе, в играх не желал признавать его лидерство, и это обстоятельство нередко становилось причиной взаимных ссор. Ведь Александр не терпел никакого первенства, кроме себя! В драках Леоннат старался исподтишка укусить противника и затем, воспользовавшись его замешательством, свалить с ног. Под стать ему был Лисимах — натура вредливая, но он страшно не любил нести наказания за свои проступки.

Некоторое время с Александром учились Селевк и Пердикка. Первый — малорослый, слабый здоровьем, не по возрасту обожал историческую науку и математику, удивляя

всех знаниями. Второй был старше всех, самый прилежный в учёбе, исполнительный в поручениях, впрочем, обидчивый по пустякам.

Из всех товарищей Александр выделял Гефестиона, сына храброго военачальника Аминты. Высокий ростом, с роскошными волнистыми волосами, каким позавидует любая женщина, подросток с выразительным изяществом хорошо владел своим красивым телом. Гефестион любил играть в *сферу* — кожаный мяч, набитый шерстью, и очень гордился успехами в этом виде атлетических занятий. В общении с соучениками был строг, не прощал обид, а с Александром проявлял неизменную ласковость и мягкость, и почти всегда уступал ему во всем, даже если был прав. По этой причине для царевича он оказался самым близким другом, которому позволено доверять свои тайны.

* * *

Холодным зимним вечером, когда занятия закончились, а ученики пообедали, и каждый занялся перед сном своим делом, Александр постучался в дверь к Аристотелю. Наставник сидел за рабочим столом и делал какие-то записи — об этом говорили принадлежности для письма: чернильница и тростниковый *каламус*. Это была пора, когда он мог, уединившись, посвятить себя любимому занятию — чтению рукописей старых авторов или написанию трудов. Александр знал это, но в последние дни чувствовал потребность общения с Аристотелем, получить ответы на вопросы, возникающие у него каждый день, которые становились сложнее и сложнее.

— Ты чем-то озабочен, Александр? — спросил Аристотель, не проявляя удивления. — У тебя такой вид.

Вопрос попал в цель — царевич выглядел чуть растерянным.

— Учитель, у меня здесь много товарищей. Как не ошибиться в выборе настоящего друга?

— Важный для тебя вопрос. Выбор друга, чтобы потом не

разочаровываться, — ответственное дело. Я лучше расскажу тебе одну историю.

Наставник отложил каламус в сторону и развернулся к воспитаннику.

— В Афинах жил Алкивиад, которого сограждане поначалу считали великим полководцем, а потом предателем. Нам трудно судить, кто прав, кто виноват, но дело не в этом. В молодости он тоже страдал, как и ты, не мог выбрать из большого круга любящих его товарищей одного единственного друга, на которого он бы рассчитывал, как на себя. Наконец, придумал, как устроить проверку на этот счёт. Пригласил домой товарищей, в ком сомневался, сделал изваяние, похожее на человека, и уложил в постель, устроенную в темной комнате. Потом заводил туда товарищей, по одному, и говорил каждому, что он убил человека. Просил помочь скрыть преступление. Все отказывались и в ужасе убегали. Только один Калликл согласился помочь, ни о чём не спрашивая. Алкивиад ему признался, что пошутил, но с тех пор до конца жизни доверял Калликлу, а Калликл — ему.

Аристотель испытываясь посмотрел на Александра.

— Я не призываю тебя устраивать подобные проверки. Товарищи могут обидеться. Но как сражением проверяются воины на крепость и мужество, так и другом ты можешь называть человека, проверенного испытанием. Вот почему сейчас ты не будешь называть другом никого из своих нынешних товарищей.

Для Аристотеля темы дружбы между товарищами была хорошо знакома, он продолжал развивать мысль:

— Для твоего возраста станет правильным окружать себя сверстниками, потому что в одиночку переносить испытания, особенно неудачи, трудно. Но не следует легкомысленно называть другом каждого, кто оказывается с тобой рядом, кем ты заполняешь своё одиночество. Но вспомни Геракла или Ахилла, своих кумиров, они совершали подвиги самостоятельно и тем заслужили восхищение Эллады.

— Так мне лучше жить без друзей?

— Нет, почему же! Друзья тебе понадобятся как свидетели твоих подвигов. Но выбирай друзей осторожно, не доверяясь мерой родства или землячества. Приближай к себе людей не обязательно храбрых, ибо храбрости тебе самому не занимать, а выбирай из всех рассудительных самого рассудительного. Когда будешь такого друга слушать, здравого смысла к тебе немало прибудет.

Аристотель продолжал говорить с обычной для него убеждённостью:

— Тебе следует запомнить, что даже выбранный тобой друг не может оставаться таковым на всю оставшуюся жизнь. И друзья тебе понадобятся разные — одни хороши для застолья, другие превосходны в драке или сражении. Но никогда не отвергай, кто к тебе напрашивается в друзья открыто, иначе вызовешь неприязнь и даже злобу, а злоба усерднее устремится к злу, нежели добро к добру. Постепенно сам разберёшься, для какого случая понадобится тебе тот или иной друг.

Аристотель, давая Александру время осмыслить услышанное, взял со стола кувшин, налил вина в небольшой бронзовый *килик*. Пил медленными глотками, делая вид, что озабочен лишь тем, что пытается разобраться в тонкостях букета напитка Диониса. Александр воспользовался его молчанием:

— Учитель, если я выберу друзей сейчас, то когда я стану царём, как мне с ними поступать? Оставаться на равных, с кем придётся дружить? Но я не хочу, чтобы кто-то поступал со мной так, как я поступаю с ними.

Аристотель с готовностью ответил:

— А ты никому не позволяй держаться с тобой накоротке, даже самому верному другу, и не приближай к себе его настолько, чтобы он узнал твои слабости. Не будет большого ущерба для дружбы, если будешь недостижим даже для самых близких друзей. Ведь при близком общении зримо проступают твои изъяны, а они имеются у каждого, и любой друг при случае извлечет для себя выгоду. Теперь запомни,

что чрезмерная простота в общении между тобой и друзьями вредит каждому из вас.

Аристотель говорил, чтобы Александр не проявлял слабости перед друзьями.

— Они могут открыто сказать тебе свои соболезнования, а втайне будут держать злорадство, поскольку это гадкое чувство свойственно любому человеку. Потом же, зная своё слабое место, друг когда-нибудь захочет использовать это знание, внезапно ударит по нему, если вдруг разочаруется в дружбе или захочет навредить. Ожесточенная злоба, особенно исходящая от бывшего друга, всегда высматривает брешь, метит в уязвимое место и наносит смертельный удар туда, где всего больней.

— Выходит, никому из друзей нельзя доверять? — откровенно изумился Александр.

— Александр, мальчик мой, такова жизнь, особенно царственных особ. Запомни правило: перед кем открываешь душу, тому платишь дань, становишься его рабом. Поэтому не позволяй никому — ни друзьям, ни недругам — нащупать дно твоей души, иначе дашь нечаянный повод для разочарования в тебе.

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

Александру Миеза пришлось по душе безлюдьем и свободой. Вдали от Пеллы, среди гор и лесов, без излишней опеки отца и матери рядом с наставником он понял, что счастлив. Здесь время катилось осознанно и покойно, будто колесница по наезженной колее...

Александр тянулся к Аристотелю, искал в нем опору как в близком человеке, и наставник, отвечая на его призыв, шёл навстречу с отеческой заботой. Вскоре сам понял, что нуждается в общении с ним. Иногда воспитанник менялся в настроении, без видимых причин проявлял своеволие и упрямство, грубил Аристотелю и другим учителям, гневал-

ся на каждого, кого считал виновным в своём срыве. Мог вспыхнуть, словно сухое полено, возмутиться, невзирая на то, кто перед ним, чтобы затем остыть и показаться добрым и заботливым. Окружающих его людей радовало, что подобное случалось не часто, и только Аристотель находил в себе силы и умение вовремя успокаивать взбунтовавшегося воспитанника, с удовлетворением отмечая в нём главное — плоды учения зримо перевешивали любые проявления не-сносного характера Александра.

* * *

В подобных проявлениях характера Александра не было ничего удивительного. Он вырос, приближаясь к возрасту, когда подросток превращается в юношу. Окружающий мир с каждым днём открывался ему новыми гранями, а он оказывался не готов воспринимать его как свой мир, узнаваемый и доступный. Аристотель понимал, что воспитаннику уже требуется больше, чем обретение знаний через обычные уроки и советы учителя, он был готов постигать философию жизни. И вопросы его становились всё конкретнее...

Однажды ученик заговорил о своём будущем, когда он станет царём.

— Как мне выбрать надёжных советников среди всех людей? — спросил он с озабоченным видом.

— Что я слышу, Александр! — радостно отозвался Аристотель. — Не зря я провожу с тобой время, если в таком возрасте тебя интересует столь важная для государя проблема. — Лицо наставника стало серьёзным. — Главное, при царе должны состоять верные ему люди, которые, имея в нём собственный интерес, готовы постоять за него, рискуя даже собственными жизнями. Находить таких помощников ты сможешь, если овладеешь тайной наукой управления народом — философы называют её «устной» и не передают знания широкой огласке.

— Учитель, научи меня такой науке! — Аристотель заметил в глазах Александра неподдельный интерес.

— Что ж, я поделюсь своими познаниями, как ты просишь. Слушай и запоминай.

Аристотель начал излагать советы, которые уже начал записывать для себя в новом труде «О характерах»:

— Не грей себя надеждами, что заглянешь в голову человека, чтобы оценить его, каким он может быть помощником для тебя. Все люди похожи на дома с разными фасадами и разным убранством внутри, поэтому трудно приближать кого-либо без ошибки промахнуться. У льстецов лицо, как фасад у роскошного дома, а внутри — одна убогость. Лстецы рассыпаются в любезностях, гарцуют перед тобой не хуже доброго скакуна, а когда дело с них спросят, превращаются в непригодных к государственной службе людей. У другого владельца дом недостроенный за недостатком средств или умения хозяина — и такими дома у них остаются на всю жизнь. То есть ничего хорошего царю ожидать не следует.

— Как же определить нужного человека? — горячился Александр.

— А ты заставь человека, к кому ты проявляешь интерес, разговариваться, и послушай его. Язык — ключ от дверей кладовой с мудростью; иначе, как узнать, если дверь заперта, что внутри кладовой — золото или медь, или в ней вообще пусто? Но прежде научись постигать характеры людей, улавливать их настроения.

Аристотель раскрывал перед царевичем собственные секреты познания людей, что было совершенным откровением:

— Существуют признаки, по которым обычно определяют, каков человек в деле. Например, если с тобой заговорит кто-либо, у кого сросшиеся на переносице брови, не доверяй ему — обманет. По морщинам на лбу определяют, крепкий он духом или трус. А когда человек заговорит с тобой, посмотри внимательно на его зубы: у природы мелочной и жадной обнаружишь мелкие тесно поставленные зубы. У влюбчивого человека рука потливая, а рыжеволосые должны тебя насторожить — от них возникают наши беды. А глаза — эти

окна души человека? Чаше заглядывай в глаза, и ты увидишь больше, чем говорит тебе их хозяин.

Аристотель выдернул из груды папирусов нечто похожее на длинный список.

— Думаю, тебе пригодится! — сообщил он. — Это мои описания характеров людей исходя из внешнего вида, движений тела и, соответственно, поступков. К примеру, у человека бездеятельного, как правило, короткие локти, на груди и животе слишком большая волосатость, и ходит он быстрым мелким шагом, сотрясая плечами. Такие помощники тебе не нужны, они никогда не доводят дело до конца. У человека по натуре бесстыжего, нахального, лицо круглое, а глаза широко раскрытые и светлые, чуть нависают, веки красные и толстые; движения быстрые, и говорит он низким громким голосом; и во всём таком он схожий с ослом.

Аристотель был рад видеть перед собой благодарного слушателя. Он с увлечением описывал людей, по его мнению, склонных к болтливости и гневливости.

— Кстати, у тебя, Александр, налицо признаки гневливости: ноздри раздутые, на шее и висках раздутые вены, когда сердисься — краснеют глаза. Говоришь, начиная с низких тонов, а заканчиваешь высоким голосом. Я тебе об этом говорю, потому что гневливость — черта, недозволительная для правителя; когда нами владеет гнев, мы меньше доступны убеждению и больше упорствуем. Не желая никому ни в чем уступить, доходим до рукоприкладства и применения насилия, как нас к тому толкает раздражение.

Александр слушал внимательно, не выражая лицом ни удивления, ни возмущения, а наставник продолжал излагать собственную оригинальную теорию:

— Добродушного человека сразу отметишь по широкому мясистому лбу и кажущемуся сонливому выражению лица. У кого развернутые плечи, значит, они благородны душой, как львы, а те, у кого глаза впалые и в ягодицах мякоти мало и она как бы стерта, — злы, как обезьяны. Кто сутулится верхней частью спины, и плечи сведены к груди, и если лица

у них ничтожные, и шея слишком короткая — те коварны, как волки. В полнотелом человеке скрыты признаки кротости и слабодушия; у них брови опущены книзу — у носа и подняты кверху — у висков — таковые похожи на свиней. Малорослые люди двигаются и решают очень быстро, но ничего не доводят до конца. А вот образец вообще тупого человека, с кем не представляется случая иметь какое-либо дело: у него лицо мясистое и продолговатое, лоб маленький и глаза выпученные — глупые, губы толстые, и верхняя губа выступает над нижней.

Аристотель неожиданно улыбнулся и махнул рукой, словно отгоняя мрачные образы от себя и Александра.

— Чего это я всё тебе рассказываю о плохих качествах человека. Присматривайся к людям мужественным, способным пойти с тобой на большие дела, если не сказать на подвиги. Их определишь по признакам, которые я тебе доверяю сообщить. Если увидишь человека крупного и сильного, у кого живот плоский и поджатый, а шея крепкая, грудь мясистая и широкая — это первый твой боевой товарищ. У него жесткие волосы и крутой нахмуренный лоб, говорит громким, низким не надтреснутым голосом. Такие люди по характеру соотносятся с быком и львом.

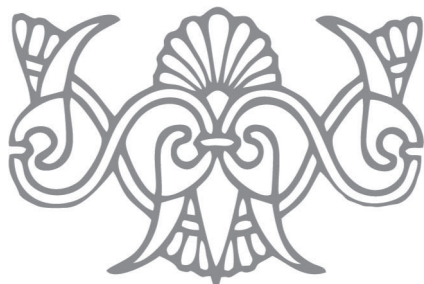
Аристотель перевёл дух, чтобы продолжить назидания:

— И совсем мы будем неправы, если не выделим из царского окружения тех, кто не обладает храбростью или мужественностью, но без которых власть царя была бы неспособной. Я говорю о людях практичных, но не в смысле собственного благополучия, а относительно государства. Люди практичные умеют хорошо взвешивать обстоятельства, чтобы наперед верно рассчитывать средства государства для достижения хорошей цели. Необходимо признать, что практичность есть разумное приобретенное свойство души, осуществляющее людское благо. У таких людей обычно более гибкое и мягкое тело, не поджарое, но и не слишком жирное, кожа тонкая; ходят они быстрым и широким шагом.

* * *

У Аристотеля имелся повод радоваться за Александра, поскольку видел, как ежедневные занятия, каждое его слово успешно отражались на становлении его мировоззрения. Постепенно Александр учился оценивать мир вокруг себя, людей и ситуацию, оценивать возвышенное и благородное, постигая эллинскую культуру и её философские ценности. В Миэзе, сначала на уроках географии, затем осваивая остальные науки, наследник неожиданно ощутил в себе смутную потребность выйти за пределы древних македонских укладов, тесных природных границ Македонии, расширять горизонты собственного восприятия Ойкумены до бесконечности. Из бесед и лекций философствующего наставника Александр понял, насколько мал человек, если он зажат в границах незнания, и он становится великим, если познаёт окружающий мир. Уроки с Аристотелем пошли ему на пользу в том смысле, что в его необузданной полуварварской душе непроизвольно поселилось неистребимое эллинское духовное величие. Учитель, сам того не подозревая, наполнил жизнь царственного ученика разнообразными красками, интересами и увлечениями, и юноша вдруг увидел себя не безликой частицей мироздания, а личностью, повелителем мира людей.

— Отцу я обязан тем, что живу, — сказал в Миэзе Александр Гефестиону, — а Аристотелю — тем, что он научил меня жить достойно.



Глава четырнадцатая

СТРАСТИ ПО ГЕГЕМОНИИ

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭПИРЕ

Реально оценивая супружеские отношения с Филиппом, заметно охладевшие в последние годы, Олимпиада осознала, что, если ситуация не изменится, она может окончательно потерять статус македонской царицы. Пока не поздно, нужно обеспечить надёжные позиции на будущее, но не в Македонии, а в Эпире, на её родине, откуда она тринадцать лет назад была вынуждена уехать с младшим братом Александром. Олимпиада не могла забыть обид и унижений, когда после смерти отца, эпирского царя Неоптолема, она с братом находилась под опекой дяди Аррибы, большого скареды, не позволявшего ей ничего, что считал излишним. Он женился на старшей сестре Олимпиады и с тех пор незаконно правит Эпирским царством; намерен передать престол своему сыну. Все годы Олимпиада мечтала о возмездии, жила местью к ненавистному родственнику, и вот появилась возможность рассчитаться с Аррибой — поставить на эпирский престол брата Александра, сына царя Неоптолема.

Олимпиада помнила обещание Филиппа в начале супружеской жизни, что ради неё отберёт эпирский престол. Македония была слаба, из-за чего эти слова прозвучали не серьёзно, к тому же Филипп сомневался в необходимости

и полезности такого шага. У Македонии на тот момент были задачи более реальные: македоняне рвались к побережью, к городам во Фракии и Фессалии. Но супруга царя Филиппа все годы замужества помнила о своём желании вернуться в Эпир, при каждом удобном случае обращала внимание Филиппа на Эпирское царство.

В 351 году до н. э. Филипп сам убедился, что окрепшей Македонии не хватает Эпира, он направился с войском в его пределы и в первой же битве разгромил эпирян. Арриба бежал в Афины, где униженно просил помощи. Афиняне долго совещались, нужно ли им вмешиваться в «семейный конфликт», а когда всё же политические соображения возобладали при участии неистового оратора Демосфена, оказалось поздно.

Македоняне во главе с Филиппом прошли по областям Эпира, не встречая большого сопротивления местных жителей. На побережье Амвракийского залива, где проживали мужественные этолийские племена, остановились, обнаружив враждебный прием. Пришлось Филиппу проявить смекалку, не поскупиться дарами, после чего он «сдружился» с уважаемым среди этолийцев вождём, который убедил остальных предводителей не мешать македонянам. За это царь обещал этолийцам вернуть стратегически важный для них город Навпакт, захваченный когда-то ахейцами. Военачальники афинского войска, не ожидавшие поддержки македонян со стороны населения Эпира, отступились, даже не сойдясь с противником на поле сражения.

От огорчения Арриба вскоре умер, оставив ускользающий от него престол сыну Эакиду, которого Филипп немедленно свергнул, провозгласив законным царём Эпира юного Александра, родного брата Олимпиады. А так как тому не исполнилось восемнадцати лет, сестра приняла на себя тяжкие обязанности и права опекуна, став фактической правительницей Эпира. Теперь ею двигали три чувства: жажда единоличной власти, любовь к сыну, оставленному в Македонии, и ненависть к супругу Филиппу, который её сильно обидел, разлюбив.

* * *

Приняв Эпирское царство под своё покровительство, Филипп получил больше, чем ожидал. Во-первых, Македония приобрела необходимое влияние и преимущественное положение в регионе — торговое и военное. К тому же здешний благоприятный климат позволял собирать хорошие урожаи оливок и зерновых, а благодаря обильным дождям наличествовали отличные пастбища для огромных отар овец. Ежегодно ранней весной их перегоняли с низин в горы, чтобы осенью они возвращались назад. В горах произрастали ценные породы деревьев — сосна, кедр и кипарис, всё это богатство шло на кораблестроение, а дуб ещё служил источником сырья для производства краски, дубильного экстракта и желудей — на корм свиньям. Всё, чем был богат Эпир, шло теперь на пользу Македонии. Это содействовало укреплению её могущества и политического влияния царя Филиппа в предстоящем противостоянии с Афинами.

Для Греции гегемония была всегда привлекательна как обозначение главенства самого сильного государства над остальными греческими городами-полисами. Это, прежде всего, право диктовать волю одного сильного правителя, или правящей элиты одного греческого полиса, более слабым государствам и даже союзникам. В экономическом смысле гегемония давала сильному лидеру преимущество, чтобы приращивать к себе за счёт ослабленных войнами соседей их пахотные земли, природные ресурсы и торговые пути — на суше и море.

Укрепление могущества Афин и, как результат, возвышение над остальными городами, объединённых в Делосский союз греческих городов, произошло после знаменательных побед греков в войнах с персами. Но главенствующее положение Афин никогда не устраивало недружественную Спарту, в результате между ними возникали эпизодические разногласия, вспыхивали вооружённые конфликты и ожесточённые военно-политические схватки, которые Афины

часто и болезненно проигрывали. Почти одновременно происходили распри между Афинами и Коринфом. На их фоне разворачивались события Пелопоннесских войн (431—404 гг. до н. э.), завершившиеся поражением афинян. Этим удачно воспользовались Фивы: с участием успешного и знаменитого полководца Эпаминонда, не проигравшего ни одного сражения, фивяне добились унижения Спарты и Афин.

Именно в это время, пока Спарта, Афины и Фивы разбирались между собой, кто главный на суше и на море, когда одни греки с ожесточением убивали других греков, на македонском престоле появился царь Филипп II, сын царя Аминты III. С его приходом во власть происходит неожиданное для Греции возвышение ранее ослабленной и считавшейся полудикой Македонии. Когда греки поняли это, спохватились, но, оказалось, поздно — Македония со своей сильнейшей на это время профессиональной армией угрожала уже всем — Спарте, Афинам, Фивам и остальной Элладе.

ПРИЗЫВ АМФИКТИОНИИ

Приобретённые недавно Македонией города в Иллирии, Фракии и Фессалии требовали от царя Филиппа пристального внимания, заботы и величайшей дипломатии, чтобы удерживать их, не дать переметнуться к прежним военным союзникам — Спарте и Афинам. Филиппу катастрофически не хватало помощника, которому он доверял бы престол на время своего отсутствия в Пелле. На Антипатра, верного друга и советника, навалилось столько дел, что один он уже не управлялся. Оставалось надеяться на сына, наследника, что он вот-вот освободится от учёбы и присоединится к отцу. Этого сильно хотел и сам Александр, но в свои шестнадцать лет он ещё мало подходил на роль государственного деятеля, политика или военачальника.

Филипп понимал, что вооруженное противостояние Македонии, какой бы сильной она ни являлась или ни казалась таковой противникам, опасно для неё последствиями от промедления активных действий. Сейчас враги разобщены, но

единый фронт Афин, Спарты и Фив, если они до этого додумаются и договорятся, может сломить её временную силу. Царь озабоченно искал обходные пути, старался миром добиваться стратегических преимуществ.

Македонии помог, иначе не скажешь, божественный случай: Дельфийская *амфиктиония* предложила Филиппу, как проявившему себя полководцу, руководство объединённым войском против Фокиды, одного из своих членов. А фокидяне нарушили священный устав амфиктионии, что представлялось для других участников святотатством...

* * *

Амфиктиония, или «вокруг живущие», — обычный религиозный союз группы греческих племён и городов-полисов, жители которых в своём регионе поклонялись одному верховному божеству. Члены Дельфийской амфиктионии почитали Аполлона и посещали его святилище в Дельфах, где хранился огромный камень яйцевидной формы — «Священный омфал» с изображениями лент и двух орлов. По легенде, в этом месте встретились две птицы, выпущенные Зевсом с Олимпа: одна облетела вокруг обитаемой земли с запада, другая — с востока. С тех пор греки почитали омфал как «Пуп земли», одновременно обозначавший «место захоронения Пифона» — чудовищного Змея, убитого Аполлоном в окрестностях Дельф. В сокровенном святилище храма Аполлона, находящемся под пророческим жертвенником, находился пещерный склеп, *прорицалище*, смердящий запахом разлагающегося тела Змея. Тяжелые запахи до сих пор поднимаются вверх и проникают через щели в каменном полу в склеп, где на высоком бронзовом треножнике сидит жрица-прорицательница Пифия: она вдыхает испарения, становится одержимой и затем изрекает нечленораздельные фразы, которые выдаются паломникам как оракулы...

Члены амфиктионии сообща совершают общие жертвоприношения и, главное, при необходимости защищают храм своего божества от врагов, готовых разорить святилище.

Верховным органом амфикинии является общее собрание представителей двенадцати городов-участников, *иеромнемонов*, имеющих по два голоса, которые по договорённости безжалостно карают святотатцев, нарушивших религиозные каноны. Одной из главнейших обязанностей иеромнемонов является подготовка и проведение совместных религиозных празднеств, во время которых наступала *иеромемия*, иначе «время обязательного мира». В случае надобности, совещались по иным делам, представлявшим интерес для всех членов амфикинии, вплоть до объявления войны общему врагу.

Решения иеромнемонов становились обязательными для исполнения всеми членами амфикинии, поскольку верующие воспринимали их предвестниками воли Аполлона. Только они имели допуск к «тайным книгам», в которых содержались древние предсказания. Читая тексты, жрецы могли разрешать или останавливать войны, сменять правителей и даже их судить. Через посредство иеромнемонов входившие в состав амфикиний города принимали на себя обязательства по отношению к амфикионам и приносили друг другу клятвы по этим поводам. И если амфикиния принимала решение об объявлении священной войны против какого-либо народа или государства, в ней обязаны были принимать участие все её члены как связанные клятвой перед богом. Так, разбирая жалобы и взаимные претензии участников, собрание амфикионов постепенно приобретало политическое влияние, часто вмешиваясь во внутренние дела каждого своими решениями.

Амфикиния, помимо политической силы, обладала и материальным влиянием на греческий мир. Поскольку тысячи паломников приходили в Дельфы для общения с богом, в дар они оставляли в сокровищницах предметы роскоши, золотую утварь и ценное оружие, деньги и драгоценности. Вследствие этого местный храм располагал огромными ценностями, образовавшимися из взносов союзных городов — членов амфикинии, доходов от приёма паломников, от

различных храмовых распродаж на ежегодных «священных» ярмарках и всяких ростовщических сделок с городами и правителями государств, нуждающихся в кредитах. Всё это вкуче позволяло дельфийским жрецам реально влиять на греческое общество в целом и на каждое конкретно государство, в частности. Вот почему македонскому царю Филиппу, фактически изгою эллинского мира, показалось заманчивым поручение дельфийских амфикионов, которое он исполнил с присущей ему храбростью и мудрой стратегией.

ЗАЩИТНИК АПОЛЛОНА

Скандал в Дельфийской амфикинии начался с заявления Фив, в котором содержалось обвинение в адрес Спарты, что спартанцы незаконно разместили в крепости Кадмея, что в пригороде Фив, свой военный гарнизон. И хотя этот инцидент имел место... тридцать лет назад, и с тех пор крепость не принадлежала спартанцам, члены амфикинии приняли жалобу к рассмотрению. Удовлетворённые таким решением фивяне подали ещё одну жалобу, уже на Фокиду, припомнив фокейцам тот факт, что во время недавней войны они разграбили Беотию, принадлежащую Фивам. По результатам голосования амфикионы обязали Спарту и Фокиду выплатить фивянам как пострадавшей стороне огромную компенсацию и вдобавок большой штраф в казну амфикинии — за справедливое разрешение спора.

Виновник платить не мог, так как имущество и земли были разорены войной, а ценности разграблены. Тогда фокейцам предложили отдать Криссейскую долину, земли которой находились рядом с Дельфийским святилищем: местные жители достигли высокого благосостояния от пошлин на товары, вывозимые из Сицилии и Италии. Ещё криссейцы облагали данью каждого паломника, направлявшегося через их земли в Дельфы, вопреки постановлениям амфикинии. Но фокейцы не только отказались выполнять решение амфикионов, но ещё угрожали взяться за оружие и наказать судей амфикинии.

Неожиданно Фокиду поддержали Афины, граждане которой противились всеми способами возвышению Фив. К ним присоединилась обиженная на весь эллинский мир Спарта и ещё ряд городов Пелопоннеса. В результате члены амфикитии, обнаружив перед собой мощную вооружённую коалицию, не знали, как поступить: отказаться от принятых ими карательных мер или объявлять войну. И пока они трусливо размышляли, отряд вооруженных фокейцев проник на территорию священных Дельф, где позволили себе совершить «заем» ценностей из сокровищницы храма Аполлона! Это уже был настолько кощунственный шаг, что он требовал немедленного возмездия! В тот момент вспомнили о Филиппе, зная о его враждебном отношении к Спарте, Афинам вместе с Фокидой.

Тем временем на изъятие в Дельфах средства фокейцы набрали большое наёмное войско под предводительством отважного военачальника Ономарха. С этого момента вся Греция разделилась на тех, кто осуждал фокейцев, и других, кто их поддерживал — но во всех случаях только ради собственной безопасности. «Священная война», как теперь называли греки сложившееся противостояние военных союзов городов, длилась с переменным успехом без участия македонян. Но и когда амфикиконы призвали в помощь царя Филиппа, Ономарх оказался для македонян достойным противником: он одержал две победы над войском Филиппа, но в третьем потерпел сокрушительное поражение. Шесть тысяч фокийцев остались убитыми на поле битвы, три тысячи сдались в плен, хотя сделали они это напрасно. Поскольку за разграбление храма Аполлона их всех осудили как святотатцев, Филипп приказал их... утопить живьем, как «не подлежащих достойного погребения»... Ономарх пытался спастись бегством, но его убили свои воины, обвинив в трусости и неспособности командования. Македонянам оставалось повесить труп Ономарха в назидание всем грабителям святилища Аполлона.



Ободрённый своими успехами в войне с фокейцами, видя восхищение его заслугами всех членов амфикитии, Филипп решил, что пора ему начинать военные действия против афинской коалиции. Почувствовав доверие союзников по войне с Фокидой, македонский царь продолжал развивать успех, при этом действовал осторожно — от имени членов амфикитии. Сам оставался в тени, чтобы не вызывать зависти или озлобления граждан греческих полисов. Появившись с македонским войском на земле Греции, он не хотел показаться чужеземным завоевателем, а всего лишь защитником святилища бога Аполлона. Особенно Филипп преуспел в обращениях к афинянам, настаивая на дружественных отношениях с Афинами. Демосфен продолжал упорствовать, называя его врагом не только Афин, но и всей Греции, и значительная часть греческого общества начала верить македонскому царю в его благих намерениях. Подобные шаги дали Македонии время для отсрочки назревавшей войны с Афинами, сосредоточив усилия на укреплении собственной армии.

После разгрома Фокиды для царя Филиппа началось возрождение своего политического влияния в городах-полисах Греции. Он уже примеривал на себя лавровый венок благоде-

теля, восстанавливающего справедливость, свободы и права священной амфикинии. Без него теперь не проходило ни одно заседание амфикионов, поскольку он забрал голоса исключённых членов — Фокиды, Спарты и Коринфа. Филипп заполучил особые права по назначению новых священнослужителей храма Аполлона, он был допущен к проведению важных процедур по очищению оскверненного святилища в Дельфах. Как правило, на заседания амфикионов с его участием теперь «забывали» приглашать представителя Афин, что вызывало у афинян справедливое негодование.

Филипп решил показать свою озабоченность о сохранении священных устоев, и в то же время прослыть справедливым. Когда решался вопрос, как поступить с оставшимися в живых мирными жителями Фокиды, царь возразил, услышав, что всех следует сбросить со скалы, как пособников грабителей храма.

— Настоящие виновники, кто воевал с оружием, понесли справедливое наказание, кормят рыб в море, — сказал он. — Остальные граждане не могут нести ответственность за содеянное зло. Я предлагаю их выселить из своих городов в сельскую местность, пусть трудятся на благо Дельф. А во всех городах Фокиды нужно теперь разрушить крепостные стены, чтобы никто впредь не мог даже задумать подобное, что случилось и что мы все пережили.

Амфикионы безропотно приняли его предложение, после чего двадцать три древнейших города Фокиды были разрушены до основания и прекратили своё существование. Всех лошадей, какие необыкновенно ценились в хозяйствах фокейцев, изъяли и продали, оружие уничтожили. Страна впала в нищету. Фокейцы также лишились права посещать храм в Дельфах, как и права участия в каких-либо собраниях эллинов. Им оставили земельные участки, чтобы они могли работать и выплачивать огромный долг храму (по шестьдесят *талантов* ежегодно — около 1572 килограммов серебра!) до тех пор, пока не будет восстановлена разграбленная священная казна.

ВЛАСТЬ СИЛЫ

Разгром Фокиды с участием македонского царя и полководца Филиппа, затем председательство в Дельфийской амфикинии открывали ему прямую дорогу для дальнейшего укрепления собственного авторитета среди населения греческих городов. Тем более что на Пелопоннесе объявились разрозненные группы фокейских наёмников, рассеянные в прежних сражениях: им некуда было деваться, и они теперь бесчинствовали и грабили население. Амфикиния опять призвала Филиппа, чтобы он снова навел порядок, и у Македонии опять появился повод ограничить влияние Спарты на Элиду, на земле которой находилась Олимпия — ещё один всегреческий религиозный центр со святилищем Зевса. Македонское войско за короткое время истребило четыре тысячи наёмников, что дало Филиппу повод направить в Спарту гонца с требованием не вмешиваться в македонские дела на Пелопоннесе.

Ослабленная чередой последних поражений Спарта не пыталась возражать. В этой ситуации её бывшие союзники: Элида, Мессения, Мегалополь и Аргос — попали в зависимость от Македонии. Следом наступила очередь богатого торгового города Мегары, жители которого совсем недавно отстаивали независимость от Фив. Но самые большие потрясения перенесли афиняне: они обнаружили, что во время так называемого мира с Македонией они потеряли сразу несколько богатых территорий своего влияния, уступив их царю Филиппу практически без войны. Произошло это благодаря тому, что промакедонская партия в народном собрании Афин, щедро купленная золотом Филиппа, взяла верх на народных собраниях, убедив граждан не воевать с Македонией. Вскоре в Пелле состоялось подписание мирного договора, ограничивающего права Афин в пользу Македонии. Теперь сам Демосфен, прежде непримиримый по отношению к царю Филиппу, настаивал на том, чтобы ослабевшие Афи-

ны сохранили такой зыбкий, но нужный им мир.

Царь Филипп рассматривал мирный договор только как временную передышку в противостоянии с Афинами. Никому вслух свои мысли не высказывал, но все свои действия рассчитывал так, что всегда потом удачно находил слабое звено в, казалось бы, единой цепи мощного военно-политического механизма Афин. Сейчас он обнаружил его в главном продукте питания афинского мегаполиса — хлебе, вернее, в схеме его доставки!

Упрямые факты говорили сами за себя: обеспечение хлебным зерном, пшеницей, в Афинах почти полностью зависело от морских поставок, в том числе с соседнего острова Эвбей. На нём тотчас же оказался македонский гарнизон. Хлеб ещё шёл кораблями с причерноморских греческих колоний — через пролив Боспор. На Геллеспонте афиняне сохранили за собой только Херсонес Фракийский, обеспечивавший приём небольшого объёма привозного зерна. Афины с полумиллионным населением, включая рабов и чужеземцев, оказались под угрозой голода! Стоило македонянам нанести удар по городам на Боспоре — Перинфу и Византию, Афины сдадутся без боя! Со взятием этих стратегически важных городов открывался путь для македонской экспансии на Персию и Малую Азию, о которой мечтали эллины во все времена... Такой результат стоил риска!

ВИЗАНТИЙ И ФИЛИПП

Окрепнув, Македония стала заглядываться на земли соседней Фракии и дальние владения скифов, но решить военные задачи без надёжного союзника в этом регионе было сложно. Филипп это понимал и рассмотрел такого союзника в Византии, городе-ключе, запирающем проливы между Европой и Азией — Геллеспонт и Боспор («Бычий брод»). Но прежде узнал его историю:

...Предводитель греков-дорийцев Визант, легендарный

сын Посейдона, три столетия назад привёл соплеменников из перенаселённой Мегары во Фракию, где в самом узком месте Боспора сходились воды Пропонтиды (Мраморное море) и Понта Эвксинского (Черное море). Когда Визант совершал жертвоприношение, в небе появился орёл; он схватил с алтаря сердце жертвенного быка и унёс его на берег залива Золотой Рог: жрецы усмотрели в этом божественный знак, указывающий на выбор места для закладки колонии.

Из-за невероятно выгодного географического положения: естественная гавань, обилие рыбы, плодородные почвы и обилие лесов вокруг, — Византий (так называли его впоследствии поселенцы) со временем превратился в процветающий город. Его граждане торговали со всеми, кто не противодействовал росту их благосостояния, принимали чужестранцев, приезжавших к ним с добрыми намерениями и товарами. Пребывая на перекрестье торговых путей из Европы в Азию и обратно, Византий превратился в важнейший перевалочный пункт, связывающий греческие колонии Причерноморья со средиземноморскими государствами.

Как следствие расширения интересов Персии на запад, в 512 году Византий оказался на пути армии царя Дария I, направлявшейся в Скифию. Чтобы перебраться через Боспорский пролив, персы соорудили рядом с городом наплавной «мост», переправу для людей и обозов. Затем персы захватили оба берега Геллеспонта и побережье Фракии, разграбили Византий, откуда более тридцати лет потом контролировали всё движение на море. После поражения персидской армии Ксеркса от афинян при Платеях Афины присоединили Византий к военному союзу, заставив участвовать в своих войнах, пока в 355 году византийцы не изгнали их. С тех пор Византий признавался греками автономным городом-государством, *полисом*, граждане которого самостоятельно решали, с кем им дружить или воевать, и ни один корабль без их согласия и уплаты налогов не мог проследовать через Боспор.

Византий обеспечил собственную безопасность тем, что

обзавёлся мощными каменными стенами со сторожевыми башнями, устроил вокруг глубокие рвы с водой, приобрёл достаточно большое число боевых кораблей, способных противостоять афинскому флоту, заключил союзнический договор с соседним Перинфом, обладавшим тридцатитысячным войском. Зная это, Филипп намеревался перетянуть Византий на свою сторону переговорами, чтобы не иметь за спиной недоброжелателей, когда он отправится в Скифию. По его замыслу, византийцы должны быть заинтересованы также в объединении разрозненных греческих городов антиафинского фронта, а также чтобы сообща противодействовать экспансии Персии.

* * *

Византийцы не возражали, когда македоняне вторглись в Южную Фракию и разбили войско царя Керсаблепта. Ведь по договорённости часть фракийской территории отходила Византию. Но теперь македонский флот открыто претендовал на господство в проливах, по-своему усмотрению чинил препятствия торговым судам, принося материальный ущерб Византию. Ведь в торговую гавань Золотой Рог свозилось всё зерно с колонизированного греками Причерноморья, и уже отсюда оно уходило по метрополиям Греции. А Филипп замыслил устроить Афинам голодную блокаду.

Афинянам пришлось срочно принимать предупредительные меры: в Византий прибыл Демосфен, который призывал граждан присоединиться к коалиции с Родосом, Хиосом и Персией против македонской угрозы. Население Византии раскололось надвое: за и против Македонии. В этой ситуации Филипп потребовал от византийцев немедленного участия в войне против афинян. Город отказался, и по этой причине следующим шагом Филиппа явились военные действия против византийцев.

Для начала царь решил осадить крепость Перинф, союзника Византии. В 340 году боевые корабли македонян подошли вплотную к Перинфу, перекрыв подвоз продоволь-

ствия с моря. На суше перед крепостными стенами возводились высокие деревянные башни, откуда обстреливались защитники города. Под стенами устраивались хитроумные подкопы, но они не приносили пользы, так как вовремя обнаруживались. Был назначен день штурма Перинфа, но ему в помощь неожиданно подоспел отряд персов: персидский царь не мог равнодушно смотреть на попытки македонян овладеть столь важной гаванью по соседству с азиатским берегом. Вскоре и Византий прислал ополчение к Перинфу. В решающий момент, когда стенобитные машины сделали пролом, и туда устремились македонские воины, они встретили жесточайшее сопротивление, и, неся большие потери, отступили.

Но надо знать царя Филиппа! Неудачи его не останавливали, лишь настраивали на новые неожиданные маневры. Зная, что большая часть византийского ополчения ушла на подмогу перинфянам, он повернул свои отряды к стенам Византии. На подступах путь преградил небольшой отряд византийцев, выступивших навстречу; они заняли выгодное для обороны место: с одной стороны высокие горы, с другой — море, в ту пору холодное и бурное. Македоняне остановились, не зная, как поступить. Филипп, не терпевший промедления, вызвал командира.

— Царь, вдоль берега нет прохода, повсюду крутые скалы, — сообщил командир.

— Замечательно! Противник нас не ожидает с этой стороны. Если нельзя пройти посуху, твои воины пусть плывут, — решил проблему Филипп. — Выбери сотню крепких молодых пехотинцев, пусть в ночь разденутся и хорошо натрут гусиным жиром, чтоб не замерзли; дай всем вина, самого крепкого, в руки пусть каждый возьмёт по мечу. Отправь затемно вплавь вдоль берега, пусть зайдут в тыл к византийцам.

Едва рассвело, македоняне напали на византийских воинов с обеих сторон и смяли сопротивление. Но когда войско Филиппа подошло к городу, их ждали — организованно и

без боязни. Граждане, осознав великую опасность, отдали свои судьбы в руки военачальника Леона, ученика Платона, а он уже сумел правильно распорядиться силами защитников города. Философ, назначенный военачальником, мудро разделил боеспособное население на три части, с тем, чтобы одни сражались, другие в это время отдыхали, а третьи подготавливались. Поэтому на стенах постоянно находились люди со свежими силами. Испытывая недостаток в воинах, Леон распорядился переодеть часть женщин, пожелавших участвовать в защите города, в мужскую одежду, а вместо шлемов им дали котелки, а в руки всякие предметы, похожие на щиты и оружие, палки вместо копий. Импровизированные «защитники» показывались на виду у македонян, пугая их количеством, а опытные воины вместе с командирами всё время делали круговой обход по верху ограждающей стены, готовые в любой момент оказать помощь на трудном участке, заставляя македонян удивляться стойкости защитников Византия.

По ночам, когда македонское войско отдыхало, со стен города в больших ивовых корзинах защитники спускали людей, поручая им собирать камни для пращей. Одновременно с этими мерами по указанию Леона при воротах с их внутренней стороны вырыли глубокий ров, оставив узкий проход. По команде несколько человек делали вылазки наружу за пределы ворот, затевали стычку с осаждающими македонянами, затем организованно отступали, завлекая врагов вовнутрь, где их ждала смерть.

Под стенами Византия македоняне рыли тайный ход с тем, чтобы проникнуть в город и ночью захватить ворота. Определить место подкопа было сложно, но один кузнец придумал нехитрое устройство: взял в руки медный щит и с ним обходил вдоль стены, прикладывая щит к земле. Он обнаружил, что там, где велись подземные работы, образовалась пустота, и это место отзывалось специфическим звуком. Леон приказал установить напротив стражу, и когда македонский отряд попытался сделать вылазку, часть их

убили, других оттеснили назад, после чего завалили проход землёй и камнями...

Понимая, что у царя Филиппа серьёзные намерения, и город долго не устоит, Леон послал гонца в Афины. Просил прислать военные корабли, чтобы противостоять македонскому флоту. Взамен обещал понимание византийцев по отношению к интересам афинян. На это раз Афины откликнулись быстро.

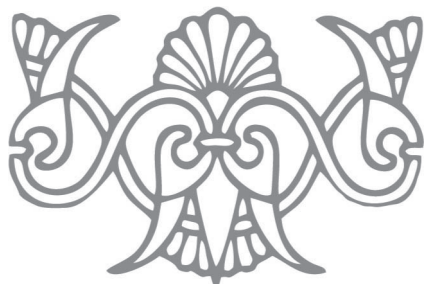
Упорное сопротивление позволило Византию продержаться до прибытия подкрепления из Хиоса, Родоса, Коса и Афин, что вынудило Филиппа снять морскую осаду города. Однако он усилил давление со стороны суши, а с помощью подложного письма оклеветал в измене Леона, который не стал ждать самосуда и повесился. Македоняне стянули к стенам Византия самые мощные осадные орудия, построили мост через Золотой Рог для снабжения войск и разорили все окрестности города. Но господствовавший в проливах флот союзников регулярно доставлял в Византий провизию и воинов. Защитники города мужественно отражали все атаки врага, а македоняне начали уставать от непредвиденно затянувшейся осады. В результате совместных с союзниками действий город был разблокирован, принудив остатки македонского флота уйти прочь. Но и Византий понёс серьёзные потери: погибли тысячи жителей, были разрушены здания, существенно пострадали городские стены и башни.

* * *

Благодарные жители Перинфа и Византия за помощь в избавлении от «македонского нашествия» выразили гражданам Афин признательность, отраженную в нескольких почетных декретах и золотых венках. Теперь союзный флот во главе с Афинами действовал на морских путях, пресекая любые попытки Македонии расширять своё влияние в этом стратегически важном месте. Начались трудности для плавания македонским кораблям: их захватывали, вооруженные стычки превращались в морские сражения. Греция охотно

слушала Демосфена, который с удвоенной энергией обвинял Филиппа во всех смертных грехах, за что афиняне наградили неистового демагога почётным золотым венком.

В результате неудач на Боспоре военно-политическое положение Македонии ухудшилось, но долго огорчаться Филипп не собирался. В его дальнейших планах был поход в Скифию, где у Македонии появился союзник в лице царя Атея.



Глава пятнадцатая

ВЗРОСЛЕНИЕ ЦАРЕВИЧА

УРОКИ ВЛАСТИ

В последнее время Александр осознавал, что вхождение во взрослую жизнь связано со сложными испытаниями, когда от него потребуются решительные действия. Прежнее отношение к нему людей, как к ребёнку, меняется, и он сам должен будет поступать по новым, пока неизвестным ему правилам.

Александр с детства слышал, что ему, как единственному наследнику своего отца, уготован македонский престол. К этой мысли он привык, но его всегда интересовали отношение людей к власти и, соответственно, поведение царя в различных ситуациях. Вот и на этот раз он спросил у наставника:

— Учитель, умение управлять другими людьми — это от судьбы или можно воспитать в себе такие способности?

— Хороший вопрос для сына царя Филиппа, — в голосе Аристотеля прозвучало удовлетворение. — Я продолжаю верить, что только личность способна справляться с государственными заботами. Такой человек обычно появляется в царской семье, где он воспитывается как наследник престола — это в нашем с тобой случае. Но ты должен помнить, что природа не всегда правильно распоряжается наследственностью.

Наставник внимательно посмотрел на Александра.

— В царских семьях случаются сбои, когда рождается слишком много претендентов на власть, и тогда неминуема борьба между ними; выживает достойный. Или вообще не бывает наследника. В таком случае в обществе появляется спрос на лидера, человека с выдающимися знаниями, а также способностями и характером, не идущими в сравнение с остальными людьми. Уже из этих положений на такого человека нельзя смотреть как на часть своего народа, а помещая его наравне со всеми, не равными с ним по способностям и могуществу, мы поступили бы несправедливо. Из своего опыта предполагаю, что лидер не похож на демагога, пустого оратора. Самые глубокие реки текут бесшумно.

Глаза у Александра светились загадочным сиянием, что происходило с ним, когда он был сильно возбужден или удивлён.

— Этот человек становится царём только потому, что он выделяется среди других людей, равных с ним по рождению?

— Именно так. Если престол не может занять угодный народу царь, тогда власть берёт сам народ. Это закон жизни государства.

Александр погрузился в размышления. Затем, видимо, уяснив, какой будет очередной вопрос, произнёс с прежней настойчивостью:

— Всё равно у царя, которому престол достаётся по наследству, больше прав, чем у того лидера из народа.

— О каких правах ты говоришь? В государстве царь и народ, граждане, имеют одни на всех права — подчиняться законам, добросовестно их исполнять.

— Но царь не равен с остальными людьми по рождению и могуществу. Как он может поступать так, как это делают остальные люди? Это всё равно, как если бы в собрании зверей зайцы потребовали себе равную со львами часть добычи! Нет, из-за своего положения царь не может соблюдать законы, созданные для исполнения людьми, менее знатны-

ми, чем он. А законом для царя должно быть его слово, чего не могут позволить себе другие люди. Разве я не прав?

Аристотель задумался, подбирая ответ, чтобы не затронуть самолюбия царевича.

— Я соглашусь с тобой, Александр, — нашёл, наконец, он нужные слова, — если бы речь шла о том, что для всех людей не существует одна одежда, одно лекарство, одна еда. По этим признакам только и отличаются цари от своего народа, а бедные от богатых, знатные или учёные от ремесленников. Но законы написаны, чтобы их исполняли все живущие в одном государстве. Только в таком случае для каждого будет обеспечена безопасность проживания в собственном государстве. Не будет исполнения законов — не будет государства. Не будет государства — отпадёт необходимость в органах власти, в том числе, царской.

По изменившемуся лицу Александра Аристотель понял, что его слова находят понимание. Это вдохновило его на продолжение темы:

— Для того царь находится на престоле, чтобы замечать, какой закон неудовлетворителен для исполнения людьми. Он поручает выяснить причины и незамедлительно принимает меры к изменению такого закона применительно к обстоятельствам. Если такой закон исправляют всеобщим голосованием, тогда в дальнейшем у царя и народа не будет оснований для нарушений.

Пояснения наставника были настолько обстоятельными, что вопросов дальше не последовало. Но в следующий день Александр вновь обратился к наставнику:

— Каким должен быть царь, строгим или добрым?

Для Аристотеля теория управления государством не была новой, он занимался ею, когда слушал лекции Платона. В противовес своему учителю, предоставлявшему право управления государством только аристократам, как людям имущественно обеспеченным и по этой причине политически независимым, Аристотель предполагал образование государства с согласия людей ради общения, а всякое общение

обычно организуется ради какого-либо блага для этих же людей. Выходит, благо каждого гражданина должно быть интересом идеального правителя. Отсюда и критерий оценки царя.

— Мой друг, я перескажу древнюю мудрость: «Кто хочет властвовать, тот пусть заботится о двух вещах — щедрости и снисходительности»... Царь, проявляющий щедрость, не только любим народом, но и врагов делает своими друзьями. Твой народ будет долго желать видеть тебя на престоле, если ты будешь превосходить других правителей не только могуществом и властью, но и справедливостью, благочестием, постоянством и воздержанностью. Поддерживай в людях великие ожидания, неустанно питай их надеждами, и пока они от тебя чего-то ждут, они будут любить тебя. Согласен, это почти невозможное совмещение качеств в одном человеке, но теперь ты знаешь, к чему нужно стремиться.

Такие уроки познания власти Александр любил больше остальных, всегда слушал внимательно, запоминал. Его интересовало всё: от взаимоотношений с людьми до распорядка дня, способного сделать из него мудрого правителя, воспитать в нём умелого военачальника. Для Аристотеля настало время, ради которого он дал согласие царю Филиппу стать воспитателем его наследника.

— Твоя судьба не может быть оторвана от судеб остальных людей, потому что жизнь каждого — это необходимая частичка жизни государства, всей Земли и даже Вселенной — грандиозной совокупности туманностей звёзд, Солнца, планет, — убедительно говорил наставник. — Народу нужен сильный царь. А что такое сильный царь? Он активен и при этом непоколебимо спокоен, у него решительный взгляд; в общении вежлив, никогда не суетится и не высказывает своего превосходства над оппонентом: старается понять его образ мышления, увидеть объект обсуждения как бы его глазами, а в безвыходных ситуациях всегда найдёт компромиссное решение.

Аристотель наставлял ученика контролировать свои

желания, выделять необходимые для исполнения, а прочие отбрасывать за ненадобностью:

— Желания притягивают нас к тем или иным объектам — вещам, предметам, целям, образуя наши страсти: желание земных вещей приковывают нашу душу к обыденному или даже низменному, высокие желания влекут к божественному восприятию жизни. Ты старайся избегать нечистых желаний, невоздержанных и зверских, иначе они перевоплотят твоё нынешнее чистое состояние в обиталище дурных страстей. Ты обязан чувствовать своё душевное состояние, когда чаша внутренних весов колеблется между добром и злом, и одно твоё лишнее побуждение может решить наклон колеблющихся весов в ту или иную сторону.

* * *

Всё, что слышал на уроках юный Александр, воспринимал разумом, оставляло след в его характере, заставляло менять взгляды на жизнь. Аристотель воспитывал в нём не только благоприятные, с точки зрения престолонаследия, духовные качества, но ещё характерные принципы царской власти, гарантирующей исполнение закона. Он подчеркивал личную ответственность царя за состояние общества в государстве, чтобы не было конфликтов, распрей и междоусобиц.

— Конфликты возникают там, — говорил он, — где власть нарушает принципы распределения благ, ущемляя интересы одной части народа за счёт несправедливого возвеличивания других. Заботливый царь в своём правлении приближается к идеальному общественному устройству, позволяющему всем гражданам участвовать в правлении закона и разума. В таком случае в государстве возникает относительная стабильность, достигается мир и порядок.

Эти мысли, высказанные в качестве советов воспитаннику, Аристотель записывал по вечерам на листы папируса, намереваясь использовать их для слушателей своей школы, которую мечтал открыть в Афинах. Но это будет не скоро...

ГОМЕР, ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНЫ

Филипп прибыл в Миэзу, чтобы проведать Александра, который полгода учился здесь наукам. После обмена приветствиями и расспросов о здоровье наставник подробнейшим образом поведал царю об успехах сына, а в завершение, чтобы сделать ему приятное, сообщил:

— Александр хорошо усваивает греческую литературу, восхищается «Илиадой», читает на память целые главы и восторгается Ахиллом.

Царь неожиданно скривил гримасу:

— Моя супруга внушила сыну, что Ахилл — предок эпирских царей. Вот Александр и хочет быть похожим на этого бешеного мирмидонянина*. — Голос Филиппа зазвучал строго. — Александр, как наследник, обязан почитать предка нашей семьи, Геракла, древнейшего героя в роду македонских царей. Не зря греки предпочитают восхищаться подвигами Геракла, а не буйствами Ахилла.

Лицо Филиппа медленно покрывалось красными пятнами.

— Аристо, если уж речь зашла о женщинах и Гомере, хочу напомнить, что, если бы не женщина, войны между греками и Троей могло не быть, — Филипп сделал паузу, поглядывая на Аристотеля. — Если бы не Елена, жена царя Спарты. И вообще женщины были и будут причинами раздоров между мужчинами, разных войн, заговоров и прочих губительных для народов потрясений!

Заметив недоумение Аристотеля, с охотой пояснил:

— Взять хотя бы недавнюю войну союзных греческих городов с Фокидой. Греки обвинили фокидян в нарушении священного Дельфийского договора, а на самом деле всё началось из-за того, что один фокидянин похитил фивянку Феано, знатную замужнюю женщину, влюблённую в этого фокидянина! Оскорблённый муж выступил на собрании с призывом отомстить за свою честь всем Фивам. И вот результат! И «Криссейская война» случилась между криссеянами и

аргосцами только из-за похищения женщин, возвращавшихся из Дельфийского святилища; война длилась десять лет.

Аристотель, отметив воинственное настроение царя, не осмелился возражать, хотя обычно не оставался равнодушным, когда замечал вольное обращение с историческими фактами. Но сейчас он поддержал собеседника:

— Твои доводы, царь, кажутся мне убедительными. Из-за женщин в истории Греции всегда происходили несчастья. Геракл погиб в мучениях по вине Иолы*. У царя афинян Тесея после женитьбы на Федре* погиб по её вине сын Ипполит. Фемисто убила собственных детей из ревности к мужу. Была ещё Кассандра, из-за которой погиб Агамемнон. Египет покорился Персии тоже по вине женщины.

Филипп поднял брови, показав готовность выслушать эту историю.

— Да, это так! Однажды персидский царь Камбиз, прослышавший, что египтянки в постели искуснее всех женщин, послал евнуха к царю Амасису в Египет просить в жены одну из его дочерей. Но Амасис, опасаясь, что дочери уготована судьба наложницы в многочисленном гареме Камбиза, передал Нитетиду, дочь казнённого им царя Атрия, объявив её собственной дочерью. Не ведая подлога, Камбиз был в восторге от прелестей Нитетиды, а она из желания отомстить Амасису открылась персидскому царю. Разгневанный Камбиз пошел войной на Египет, покорил его и жестоко расправился с царём Амасисом.

Рассказ Аристотеля неожиданно отвлек Филиппа от неважного настроения, сложившегося в последнее время из-за общения с Олимпиадой. Супруга становилась невыносимой, требовала внимания, как к царице и матери наследника. Филипп понимал, что прежней любви или хотя бы привязанности к супруге уже не будет, поэтому подумывал о разводе. Но искать новую невесту было некогда — дело непростое, хлопотливое и ответственное. А если учесть, что Александр уже почти взрослый, ясно, что будет защищать мать и злиться на отца. Ситуация тупиковая!

Филипп отогнал неприятные мысли и, возвращаясь к Гомеру, спросил с ухмылкой:

— Аристо, ты на самом деле доверяешь всему, что написал Великий Слепец?

— Готов подтвердить, что у меня не было повода отречься от него. Он действительно великий поэт эллинов.

— В таком случае, ты веришь, будто ахейцы завоевали Трои в той войне?

— Мне кажется, такой факт не обсуждается вообще. — Аристотель не мог понять, куда клонит Филипп.

— А я хочу открыть истину, которая может не понравиться Греции. — Филипп многозначительно посмотрел на Аристотеля. — Я тебя удивлю, если скажу, что Гомер своими поэмами ввёл в заблуждение доверчивых греков, и тебя тоже? На самом деле всё, о чём он написал, было иначе, чем он изобразил, или совсем не происходило!

Царь говорил жёстко, словно рубил мечом с плеча:

— Аристо, ты не будешь отрицать, что слепой Гомер был одним из тех рапсодов*, кто воспевал героические деяния древних греков на пирах?

Аристотель согласно кивнул.

— Вот и хорошо! А знаешь ли ты, откуда рапсоды брали песни, рассказывающие о событиях, происходивших в очень давние времена? Отвечу, из древних сказаний бродячих *аэдов*. Рапсоды странствовали из города в город, их приглашали в богатые дома на пиршественные застолья, где они исполняли эпические песни, приятные для слуха хозяев. Повторюсь, «приятные слуху греков». По разным причинам, вольно или невольно, многие истории, первоначально сочинённые в «Илиаде» и «Странствиях Одиссея», в угоду одних слушателей выбрасывались, а в других случаях приписывались, дополнялись или изменялись. А после того, как Писистрат* позаботился отредактировать в письменном виде «Илиаду» и «Странствия Одиссея», как ему подсказало его сердце и разум, греки приняли эти тексты за истину. Вот почему на афинского тирана до сих пор говорят, будто он «вы-

марал» несколько глав против правды в пользу греков. А всё потому, что греки падки до славы — даже когда она дурная!

В последние слова Филипп вложил немало сарказма, радуясь возможности выразить его собеседнику, невольному представителю всей греческой нации. И хотя такой ход мыслей, идущий вразрез с тысячелетним представлением о Троянской войне, Аристотеля не устраивал, он опять проявил терпение. Решил выслушать до конца оригинальную версию македонского царя.

И всё-таки убеждённости, с какой Филипп излагал своё предположение относительно Гомера, давала плоды. По ходу странного, на первый взгляд, разговора, Аристотель, если не засомневался, так задумался...

Во-первых, он сейчас понял, почему лучшие афинские политики вроде Демосфена уступают македонскому царю в дипломатических сражениях: ожесточённый натиск, психологическое давление на разум противника — вот главные преимущества Филиппа-политика. Во-вторых, не соглашаться с аргументами царя Филиппа достаточных оснований у него не находилось. Гомер действительно был одним из представителей древнейшей профессии бродячих певцов, носителей языка греческих легенд и мифов, передаваемых из уст в уста. Кто с этим будет спорить! Поколения аэдов выработали особый поэтический язык, *гекзаметр*, богатый старинными словами и оборотами, с готовыми выражениями для описания часто повторяющихся действий. Они часами, сменяя друг друга, выступали перед разными категориями слушателей — воинами или мирными гражданами, богатыми или бедными, жителями городов или сельских поселений. По обстановке, из текстов, конечно же, могли удаляться некоторые истории, сюжеты, детализировка вооружения или длинные описания сражений, повторяющиеся действия или погодные условия, невыгодные, с точки зрения профессионализма исполнителей и неподготовленности слушателей. Осознавая это, Аристотель убеждался в правоте изложения Филиппом его «истины», поскольку и сам Гомер брал сюжеты для поэм не от

непосредственных очевидцев, участников Троянской войны, а гораздо позже от людей, не имеющих к этим событиям никакого отношения. Но мастерство Гомера как раз в этом и заключается, что поэт изобразил легендарные события, будто он сам видел их своими глазами, участвовал в них, и всё вокруг Трои происходило именно таким образом...

Слова царя сотрясали воображение наставника:

— Гомер пытается нас убедить, что молодую жену царя Спарты Елену обольстил и похитил Парис, сын троянского царя Приама. И после этого развернулись трагические события, проявившиеся в войне между греками троянцами, — Филипп комично развёл руками. — Аристо, друг мой, как я могу поверить, что какому-то чужеземцу удалось соблазнить замужнюю гречанку, да ещё спартанскую царицу при муже, храбром воителе Менелаете, и её родных братьях? Не представляю, как удалось Парису похитить царицу из дворца, охраняемого надёжной охраной! Такого не могло быть! И ещё одно серьёзное несоответствие. Почему троянцы, увидев у своих стен бесчисленное войско греков, как утверждает поэт, не выдали чужую им женщину, украденную, что в любом случае противоречит общим законам гостеприимства, а взамен предпочли долгую и погибельную для себя войну? Вот на какие вопросы угодно отвечать грекам, прежде чем верить на слово Гомеру!

Филипп уже почти кричал в лицо собеседнику:

— Ладно, пусть Гомер во всём обвиняет Париса, утверждает, что только из любви к царевичу троянцы терпели осаду. Но почему после его гибели они не выдали Елену врагам, наносившим столь огромный урон их царству? Им же обещали, что война сразу прекратится. Нет, Гомер говорит, что Елена после смерти Париса стала женой Деифоба, его брата, чем окончательно обрекла всех жителей Трои на страдания и погибель. Почему поколения греков верят тому, что троянцы предпочли умереть вместо того, чтобы передать законному супругу его украденную жену? А я, в отличие от них, не хочу верить!



Аристотель решил в странном споре брать инициативу на себя:

— Я так понимаю, царь, что, отвергая греческую историю в изложении Гомера, у тебя имеется своё видение Троянской войны. Или войны не было? В таком случае, поделись догадками со мной.

— Охотно, Аристо, скажу о том, что давно меня беспокоит. Я предполагаю, что похищения Парисом замужней

спартанской царицы не было. Но была Елена, дочь царя, на выданье, и по этой причине в Спарту со всей Греции съехались свататься женихи. Из всех кандидатов её родители предпочли Париса, сына царя богатого Троянского царства. Парис и увёз Елену домой, как законную невесту и жену с благословения своих и её родителей.

Филипп торжественно глянул на Аристотеля.

— Ну как тебе мой эпос?

Аристотель, пожав плечами, промолчал. Признаться, доводы оппонента выглядели убедительными. Филипп, заметив некоторую его растерянность, продолжил наступление:

— Только так я могу объяснить появление Елены в Трое. А бывшие претенденты на руку Елены, упустившие возможность стать её мужем, скорее всего, бедные греческие вожди и царьки, всерьёз оскорбились и решили сообща наказать счастливого Париса, тем более, чужака. Погрузились на несметное количество кораблей и пустились с огромным войском вдогонку.

Судя по счастливому выражению лица, Филиппа устраивал такой разворот событий.

— Но разве Гомер имел право изобразить фактический ход истории в таком виде? Поэт взялся за совершенно иной сюжет, предполагающий от начала и до конца отображение героических подвигов воинственных греков, кто оказался у неприступных стен Трои. Но если бы дело обстояло именно так, почему грекам не удалось быстро овладеть Троей? Нет, осада города длилась десять лет! И снова вопрос, почему?

Аристотель, не выдержав натиска Филиппа, возмутился:

— Но греки всё это время осаждали Трою, происходили сражения героев, о чём упоминает Гомер.

— О, нет! — возмутился Филипп. — Всё, о чем говорит нам Гомер, на боевые действия мало похоже. Не так они происходят при осадах городов. А произошло там следующее: когда греки увидели перед собой мощные стены Трои, они убедились в их неприступности; поняли, что им никогда не овладеть городом. По этой причине греки опустили до

разбойных нападений на прибрежные города, оставшиеся без защиты Трои, грабили и убивали жителей — обычное на войне дело! Вспомни, Аристо, как Ахилл бахвалится: «Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных, Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной...».

Филипп перевёл дух, считая, что произвёл эффект на Аристотеля. Но философ не собирался пасовать:

— Хочу напомнить, царь, что греки, как только вступили на троянскую землю, потребовали от Приама выдачи Елены оскорблённому мужу. Это ли не доказательство того, что у греков был повод начать войну? Троянцы же отказали Менелаю.

— Как иначе? Должно же быть у греков оправдание за своё появление на земле Троянского царства. Ну, невозможно поверить, чтобы один спартанский царь сумел убедить всех греков отправиться в опасное мероприятие, на войну, всего лишь затем, чтобы они постояли за его честь! Большая им была охота проливать за него свою кровь, рисковать жизнями своих воинов! И это при тех обстоятельствах, что греческие города никогда между собой не дружили. А вот пограбить — они все с удовольствием, отправятся куда ни призови! Интерес один — пограбить Трою. А троянцы, понимая, зачем пришли греки к ним, зная о неприступности своих стен, и ещё потому, что знали о покровительстве Трои своими богами, отказались выдать Елену, ставшую на законном основании женой царевича Париса.

Доводы царя в необычном изложении легендарной истории Троянской войны становились всё убедительнее:

— Неразумно восхищаться Ахиллом, называть героем, если он убил безоружного царевича Троила, ещё мальчика, которого подстерег у ручья, куда он безбоязненно вышел за водой.

Аристотель нехотя кивнул головой.

— И ещё. Помнишь, Аристо, как Гомер описал успешный для троянцев бой: они оттеснили греков, и те в панике отошли к своим кораблям. Так, вероятно, и было, но это

всё-таки полуправда. Правда состоит в том, что греческое войско после десяти лет лишений у Трои было разобщено, потеряло много убитыми. Воины сильно роптали на вождей, так как устали воевать безрезультатно. Требовали возврата домой. Вот почему после нападения троянцев на лагерь греков свернули лагерь и спешно покинули берег Трои. Домой вернулись без славы.

— Но Гомер очень натурально изобразил поединки Менелая с Парисом, Аякса с Гектором. Не мог же он их придумать! — Аристотель настаивал на своём.

— Думаю, что поэту не составило труда правдоподобно изобразить схватку героев для своей поэмы. Но я не верю Ахиллу, главному герою во всей этой истории, — Филипп торжествующе посмотрел на изумлённого оппонента. — Но я не верю, что Патрокл, друг Ахилла, сражался с Гектором, и был убит.

Аристотель онемел от неожиданного поворота в разговоре. А Филипп, наудачу используя момент, форсировал события:

— Не удивляйся, Аристо, я докажу и это. Мы зря доверяемся Гомеру, когда он заявляет, что Патрокл в доспехах Ахилла храбро сражается, убивает нескольких троянских воинов, сходится с Гектором и погибает. Гектор снимает и уносит его доспехи как бесценный трофей. Теперь слушай, друг мой, как было на самом деле. Я буду сообщать только факты, а тебе судить, какое толкование убедительней. В тот день Гектор сражался не с Патроком в доспехах своего друга, а с самим Ахиллом! И Гектор убил Ахилла! Но такой невыгодный для героя конец грекам признавать обидно, поэтому Гомер придумал иной сюжет: на следующий день после гибели любимого друга Патрокла Ахилл вызвал Гектора на бой и в мщении убивает его.

Филипп перевёл дух, после чего известил:

— А теперь ещё факты. Ты знаешь, Аристо, что над могилами всех героев той войны насыпаны курганы, они стоят до сих пор недалеко от Трои. Но если Патрокл пал от рук

Гектора, в таком случае, где его могильный курган? Его нет, и не было, потому что его никто под Троей не убивал. Он умер другой смертью и в другом месте! Вот ещё пример. Гомер сказал, будто Гефест ковал для Ахилла новые доспехи, а богиня Афина помогала Ахиллу убить Гектора. И ещё, что вокруг сражающихся между собой людей бились друг с другом боги: кто — за греков, кто — за троянцев. Не могу себе представить сражение богов и людей одновременно!

Филипп удовлетворённо хмыкнул, считая себя победителем. Но, оказывается, наступило лишь перемирие. Аристотель вновь встал на защиту поэта:

— В таком случае, какое объяснение можешь ты дать тому огромному предмету, названному Гомером «деревянным конём»?

— Я думал об этом и нашёл ответ. Как я сказал, Ахилл погиб, сраженный Гектором. Без него у греков дела пошли совсем плохо, им пришлось просить у троянцев мира. Те согласились и обязали греков исполнить искупительную жертву в дар Афине Палладе. Вот они и поставили на берегу деревянную статую коня как знак несправедливой войны с их стороны. Таков оказался конец разорительной для обеих сторон десятилетней осады Трои, когда греки с позором отплывают в Грецию, каждый — к своему дому.

— А Одиссей со своими воинами! — не сдавал позиций Аристотель. — Они сидели внутри «коня», чтобы ночью выйти и открыть городские ворота для греческого войска.

— Э, нет, и ещё раз нет! — категорично возразил Филипп. — Грекам выгоден этот героический эпизод, чтобы не было стыдно возвращаться на родину ни с чем. Согласись, друг Аристо, что Гомер специально придумал такой конец, чтобы греки долго ещё превозносили своих предков перед другими народами.

* * *

Сегодня Филипп ушёл от Аристотеля в хорошем настроении, довольный собой. Но наставник его сына не признался

в поражении, хотя в споре авторитет Гомера оказался не-много поколебленным. Действительно, у Аристотеля и раньше мелькали сомнения в реальности тех или иных сюжетов, изображенных в бессмертной поэме о Троянской войне. Но никогда ещё ему не приходилось слышать о стольких неувязках по тексту столь дорогого ему эпического произведения. Теперь и ему «Илиада» казалась не столь красивой и правдивой. Возможно, Филипп был прав, когда говорил, что Троя не была завоевана и разграблена. Хотя бы потому, что греки действительно спешно покидали берег Трои в ненастную пору, осенью, когда обычно в плавание корабли отправляться не рискуют. Причём корабли отплывают не все вместе, как прежде, а порознь. Так бывает только после большого поражения и крупных раздоров между бывшими единомышленниками...

В таком случае, если греки не выиграли войну и не грабили Трою, что ожидало их дома, кроме позора? Ничего хорошего! И только ложь бродячих песенников, аэдов, могла спасти честь и достоинство греков.

А какова судьба героев той войны, жителей Трои, по словам Гомера, «павшая перед греками, ими сожжённая»? Греческая история сообщает, что троянец Эней с товарищами завоевывает Италию. Через столетия после этих событий римляне с гордостью называют Энея прародителем их народа, своим легендарным предком, и что Рим основан выходцами из Трои! Другой троянец, Гелен, захватил богатый Эпир, а Антенор — Венецию в Южной Италии. В Италии появились города, основанные, по преданию, выходцами из Трои. Судя по этим достоверным сообщениям, троянцы не похожи на людей, побежденных греками! Вот и думай теперь, наставник, что говорить Александру о Трое и, особенно, о его любимом герое Ахилле?

Хотя, лучше не тревожить подростка сомнениями. Время рассудит всех.

Глава шестнадцатая

ЦАРСКАЯ ОХОТА

ВИЗИТ ЦАРЯ

До Миззы дошли слухи, что Филипп с войском вернулся с Боспора, но опять собирается в Скифию. Шестнадцатилетний Александр переживал неудачу отца, нервничал, резко реагировал на собственные промахи в учёбе или кидался с кулаками на товарищей по любому поводу. Наставник написал в Пеллу:

«Аристотель — Филиппу: Хайре! Царь, приезжай, сыну полезно увидеться с отцом»...

К полудню третьего дня перед окнами мегарона закукарекал петух. Аристотель оторвался от занятий.

— Гостей ждём? — удивился он.

Вскоре Мизза заполнилась шумом дорожных колясок, людским гомоном и ржанием лошадей. Аристотель занимался у себя в кабинете, когда дверь распахнулась, и на пороге появилась коренастая фигура Филиппа. Не здороваясь, он сходу выпалил, направляясь к свободному стулу:

— Аристо, что за предмет стоит перед домом? Я раньше его не видел — медный диск с делениями, и штырь на нём.

— Хайре, царь! — Аристотель встал, поздоровался, не проявляя удивления. — Это устройство называется *гномон*, — в

солнечные дни время показывают. Твой сын очень интересуется подобными приборами.

— Мне приятно услышать от Аристотеля, что мой сын не безучастен к техническим новинкам. Но для наследника царя важны не только знания, а умение повелевать народом и побеждать своих врагов.

В кабинет вбежал запыхавшийся Александр.

— Отец! — радостно закричал он, кинулся к нему, обнял. Филипп прижал сына к груди.

— Александр, ты совсем вырос! — порадовался он; отстранился и оценивающе осмотрел. — Ну, совсем мужчиной стал! Я сейчас подумал, не пора тебе вернуться в Пеллу? Будешь мне помощником.

— С радостью, отец, если велишь!

— Ответ, достойный мужчины, — похвалил царь. — Ладно, сегодня не беру, и завтра тоже. Учись пока. Но ты будь готов, когда позову. А позову, когда понадобится.

Филипп принизил голос, делая заговорщический вид.

— А завтра тебя и нескольких твоих друзей, кого пожелаешь, ожидает занятие, полезное для юношей, кто готовит тело своё и душу к воинскому делу. Охота!

Александр сначала подумал, что ослышался, запрыгал, откровенно радуясь: он давно мечтал принять участие в настоящей охоте. Детское баловство с силками на птичек и беготня за неразумными зайчатами не в счёт.

Филипп раскрывал распоряжок на завтрашний день:

— Я поручил егерям расставить на равнине сети, всякие ловушки на перепелов, куропаток и других птиц. Дичь пойдёт на кухню для вечернего праздничного ужина. Но для вас, молодых ребят, завтра ожидается настоящее дело. У местных охотников соберем собак, одних — для охоты на зайцев, других — на оленя. Я взял с собой несколько собак, они из Лаконии, спартанского воспитания. Чудесные псы, проворные в деле, свирепые и неутомимые в гоне на оленя; не боятся и злобного вепря.

Аристотель видел, как глаза Александра заблестели,

словно два уголька из жертвенного костра. Филипп, довольный произведенным впечатлением, поцеловал сына в макушку и легонько оттолкнул от себя.

— Иди, скажи друзьям, что с утра в бой.

Когда Александр ушёл, лицо царя приняло торжественный вид; таким Аристотель его ещё не видел.

— Я слышан об успехах сына не только от тебя, дорогой друг Аристо, — начал Филипп, — но от других людей, с кем Александру приходилось общаться. Не могу оставить без внимания твою заботу о моём сыне, твоё усердие. В благодарность, я распорядился восстановить Стагиры и дом, где ты родился и жил. Когда Александр завершит учёбу с тобой, оставит Миезу, тебе будет куда вернуться. Стагиры теперь Македония. Там ты под моей защитой.

Аристотель вскочил с места: слова царя прозвучали настолько неожиданно, что он был готов расчувствоваться. Глаза повлажнили, но он пересилил себя. Неужели мечта о собственном доме, где будет жить его семья, где он спокойно будет заниматься научными трудами, обрела реальность?

Филипп, удовлетворённый произведённым впечатлением, оставаясь в положении хозяина, сказал:

— Аристо, если ты не будешь возражать, мы отметим такое событие небольшим ужином? Я распорядился, — он показал на стол, заваленный рукописями. — Ты можешь освободить место?

Царь хлопнул в ладоши. В комнату зашли двое слуг, которые внесли на руках какие-то блюда. Резкий пряный запах быстро заполнил пространство помещения.

НОЧНАЯ ТРАПЕЗА

Слуги поднесли царю и Аристотелю по венку из веток плюща и две бронзовые *фиалы* — чаши с водой для ополаскивания рук. Филипп совершил *либацию* — отлил несколько капель вина на алтарь Дионису, и водрузил венок на голову

Аристотелю, а тот — ему. Филипп намеренно начал трапезу с обычая, распространённого среди греков. В Македонии это не было принято, и вопрос к Аристотелю не заставил себя ждать:

— Я слышал, будто источаемые цветами запахи ограждают голову от опьянения вином, как некий акрополь* от осады врага. Это так? И вообще, скажи, друг Аристо, кто завёл такой обычай?

Аристотель сразу ответил, будто ждал вопрос:

— Как человек, знакомый с медициной, допускаю мысль, что венок способствует снятию боли в голове. Что касается обычая, имею мнение. Наверное, от избытка выпитого вина когда-то у кого-то разболелась голова; человек стиснул лоб обычной повязкой или верёвкой, и обнаружил, что получил облегчение. В другой раз во время пирушки на природе у него опять разболелась голова, и он вместо веревки употребил венок из плюща, благо плющ всюду растёт обильно, видом красив, листьями затеняет лоб, к тому же холодит голову, не дурманя запахом.

— Выходит, я угадал, что поручил принести к застолью венки из плюща?

— Да. Но греки надевают разные венки по разным поводам. Например, как почётный дар признанному оратору — венок из оливы, и для поднятия настроения, например, из роз. А венок, сплетённый из миртовых веток, хорошо разгоняет винные пары. Неуместны на пиру цветы левкоя, возбуждающие настроение, а также из майорана, наводящие отупение и тяжесть в голове. Но после хорошей пирушки врачи предлагают надевать папоротниковый венок, и в нём спать. Он, говорят, не допустит тяжкого похмелья.

— Спасибо за совет, Аристо! Но мне в жизни приходилось обходиться иным способом: если намечалась пирушка, я съедаю три прожаренных свиных лёгких, после чего чувствую себя на другой день хорошо, сколько бы ни выпил. А ты знаешь, что македоняне пьют вино хмельное, неразбавленным, не так, как греки.

Филипп причмокнул от удовольствия губами и продолжил расспрос:

— Ты можешь мне ответить, почему греки пьют вино, этот божественный дар Диониса, разбавленное водой? Не вижу смысла!

— Говорят, что поначалу греки употребляли вино хмельное и безрассудно упивались, теряли рассудок. Но однажды во время устроенной на природе пирушки неожиданно хлынул дождь, его капли наполнили чашу с остатками вина. Когда пирушка продолжилась, участники допили свои чаши, обнаружив вкус напитка не только приятный, но и безвредный для здоровья, способствующий наслаждению и полезным беседам. С тех пор у греков повелось, что употребление крепкого вина без смеси с родниковой водой недопустимо и безнравственно.

Аристотель запнулся, подбирая подходящие слова.

— Прости, царь, но за тот факт, что македоняне пьют иначе, греки признают македонян варварами.

— Ничего, — Филипп рассмеялся, — переживём такой недостаток! У каждого народа есть свои обычаи, усвоенные от предков. Мы это понимаем, а вот греки — нет. Беда греков в том, что они не желают мириться с обычаями других народов, считая их варварскими только за то, что их не понимают, — царь махнул рукой, — ну, ладно, хватит о дурном! Нас ожидает встреча с искусством моего повара.

Слуга выложил на блюда царю и Аристотелю горячее мясо, сдобренное ароматными специями.

— Это молодой козлёнок под *сильфией*, — пояснил слуга.

Аристотель отреагировал:

— Я слышал историю одного атлета, который всегда побеждал соперников. А когда перестал участвовать в агонах*, признался, что секрет его силы был в том, что питался он только козлиным мясом, поскольку оно самое питательное. Говорил, что соки в нём упругие и клейкие и надолго остаются в теле.

Филипп развеселился:

— А я-то думаю, отчего на состязаниях от атлетов так сильно несёт козлом! Может статья, если долго употреблять такое мясо, пот будет зловонным.

— Пусть будет так, если хочешь, не буду брать под сомнение.

Отдельно в корзинке подали белый пшеничный хлеб. К хлебу — мягкий овечий сыр, бобы, лук, чеснок, фиги. После первой перемены блюд повар принес рыбу — *саламис*. Аристотелю вкус показался восхитительным, а он всегда допытывался о рецептуре, если кушанье ему понравится. Спросил повара, чтобы поделился секретом. Повар охотно изложил процесс приготовления блюда:

— Вырезаю рыбное филе, подсаливаю, брызгаю винным уксусом. На горячей сковороде обжариваю на оливковом масле мелко нарезанный лук и чеснок, выкладываю филе. Почти готовую рыбу поливаю белым вином, посыпаю приправой из рубленой зелени и перца, сверху выкладываю овощи, затем всё ещё раз подсаливаю, но в меру. В таком виде рыба тушится под крышкой, пока не становится мягкой.

Аристотель ел подобное блюдо на Родосе, но в Македонии любая рыба приготавливалась под очень острым соусом, отчего приходилось запивать некрепким вином — *рециной*. Это вино обладало сильным ароматом с привкусом сосновой смолы, из-за того, что горловины амфор со зреющим вином закупориваются смесью гипса и смолы: вино впитывает специфический запах, к тому же дольше хранится и не портится.

По мере насыщения настроение Филиппа поднималось, ему хотелось говорить и спрашивать обо всём, что приходило в голову.

— Я удивляюсь, Аристо, почему простой народ думает, будто для царей готовятся особые еда и питьё, и оно вкуснее, чем их делает для себя сам народ? — произнёс он с серьёзным видом, рассчитывая, что сотрапезник поддержит разговор. — Простолюдину только кажется, что он получит больше удовольствия от царской еды, нежели от приготовленной в собственном доме. Для простолюдина вкус цар-

ской еды будет непривычен, а значит, покажется неприятной. А царям незнакомо приятное предвкушение праздничного застолья, так как столы наши в любые дни полны блюдами, приготовленными искусными поварами из отборных продуктов. Потому-то обильное застолье не добавляет нашему ощущению ничего нового. Получается, что положение простого народа выгоднее, чем у царя, который в этом смысле остаётся в худшем состоянии души.

Аристотель подключился к рассуждениям:

— К твоим словам о еде, царь, я добавлю слова Диогена из Синопа — чудака, но философа. Он говорил, что желудок человеку дан такого размера, чтобы вмещал столько, сколько полезно для здоровья. Остальное — лишнее. Всё дело в том, что цари в отличие от народа не едят, они наслаждаются пищей. Питающиеся роскошно наслаждаются куда больше, чем питающиеся простой пищей, хотя самая простая снедь доставляет не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если только не страдать от того, чего нет. Даже хлеб и вода доставляют величайшее из наслаждений, если дать их тому, кто голоден. Для простого народа привычка к простым и недорогим кушаньям и здоровье укрепляет, и к насущным жизненным заботам ободряет, и позволяет не страшиться превратностей судьбы. В этом простолюдин действительно намного счастливее царя.

Пока Филипп осмысливал то, что услышал, Аристотель неожиданно переменял тему.

— Царь, я узнал, что твоё войско готовится пойти в Скифию. Если не тайна, что хочешь ты найти для себя среди диких кочевников? Прости меня, но я обязан напомнить, что туда дважды направлялись персидские цари, а что с ними случилось — тебе ли не знать!

Филипп задвигал желваками. Слова наставника не доставили ему удовольствия, в другое время они показались бы ему дерзкими. Но он отшутился:

— Аристо, дорогой! Не казни за промашку с Византием — будет мне наука: недооценил греков! Пусть празднуют

победу над Филиппом, а когда успокоятся и забудут, как меня зовут, я снова объявлюсь и тогда уже решу все свои проблемы. Обещаю! А пока я познакомлюсь ближе со скифами. Там для меня много возможностей отличиться, и всё ради того, чтобы меня уважала Греция. Вот весь мой секрет.

Филипп не посчитал зазорным объясняться перед Аристотелем, но делал он это по той причине, что хотел знать его мнение, которое ценил высоко.

— Тебе откроюсь, друг Аристо, что моё знакомство со скифами началось ещё до похода к Византию. С недавнего времени они начали враждовать с фракийскими племенами, пришедшими на их земли в долине Истра*. Фракийцы договорились с *гетами**, объединились и начали вытеснять скифов. Их царь Атей обратился ко мне за помощью, и я не мог отказать, так как мне понадобился союзник на берегах Понта, — Филипп сощурил зрячий глаз. — Но я выдвинул единственное условие в свою пользу: чтобы престарелый царь Атей усыновил меня, что сделает меня наследником престола скифских царей. Разве я могу отказаться от такого великолепного договора?

— Неужели ты поверил царю вероломных скифов?

Филипп рассмеялся, показывая пожелтевшие зубы.

— Неужели я похож на маргита*, Аристо? Но ты прав, мне не приходится рассчитывать на искренность Атея, что он исполнит обещание. У меня свой план: при его поддержке я хочу войти в доверие к скифским князьям и рассорить их всех вместе с Атеем. А затем, ослабив скифов, я покажу персидским царям, как Скифия покорится Македонии.

Закончив высказываться, Филипп удобно разместился на стуле.

— Теперь, когда тебе ясно, друг Аристо, чего я хочу от Атея, расскажи, чего мне ждать от скифов.

ЗАГАДОЧНАЯ СКИФИЯ

Слуги неслышно убрали стол с остатками еды, вынесли другой — с очередной сменой блюд. Расторопный повар внёс горшок с горячим варевом, от которого исходил изысканный запах. Это был «мясной горшок»: мелко нарубленное свиное мясо с жиром и кровью под сладким соусом. отведав сытное блюдо, Аристотель приступил к рассказу о скифах ...

* * *

Аристотель, будучи в Академии, впервые прочитал труды Геродота, который упоминал о загадочном кочевом народе, обитавшем за пределами Понта Эвксинского. По словам историка, царь древних египтян Рамсес был первый, кто намеревался присоединить Скифию к своему царству. Он отправил к скифам послов с требованием подчиниться, а они сказали послам: «Глупый ваш царь, если богатый Египет хочет войны с кочевниками, у которых ничего нет, кроме коней и кибиток. Как бы ему самому не потерять всё, что у него есть, придя к нам с войной»...

— Что было дальше? — спросил в нетерпении Филипп.

— Послы отбыли назад, а скифы, чтобы не ждать, когда к ним придут египтяне, составив из разных племен несметную конницу, двинулись на Египет. Рамсес, узнав, выступил навстречу с огромной армией, сильнее которой на тот момент не было, но скифы разгромили египтян и разграбили богатые обозы. Царь в страхе бежал домой, скифы устремились за ним в погоню. Неизвестно, чем бы это закончилось для Египта, если бы неуправляемую скифскую конницу не остановили болота в верховьях Нила.

Филипп услышал о том, как скифы повернули назад, но пошли не прежней дорогой, а через Переднюю Азию, которую тоже тронули разорением. Скифские вожди сражались с царями Нововавилонского царства и Ассирии, их воины всё опустошали на пути своим буйством и излишествами, взымали с каждого народа непомерную дань и, несмотря на

это, часто совершали набеги и беспощадно грабили жителей городов и сельских поселений. Неукротимое движение скифских племён остановили мидийцы*, храбрые воины из бывших скотоводов. После нескольких сражений, в которых скифы потерпели поражение, их племена, заметно поредевшие количеством, но, по-прежнему, сильные сплочённостью и боевым духом, вернулись в родные степи, где постепенно образовали сильное царство Скифию.

Филипп добавил некоторые сведения о скифах:

— Говорят, они пьют кровь убитых врагов, чтобы вместе с ней перелить в себя чужую силу. Говорят, что из отрезанных голов убитых врагов они изготавливают чаши для вина. У них есть войлочные палатки, внутри которых раскаляют камни, куда бросают семена конопли. Дышат испарением и громко кричат. А чтобы сделать свои стрелы смертельными, скифы смазывают наконечники смесью из перегнившей человеческой крови и мяса убитых гадюк.

— Возможно, так и есть, но я сообщаю сведения о скифах, записанные теми, кто знал их не понаслышке. Геродот один из них, хотя есть ещё другие историки. А они сообщают о том, что скифские мужчины имеют по несколько жён, а после смерти мужа одну, самую любимую, умерщвляют. Своему богу войны скифы раз в год приносят жертвы, преимущественно, лошадей и пленных врагов. Верят они в колдовство, волшебство и силу амулетов, поклоняются всем стихиям. Колдунов очень уважают, верят в то, что они предсказывают, но за ошибки сажают в повозку, нагруженную хворостом, и затем сжигают.

Так, за разговорами пришло время десерта. Повар при них на отдельном столике мелко нарезал сухофрукты — сливы, инжир, черный и золотистый изюм, добавил миндаль, орехи, политые медом, всё смешал в массу с кислым молоком. Десерт и красное сладкое фассосское вино оказались достойным завершением ночной трапезы царя и философа.

ИСПЫТАНИЕ СТРАХОМ

В Македонии, как и во всей Греции, занятие охотой подразумевалось как один из элементов воспитания молодежи. У афинского военачальника и писателя Ксенофонта есть трактат «О псовой охоте», в котором даётся высокая оценка людям, предающимся охоте — «поскольку они получают великую пользу»... Охота доставляет телу здоровье, улучшает зрение и слух, меньше старит и больше всего учит военному делу. Кто обучен тягостям охоты, тот не будет уставать и вынесет воинские труды, с которыми привык брать зверя. Отправляясь с оружием в поход по трудным дорогам, они смогут улеться на жестком месте и быть хорошими стражами, где им прикажут. При наступлении на неприятеля будут в состоянии наступать и исполнять приказания командиров, как они делали прежде на охоте...

Платон тоже признавал охоту, если она для участников не является развлечением, сопряжена с трудностями, испытаниями и преодолениями. Однако философ одобрял не все виды охоты, а «только те, что совершенствуют души юношей». Он не воспринимал всерьёз охоту на морских животных и лов рыбы с помощью верши, называя это бездельем. Охоту на птиц воспринимал как совсем не подходящую. По его мнению, недостойна такая охота, где побеждает не сила трудолюбивого духа, а тенета и силки, с помощью которых одолевают силу диких животных. А конная и псовая охота на четвероногих животных достойна уважения, когда применяется сила своего тела: люди на неоседланных конях несутся вскачь, наносят по зверю удары копьём или мечом, стреляют из лука или же собственными руками ловят живьём добычу.

* * *

Егеря сообщили Филиппу, что в лесах вокруг Миэзы никто давно не охотился, зайцев столько, что сельским угожьям от них происходит большой урон.



А ведь всего несколько лет назад в окрестности завезли всего одну заячью пару. Расплодилось их великое число! Когда царь спросил, отчего так случилось, егерь ответил:

— Заяц — невероятно плодовитое животное. Зайчиха после зачатия сразу же готова к следующему спариванию. У неё в чреве один детеныш покрыт шерстью, другой еще голый, третий только в зародыше, а четвертого зайчиха зачинает.

Егерь пояснил, что в полях Миэзы прижилось животное, очень похожее на зайца, называемое *куникулом**:

— Куникул издали похож на небольшого зайца, но как только возьмешь его в руки, сразу замечаешь, насколько он отличен и на вид, и на вкус от зайца — мясо нежнее. Живет

большей частью под землей в глубоких норах. А кабанов развелось — превеликое число, и сейчас вредят посевам.

— Мы завтра наведём порядок в твоих угодьях, — пошутил Филипп, — а то зайцы сожрут вас, не заметите, когда это случится.

Он повернулся к Александру.

— Ты знаешь, сын, когда зайцы могут одолеть льва, если соберутся вместе?

Александр нашелся, что ответить:

— Когда лев будет мёртвый!

Филипп похвалил:

— Правильно сказал. Я так думаю, греческие зайцы никогда не одолеют македонского льва. Им придётся ждать его смерти, — затем добавил, глядя на сына: — Я, надеюсь, что у царя зверей в логове растёт нетрусливый львёнок.

Александра и трёх товарищей, кто согласился участвовать на охоте, разбудили очень рано. Одеты в легкие, но прочные *туники*, мальчишки вооружились кизилowymi дубинками и вместе с царём, егерями и псарями зашли в лес. Опытные следопыты провели к звериным тропам, где заранее расставили звероловные сети, укрытые ветвями. Псарь спустил с привязи одну собаку, способную учуять запах на дальнем расстоянии, и, как только собака взяла след, устремился за ней. За ними спустили остальных собак. Началась травля зверя...

Вдали слышались отчаянный лай и взвизгивание возбужденных собак. Через время на виду у людей, хоронящихся в засаде, появились испуганные зайцы — их было много. В панике они метались по сторонам, пытаясь определить, в какой стороне меньшая опасность, но страх, наступающий сзади, заставлял ломиться напролом, попадая в сети. Большинство зверушек накрепко тут же запутывались в ячеях, в бессилии бились, но кое-кому удавалось вырваться, невероятными усилиями освобождаясь от пут; пересилив страх, они перескакивали через веревку и, комично подпрыгивая через кочки, под улюлюканье жестокосердных людей уходили в

спасительную чашу. Остальных зайцев ожидала кровавая кончина.

Поначалу Александру было жалко убивать беспомощных животных дубиной, но всеобщий ажиотаж, азарт охоты и пролитая кровь отменяла чувственные колебания. Он, как и его друзья, бросался на добычу, приспособливаясь, как бы ловчее убить с первого удара. Каждый раз егеря поощряли громкими криками их удачные действия, подогревая азарт, и вскоре Александр поймал себя на мысли, что жалости к этим живым существам у него уже нет. Вместо этого появилось ощущение счастья, словно происходило настоящее сражение, а перед ним повсюду лежат окровавленные трупы врагов, холодеющие на освежающем воздухе...

Когда всё закончилось, и собаки больше не выгоняли зайцев на засаду, появился Филипп. Увидел кучу тушек, обрызганные кровью дубинки, похвалил всех с удачей, отдельно отметил успехи сына:

— Хорошие результаты, сын! Но это лишь проверка на пускание крови. Сейчас вы пойдёте на кабана. Вот добыча, достойная героя! — царь оглянул ребят. — А я поищу себе оленя. Вчера егеря заметили неподалеку самца с великолепными рогами.

Вызвались Александр, Гефестион, Лаомедонт и Неарх. Всем дали по боевому копыю, владению которым каждый был неплохо обучен еще в Пелле. Пошли вслед за группой охотников и загонщиков.

Началом охоты избрали место, где в густых зарослях колючего кустарника *аканфа* заметили лёжку взрослого кабана. Собаки сразу определили его присутствие, повели себя очень нервно, сильно тянули на привязи псарей за собой. По пути заметили примятую траву, где животное отлёживалось; видели отметины от клыков на коре дуба, где он кормился желудями, и свежие отпечатки копыт на влажной глине у родника.

Спустили опытную лаконскую собаку, умнейшую из всех пород. Она резво ринулась в самые заросли, и оттуда не-

медленно донесся остервенелый лай. Зверь обнаружен! Собаку с трудом оттянули назад, после чего вокруг стали устраивать сети, закрепляя их на стволах ближних деревьев крепкими веревками.

Александр усердно помогал, предвкушая встречу с кабаном, от возбуждения невольно ощутил в теле мелкую дрожь. Рядом возился друг Гефестион, уверенный в себе, улыбающийся своим мыслям. Страха ребята не ощущали, а был азарт — увидеть и убить добычу. Кабан большой, как говорили егеря, на свободе мог запросто опрокинуть коня с всадником, распороть брюхо коню и длинными изогнутыми клыками, словно острейшими ножами, убить человека...

Загонщики стали полукругом, вразнобой громко закричали, начали стучать палками по деревьям. Время потянулось в ожидании...

И вдруг все увидели его — огромного кабана: он отличался толстым туловищем и короткой широкой шеей. На серо-бурой шерсти виднелись куски грязи — недавно валялся в луже; из приоткрытой пасти торчали выдающиеся клыки. Зверь в холке доходил почти до плеча человека. Кабан стоял, оценивающе оглядывал маленькими глазками пространство, занятое ужасными существами — людьми. Тонкий короткий хвост с кисточкой нервно подергивался. Неожиданно он издал пронзительный визг и... ринулся на Александра, у которого в момент закаменели ноги. Он не мог сдвинуться с места.

Кабан был совсем близко, когда невероятным усилием воли Александру удалось стряхнуть с себя мгновенное оцепенение, после этого заученным движением выставил вперёд копыё. Оно не смогло пробить толстый калкан*, соскользнуло в сторону, зацепив бронзовым лезвием лишь клочок шерсти. От удара страшной силы копыё было выбито из рук Александра. В последнее мгновение царевич интуитивно увернулся от кабана, запнулся и упал на землю, уткнувшись лицом в ковер из прелых листьев, словно искал в них спасения.

Все, кто видел эту ужасную картину, онемели, не делая

попыток броситься на помощь. Разъяренный зверь, шумно фыркая и отплёвываясь жёлтой пеной, проскочил мимо и затем, потеряв из виду врага, остановился поодаль. Развернулся и, заметив лежащего на земле человека, ударил копытом о землю, словно готовя себя к решительному действию, приготовился свести с ним счёты. В этот момент подскочили верные долгу собаки. Они с остервенением хватали кабана за ноги, кусали и ловко уворачивались от убийственных клыков. Одной собаке не повезло, она с ужасным воем упала на землю, поползла, судорожно перебирая лапами, размазывая по траве кровь и вываливающиеся из распоротого брюха кишки.

Егеря очнулись, будто от дурного видения, и начали разом кидать в кабана камни и палки, беспокоясь, чтобы не попасть в Александра. Зверь неистовствовал, отбиваясь от злобных собак, не сдавался, стремясь достать клыками ещё пару собак и добраться до ненавистного ему человека. На охоте такое случается, когда добыча вдруг превращается в охотника.

Гефестион, который в первый момент отскочил от кабана, увидел, что Александр в опасности, подобрался к зверю сзади и... схватил его за тугой крученный хвост. От неожиданности кабан забыл о собаках, развернулся и попытался достать дерзкого нахала. Но юноша ловко увертывался, пока Александр не пришёл в себя, вскочил на ноги и схватил с земли обронённое копьё. Целясь кабана в бок, с силой вонзил оружие возмездия. Кабан пронзительно заверещал, крутнулся и сразу осел на задние ноги, после чего собаки и егеря дружно набросились на поверженного зверя...

Александр стоял с бледным лицом, не веря в спасение. В ногах всё ещё чувствовалась непреодолимую тяжесть. Гефестион подбежал к другу, обнял и прижал к груди. Александр благодарно прошептал:

— Ты единственный друг, Гефестион.

С этого дня между ними зародилась крепчайшая дружба, скорее, мужская любовь, какая возникает между юношами в период нарождающейся зрелости.

* * *

Охотой царь остался доволен: он с егерями и собаками гонял оленей по долине и перелескам до тех пор, пока животные в изнеможении не останавливались на расстоянии броска копья. Добычу составили около полусотни оленей, среди них было немало молодняка. Их освежевали и приготовили к отправке в Пеллу, на царскую кухню. Помимо зрелого вожака кабаньей стаи, в сети попались два десятка свиней. Охотники убивали их без жалости — дубинами и топорами.

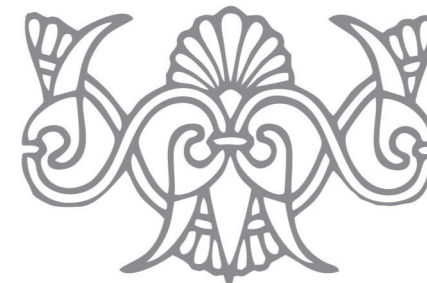
Когда царь узнал, что случилось с сыном, приказал сечь кнутами старшего егеря. Гефестиона обнял и подарил перстень с аметистом. Сыну коротко бросил:

— Ты тоже молодец — не струсил.

После охоты Филипп велел устроить привал с ужином, приготовленным из добычи. Во время пиршества Александр услышал немало лести в свой адрес, егеря и слуги дружно говорили о его храбрости. Но в памяти зарубкой осталась картина, когда он лежал на земле, а смерть была совсем близко...

Вечером он рассказал о своих переживаниях наставнику. Аристотель успокоил его:

— Александр, этот случай тебе подсказывает, что ты такой же человек, как остальные, только гордый. Когда ты умрешь, как любой другой смертный, тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения. Помни об этом, когда станешь царём и задумаешь воевать со всем миром.



Глава семнадцатая

ПРОЩАЙ, МИЭЗА!

ПРЕДЧУВСТВИЕ РАССТАВАНИЯ

После памятной царской охоты учебные занятия возобновились на другой день, но Аристотеля не покидало предчувствие расставания с воспитанником. Александру пошёл семнадцатый год, возраст достаточный, чтобы принимать самостоятельные решения и, главное, осознавать своё место рядом с отцом, царём Македонии. Он обещал забрать сына в Пеллу в любой день. Судя по тому, как Александр беспричинно становился задумчивым, наставник догадывался, что он с нетерпением ждал этого момента.

Аристотель поймал себя на мысли, что за время общения с царевичем — а прошло уже четыре года — он привык к каждодневному его присутствию. Не оставлял без решения ни одну его проблему, находил ответы на все вопросы, тревожившие подростка. По этой причине сейчас в смятении думает о расставании, не знает, что с этим состоянием делать.

Да, наступит день, когда закончится учеба Александра, и пути их разойдутся: наследник вернётся к отцу с матерью, а его наставнику предстоит сложный выбор. Аристотель с беспокойством думал об этом. Во-первых, обрести покой в Стагирах, где до конца дней можно будет посвятить себя науке. Туда уже отбыла супруга Пифиада с дочерью. В Мизе с ним

другая женщина, которая давно занимает его сердце; она близкий ему человек — молодая служанка Герпилида. Рядом с ним — сын Никомах, рожденный от новой возлюбленной и названный в честь отца Аристотелем. Пифиада знает об их отношениях и, вероятно, не будет против совместного проживания в Стагирах. Эллинские законы позволяют содержать в супружеском доме *палакку* — наложницу, родившую от хозяина детей. Во-вторых, Филипп настаивает, чтобы Аристотель не оставлял Пеллу, предлагает остаться советником по греческим вопросам; обещает не жалеть денег на содержание и, главное, не мешать учёной деятельности. Ясно, что македонский царь хочет стать покровителем искусств и наук, что очень показательно для Греции.

Но главное для Аристотеля даже не семейные заботы или пребывание в Македонии, хоть и лестные для учёного условия. В добровольном изгнании, пребывая в Троаде, на Лесбосе, а теперь в Пелле, он понял, что, оказывается, он не может жить вдали от сообщества философов и учёных. Его место в Афинах, где бурлят интеллектуальные страсти. Исходя из этих соображений, ни в Пелле, ни в Стагирах жить ему долго не придётся...

Но пока Афины далекая мечта для него. С учениками и друзьями из Академии он давно расстался; да и теперь, зная о его службе македонскому царю, с ним мало кто захочет открыто общаться. Любой демократ объявит его предателем эллинов или македонским лазутчиком. В тот же день, как только он появится в Афинах, любой гражданин сочинит на него донос и отправит в суд, где Демосфен обратится к присяжным с обвинением: «Аристотель — друг Филиппа, а друг македонян — враг Афин!». Нет, смертный приговор, как Сократу, ему не нужен! Остаётся ждать...

Но план триумфального возвращения в Афины, к публичности, у Аристотеля имеется: придёт время, он построит для афинян собственную философскую школу — Ликейон, которая по уровню преподавания затмит платоновскую Академию.

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

Аристотель замечал, с какой любознательностью ученик воспринимает его уроки об идеальном управлении государством, объясняя тем, что после отца будет царствовать добросовестно и мудро. Наставнику пришла мысль, написать для Александра книгу, где бы он давал нужные советы и понятия. Узнав об этом, Филипп затребовал рукопись, чтобы решить, полезно ли сочинение философа его наследнику; прочитал и сказал сыну: «Поистине, не напрасно мы окружили почётом Аристотеля, ибо величайшей награды заслуживает человек, передавший тебе такое учение о царских обязанностях и задачах».

На занятиях с царевичем, высказываясь о природе вещей, наставник иногда проговаривался, или, случалось, намекал, что, помимо известных грекам наук, существуют особые знания, несущие в себе тайны. Кто воспользуется ими, займёт преимущественное положение перед остальными людьми. Именно это обстоятельство сильно заинтересовало юношу — ведь он с детства стремился быть первым среди товарищей. А сейчас, оказавшись на пороге взрослой жизни, ему не помешало бы знать, как возвыситься над всеми, обрести право власти над обычными людьми.

— Я хочу не столько могуществом превосходить других людей, — сказал он однажды учителю, — сколько знаниями о высших предметах.

Поощряя его стремление, в один из памятных дней в Мизе Аристотель начал урок с необычного сообщения:

— Представь, Александр, время жизни народа продолжительностью в сто лет. Представил? Теперь помысли в своём воображении время в десять раз большее — это уже цивилизация в тысячу лет. А после вообрази продолжительность времени в пятьдесят раз большее по значению!

Наставник сделал паузу, позволяя собеседнику ощутить

образность его слов, затем понизил голос, как обычно сообщают секреты:

— Так вот, знания, о которых ты спрашиваешь, всё это время хранятся у египетских жрецов в тайниках каменных колоссов, называемых пирамидами. Великий Пифагор из Самоса, проживший в Египте двадцать два года, рассказывал ученикам, что название своё «пирамида» получила от слова «пир», то есть «огонь», а значит, она есть символическое представление Единого Огня Вселенной, источника жизни всех созданий. Верховный жрец поведал Пифагору, что под лапами другого колосса — Сфинкса находится скрытый для непосвященных вход в подземную камеру с бронзовыми воротами, на них секретные запоры, известные только двум магам из жреческой коллегии. За воротами открываются тайные подземные галереи, ведущие вглубь Великой Пирамиды; они настолько сложно переплетаются между собой, что без сопровождающего после долгих блужданий любой неизбежно попадает в исходную точку.

Пораженный Александр не проронил ни слова, в то время как наставник говорил о вещах, которые даже ему, учёному, представлялись не менее загадочными. Ведь Пифагор сообщал о том, что Пирамида олицетворяла саму Вечность среди текущих песков времени, она — молчаливый свидетель забытой цивилизации, её творение.

— Вот и выходит, — задумчиво произнёс Аристотель, — что пирамиды в Египте сотворены вовсе не для того, чтобы совершать в них религиозные обряды или укрыть прах фараонов, во что верится с трудом. Всё говорит о том, что исполинские сооружения возведены древнейшими представителями человечества, если не богами, а цель их возведения — удивлять последующие поколения своими достижениями, и, в конечном итоге, побуждать потомков к постоянному познанию Истины. — Аристотель остановился и покачал головой. — Хотя, увы, познание Истины в конечном итоге бесперспективно!

Он внимательно посмотрел на Александра, пытаясь убе-

даться в том, что воспитанник осознаёт величественность его высказываний. Юноша с пониманием слушал его.

— Пифагор сообщил, что, по словам жрецов, в глубинах Великой Пирамиды желающий мудрости найдёт для себя НЕЧТО, являющееся «Воротами в Вечность», через которые позволено пройти тому, кто имеет желание познать, понять и заменить ограниченность своего смертного сознания высшими знаниями.

— Кто может туда допустить человека? — прервал молчание Александр.

— Увы, несмотря на мою учёность, я не смогу ответить на твой вопрос. Одно знаю, что это вправе сделать те, кого называют *мистами*, «посвященными в тайны». А мисты говорили Пифагору, что знания разных искусств и ремесел оставили людям боги, спустившиеся на землю с далёких звёзд. От них человек познал, например, умение обрабатывать землю и выращивать плоды для пропитания, добывать руду, строить дома и корабли. Но некоторые тайны остались нераскрытые — или они дожидаются возвращения тех богов, или иного случая.

— Учитель, я хочу знать, что будет с человеком, который захочет воспользоваться высшими знаниями? — спросил Александр.

— Я слышал от мудрецов, что некоторые тайные сведения боги изобразили особыми значками, *криптами*, чтобы они не стали доступными недостойным. Покидая землю, боги раскрыли главному жрецу секрет криптов и поручили передать их человеку, избраннику богов Неба.

— Как понимать твои слова, учитель?

— Это может означать одно: человек, которому египетские жрецы доверят свои тайны, станет властелином мира. Но как из скалы в каменоломне вырубается грубый и неотесанный каменный блок, а следом он становится готовым строительным изделием, так под воздействием тайных знаний человек постепенно преобразует окружающий мир: ему подвластны земля, водная стихия и небеса. Вот почему они

проявляют осторожность, когда к ним приходят с просьбами постичь тайны богов.

— Неужели с тех пор никто так ничего и не узнал от жрецов?

— От Платона я слышал, что некогда мудрец Солон, когда был в Египте, узнал удивительные вещи: например, о существовании у человека души как материальной части тела, и что у Геркулесовых Столбов* когда-то существовал остров, на котором процветало могучее государство атлантов. Остров погиб в результате природного катаклизма — извержения вулкана или большой волны, — Аристотель скривил губы. — В отличие от Платона, в катаклизмы я верю, а в Атлантиду — нет. А вот Пифагору я больше верю, и верю в то, что он получил доступ к Истине.

— Что означает «Истина»?

— Истина есть везде, проблема в умении разыскать и выделить её. Она дается только внутренним посвящением, когда приходишь одновременно и в изумление, и в восторг. То, что открывается духовному взору, совсем не похоже на учение или религию. Это открытие, означающее Высшее откровение!

— А как человек узнает, что к нему снизошло откровение?

— Когда мудрец замечает, что ему «видно всё с высоты», и в этот момент он обретает дар воспитывать человеческие души, спасая их во благо человека.

Аристотель заметил в глазах Александра напряжение — это было объяснимо: урок не был похож на прежние занятия. Он улыбнулся и по-отечески приобнял царевича.

В этот день Александр узнал о предметах, которые в его возрасте трудно воспринимаются или о них не следует знать по причине несоответствия их понятий с религиозными представлениями македонян. Он слушал наставника о том, что Луна в затмение закрывается сферической тенью от Земли, а летящие по небосводу пылающие стрелы — это не огненные стрелы Зевса, а куски давних умерших планет. Зная небесную карту, люди способны предвидеть небесные и зем-

ные катастрофы, поскольку они накрепко связаны с жизнью центрального Очага, который раз в одиннадцать лет яростно пламенеет и излучает гневные энергии. Что в основе видимых форм природы — цветов, морских звезд, раковин — лежит совершенная математическая фигура — спираль, символ развития и развертывания Вселенной. О представлении Пифагора, что всё в природе есть «Число», оно Первоначало и Материя всех Вещей. Четные числа посвящены Женскому Началу, нечетные числа — Мужскому.

Александр за это время не проронил ни слова; только иногда потирал сморщенный от усердия лоб. Уловив момент, спросил наставника:

— Учитель, а как появились люди на земле, Пифагор узнал у жрецов? Сами собой или по воле Зевса?

— Зевс ни при чём: человек есть живое существо, как и прочие животные, которые рождаются от других им подобных посредством животворных «семян».

— Как растения или цветы?

— Примерно так. Но, в отличие от других природных созданий, человек, хотя и сродни животным, имеет, помимо сердца и мозга, ещё и душу. Пифагор заявил, что после смерти душа человека, пройдя очищение в Аиде, возвращается на землю и входит в какое-то иное тело, не обязательно человеческое — растение, рыбу, собаку и прочее создание Природы. Душа, по его словам, скована прочной цепью бесконечных переселений, положить конец которым способна лишь совершеннейшая добродетелью жизнь. Вот почему правитель не должен прибегать к тиранической власти, ибо тирания губительна не только для народа, но и для его собственной души, требующей праведного существования.

После некоторого промедления Александр с неожиданным жаром воскликнул:

— Я хочу увидеть Великую Пирамиду и получить от Главного жреца тайные знания!

— Зачем это тебе это? — удивился наставник.

— Чтобы стать повелителем мира!

Александр приподнял подбородок, в глазах сверкнули знакомые наставнику угольки. Аристотель улыбнулся.

— Дерзай, мой мальчик! Только помни, что говорят мудрецы: «От многих знаний многие скорби», и нет никаких гарантий, что, подойдя к крайнему пределу земли, ты с удивлением не обнаружишь, что за ним простираются новые чужеземные страны, где живут неизвестные тебе народы, которых придётся опять покорять, чтобы стать настоящим повелителем мира.

Словно для себя, Аристотель загадочно произнёс:

— Если люди перестанут испытывать себя в поисках Истины, то Пирамида окажется каменной скорлупой огромного пустого ореха, обычной гробницей фараона. И её окончательно занесут пески Забвения...

НАСТАВЛЕНИЯ В СМЕЛОСТИ

Уроки, когда Аристотелю приходилось отвечать на необычные вопросы наследника царя, теперь случались чаще обычного. Через несколько дней после разговора о тайнах пирамид Александр любопытствовал:

— Учитель, я слышал, как люди говорили о себе, что они в какой-то ситуации преодолевали чувство страха. Что такое страх?

— Скорее всего, это состояние неприятных ощущений, которые испытывают люди из представления о дозволенном зле. Но, что удивительно, страшен не только сильный для слабого или трусливого. Страшна вражда и гнев людей, способных причинить какое-нибудь зло. Такова и несправедливость, обладающая силой, потому что несправедливый человек несправедлив в своём желании совершить зло. Также могут быть страшны обиженные, они всегда выжидают удобного случая отомстить обидчику. Страшны и обидчики, ведь они боятся возмездия со стороны обиженных ими людей. Страшен соперник, добывающийся того же, что и ты. В то же

время следует остерегаться людей, нами обиженных, наших врагов и соперников, причём, не пылких и откровенных, а спокойных, насмешливых и коварных. Ведь они действуют незаметно, и когда они близки к исполнению возмездия, ни когда не разберешь. Я думаю, вот что такое страх.

— Судя по твоим словам, учитель, в страхе живут все люди. Но за собой я не замечаю чувства страха! Кто посмеет сказать, что я трус?

— Ты пришёл к интересному выводу, Александр, — оживился Аристотель. — Есть люди, которым кажется, что они недоступны страданию, а значит, не подвержены страху. Весь их вид говорит, как они горды собой, пренебрежительны к другим, дерзки в общении. Но такими их делают богатство, физическая сила, обилие друзей и власть! Ведь они находятся в высшей степени благоприятных условиях. И у таких людей обычно возникает чувство противоположное страху — смелость. И вообще, смелое настроение появляется у людей в тех случаях, когда они сознают, что имеют во многом успех, они ни в чем не терпели неудачи, или, побывав в ужасном состоянии несколько раз, всегда счастливо выходили из него. Они ведут себя как бывалые пассажиры корабля во время шторма: они уверенно и смело смотрят на волнующееся море, так как испытывали себя в подобной ситуации, откуда, зная пути к спасению, выходили достойно.

Александр услышал от наставника, что смелость есть надежда на спасение, причем спасение представляется близким, а всё страшное — далеким или совсем несуществующим. Оказывается, чувствуешь себя смелым, если не поступаешь несправедливо; если нет противников, или же они бессильны, или они, обладая силой, дружески расположены, или их интересы тождественны с ним. Смелы люди и в том случае, если они никого не обидели или обидели немногих, или тех, кого они не боятся, и если боги вообще им покровительствуют. И это выражается как воля во всём прочем.

Также гнев соединен со смелостью, а сознание, что не мы неправы, а нас обижают, возбуждает гнев: божество же

мы представляем себе помощником обиженных. Мы бываем смелыми ещё, когда делая сами нападение, мы полагаем, что ни теперь, ни впоследствии мы не можем потерпеть никакой неудачи или что, напротив, будем иметь успех.

Урок свой Аристотель подытожил очередным назиданием:

— Главное, Александр, запомни, чтобы преодолеть страх, прежде настрой себя на победу над самим собой. Сразу ощутишь силу и власть над людьми, превосходящими тебя силой. А когда на твоей стороне перевес в силе — сделаешься бесстрашным, и в таком состоянии ты вселишь страх в душах противника, чем обязательно воспользуешься в своих интересах.

УБЕДИЛ — УЖЕ ПОБЕДИЛ

Иногда Александр ходил по Миэзе расстроенный, молчал и готов был сорвать на ком-либо плохое настроение. В такие дни он не отвечал на расспросы обеспокоенного наставника, но однажды во время урока по этике посетовал с огорчённым видом:

— Почему мои товарищи не всегда подчиняются мне, когда я этого хочу, слушают Птолемея или Марсия, или ещё кого-то? Я пытаюсь к чему-то призвать, а их это вроде не касается!

— Я думаю, что Птолемею или Марсию в этот момент есть что сказать товарищам, а ты в общении допускаешь грубости, — нашелся Аристотель. — Но не огорчайся, я обучу тебя великому искусству разговаривать с людьми, чтобы они не только слышали, но и поступали так, как ты желаешь, — он заглянул Александру в глаза. — Ты хочешь этого?

Наставник поведал о тех вещах, над которыми начал работать в Миэзе — о своём любимом предмете «Риторика»:

— Как позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом.

Говорил о том, что Александру, будущему военачальнику

предстоит овладеть искусством убеждения людей, то есть, побуждать делать то, чего они никогда бы не сделали без него:

— Александр, мальчик мой, всюду и всегда тебе придётся убеждать всех: своих родственников, близких и друзей, прочих людей, подневольных и свободных граждан, и даже врагов. А это значит, что ты достигнешь цели только путем перемещения собственной точки зрения в сознание людей, с кем будешь общаться. При этом самое главное, чтобы они поверили в правоту твоих слов, поддержали твою точку зрения. Заполучив в своих сознаниях твоё убеждение, они пойдут за тобой к избранной цели.

Александр с большим интересом слушал о том, что любая речь, целью которой является убеждение, независимо от того — слушает ли один человек или сотни разных людей, должна быть занимательной, будоражащей воображение, выразительной.

— Но если ты призываешь людей пойти за тобой ради твоей идеи, эта идея должна быть понятна и правдоподобна, и внушать всем доверие. А доверие к твоим призывам зависит от тебя, от искренности твоего обращения к ним. В этом случае всё зависит от *патоса*, эмоционального состояния речи, а такая речь вселяет в слушателей те же эмоции, убеждает их в твоей искренности. Научись распознавать эмоции других, и ты получишь способность читать чужие мысли. Это — своего рода сопричастность. Овладев этим мастерством, будешь с успехом предсказывать реакцию человека на ту или иную ситуацию. Так ты поставишь себя на место другого и будешь знать, что и как сказать, после чего разговор поведётся в твою пользу. И вообще, если хочешь добиться успеха обращением к людям, сколько бы их ни было перед тобой, задай провокационный вопрос, примерно такой: «Вы хотите разбогатеть?» — и ты обязательно услышишь ответ: «Да!».

Не забыл Аристотель поговорить с Александром и о важности постановки голоса в общении с людьми. Например,

почему одни голоса слушать приятно, а другие раздражают окружающих; как по звучанию голоса сделать вывод, уверен человек в себе или робок, стоит ли ему доверять; как своим голосом не выдать собственных внутренних чувств, или какие слова и интонации способны усыпить бдительность оппонента.

— Твой голос, Александр, — это отражение твоей личности, твоего внутреннего состояния. Вступай в разговор с человеком, которого хочешь переубедить, когда ты уверен в себе, когда убеждён, что добьёшься цели. Всегда владей своим голосом — особенно это важно для военачальника — во время сражения разрешение боевой ситуации, особенно неожиданной, часто зависит от того, что и как скажет командир своим воинам. На команду испуганным и тихим голосом они не среагируют — нужна чёткость, громкость и определенная волевая направленность. Громкий голос — свидетельство природной, животной силы. Командуя, представь себя львом, вожаком стаи, которую может удержать не силой, а только мощью грозного рыка.

Аристотель рассказал юноше о секретах выработки голоса уверенного в себе человека. Нужна тренировка, особые упражнения для дыхания, если дыхание стеснено, зажато, особенно в моменты стресса, словно не хватает воздуха, голос звучит сдавленно, глухо и быстро устаёт.

— Представь, что ты вышел из душного подземелья на морской берег. Разведи руки и вдохни так глубоко, как можешь, этот придуманный тобой свежий ветер и запах моря. Сделай несколько вдохов, ощущая тепло гортани, и выдохов, ощущая холод. Услышишь, как у тебя постепенно устанавливается нормальное дыхание, сердце в груди забилося спокойно, ровно, тело обрело теплоту, — и вот уже голос звучит свободно... Когда это упражнение будет получаться легко, ты разработаешь голос более уверенный, управляемый. Но это только часть полезных для дыхания упражнений. Дерзай!

ВОСПИТАНИЕ ТЕЛА

Помимо воспитания духа, чем занимался Аристотель, царь Филипп побеспокоился об укреплении тела своего наследника. Пригласил учителей-*педотрибов* из бывших атлетов. Стрельбе из лука обучал *токсот*, владению мечом — *го-пломах*, метанию копья и диска — *аконтист*, *пентатлист* занимался с Александром бегом, борьбой, прыжками и прочими силовыми упражнениями греческого пятиборья.

Борьба для эллинов была самым древним и наиболее ценным упражнением, так как требовала одновременно силы, ловкости, находчивости и действия всех мышц тела. В Миззе срочно соорудили две площадки для тренировок — *палестры* — одну с песчаным основанием, другую с покрытием из грязи. Царевич и его товарищи ежедневно умачивали тела маслом из плодов оливы и до изнеможения занимались под тренерским наблюдением: тела, скользкие от масла, грязи и пота, становились невозможными для прочного борцовского захвата; песок, прилипая к телу, наоборот, облегчал захват. После тренировки юноши счищали друг с друга пот с грязью особыми *стригалями*, после чего мылись в бассейне и снова натирали уже чистые тела маслом и благовониями.

Среди занятий по военной подготовке в особом почёте было метание диска, поскольку мастерство в этом виде атлетических состязаний помогало пехотинцу в бою: он с боевыми товарищами производил броски камней во вражеский строй. Диск на тренировках кидали с места после вращения на месте.

Особой любовью Александра пользовалось копьеметание в цель. Он хорошо усвоил приём своего предка Ахилла — в момент броска при помощи кожаной петли придавал копьё особое вращательное движение вокруг своей оси, и оно пролетало на четверть стадиа*. Наследник царя Филиппа бросал копье слева и справа с одинаковой силой и точностью, что было не под силу его сверстникам.

От кулачных схваток, *пюгмэ*, Александр отказывался по той причине, что поединки обычно считались завершёнными, когда один из соперников терял сознание или получал повреждение от удара тяжелой рукавицей, или отказывался от продолжения схватки из-за явного преимущества соперника. Поражение в кулачном состязании рассматривалось в Македонии не меньше, чем позорное бегство воина с поля сражения. Ни того, ни другого сын царя позволить себе не мог, но приемами кулачного боя овладел, предполагая, что во время сражения ему придётся сходить в врукопашную, когда без смертельного боя не обойтись.

Все виды тренировок регламентировались циклами, по которым физические нагрузки постепенно возрастали или снижались. К примеру, в первый цикл, состоящий из четырёх тренировок, велись подготовительные занятия в ослабленном режиме; во второй — нагрузка возрастала, в третий — снижалась, в четвертый — достигала уровня, необходимого для длительного поддержания организма в хорошей физической форме. Александр чувствовал, что с каждым занятием его мышцы обретали прочность, всё тело — выносливость и недосыгаемость болезнями, а душа — боевой настрой.

— Ты можешь знать всего Гомера наизусть, — сказал однажды сыну Филипп, — но ни один человек, не выучившийся бороться, плавать и пользоваться пращей и луком, не может в Элладе считаться образованным.

КОНЕЦ УЧЁБЫ

Настал день, которого так ждал Александр. Отец покинул Македонию, отправляясь с войском в страну скифов, и по этой причине отзывал наследника в Пеллу. Так и написал в письме сыну: «сохранять престол в отсутствие царя». Аристотель неожиданно для себя сильно огорчился, из-за того, что занятия закончились, хотя в письме Филипп заверял, что Александр обязательно вернётся в Миззу, как только позволит обстановка. Царь благодарил наставника за усердие,

убеждал остаться в Македонии. Судя по уважительным словам царя, обращённым в письме Аристотелю, расставаться с ним он не намерен.

Александр пришёл к наставнику в конце дня прощаться. Сияющее лицо не скрывало его настроения, что могло означать только то, что мальчик вырос и учитель ему не нужен. В Пелле начинается новая жизнь, полная государственных забот и новых впечатлений...

Аристотель смотрел на царевича и не знал, как себя вести — огорчаться расставанием или радоваться вместе с ним. Первоначально у Александра было намерение не задерживаться у наставника, сослаться на сборы в дорогу и уйти. Но слово за слово, они разговорились до поры, когда небосвод украсился звёздными блёстками...

Ущербный лик луны высветил притихшую ночную Миэзу. Едва слышно потрескивали язычки в масляных лампадах, рисуя на стенах демонов ночи. Тени их судорожно корчились, словно старались испугать хозяина и его гостя, а они не замечали ничего вокруг — учитель проводил в Миэзе последний свой урок:

— Александр, прими мои слова, словно отца своего, но я вижу возвеличивание Эллады среди варварских племён лишь с твоим участием. Ты будешь на самом верху власти, но это меня и беспокоит, поскольку с таким положением не каждый справится, — задумчиво произнёс Аристотель. — Мой тебе совет: старайся показать свою власть не высокомерной, употребить её на добрые дела сообразно добродетели, выше которой в жизни ничего не может быть. Человек не вечен на земле, но после неизбежной смерти он может стяжать бессмертную память о себе благодаря величию своих дел. Я верю, что такая судьба постигнет тебя, мой мальчик, и время не сможет ничего затмить из того, что ты совершишь.

Александр удивительно было видеть опечаленным лицо наставника, слушать от него, обычно скупого на похвалу, слова, тревожившие, цеплявшие душу. Аристотель не скрывал волнения, и от этого слегка картавил (дефект речи с

детства), сейчас он не был уверен, что они скоро увидятся.

— Ты всего добьёшься, дорогой Александр, ведь ты воспитан любящими тебя родителями, да и мой скромный вклад в твоё образование тебе не будет в тягость. Насколько ты до сих пор выделялся дарами судьбы и знаниями, настолько ты будешь первенствовать в доблести и прекрасных делах.

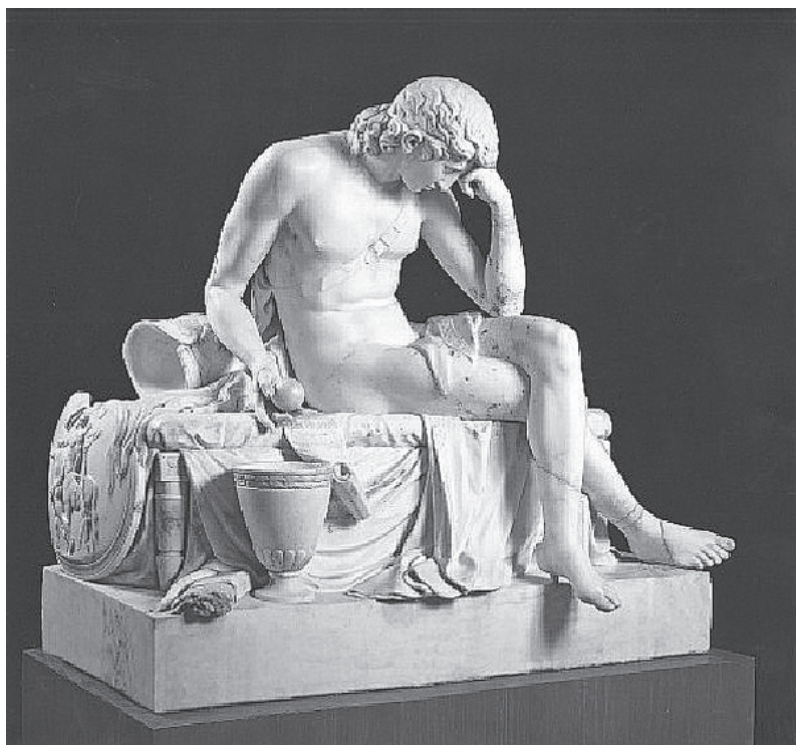
Глаза Аристотеля сияли необычным светом, будто исходили изнутри. Голос, ранее тихий и временами пресный, скучный, обрёл уверенное звучание. Сегодня он говорил с царским сыном откровенно, как с близким человеком:

— Эллыны в несчастьях привыкли сетовать на судьбу, какую дают им всеильные боги, Зевс. Но если всё у человека происходит по заранее определенной судьбе, значит, все происходит в силу естественного непрерывного сцепления и переплетения причин; а если это верно, то ничто не в нашей власти. В действительности же не всё происходит от судьбы.

Голос у Аристотеля зазвучал громко, уверенно, словно он читал лекцию большой группе слушателей:

— Если ты, Александр, пойдёшь по стопам отца и получишь престол, обладая которым возьмёшь на себя управление народом Македонии, на одну судьбу тебе надеяться не следует. Ведь в человеческом мире нет ничего устойчивого и твердого, и даже солнце держится только до вечера; первая же превратность нарушает, изменяет и путает все человеческие жизни. Я уверен, что ты переступишь черту, определённую божественной судьбой, ты наверняка захочешь большего, — голос Аристотеля зазвучал торжественно, — ты добьёшься всего, чего захочешь сам. Война будет твоим ремеслом. Черпай смелость свою, полагаясь не на судьбу свою, а на свои добродетели, умение хорошо и благоразумно поступать в пределах общепринятых гражданских правил.

Александр ловил каждое слово, осозная, что такого откровенного вечера с наставником больше не случится.



— Сила твоя, Александр, как военачальника, *стратега*, должна исходить не из численности армии, а из политики, которую будешь проводить в покорённых городах, что дашь ты гражданам тех городов вместо независимости и свободы. Действуя правильно, ты надёжнейшим образом сохранишь, и будешь иметь в безопасности всё здание своей власти.

Ночь прикрыла землю крыльями, словно чёрным покрывалом. Они расстались за полночь, пообещав видаться и непременно писать друг другу. На прощание крепко обнялись.

Глава восемнадцатая

МАКЕДОНЫНЕ В СКИФИИ

МАТЬ И СЫН

Возвращение Александра в Пеллу явилось для него большим событием, означавшим, что он нужен отцу и теперь будет всегда при нём, исполняя поручения. Олимпиада смотрела на сына с гордостью и удивлением — растительность на лице выдавала возмужание. Нерастроченная любовь к сыну, взрослому на глазах, — это всё, что теперь у неё оставалось; она с надеждой будет ждать счастливого дня, когда Александра объявят царём Македонии. Ради этой мечты мать была готова на всё!

Филипп, верный обещанию перед царём Атеем, отбывал в Скифию. Перед отъездом в присутствии Антипатра и других советников он передал Александру царский перстень — знак высшей власти в Македонии. Общаясь с матерью и придворными, вскоре Александр с огорчением узнал, что отношения между отцом и царицей перешли все допустимые границы, и об этом говорил теперь всякий. Филипп не только пренебрегал супружеским долгом, но по такому поводу не упускал случая нелестно высказываться перед близкими друзьями. Поговаривали о новой свадьбе, ссылаясь на молву, будто царь подбирает знатную невесту из македонского рода...

Слухи оказались недалеко от правды. Несмотря на зрелый возраст, Филиппу исполнилось сорок четыре года, его охватил новый любовный позыв. На этот раз возлюбленной оказалась пятнадцатилетняя Клеопатра, ровесница дочери Филиппа от Олимпиады, тоже Клеопатры. Рано оставшись без отца, она воспитывалась в доме опекуна, родного дяди, честолобивого военачальника Атталы. Узнав о намерениях Филиппа, которые тот уже не скрывал, он понял, что судьба македонского престола теперь в его руках. Опекун больше не препятствовал сближению царя с приёмной дочерью (он поспешил удочерить Клеопатру), но ситуацию со свиданиями контролировал, как мог. Когда Филипп, в привычной своей манере, возжелал её, не обременяя себя лишними обязательствами, девица неожиданно повела себя как опытная соблазнительница. Довела царя до состояния неуправляемой страсти, и в нужный момент заявила, что бережёт девичью честь до замужества. Услышав отказ, Филипп охладел чувствами к Клеопатре, перестал общаться даже с Атталой, что не на шутку обеспокоило военачальника. Он уже решил сменить тактику поведения своей подопечной и об этом намекнуть царю, как Филипп сам надумал пойти на окончательный разрыв с Олимпиадой, связанный с отречением её от звания царицы. Аттал был в восторге!

В столь необычной и весьма болезненной для Александра ситуации он, как официальный наследник, оказывался в сомнительном положении. Аттал — храбрейший военачальник отца, к тому же тесно связанный родственными узами с влиятельными представителями военной элиты, среди которых был полководец Парменион. Ссориться с ним царю Филиппу было не только нежелательно, но ещё опасно! После свадьбы Клеопатры он получал огромное влияние при царском дворе. А если у «молодых» родится мальчик, тогда вместо нелюбимой царём и македонянами чужестранки, эпирянки Олимпиады, в Пелле появится новая царица-мать из древнейшего македонского рода. Такой оборот событий Филиппа устраивал, ибо тогда он получал окончательное при-

знание македонской знати, подорванное в своё время опрометчивой женитьбой на Олимпиаде. Судя по надвигающимся событиям, Олимпиаду и её сына ожидали тяжкие времена. А отказаться от родной матери Александр не посмеет, как и удержать отца от опрометчивого шага...

Олимпиада капля по капле впитывала горькие слухи о предстоящем разводе, постепенно ожесточалась по отношению к неверному супругу. Злость, переполнявшая её раненое сердце, изливалась на слуг, которых царица наказывала за мельчайшие провинности и даже била собственноручно. Она уже ненавидела всех македонян, задумывалась о мести Филиппу, и это состояние постепенно стало главным содержанием её волевой натуры. Аластор — демон мести и гнева, полностью завладел её естеством, а мщение окончательно заменило былую любовь к отцу её ребёнка, Александра.

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Филипп отбыл в Скифию, как обещал своему новому другу царю Атею, чтобы помочь разобраться с его врагами. Александр, став хранителем царской печати, принял за привычку проводить каждое утро в мегароне для официальных приёмов, важно восседая на тронике. Часто вызывал Элния, секретаря Филиппа, выслушивал сообщения о происходящем в стране и вне её пределов. Иногда с озабоченным видом предлагал своё собственное решение, в других случаях посылал за Антипатром, которому царь доверил присматривать за наследником. Подобное состояние, когда он ощущал свою значимость, возможность принимать решения, ему очень нравилось. На радостях он почти летал по дворцу, повсюду вникая в заботы прислуги, расспрашивая и давая им советы, показывая свою полезность даже здесь, вызывая благодарные улыбки и пожелания здоровья. Когда заканчивались «государственные» дела, довольный собой Александр вызывал Хейрисофоса, с которым общался, выяснял,

что эконо́м собирается делать или закупать полезного для хозяйства, интересовался всем вплоть до закупки продовольствия для кухни. Проведя в заботах полдня, Александр обедал, после чего не отдыхал, как это делали придворные, а заглядывал в кабинет царя, несмотря на запрет. Впитывая устоявшийся мужской дух, он приобщался к замыслам и делам отца; просматривая папирусные свитки из библиотеки, находил что-либо для себя захватывающее и с упоением читал — в основном, из истории народов Ойкумены, мечтая о грядущих битвах во благо Македонии, бок обок с отцом.

Неожиданно полезным занятием для царевича оказалось общение с Каллисфеном, учителем истории и географии. После того, как наставник Александра отбыл в Стагиры, его племяннику предложили должность *историографа*, по сути, летописца царского двора. Прежний секретарь Кресфонт, старый человек, исполнявший эти обязанности до недавнего времени, умер, а Филипп решил никого не искать на стороне. Среди прочих обязанностей Каллисфен вёл *эфемериды* — так назывались ежедневные отчеты о деятельности царя и членов семьи, представлявшие собой официальную хронику событий.

Каллисфену, молодому человеку, служба в Пелле показалась необременительной, даже привлекательной. А всё потому, что задумал он сочинять биографию Александра как будущего македонского царя. Начать историю возмужания наследника с юных лет. Понимая важность труда Каллисфена для себя, царевич охотно общался с ним, обдумывал каждое слово, высказанное для записи, а царский летописец был рад возможности наблюдать вблизи царский двор со всеми тайнами, интригами и откровениями, увековечивая своим заостренным каламусом быстротекущее время Александра.

Скоро во дворце заметили, что голос царевича, вначале по-юношески недостаточно окрепший, обрёл повелительный тон, у него проявились черты, несвойственные возрасту — жёсткость и трезвость в принятии решений. С некоторых пор

его распоряжения, прежде исполняемые со снисходительными улыбками, стали бояться оставить без внимания, не говоря уже о возражениях ему.

Александр, обласканный в детстве почти истеричной любовью матери, в последние годы воспитанный философскими назиданиями Аристотеля, трудно входил в своеобразную обстановку царского двора. Он замечал, что вельможи из знати нередко делали вид, что не замечают его, избегая встреч с ним. Царевич догадывался, что их поведение являлось проявлением сложившейся нелюбви к Филиппу из-за женитьбы на Олимпиаде, чужеземке, которую македонская элита тайно и явно ненавидела. Александр, если бы пожелал, мог смириться с судьбой, но он любил мать, и предавать её было не в его характере. Врождённая гордость не позволяла идти на поводу людей ниже рангом, поэтому он, как мог, отгораживался от всех во дворце незримым барьером, и даже с самыми знатными приближенными царя вел себя независимо.

Чтобы не чувствовать себя окончательно одиноким, Александр сдружился с Гефестионом, Птолемеем и Гарпалом — все из знатных семей, и ещё с Неархом, Лаомедонтом и Эригием, из небогатых греческих семей. А остальные товарищи по Миэзе из придворных родов Пармениона, Антипатра и Аттала не входили в доверительный круг его близких друзей.

* * *

Неожиданно произошло событие, перевернувшее представление македонской знати о сыне царя. Примерно через месяц после того, как войско Филиппа оставило Пеллу, в мегарон зашёл Элний.

— Александр, племена медов* восстали и убили наших сборщиков дани, — сообщил он без особого энтузиазма, ради формального отчёта.

Гром с ясного неба! Наследник знал, что эти ранее недружественные фракийские племена, давно примиренные Филиппом, исправно выплачивали дань, не проявляя жела-

ния выйти из-под его опеки. Македония взамен защищала их селения от враждебных соседей. Но среди фракийцев кто-то пустил слух, что Филипп погиб в Скифии, и меды тут же от-вернулись от Македонии.

— Я накажу отступников! — решительно заявил Александр Антипатру, которого немедленно вызвали на совет вместе с командирами, кто оставался в резерве при дворе.

— Если так случится, отцу понравится, — высказался советник, не придавая значения своим словам.

Мнение любимого советника и полководца отца оказалось для Александра решающим. Он приказал командирам в экстренном режиме готовить отряд и призвал Каллисфена, чтобы он сообщил о медах всё, что знает.

— Меды когда-нибудь всё равно решились бы на восстание, — пояснил Каллисфен. — Они проживают в долине Стримона, укрытой горами с густым лесом, и поэтому чувствуют себя в значительной мере безопасно. Они думают, что их главный город Мелник*, окруженный стенами, недоступен для врагов, поскольку стоит в месте слияния рек Струмы и Струмицы.

Каллисфен вспоминал о медах, что о них писали древние авторы. Александр удивился, когда узнал, что меды ведут родословную от Меда, сына дочери царя колхов Медеи, возлюбленной Ясона, предводителя легендарных аргонавтов.

— Ксенофан из Колофона написал о своих встречах с фракийскими медами, — продолжал сыпать сведениями Каллисфен, — будто внешне они отличаются от греков вследствие рыжих и русых волос и голубых глаз; отпускают усы и бороду, а волосы на голове предпочитают собирать на макушке.

— Ну, это нетрудно проверить, — усмехнулся царевич. — А тебе известно, как они воюют, их обычаи? Чтобы победить врага, узнай его изнутри, — так учил отец.

— Судя по высказываниям Геродота, вооружены они дротиками, пращами и маленькими кинжалами, но владеют ими хорошо. Интересно отметить их странные обычаи: детей сво-

их они продают на чужбину, целомудрие девушек не хранят, но верность замужних женщин строго соблюдают. После смерти мужа родственники спорят, кто из нескольких его жён была самая любимая — вот её закалывают на могиле, чтобы сопровождала в потустороннем мире, а остальные жёны сильно горюют, что выбрали не их. К труду меды непривычны, наиболее почётной считают жизнь воина и разбойника. Таковы, царевич, самые замечательные их обычаи.

Вскоре отряд был готов к походу. Узнав, что поход возглавит сын царя, воины-ветераны, *педзетейры*, наперебой напрашивались пойти с ним, желая поддержать его и самим отличиться в сражениях. Однако у командиров предводительство семнадцатилетнего юнца вызвало немало сомнений и ухмылок. Понимая ответственность перед царём за наследника, Антипатр вызвался принять участие в походе: если Александру суждено победить — вся слава достанется ему, наследнику царя, а если неудача — позор на седую голову Антипатра!

У Александра не было боевого снаряжения, исполненного специально для него — пришлось спешно подбирать в царском арсенале и подгонять по росту и юношеской комплекции. В поход царевич отправился на своём друге Букефале, по которому тосковал, когда был занят учёбой. Для обоих это было первое испытание на верность друг другу...

* * *

После появления македонского отряда на земле медов события разворачивались столь стремительно, что даже опытным воинам и командирам, и Антипатру, приходилось только удивляться решительности Александра, его знанию военного дела. Поначалу советник, зная об упрямстве и вспыльчивости царевича, предлагал командирам действовать самостоятельно, по обстановке, рассчитывая на собственный опыт и боевую выучку воинов. А если Александр вдруг проявит инициативу, осторожно поправлять его ошибки. На деле получалось так, что ошибок с его стороны не было совсем,

проявлений же личной смелости и неординарных решений оказалось предостаточно...

Старейшины медов, узнав о выступлении против них небольшого отряда, да ещё под предводительством юнца, обещали соплеменников оказать жесточайшее сопротивление, истребив на месте всех врагов. Завоевание независимости от македонского влияния служили им гарантией ожидаемой победы. Понимая, что меды могут выиграть числом, юный полководец распорядился привязать к спинам выючных животных длинные ветки и так прогнать их на виду у войска противника. Огромное облако пыли создало впечатление наличия у македонян огромного войска, отчего меды заколебались, принимая решение — напасть или отступить. В итоге устрешились, после чего Александр быстро перехватил инициативу.

Объединённое войско медов было разгромлено в единственном сражении. Юный полководец запретил брать медов в плен, делать рабами, оставил жить, чем сильно удивил обе стороны, македонских воинов и медов. Но взамен наказал мятежников огромным выкупом и в очередной раз заставил покориться Македонии и впредь без неожиданностей выплачивать суровую дань. В сопровождении обоза с награбленной добычей отряд повернул в сторону дома.

Возвращение в Пеллу не показалось македонянам триумфальной прогулкой. По дороге племена кельтов преградили путь; прислали гонцов с требованием оставить обоз. «Мы вас не тронем!» — обещали кельтские вожди. Царевич решил подумать до утра...

Задержав кельтских переговорщиков у себя, Александр отобрал группу смельчаков и под прикрытием ночи незаметно обошёл засаду, где укрылись кельты, а перед рассветом напал на близлежащее селение. Разорил его и скорым маршем пришёл к другому поселению — тоже разорил. Следом такая же судьба постигла очередное селение. Когда кельты спохватились и разошлись по своим домам, чтобы защищаться, македоняне методично разгромили их разрозненные силы.

Усмирив кельтов, Александр надумал обезопасить свой проход и взялся за *трибаллов*, разогнал их отряды, после чего направился в земли *хеттов*, которые прежде досаждали македонянам тем, что нападали на приграничные области. Чтобы застать их врасплох, Александр приказал двум десяткам воинов переодеться в женское платье, и в таком виде в повозках двигаться к главному хеттскому городу. Стражники, думая, что перед ними женщины, тревоги не подняли, а когда повозки приблизились, македоняне неожиданно напали на охранников ворот и держали их до подхода основного отряда. Александр приказал пленить всех жителей, сделать рабами, а их жильё заселить македонскими переселенцами. Имя новому городу не пришлось придумывать:



— Я назову его Александрополем, как поступает мой отец, называя своим именем новые города на землях своих врагов. Это будет мой первый город, а всего я хочу построить по всему миру тысячу городов с таким именем!

Возвращаясь в Пеллу, воины и командиры уже не подшучивали над юностью своего полководца. Царя Филиппа они знали давно, были знакомы с его манерой воевать,

побеждая или отступая, не теряя самообладания, но его сын действовал совсем по-другому, но оправданно, смотря по результатам. Царь Филипп до начала сражения много комбинировал, искал у противника слабые места, куда следует нанести победный удар, всегда колебался и чего-то выжидал. Принимал окончательное решение, когда верил в победу. Судя по первым сражениям с участием Александра, его сын, на первый взгляд, неоправданно шёл на риск и проявлял нетерпение, считая ниже своего достоинства вступать в переговоры с врагом. В отличие от намерений отца, он старался найти сильное звено в цепи обстоятельств, в которых находился враг, а после наносил неожиданный удар именно там, где его не ожидали. С тех пор атака сходу и без подготовки «в лоб» стал излюбленным приёмом в последующих военных операциях Александра. Он не развязывал «узлы», а решительно разрубал их, часто поставив под сомнение свою жизнь, судьбу. Вот почему ход его мыслей и действия для врагов всегда оказывались непредсказуемыми, и именно это обстоятельство обеспечило ему в дальнейшем знаменитую череду ошеломительных побед.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СКИФАМ

Сообщения о смерти царя Филиппа оказались небеспопулярными. События на скифской земле разворачивались совсем не так, как предполагалось ранее. Пока македоняне спешили на выручку царю скифов, неожиданно умер фракийский вождь, его главный враг, а с ним распался весь антискифский союз племен, расположенных в долине реки Истр. У Атея отпала нужда в военном союзнике в лице македонского царя, о чём он поспешил сообщить Филиппу. Прислал с гонцом весточку: «Скифские воины достаточно храбры, чтобы обойтись без твоей помощи. Боги теперь за скифов!». Девяностолетний царь Атей наивно предполагал, что для прекращения обязательств перед Филиппом достаточно ко-

роткого сообщения. Но как он ошибся! Дальнейшие события показали, что скифский царь недооценил своего македонского друга...

Дело в том, что царя Филиппа не устраивала перспектива возвращения домой ни с чем. Как он объяснит своим полководцам, советникам и воинам затеянный ни с того ни с сего дальний поход в Скифию? А что, собственно, изменилось для Македонии? Он вернул скифского гонца с негодующим напоминанием:

«Атей! Ты обещал усыновить меня, царя македонян, и сделать наследником престола скифских царей. Если ты раздумал, возмести мои затраты на подготовку войска и поход к тебе!»

Атей, уверенный в том, что после бесславной осады Перинфа и Византия военные силы Филиппа не представляют для него большой угрозы, затеял с ним искусную игру: не стал отказываться соблюдать союзнический договор, но и не спешил его выполнять. Тянул, сколько у Филиппа хватило терпения. Затем отписал ему:

«Царь Филипп! Ты мой друг, я многим тебе обязан и готов был рассчитаться с тобой по твоим затратам. Но сейчас в Скифии погода ухудшилась, земли бесплодны. Я жалею о крайней бедности своего народа, который сам едва добывает себе пропитание. Ты владычествуешь над македонянами, привычными воевать с людьми, а я — над скифами, умеющими бороться с голодом и жаждой. Вот почему я не могу ни отдать тебе деньги на войско, ни даже сделать личный подарок, достойный царей. А по поводу твоего желания быть наследником престола царя скифов могу сказать, что у меня есть родной сын, законный наследник, которого признают все скифы. Вот и подумай, зачем мне всё это, о чём ты пишешь мне».

Судя по издевательскому тону письма, Атей чувствовал себя уверенно, хозяином положения, отчего не стеснялся показать Филиппу своё превосходство. Это ещё больше раззадорило македонского царя. Он собрал совет военачальников,

раскрыл далеко идущие планы по Скифии. Получив одобрение и поддержку, Филипп решил воевать со скифами. Но перед тем, скрывая намерения, отправил к Атею для «переговоров» боевого командира Темена, своего любимца.

Атей принял Темена не в царском шатре, как ожидал посланник македонского царя, а в конюшне, где собственноручно чистил своего коня. Рядом лежали на земле два огромных дога, какие обычно надёжно охраняли скот на пастбищах: скифы держали таких собак для охоты на диких животных.

— Твой царь делает то же самое со своим конём? — озабоченно спросил Атей, не отрываясь от занятия.

Темен, замешкавшись, ответил:

— Нет, для этого у него есть конюхи. Много конюхов.

Атей промолчал. Закончив уборку, отдал щётку слуге, поцеловал коня в мокрые губы и пошёл прочь, на ходу махнув рукой гостю, приглашая следовать за ним. Подошли к просторному шатру, сшитому из рыжих коровьих шкур. Прошли вовнутрь, где македонянин увидел несколько стариков, сидевших вдоль «стен» на корточках. Перед каждым стоял низкий столик с едой. Столики имели по три опоры, на них по три блюда: три — магическая цифра для скифов. Эти наблюдения немного развлекли Темена.

— Мои советники, — пояснил царь Атей, устраиваясь за столик напротив входа — самое почётное место. — Ты, я понимаю, проголодался? — он указал Темену место рядом, справа. — Сначала поедим, говорить будем на сытое брюхо.

Темен оглядел участников застолья. Мужчины сидели в остроконечных войлочных колпаках, откуда длинными прядями волосы спускались на плечи. Пожилой скиф крупного телосложения, больше похожий на борца, имел причёску из спиральных локонов — по греческой моде. У всех усы, завитые и подстриженные бороды.

Слуги занесли большое блюдо с хлебом и ещё одно с большим куском жареного мяса; источавшее дразнящие аппетит запахи, оно шипело раскалёнными каплями жира.

Царь разломил круглый хлеб на ломти, бросил каждому из советников; нарезал ножом мясо и, воткнув нож в кусок, протягивал старикам, оказывая им уважение. Себе оставил небольшой кусок. Темен получил свою долю из его рук. Когда Атей вонзил в мясо крепкие желтоватые зубы, все одновременно приступили к еде. После мяса принесли пироги с жареным сыром. Подали мутный некрепкий напиток, по вкусу напоминавший кисловатое пиво египтян. Были ещё блюда с варёной кониной и бараниной, мясо гусиное и козье, утки, куропатки и сороки.

Во время еды слуги разносили огромные рога с вином; участники пира брали по рогу, а когда виночерпий подошёл к Атею, он ещё жевал. Видя, что Темен доел свой кусок, сказал слуге:

— Поддай моё вино гостю. Он друг моего друга, царя Филиппа. Я вижу, он уже отдыхает, а я еще занят. Наверное, такая была шутка скифского царя, потому что все сразу рассмеялись. Македонянин, не поняв, как ему реагировать, на всякий случай, улыбнулся и принял рог.

Когда все начали пить вино, пошли здравицы. Скиф со странной греческой причёской — выяснилось, что это был один из союзных скифских вождей Причерноморья, — взяв наполненный рог, сказал с сосредоточенным видом:

— Я пью за твое здоровье, царь Атей, и дарю самого лучшего белого коня из моего табуна! На нем ты догонишь убегающего врага и, если понадобится, он убережёт тебя от погони.

При этих словах лицо Атея скривилось в недовольной гримасе.

— Зря ты, Дитилас*, пожелал мне бегства с поля боя. Даже гость мой, посланец царя Филиппа, знает, что скифы никогда не бегут от врагов. Они иногда делают вид, что отступают, но только для того, чтобы напасть со стороны, откуда их не ждут, и убивают врагов, — закончил Атей под одобрительный смех сотрапезников.

Другой скиф, предложив пить за здоровье Атея, подарил

ему раба, третий — одежды для его любимой молодой жены. Темен тоже был готов к подобной традиции среди скифов: выпил за здоровье хозяина пира и подарил серебряную чашу и амфору оливкового масла, которое скифы очень любили. Атей, несмотря на преклонный возраст, отпивал из рога каждый раз, когда произносилась здравица в его честь, а в конце опрокинул его, показывая, что он пуст. После каждой здравицы за шатром хрипло звучали трубы, стучали в барабаны, услаждая слух пирующих скифов.

После застолья Атей пригласил македонского гостя посмотреть, как забавлялись его воины. В «игре» участвовали несколько человек. К дереву подвешивали петлю-удавку, а под ней ставили камень, который легко валился на бок. Тянули жребий, и «счастливчик» с ножом в руке становился на камень. Затем на шею ему надевали петлю, а он сторожил тот момент, когда кто-то из его товарищей по «игре», проходя мимо, неожиданно ударял ногой по камню. Человек с петель на шее соскальзывал с камня, но спешил вовремя перерезать веревку: если это ему не удавалось, он повисал всем телом, погибая от удушья. Действие «игры» происходило под гогот соплеменников, они оживлённо делали ставки, доказывая в очередной раз непосвящённым, насколько скифы безразличны к виду смерти, даже если она собственная...

Атей незаметно наблюдал за Теменом, как он реагирует на «забаву», а потом спросил с едва скрываемой улыбкой:

— Я слышал от Филиппа, что ты герой. Испробуй, если не боишься, свою сноровку.

— С охотой, царь, да я не ради забавы здесь, сам знаешь, — строго ответил македонянин, не давая больше повода шутить на эту тему.

— Правильно сказал. Герои проявляют себя на поле битвы, а не в забавах. И то — хорошо, что ты у меня по делу твоего царя. Излагай, с чем пришёл.

Македонянин, осознавая ответственность в стане противника, набрался духу и произнёс твёрдым голосом:

— Мой царь Филипп передаёт царю скифов Атею, что-

бы он не беспокоился, если узнает о том, что македонское войско идёт через твои земли.

— Это зачем? — удивился Атей.

— У моего царя одна цель — воздвигнуть в устье Истра статую Геракла, поскольку он дал обет во время осады Византия.

Атей в изумлении поднял брови.

— Стоит ли царю Филиппу тащить за собой целое войско так далеко всего лишь для того, чтобы он мог исполнить обет своему богу? Ладно, возвращайся поскорей к своему царю и передай, чтобы он зря не беспокоился. Пусть возвращается назад. Он мой друг, вот почему я распоряжусь изготовить статую Геракла и сам поставлю в том месте, где он велит, от его имени. Обещаю заботиться о ее сохранности.

Царь повернулся к Темену. Лицо Атея неожиданно обрело резкие черты, голос стал грубым:

— Но если твой царь не откажется от своего намерения, я прикажу наказать его — скифы не потерпят македонян на своей земле! А если он осмелится и поставит статую против желания скифов, то после его ухода она будет низвергнута, а медь, использованная для изготовления, будет употреблена на наконечники для скифских стрел, направленных против македонян.

Говоря это, Атей не сводил глаз с Темена. Неожиданно царь побледнел, пошатнулся и, чуть было не упал: его успели подхватить под руки двое телохранителей. Возраст брал своё — длительная пирушка и особенно последние слова сильно утомили старика. Уже уходя, он повернулся к Темену и сказал, как показалось Темену, с лёгким упрёком:

— И зачем только Филипп хочет воевать со скифами? Он ничего нашего не сможет взять с собой — городов у скифов нет, как нет дворцов и сокровищниц. Все скифы — кочевые люди, все — воины, мы возим свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота. У нас нет постоянных пастбищ, которые вы намерены делить или отнять. Круглый год скифы идут следом за своим домашним скотом. Так и передай моему другу Филиппу.

* * *

Македонский царь не услышал просьбу Атея. Достигнув реки Истр, Филипп получил известие, что огромное скифское войско движется навстречу. Значит, если количеством их не возьмёшь, потребуется качество сражения, нужна мудрая стратегия. Но Филиппу пришлось поднимать боевой дух македонских воинов, потому что многих смутила сила скифов. Он поставил в тылу своей пехоты наиболее верных тяжеловооружённых всадников. Их задача была... не позволять своим же воинам отступать, бежать от скифов!

Натиск скифской конницы был ощутимый, отчего центр знаменитой македонской фаланги не выдержал — прогнулся, и некоторые воины повернулись спиной к врагу, побежали. Их немедленно убивали — свои и скифы. Другие, кто ещё держался в строю, замечали это и продолжали отчаянно сражаться. Филипп выждал момент, когда скифы ослабили атаку, наслал на них лёгкую конницу, которая начала выбивать бреши в их рядах. Благодаря этому приему скифы понесли значительные потери и неожиданно повернули назад — то ли специально, то ли действительно от расстройства рядов. Рассредоточившись по всему полю сражения, они стали уязвимы для македонской конницы.

Скифские всадники, число которых перед боем было впечатляющим, теперь выглядели растерянными. Кто остался жив, убегали, пока, наконец, все исчезли. Равнина, где происходило избиение кочевников, выглядела словно поле пшеницы после урагана — улеглось трупами, в значительной мере, скифскими. Царь Атей, несмотря на преклонные года, сам командовал войском, пока не погиб от удара копья — в своих золочёных доспехах он был слишком заметной фигурой. Остальные скифские князья и царьки пришли к покорности царю Филиппу, смиренно обещая ему впредь не затевать какого-либо вооруженного сопротивления, а дань платить исправно.

Царь Филипп остался верен своим принципам: он разре-

шил македонским воинам грабить всё, что попадётся на пути. Вот почему все скифские селения по правую сторону Истра оказались разграблены, разорены полностью. На левый берег македоняне не переправлялись — ни к чему, добра и так хватало: они вели с собой до двадцати тысяч скифских женщин и детей для продажи в рабство, и несметное число домашнего скота. Ещё двадцать тысяч чистокровных кобылиц отправлялись в Македонию для улучшения породы местных табунов. В хороших конях македонская армия всегда нуждалась! Но в чём оказался прав царь Атей — ни золота, ни серебра у скифов не было...

* * *

Отягощенное громоздкой добычей — пленными и скотом — македонское войско неспешно возвращалось домой. Впереди неблизкий путь. Часто делали привалы, отдыхали, пировали у костров, развлекались с пленными женщинами. Филипп указал на место, где нужно было сделать стоянку, но услышал от воинов:

— Здесь не будем останавливаться! Видишь, царь, нет травы для наших коней и вьючного скота!

— Вот наша жизнь: живем так, чтобы только ослабить жизнь была по вкусу! — с горьким смехом сказал в ответ Филипп. И легко согласился на выбор для отдыха в другом месте.

По пути домой у царя хватило достаточно времени, чтобы подумать над недавними событиями. Он спешил к Атею с дружбой, а на деле — нарушил уговор, убил друга, ограбил скифов... Но винить себя он не намеревался: не упрямствовал бы старик, вместе с македонской конницей погуляли бы в степях до Меотиды*... Там по берегам этого странного моря богатые города греков, полно рыбы, зерна, вина... За Меотидой ещё живут народы... Просторы — дух захватывает!

На третий день пути встретила переполненная дождями река. Долго искали брод, а когда нашли, стали переправляться. Получалось плохо, особенно с пленными, женщины и дети боялись воды. Лошади храпели и осторожничали. Без

потерь не обошлось — бешеный поток унёс часть пленных, коров, коз и овец... Скотину было жалко!

После переправы Филиппу надо было выбирать, по какой дороге идти. Выбор такой — по той, что войско шло в Скифию, или по новым землям, не топтаным, не разграбленным. Уверенный в том, что победа над скифами позволяет ему никого впредь не бояться, а слух об этом, скорее всего, уже прошёл по землям Приистрии, царь приказал повернуть на незнакомую дорогу вдоль черноморского побережья. Войско медленно, из-за громоздкого обоза, двинулось напрямик через земли иллирийских *трибаллов*, враждебных к Македонии.

В узком ущелье отряд трибаллов перекрыл им дальнейшее продвижение. Для начала грубо потребовали плату за проход. Филипп высокомерно отказался и приказал воинам захватить горное ущелье, что было исполнено с потерями для обеих сторон. Но сразу за ущельем македонян ожидало хорошо организованное вражеское войско. Что ни предлагал им царь Филипп, вожди трибаллов отказались пропустить македонян через свои земли. Когда стало понятным для обеих сторон, что схватка неизбежна, Филипп распорядился прикрывать походную колонну с флангов пленными в надежде, что трибаллы не захотят их осыпать стрелами.

Некоторое время македонским воинам удавалось избегать открытого сражения. Но в какой-то день трибаллы с ожесточением напали на задние ряды, нанеся большой урон. Филипп приказал остановиться. Воины развернулись, фаланги оцетинились длинными копьями, *сариссами*. Одновременно царь приказал вспомогательному отряду соорудить вал в виде полумесяца из брёвен, повозок и прочих предметов из дерева, после чего сооружение подожгли. Пока огонь горел, и дым застилал трибаллам глаза — ветер дул в их сторону, — они ничего не могли предпринять, а македоняне тем временем организованно продолжили путь. Филипп до последнего надеялся, что удастся избежать схватки с трибаллами, он не

хотел тратить на них силы и время, предполагая расправиться позже, когда он сам этого захочет.

И всё-таки избежать вооруженного противостояния не удалось. Враги приняли терпение Филиппа не как желание сохранить войско и добычу, а за нерешительность и трусость. Они всё-таки напали на македонян, а тем пришлось отражать натиск трибаллов. Боевой опыт и профессионализм воинов Филиппа оказался выше наглости трибаллов, сражение сразу сложилось не в пользу нападающих. Трибаллы уже были готовы прекратить сражение, начали в беспорядке отступать, как царь Филипп заметил невдалеке воина в лисьей шапке поверх шлема. Он бился в окружении телохранителей, отбиваясь от наседавших на него македонских воинов.



Это мог быть только вождь! Филипп на коне ринулся в том направлении и неожиданно оказался без прикрытия своих гвардейцев — один среди врагов! Рослый трибалл, прикрывая вождя, неожиданно бросил копье в Филиппа, которое пронзило его в бедро так, что острие вышло наружу и застряло в крупе коня. Конь взвился от боли и скинул царя, обливающегося кровью, на землю. Македонские воины, кто видел происходящее, ужаснулись: они подумали, что Филипп

мёртв, они замешкались, среди царского окружения поднялась суматоха...

Наступление македонян захлебнулось, а трибаллы не потерялись. Воспользовавшись выгодной для них ситуацией, они вернулись назад и напали на македонский обоз, охраняемый на тот момент всего лишь вспомогательным отрядом. Разграбили его, как успели, и угнали с собой скифских пленных и весь скот, оставив македонян ни с чем.

* * *

И всё-таки поход в Скифию пошёл для Македонии на пользу. Царь Филипп ослабил скифов, предотвратив тем самым их вмешательство во Фракию, где сейчас появились македонские интересы. А трибаллы не представляли для Македонии серьёзной силы, поэтому царь Филипп мог теперь сосредоточить внимание на подготовку главного сражения в своей жизни — приведение Греции под своё собственное влияние.

ОТЕЦ И СЫН

Вечерняя тишина Пеллы взорвалась громким лаем собак, почуявших издали неясный шум. Через время люди услышали гул голосов, лошадиное ржанье, грохот обозных повозок — македонское войско возвращалось домой...

* * *

Царя на переносном ложе внесли в спальню: в походе врачи пролечили бедро неплохо, рана стала затягиваться, но Филипп, не способный оставаться долго в бездействии, начал ходить, пересиливая боль. Тот час рана открылась и стала загнить. Олимпиада, узнавшая о ранении мужа от гонца, решила не проявлять обеспокоенности, выжидала, пытаясь выяснить, как супруг поведёт себя дальше по отношению к ней. Пойдёт ли на сближение с ней ради сына.

Александр ожидал обнаружить отца беспомощным, прикованным к ложу. А он, когда увидел встревоженное лицо сына, привстал и, опёршись на локоть, прижал к себе и долго не отпускал. Потом произнёс бодрым голосом:

— Я горжусь тобой, Александр! Мне всё рассказал Антипатр. Ты показал врагам, что у царя Филиппа вырос наследник, готовый положить жизнь ради могущества Македонии, — он поймал беспокойный взгляд сына. — За меня не волнуйся! Боги берегут меня, хотят, чтобы я успел найти для Македонии достойное место в ряду греческих городов. Видишь, афинский крикун Демосфен уже похоронил меня, а я живой!

Филипп откинулся головой на валик, устроенный под шею, перевёл дыхание; взмокший от пота лоб выдавал небольшое напряжение сил.

— Ты видишь, Александр, у меня нет одного глаза, сломана ключица и вот теперь рана в бедре. Но я не огорчаюсь, для меня боевые шрамы лишь подтверждение, что я радею за свой народ и Македонию.

Вошёл Критобул, старый царский лекарь. Подошёл к Филиппу с причитаниями:

— Жар не спадает, а жар — от нагноения раны. Рана гноится от воспаленного мяса, разорванного копьём. От этого кровь изменяется и согревается, становится испорченной. Но жар скоро спадёт.

Он вытащил из-за пазухи чашу.

— А чтобы гной полностью исчез, иросло новое мясо, нужно мазать этим замечательным карийским средством.

Александр слышал от Аристотеля, преподавшего несколько уроков медицины, что так называлась мазь из Карики, приготовленная на кедровом масле, соединяющая воедино медь, свинец, мышьяк, чемерицу и настой из мух *кантарид*.

Критобул высушил рану губкой и осторожными мазками стал накладывать мазь. При этом говорил, как бы сам с собой:

— Сухое состояние раны ближе к здоровому, а влажное — ближе к нездоровому. При таком ранении следует

совсем немного есть и пить, пока она воспалена. Не следует, пока болеет, ни стоять, ни сидеть, ни ходить; покой и неподвижность будут особенно полезны.

Закончив лечение, Критобул наложил сверху повязку.

— Как только рана начнёт подсыхать, царь, я приготовлю другую мазь, которая приведёт к окончательному выздоровлению, — сообщил он, поглядывая на Александра. — У меня нет от тебя секретов, юноша: она будет из сушеной желчи быка, горного меда и белого вина, в котором сварены опилки лотоса, ладан и столько же мирры и шафрана, и лепестки меди.

* * *

Александр несколько раз приходил к отцу, пока он лежал в постели. Филипп просил рассказывать во всех подробностях о походе на медов и кельтов, охотно рассказывал о приключениях в Скифии. Сокрушался, признавая свои ошибки, советовал сыну не повторять их. Особенно запомнился вечер, когда Филиппу стало лучше, и он занялся запущенными царскими делами. Когда Александр зашёл к нему с каким-то своим вопросом, отец уже закончил, что планировал на день, и, довольный собой, был не против того, чтобы поделиться с сыном собственным жизненным опытом. Когда Александр спросил, что позволило ему выиграть сражение со скифами, царь ответил:

— Это нетрудно было совершить, потому что я верил в себя. Твоя непобедимость, сын мой, заключена в тебе самом, а возможность одержать победу над противником заключена в самом противнике. Но хитри: если ты можешь его одолеть, показывай противнику, что не можешь. Если ты пользуешься чем-нибудь мощным, сильным, показывай, что не пользуешься.

Филипп для примера рассказал историю победы Фрасилла в морском бою, когда этот афинский стратег, желая показать противнику, что под его началом имеется немного кораблей, *триер*, приказал своим кормчим выстроить их по

три в связке, а паруса распустить только на одном из связки. Своими действиями он дезориентировал противника, тот обманулся, расслабился, предполагая лёгкую победу, и, таким образом, Фрасилл застал его врасплох.

Искусство дипломатического или военного обмана противника являлось частью стратегии царя Филиппа. Он часто пользовался хитростями, *стратагемами*, позволявшими одерживать победы не силой оружия, а разума, умением вводить противника в заблуждение. Об этом он говорил сыну:

— Если ты хочешь подойти к врагу близко, показывай ему, что ты ещё далеко. Если он оказывается силён, не стремись доказать ему то же самое, а поступи мудро — уклоняйся от него, пока не поймёшь, что ты уже силен. Отступай, заманивай противника будто бы выгодой, вызывай в нем гнев, что ты не сдаёшься, приведи его в состояние расстройств. А когда приведёшь, бери его уверенно. Нападай на него, когда он не готов, выступай, когда он не ожидает. Если силы твои свежи, утоми его, если ряды его дружны, разъедини.

Филипп припомнил Геракла, семейного предка:

— Геракл не всегда побеждал силой. Когда он видел перед собой много врагов, он прибегал к хитрости. Помнишь, как в Фессалии он изгнал род кентавров с горы Пелион? Они избегали встречи с ним, прятались по ущельям, а он не желал их искать и убивать. Герой нашёл пещеру, где хранилось их вино, открыл один из пифосов, отчего ароматное благоухание распространилось по всей округе. Кентавры, услышав знакомый запах, сбежались к пещере, чтобы наказать похитителя, а Геракл, будто бы защищаясь от нападавших, убил нескольких. Остальные в страхе убежали, оставили Пелион для людей.

Александр услышал ещё историю, каким образом Геракл расправился в Эриманфе со свирепым вепрем. Не понадеявшись на собственные силы, герой взял зверя хитростью. Вепрь спал в пещере, расположенной в ущелье, полном снега. Выманить зверя было сложно и опасно. Геракл забрался

на гору, откуда кидал камни в пещеру. Вепрь рассвирепел и, чтобы найти нарушителя его покоя, выскочил из пещеры и сразу глубоко увяз в снегу. Гераклу осталось только добить вепря.

В другой раз, когда у царя появилось время встретиться с сыном, он решил поделиться хитростями, но уже на дипломатическом уровне. Вначале упомянул Бианта, мудреца из Приены*, кто бежал вместе с жителями из захваченного персами города, но в отличие от всех, кто забирал всё своё имущество, не взял ничего. На вопрос, почему он так поступил, ответил: «Всё своё ношу с собой».

— Разные истории рассказывают о мудрости этого человека, — начал Филипп. — Но я поделюсь такими из них, какие считаю замечательными, когда он только словом выигрывал больше, чем иной полководец на поле сражения.

Александр услышал удивительные вещи, случившиеся почти триста лет назад...

Во время длительной осады Приены войском лидийского царя Алиатта, когда осаждённым грозил голод, и они были готовы сдаться на милость врага, Биант предложил согражданам раскормить двух ослов и, невзначай, выпустить их за ворота, пощипать травку на лугу на виду лагеря лидийцев. Ослов поймали и привели к Алиатту, а тот поразился упитанности животных и решил, что у приенцев всё в порядке с пропитанием. Решив проверить своё предположение, царь послал в Приену своих представителей на переговоры, обязав их проверить, так ли на самом деле. Узнав о предстоящем визите лидийцев в город, Биант велел на пути от городских ворот до Булевтерия*насыпать большие кучи песка и, собрав по хранилищам последние запасы зерна, присыпать им сверху. Когда послы вернулись в лагерь с сообщением об огромных запасах продовольствия в Приене, Алиатт осознал бесполезность дальнейшей осады города, заключил с Приеной мирный договор и ушёл с войском.

После смерти Алиатта в Лидии царём был его сын Крез. Ему удалось захватить греческие города на материке и за-

ставить их платить ему дань. Через некоторое время Крез надумал покорить греков и на островах и начал приготовления к строительству большого флота. Его намерения сильно обеспокоили островитян, они в страхе ожидали самого худшего. Биант, узнав о том, прибыл в Сарды, где была резиденция Креза. Царь, наслышанный о мудреце, принял его, спросил:

— Что слышно у греков?

— О, царь! — ответил Биант. — Я слышал, что островные греки спешно закупают коней в большом количестве.

— Зачем они так делают? — удивился Крез. — Кому на островах понадобились кони в таком количестве?

— Э, царь, ты многого не знаешь! Не знаешь, как обрадовались островные греки, когда прослышали, что ты строишь корабли, на которых собираешься приплыть на острова. У греков никогда не было и не будет столько кораблей, как у тебя. Поэтому хотят отобрать их у тебя, погрузить свою конницу и отправиться походом на Сарды.

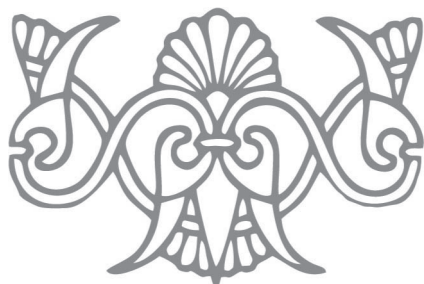
Слова Бианта заставили лидийского царя крепко задуматься. После недолгих колебаний он велел прекратить постройку флота, а с ионийскими островитянами завёл «вечную дружбу». Как тут не превозносить мудрость Бианта!

— Бианту приписывают большое количество изречений, полезных воспитанию молодёжи, — задумчиво произнёс Филипп, — а я посоветую один, чем сам пользуюсь: «Думаю, затем действую». Жизнь подскажет тебе, какими советами руководствоваться, или ты изберёшь свою особую дорогу, не требующую ничьих подсказок, но мой долг передать свой, отцовский наказ, и надеюсь, тебе пригодится. Ты должен научиться ценить время, отпущенное тебе богами на жизнь. Всегда помни, что сегодняшний день приходит лишь однажды и вернуть его нет никакой возможности. Всегда берись за дела значительные; лучше ничего не делать, чем заполнять время чем-либо незначительным. Но если откладываешь дело на завтра, не забудь, что завтра — уже другой день, и у него должны быть свои дела, которые тоже нужно

совершить. Александр, сын мой, не проводи день свой без пользы Отечеству, и никогда не теряй голову, ни при каких обстоятельствах.

* * *

Снадобье Критобула оказалось настолько эффективным, что царь Филипп пошёл на поправку. А с выздоровлением придворная жизнь в Пелле снова обрела прежнее состояние — деловое, активное, порой шумное и праздничное...



Глава девятнадцатая **НА ГРАНИ ВОЙНЫ И МИРА**

ГЕНИЙ ДЕМОСФЕН

После выздоровления Филипп продолжал видеться с сыном, поселив его для удобства общения рядом со своим кабинетом. Осознавая, что Александр стремится помогать во всём, что ему будет доверено, отец при каждом удобном случае делился с ним рассуждениями о военной тактике, боевой выучке воинов различных подразделений и построениях на поле боя. Он не делал скидок на молодость, иногда даже спрашивал его мнение по какому-либо вопросу. Судя по настроению Филиппа в последнее время, он активно готовил сына к военной службе. Без наставлений не проходила ни одна встреча:

— Кто сильнее тебя, не дружи с ними, но и не враждуй, предлагай мир или союзнический договор, и только вслед им поступай, как решишь сам — по обстоятельствам для тебя выгодным. А когда станешь силён, все прежние договорённости, если захочешь, можешь нарушить.

— Отец, договора скрепляются клятвами перед богами. Ведь так легко стать клятвопреступниками!

— Согласен, нечестно нарушать договор. Но если он заключается с врагом, тогда простительно, справедливо и достойно обмануть врага, а вдобавок приятно и выгодно.

Филипп откровенно громко рассмеялся.

— Мира между врагами, противниками и соперниками никогда не было и не будет, сколько ни заключаешь клятвенных соглашений. Каждый откладывает войну и дожидается удобного момента, когда сможет нанести другой стороне непоправимый вред. А ты, Александр, в этом деле успевай опередить другую сторону.

Филипп кривил душой, когда заявлял о своём коварстве. Он понимал, что обманывать нехорошо даже врага, задумывался о том времени, когда Македония сможет присоединиться к союзу греческих городов, сохранив могущество и самостоятельность в политике. Но греки должны признать в нём сильного царя, а для этого приходится поступать вопреки канонам порядочности. Филипп старался избегать больших конфликтов с греками искусной дипломатией, но если у него не выходило задуманное, не забывал нанести противнику коварный удар. Вот и в отношениях с Афинами, которые долго не шли на любые переговоры с Македонией о мире, однажды применил новую тактику.

Поводом послужила история, которая в условиях военного противостояния обычно остаётся незамеченной. Некий афинянин Фринон оказался в плену у македонских морских пиратов; его готовились продать в рабство, а родственники выкупили за большие деньги. Случай с Фриноном так и остался бы незамеченным для Греции, поскольку подобные истории были повсеместными и нередкими, но время, когда это произошло, было необычное: в Олимпии проходили Панэллинские игры атлетов. По всей Греции объявлялось священное перемирие — Экехейрия, нарушителей ожидало всеобщее презрение и огромный штраф, кто бы ни был — царь, обычный гражданин или целое государство. Оказавшись на свободе, Фринон подал в суд на македонского царя, и хотя Филипп не имел к морским пиратам никакого отношения, его втянули в судебное разбирательство.

Поскольку, как полагал жалобщик, пленение Фринона произошло во время Экехейрии, а значит, незаконно, по-

страдавший потребовал компенсацию в сумме, включающей в себя деньги за выкуп, добавив приличную сумму за переживания и страдания на пиратском корабле. За поддержкой своих требований Фринон обратился к афинским гражданам. Учитывая противостояние Афин и Македонии, афинские политики ухватились за Фринона, намереваясь создать «громкое» дело, способное навредить репутации македонского царя. В Пеллу отослали посольство во главе с Ктесифоном, близким другом оратора Демосфена, предводителя антимакедонской партии в Афинах.

По пути в Македонию у посланников Афин было боевое настроение, каждый хотел насладиться поражением главного виновника всех несчастий греков — царя Филиппа. Но итоги встречи оказались не в пользу Афин: Филипп понял, что судьба преподносит ему очередной подарок, чтобы понравиться Греции. К удивлению послов, царь принял их очень уважительно, как давних друзей, ежедневно устраивал пирушки в их честь, дарил подарки, словом, предоставил им возможность вкушать все радости жизни в отрыве от афинских будней. С каждым участником лично беседовал, внимательно выслушивал их обиды в отношении себя, обещал впредь быть добропорядочным эллином.

Все недоразумения с Фриноном были улажены, он получил столько денег, сколько просил, и в результате царь Филипп показался афинским послам уступчивым и великодушным, о чём они поспешили доложить согражданам по возвращении.

С этого дня друзей македонского царя в Афинах прибавилось, в том числе все члены посольства. Каждый говорил, будто зря афиняне неправильно его воспринимают, он не тиран и не разбойник, не мучитель греков, а добрый царь. Оратор Филократ, прикормленный македонским царём, осмелился открыто призывать афинян к переговорам, объясняя, что Афины обязаны искать надёжных союзников в лице царя Филиппа. Граждане со вниманием слушали его призывы, в раздумье расходились по домам и уже начали сомневаться

в искренности поступков Демосфена, призывающего к войне с Македонией.

Ещё один заметный шаг к ослаблению напряжённости вокруг Македонии Филипп сделал после взятия Олинфа, когда в руках македонян оказались несколько сотен афинян. Афины послали в Пеллу актера Аристодема, славившегося остроумием и находчивостью, чтобы он договорился с Филиппом о выкупе пленных. Аристодему не пришлось здорово трудиться, так как царь сам решил отпустить всех без выкупа. Актер в Афинах стал ещё знаменитее, и жест доброй воли Филипп оценили. Три дня афиняне праздновали это событие, после чего многие, не таясь, говорили, что с Филиппом полезно договариваться, Афины могут жить в мире с Македонией.

После таких важных в истории взаимоотношений событий по предложению Филократа для переговоров о мире в Пеллу отправилось новое посольство. Главой определили актера Эсхина, владеющего достаточным красноречием. Среди членов делегации были Филократ и Демосфен. Прибытие столь представительной делегации явилось для Филиппа торжеством его политической деятельности. Он был горд тем, что Афины просят у него мира. Афины ждут от него решения, согласится ли Македония!

Царь слушал народных посланников, проявил благосклонность к их речам, был сдержан, когда говорилось о вещах, неприятных его слуху. Он милостивым образом отвечал на любые вопросы и выделил мастерство речи Эсхина, хвалил, сказав, что он доставил ему удовольствие. Когда знаменитый оратор Демосфен оконфузился, неожиданно запнулся, высказываясь перед царём и его окружением, царь сделал вид, что не заметил. Демосфен сам не мог понять, почему так случилось, но уже в Афинах объяснял своим противникам, что на него повлияли врожденная неловкость и чуждая ему обстановка — он видел перед собой царя, которого сильно ненавидел! Посланцы Афин, предлагая мир, настаивали на возвращении им под опеку Потидеи и Амфиполя, занятых

македонскими гарнизонами. Филипп пообещал при условии взаимного признания расположения сил сторон на данный момент. На этом радушно расстались.

Афины ожидали ответное посольство, чтобы ещё раз подтвердить согласованное равновесие для мира. Филипп отправил полководцев Антипатра и Пармениона, известных своими победами, но с умыслом не дал им полномочий подписывать какой-либо договор или официальный документ. Но поручил своим посланцам, чтобы после переговоров они потребовали от афинян клятву именем Зевса, обещав мирное разрешение любых конфликтных ситуаций между Афинами и Македонией.

— Если будут нежелательные разговоры по этому поводу, — заверил царь, — передайте моё обещание, что я дам клятву в Пелле в присутствии членов следующего афинского посольства.

Пока происходили обмены посольствами, встречи и переговоры, Филипп удачно пользовался доверием Афин, бездвиженной затейливым мирным договором, выигрывая время. Он продолжал осаждать греческие города, забирал их под свою опеку, осваивал всё новые и новые территории, прежде подвластные Афинам, с намерением, чтобы за время мира Македония могла присвоить как можно больше чужой земли.

По взаимной договоренности, наступило свободное для обеих сторон морское торговое обращение, для которого афиняне должны были ещё обезопасить море от пиратов. При этом все прибрежные города во Фракии достались Македонии. Когда Афины замечали, что Филипп обманывает их ожидания, он немедленно направлял собственноручно написанные письма в Народное собрание, успокаивая афинян и оправдываясь, ссылаясь на недоразумения и беспричинные тревоги с их стороны. Афины слепо соблюдали мирный договор, осознавая, что Филипп оттесняет их с территорий, которые они всегда считали своими. Например, царь под предлогом борьбы с пиратством направил свои корабли на

остров Галоннес, косвенно принадлежащий Афинам, захватил его, но уходить раздумал. Подобные потери афиняне ощущали всё чаще, болезненно воспринимая возрастающее могущество Македонии на суше и на море, отчего в Афинах опять появились ярые противники царя Филиппа, и с каждым днём их становилось больше и больше. Голос Демосфена, настойчиво призывающий к военному противостоянию Македонии, зазвучал громче, хотя Филипп и в этой сложной для себя ситуации показывал преданность дружбе, продолжая заказывать в Афинах для своего дворца в Пелле предметы роскоши, быта и ценную мебель.

Демосфен воинствовал в Народном собрании:

— Для того чтобы определить, что нам следует делать, мы должны знать, чего хочет Филипп. Царь македонян говорит нам: «Я друг эллинов!», и если это настоящая правда, кто верит ему, пусть будут правы. Но получается всё наоборот — правы мы, борющиеся с его коварством всевозможными средствами. Правда заключается в пережитых всеми нами фактах. Филипп шел вперед шаг за шагом, чтобы сделать эллинов своими подданными, употребляемые им меры доказывают, что он не стыдится никакого насилия. Это не царь, желающий справедливости, он хочет господствовать. Он овладевает орудиями защиты Эллады и доступами к ней и проникает теперь на полуостров по своему плану. Вот причины, по которым, несмотря на все мирные договоры, я называю Филиппа врагом всех эллинов, и преимущественно нашим. Настоящая цель его желаний — Афины. Он знает, что не в состоянии соблазнить Афины обманчивыми обещаниями, как сделал это с Фивами и Пелопоннесом. Позволим считать знаком его уважения к афинским гражданам то, что он даже ни разу не попытался привлечь вас к своему союзу посредством недостойных приманок и отвлечь вас таким образом от вашего эллинского призвания!

Чтобы отвести обвинения от себя, Филипп вынужден был направлять письма к афинянам с заверениями о своей порядочности, что он соблюдает мирные условия, прописанные в

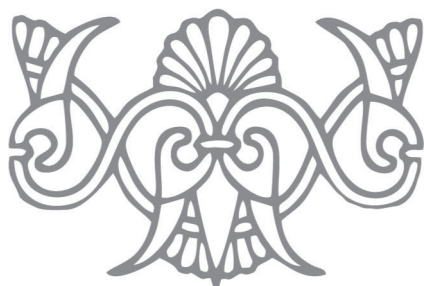
договоре, названном греками «Филократовым миром»:

«Филипп желает всего хорошего Афинскому собранию и народу! После того, как вы не обратили никакого внимания на мои частые посольства к вам, имевшие целью обеспечить соблюдение клятвенных обязательств и предлагавшие добрососедские отношения, я решил письменно обратиться к вам по поводу некоторых обвинений, которые, как мне кажется, возводятся на меня несправедливо».



Филипп называл Демосфена продажным оратором, делавшим вид, будто он служит интересам афинского народа. Что касается действий македонского царя, он всё выдумывает, клеветает, и вообще, зря обвиняют его, царя Филиппа, в разжигании войны с Афинами. Демосфен и ему подобные политики на самом деле порочат лучших граждан и нападают на людей, пользующихся доброй славой и за пределами Афинского государства. На эти нападки Филиппа Демосфену приходилось оправдываться перед собственными гражданами:

— Граждане афиняне, пусть никто из вас не полагает, будто я выхожу обвинять этого варвара, тирана народов, из какой-нибудь личной вражды, или будто я усмотрел за ним какую-то пустую мелочь, и пользуюсь ею, чтобы на него озлобиться. Нет, если только правильно я гляжу и сужу, дело идет к тому, чтобы у вас он ничего не отнял. Лишь бы вы владели всем, что имели, без помехи и не лишились бы всего, обманутые им вновь. Вот о чем вся моя забота!



Глава двадцатая

ХЕРОНЕЯ – КРОВАВАЯ РАНА ГРЕЦИИ

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Узнав, как Александр показал себя, воюя против медов, отец теперь часто призывал его на заседания военного совета, где обсуждались планы военных действий, стратегия защиты Македонии от врагов или, наоборот, нападения. Но царевич не находил себе места среди военачальников, среди которых было немало убеленных сединами, пожилого и престарелого возраста. Тем более, что обычно такие встречи перемежались с обильными застольями, до которых он не дорос, и желания не было. Юноша жаждал конкретных действий, от их отсутствия нервничал и не знал, куда приложить рвущееся наружу усердие. Отец видел его терзания, поэтому надумал хорошее дело: поручил сформировать резервный конный отряд. И хотя численность его подразумевалась до двухсот всадников, использовать отряд предполагалось как вспомогательный. Но Александр был безмерно счастлив доверием отца. С этого дня он с головой окунулся в заботы о подборе участников, амуниции и прочего приложения к подобному воинскому подразделению, безумно мечтая как можно скорее схватиться с врагами Македонии.

Схватка не на жизнь, а на смерть намечалась скорая. Для этого имелись все основания. Отношение жителей греческих городов к Македонии менялось в худшую сторону, доверие к царю Филиппу на фоне нарушений принятых им мирных обязательств падало. Афинам, главному противнику македонской экспансии, надоела неопределенность взаимоотношений, когда ни войны, ни мира, и усилия одержимого ненавистью Демосфена, лидера антимакедонской партии, наконец, нашли понимание в сердцах даже сомневающихся сограждан. Неистовый оратор с воспалёнными от бессонницы глазами, пользуясь беспрекословным доверием большинства граждан, взывал в Народном собрании: «Где же тот предел, до которого мы будем все отступать? Когда же, граждане афинские, у нас явится желание исполнять свои обязанности?».

Подоспел расцвет политического бытия Демосфена. Повсюду говорили только о нём и ненавистном царе Филиппе, грядущей войне с Македонией как о возмездии тирану. Зная гражданскую позицию Демосфена, порядочность, преданность отечеству и справедливость, афиняне согласились с его требованием немедленно предать суду всех сторонников македонского царя. Для острастки всем остальным начали преследование Филократа и Эсхина, блистательных соперников Демосфена. Их обвиняли в продажности македонскому царю, что было недалеко от действительности.

Суд состоялся, скорый и немилосердный: Филократа казнили, а Эсхина приговорили к уплате непосильного штрафа в тысячу драхм*. Эсхину ничего не оставалось делать, как оставить политическую карьеру и удалиться изгнанником в Эфес*.

После победы над своими противниками на внутреннем политическом поле Демосфен неожиданно получил в Афинах реальную власть, которая уже не вязалась с некоторыми представлениями о демократии. В связи с тем, что государ-

ственная казна испытывала острую нехватку средств на войну с Македонией, он добился принятия непопулярного в народе решения о ликвидации так называемой «зрелищной кассы», направив освобождаемые средства на нужды армии и флота.

В Афинах, как и во всей Греции, театр служил не только для культурного досуга, просмотра драматических представлений, но благодаря обширности и удобству размещения публики ещё местом народного собрания, где обсуждались самые животрепещущие вопросы жизни полиса, праздновались события государственной важности. Придавая этому явлению большое воспитательное значение, ради повышения уровня посещаемости со времени Перикла* народу выдавались «театральные деньги». Теперь Демосфен лишил афинян такой льготы.

На этом политик не остановился, он продолжал искать народные деньги. На одном из собраний Демосфен заявил:

— Взгляните, афинские мужи, на свой город: в нем столько богатства, сколько его, смею сказать, нет во всех других городах, взятых вместе.

После призвал богатых афинян делать взносы в военную казну, пока добровольно; в противном случае обещал:

— Кто так не сделает, тот не любит своё отечество. Кто не любит отечество, того мы назовём изменниками.

Выслушав столь весомые аргументы, никто из богачей не посмел ослушаться Демосфена. Но настоящие неприятности для Филиппа начались после того, как Демосфен получил согласие народа на посещение греческих городов, которым царь по своему обыкновению обещал немало пользы от союза с Македонией. Неутомимый оратор бесстрашно посещал города, где не всегда его принимали дружески (Афинам доверия тоже не было), выступал на агорах со страстными призывами объединиться против общего врага.

— От природы у благоразумных есть полезное и спасительное средство защиты — это недоверие. Оно всегда защищало вас, спасет оно и впредь, — горячо призывал Демос-

фен. — Вы говорите, что стремитесь к свободе, но неужели вы не видите, до какой степени противоречит ей сам титул Филиппа, царя и тирана, врага демократической свободы и гражданского управления? Не дожидайтесь, избегая войны, пока у вас на шее не окажется деспот!

Невероятно, но измождённый недугами Демосфен набрался силы и терпения, чтобы посетить греческие города во Фракии, Иллирии, Фессалии и на Пелопоннесе, и везде настраивал население против царя Филиппа. Но такими тяжкими трудами он добился того, что нейтральный Византий, города Хиоса и Родоса вновь примкнули к Афинскому военному союзу, сильно огорчив македонского царя. Демосфен побывал даже в Фивах, жители которого всегда были злейшими врагами афинян, но фивяне, услышав его призывы, преодолели разногласия и забыли распри, после чего отказались от предложений македонского царя войти в его военно-политический союз. Прощаясь с афинским гостем, фивяне рукоплескали ему и отослали вместе с ним свою делегацию для выработки совместных действий против Македонии.

Как показали дальнейшие события, один Демосфен, человек слабого здоровья, сделал больше, чем все афинские полководцы вместе с армией! По результатам его поездки благодарные афиняне достойно оценили его гражданское усердие, возложив ему на голову золотой венок — самую почётную награду народной признательности.

НАЧАЛО СХВАТКИ

В результате договорённости почти все города Греции объединили усилия для подготовки войны с Македонией. К зиме 338 года до н.э. вооружённые отряды наёмников и гражданские ополчения начали стягиваться к Фивам. Из-за разногласий в выборе единого военачальника союзной армии пока не получалось, поэтому каждый отряд действовал

самостоятельно, но, в основном, воины занимались грабежами поселений и городов, так или иначе связанных с Македонией, и где стояли её гарнизоны. Но подобные действия не рассматривались как серьёзные, походили более как «развлечения» в ожидании решительного сражения, которое предположительно могло состояться лишь после наступления весны.

Македонское войско благополучно зимовало в Элатее, отобранной у Фокиды ещё во время «Священной войны». Филипп понимал сложность своего положения, но причин для беспокойства не находил. Верил в свой успех, для чего прорабатывал всевозможные версии предстоящих боевых действий. Усилиями собственной дипломатии теплилась надежда на мирное разрешение конфликта, но с каждым днём она угасала, поскольку со всех сторон шли сообщения о приближении греческих отрядов к месту общего сбора союзной армии, к Фивам. Он не принимал никаких действий, выжидал, а в Афинах и Фивах воспринимали его поведение слабостью, и уже готовились к праздничным торжествам по случаю поражения Македонии. Неожиданно всё изменилось...

Как только апрельское солнце подтопило снежные шапки горных вершин, Элатея — зимнее прибежище македонского войска осиротело. Здесь не осталось ни одного македонского воина! Греческие шпионы, *крипты*, здорово удивились, что просмотрели врага, и теперь не знали, где его искать. А он всего через день объявился перед Амфиссой, где стоял афинский гарнизон. Это произошло потому, что Филипп обманул бдительность противника, исполнив «домашнюю заготовку»: написал письмо Антипатру в Пеллу, будто он с войском отправляется из Элатеи во Фракию; устроил так, чтобы письмо «случайно» попало к фивянам. Поэтому никто не перекрыл горный проход, позволив македонянам благополучно попасть к стенам Амфиссы. А в самом городе гарнизон оказался столь беспечным, что даже ворота не охраняли.

Филипп напал внезапно, разогнал афинский отряд наем-

ников, но поскольку сюда уже спешили греческие отряды, он направился к Навпакту, где афиняне устроили стоянку для боевых кораблей и запасы оружия. Город не успел подготовиться к отпору, что дало македонянам возможность занять его. Здесь он тоже не стал задерживаться. Ушёл, передав его *этолянам*, своим союзникам, как обещал ранее. Наделав столько суматохи в важных для греков опорных городах, царь Филипп в хорошем настроении вернулся с войском в Элатею, который в его отсутствие греки занять не догадались.

Афины с союзниками были озабочены не столько успехами царя Филиппа, сколько наглостью и непредсказуемостью его действий. Они решили не рисковать, предполагая, что македоняне начнут наступать из Элатеи в выгодном для себя направлении. Союзная армия отступила к Херонее, на границе Беотии, где остановились в ожидании сражения. Греки понимали, что, если Херонея падёт, ничто не помешает царю Филиппу привести своё войско в Центральную Грецию, где уже без особых усилий займёт города, оставшиеся без своих ополчений. В ожидании подхода македонян союзная армия устраивала перед своими линиями препятствия из земли и брёвен.

Время шло, но Филипп не спешил к Херонее, чем окончательно запутал афинских стратегов. Понимая, что предстоящее сражение будет решающим для каждой стороны, царь оттягивал этот момент, ждал, когда греки проявят нетерпение, начнут нервничать и выдохнутся. Филиппа не пугало численное превосходство противника, поскольку он знал, что греки собрали против него в основном городские ополчения. Среди них немного опытных воинов, остальные не знают тягот войны, не привыкли долго сражаться в единоборстве. А значит, они не приучены к смерти, не захотят умирать, и не приучены к командам военачальников. В своих же воинах, профессионалах сражений, стойких и мужественных, был абсолютно уверен. В этом их огромное преимущество перед греками, отчего Филипп решил, что ему

выгодно тянуть время, пока все победные знаки сложатся в его пользу. К тому же царь хотел добиться победы малыми жертвами, лишними для той и другой стороны...

ВСТРЕЧА В СТАГИРАХ

Аристотель уже полгода как переселился в Стагиры. Десять лет назад при захвате города македонянами родительский дом сильно пострадал, теперь восстановлен волею царя. Для философа появилась возможность заняться любимым делом — теоретическим построением идеального полиса. Некоторые черты «своего» государства он обсуждал с Гермием и царём Филиппом, рассказывал об этом предмете Александру на уроках, а теперь настала пора систематизировать выводы, облечь в форму научного сочинения, полезного гражданскому обществу и царям. Название будущего труда пришло само собой — «Политии». Когда книга будет готова, преподнесёт Филиппу. Если царь не заинтересуется, не сделает выводов, думается, ею воспользуется Александр, когда сменит отца на престоле.

Аристотель направлял Филиппу начальные разделы сочинения — для обсуждения, получал письма с одобрением или возражениями. Приходилось спорить, доказывать, где царь неправ. Вот недавно философ снова отписал ему соображения о возможности деспотического* правления совместно с народной демократией:

«...Греки называют тебя тираном, но они называли тираном и своего Писистрата, который пришёл к власти благодаря демократии. Он сохранял конституцию Солона, раздавал малоимущим земли, конфискованные у олигархов, обеспечивал работой бедноту, давал льготы на государственные кредиты, устанавливал пособия инвалидам войны, строил общественные здания, укреплял могущество Афин. Его тираническое правление имело характер кротости, миролюбия, уважения к законам, предусмотрительной заботы обо всех

нуждах государства. Искусства и науки нашли в нем ревностного покровителя; словом, руководил государственными делами Писистрат с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически...».

В конце длинного письма Аристотель бесхитростно намекнул:

«Вот почему пробыл он долгое время у власти и, если бывал изгнанным, легко возвращал себе эту власть снова. За него стояло большинство как знатных, так и демократов. Одних он привлекал к себе, поддерживая с ними знакомство, других тем, что оказывал им помощь в их личных делах; он отличался таким характером, что умел ладить с теми и другими».

Прошел месяц, как послание ушло в Пеллу, но ответ не приходил. Аристотель не терял надежды, что Филипп напишет хотя бы для того, чтобы высказать своё мнение. А то, что царь станет гегемоном Греции, сомнения у Аристотеля уже не возникали! Особенно после событий при Херонее...

Седьмого числа месяца Метагитниона* у Херонее произошло великое историческое событие — малая по размерам Македония выстояла против всей Греции! Аристотель, приверженец афинской демократии, не знал — радоваться ему или огорчаться по такому поводу, потому что ещё не решил для себя, чей он гражданин — Стагир или всё-таки Афин...

* * *

Из окна кабинета Аристотель видел стагирское небо без единого облачка. А перед этим с интересом наблюдал радугу. По приметам, назавтра обязательно будет отличная погода. По словам жрецов, радуга — это дорога, по которой души людей добираются в царство небожителей. Аристотель улыбнулся: «Чудаки! Радуга — огромный насос, который концами опускается в море, вбирает воду, изливаясь на землю благодатными дождями»...

Мысли скакнули к царевичу. От Александра давно нет сведений. После Миззы наставник виделся с ним в Пелле

один раз, когда Аристотель понадобился царю для консультаций. Филипп хотел знать, в чём заключена хозяйственная мощь Афин, на что философ посоветовал почитать сочинение Ксенофонта «О доходах Афин».

Тишину кабинета нарушил взволнованный голос слуги:

— Хозяин! Хозяин! Царевич!

— Александр? Что с ним?

— Он здесь!

Через мгновение в кабинет ворвался, будто вихрь, юноша, невысокого роста светловолосый. Кинулся к Аристотелю с объятиями, радостно воскликнул:

— Учитель! Мы победили! Я был там!

Аристотель ощутил грудью, как бьётся сердце Александра.

— Как ты оказался в Стагирах, мой мальчик?

— Отец отослал!

Александр улыбнулся.

— Приказал продолжить учёбу. В Пелле я ему пока не нужен. Держит в секрете свои дела. Сказал мне: «В сражении ты силен, а в знаниях ещё нуждаешься».

— Отец правильно рассудил, — согласился наставник. — У нас с тобой есть о чём поговорить. Кстати, я начал одну работу, хочу с тобой поделиться соображениями.

Аристотель смотрел на Александра, не скрывая своих добрых чувств. Потом засуетился:

— Вот и хорошо, что царь так надумал. В доме места хватает, будешь жить у меня, мой друг. Слуга покажет комнату. Приведешь себя в порядок, приходи. Расскажешь, где был и что делал всё это время.

РУКА СУДЬБЫ

Едва солнечные лучи высветлили вершины близлежащих гор, жрецы с обеих сторон противников разожгли алтари, на которых принесли жертвенные дары богам войны: греки призывали в помощь безумного в ярости Ареса, македоняне —

огнеглазого рыжеволосого Элелея. Филипп через посыльных подозвал командиров, чтобы ещё раз уточнить обстановку перед тем, как отдать команды на сближение с греками. По напряженным лицам боевых товарищей царь заметил, что не все разделяют его уверенность в исходе сражения. Причин имелось достаточно, одна из которых — преимущество в численности врага, и ещё то, что ими руководили афинские полководцы Харес, Лисикл и Стратокл, известные сокрушительными победами. Царь Филипп повернулся к ближайшему отряду своих воинов и крикнул, чтобы многие услышали:

— Сегодня мне привиделся во сне бог Элелей. Он сказал: «Подбрось монету и узнаешь, что ожидает Македонию». Я так и сделал, и монета упала Зевсом вверх. Это божественный знак, он говорит, что мы победим.

По рядам воинов, слушавших царя, затаив дыхание, пробежался гул.

— Сейчас я брошу монету, и мы увидим, будут ли нам сегодня помогать боги!

Все замерли в ожидании. Филипп вытащил из-за пазухи тряпицу с монетой, подбросил её вверх. Монета несколько раз перевернулась в воздухе, блеснув золотом, упала на землю. Кто был рядом, увидели изображение Зевса. Громкие радостные крики сотрясали воздух долины так долго, что немало озаботило воинов противника.

По командам своих военачальников воины с обеих сторон начали выстраивание боевых порядков, после чего замерли наизготовку.

Александр, как зачарованный, следил за действиями царя с монетой. Когда тот поднял её с земли, он приблизился и радостно воскликнул:

— Отец, ничего нельзя изменить, когда действует рука судьбы! Победа достанется нам!

— Верно, сын. Ничего нельзя изменить, если действует рука, — Филипп загадочно улыбнулся, наклонился к сыну и шепнул:

— Моя рука!

Александр почувствовал в своей ладони что-то, прохладное и тяжелое. Это была та самая монета; он повертел её перед глазами и с изумлением обнаружил, что... изображение Зевса присутствовало на обеих сторонах!

* * *

Схождение армий состоялось в узкой долине между горной грядой и рекой Кефис, но в тот день, который устроил царя Филиппа. Силы сложились неравные — тридцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников у греков, среди которых был несокрушимый «Священный отряд» фиванских *аргираспидов*, или «сереброщитников*». Элитное воинское подразделение «бессмертных», как их уважительно называли в Греции, состояло из приверженцев культа Эроса, прославляющих величие бога в сражениях. Они полагали, что победа зависит от гомосексуальной дружбы между мужчинами, стоящими в одном строю. О том, что в Фивах мужчины имеют обычай ставить своих юных любовников рядом с собой в бою, говорил ещё Платон, поясняющий, будто армия, составленная из любовных пар, будет непобедима, поскольку «боговдохновенный друг устыдится струсить на глазах любящего, а любящий предпочтёт смерть оставлению возлюбленного на произвол судьбы».

В число союзников входили ещё десять тысяч наемников из Афин, Коринфа и ополчения городов Греции. А под началом Филиппа находилось всего тридцать тысяч пехотинцев-*гоплитов* — это македоняне, фессалийцы и представители дружественных племён, и до двух тысяч конников Антипатра; в том числе резервный отряд из двухсот двадцати пяти всадников во главе с наследником царя Александром.

Удачей для царя Филиппа представлялось то, что противник имел разнородную по составу армию, а значит, плохо организованную для единого командования. Главной силой считались пехотинцы из Беотии* под командованием опытных командиров; они прошли выучку в сражениях с афинянами и спартамцами под предводительством знаменитого

фиванского полководца Эпаминонда, к тому моменту умершего, который всегда выходил победителем. Филипп, когда был подростком, шесть лет прожил в доме у Эпаминонда, отчего имел неплохое представление о боевой выучке фивян. В союзной армии беотийцы составили правый фланг, где каждый из гоплитов щитом прикрывал себя и отчасти левого соседа. Филипп обратил внимание, что в связи с этим у крайнего ряда беотийцев правая сторона тела была открыта, не защищена, и это указывало на уязвимость противника в этом месте! Но это состояние понимало и командование греков, отчего выставили прикрытие из трёхсот аргираспидов. В центре сосредоточились не столь надёжные из-за отсутствия боевого опыта подразделения коринфян, ахейцев и других союзников. Левое крыло в направлении главного удара заняли афиняне.

Греки, предусмотрительно занявшие главенствующие высоты над долиной, осторожничали в ожидании, что предпримут македоняне. Если пойдут на них, готовились отражать или собирались опрокинуть их ряды, свалившись сверху им «на головы». Филипп продолжал выжидать, просматривая местность перед рядами противника, а когда понял, что для задуманного им манёвра его недостаточно, в последний момент отказался он наступления. Зная, что греки порывисты и не приучены к военной дисциплине, а его воины опыты, сдержанны и послушны командирам, царь приказал оттягивать схватку передвижениями воинов различными способами: группируясь и перераспределяясь, передвигаясь вперёд и назад, чем окончательно запутал греческих военачальников и, главное, утомил союзное войско в ожиданиях решительного сражения. Это была первая заявка Филиппа на победу!

Когда царь определил, что дальнейшая затяжка с наступлением чревата осложнениями для его тактики, он приказал своей гвардии занять позицию на правом фланге, то есть против левого крыла афинян. Левый фланг напротив отряда беотийцев поручил сдерживать всадниками Александра. Филипп испытал противника хитрым маневром: призвал

воинов наступать, но до контакта не доводить, в последний момент отступать, но организованно, лицом к неприятелю. Сомкнув фаланги, беречь силы, преодолевая натиск врага, имея перед собой главную задачу — рассредоточить сплочённые ряды греческого войска...

Филипп был впереди своей фаланги, когда македоняне устремились в наступление, а потом вместе с гвардейцами медленно отступал, вынудив афинян оставить укрепленные высоты. Полководец Стратокл, заметив птящегося назад македонского царя, радостно воскликнул:

— Афинские герои, смотрите, — вон бежит непобедимый Филипп! Вперёд! Не отставайте от трусливых македонян, гоните их до самой Македонии!

Греки, увидев перед собой птящихся македонян во главе с ненавистным царём, поверили в близкую победу. Сомкнув всё разрешить здесь и сейчас был велик! Несмотря на разумные окрики командиров, плотные, было, ряды греческих воинов расстроились, каждый воин на ходу выбирал свою жертву, чтобы расправиться с трусливым врагом, а ещё лучше, пленить. Но как только они оказались на равнине, в их защитной линии образовались разрывы, бреши. Филипп угадал тот самый решающий момент в противостоянии, и его сын услышал его призыв:

— Александр! Зевс тебе в помощь!

Могучая божественная сила вселилась в Александра. За спиной выросли крылья, которые стремительно понесли его вместе с Букефалом в самую гущу схватки. От него не отставали всадники его отряда, которые вклинились в построения беотийцев и начали их избиение. В солнечных лучах смертельным блеском засверкали наконечники копий, отточенные лезвия мечей. Безмятежная до этого дня живописная долина быстро покрывалась телами убитых людей и смертельно раненых лошадей. Отряд беотийцев быстро редел, и вскоре в эту неожиданно большую дыру с размаху врезалась вся македонская конница под командованием Антипатра. Небо закрылось тучами пыли, словно саваном, откуда доноси-

лись глухие удары мечей и щитов, крики команд и раненых, ржанье коней — все признаки кровавого жертвоприношения олимпийским богам.

На свою беду, знаменитые афинские военачальники увлеклись «преследованием» пятившихся македонских фаланг, не замечали прорыв конницы противника до тех пор, пока беотийцев не охватила паника: они побежали и на своём пути опрокинули афинян. В результате паника охватила всё союзное войско, принудив к отступлению остальных греческих воинов. На поле сражения «Священный отряд» фивян оказался самым стойким, ни один аргираспид не сдвинулся с места, указанного ему командиром. Они стойко выдерживали натиск македонян — пехотинцев и всадников, согласно обету, сражались «до последнего аргираспида»... Никто из союзников не пришёл на помощь, всем не до того было. Александр, отметив мужество врага, начал кричать им, предлагая почётное пленение, но аргираспиды продолжали заниматься тем, ради чего они стали воинами и дали клятвы — отбиваться и нести смерть врагам своими короткими мечами. Когда их осталось совсем мало, покрытые ранами воины, не имея уже сил и способности сражаться дальше, обнялись друг с другом, чтобы потом умереть на остриях длинных македонских сарисс*.

Гибель элитного отряда фивян придала войску царя Филиппа уверенность в окончательной победе, а грекам — большое уныние. Разгромленная союзная армия, вернее, её остатки, бежали из-под Херонеи. Но приказа на преследование и уничтожение греков царь не давал, он лишь сказал военачальникам:

— Греки в отличие от македонян умеют побеждать, но не умеют удерживать победу!

После сражения, осматривая трупы воинов из «Священного отряда», порубленных мечами и копьями македонян, Филипп откровенно опечалился и сказал своему окружению:

— Посмотрите на аргираспидов, македоняне. Они действительно бессмертные, все триста героев.

Военачальники удивились, а кто-то ещё возмутился:

— Они не воины, а любовники! Какие они герои?

Царь вдруг взорвался от негодования, сорвался в крик:

— Да погибнут злою смертью те, кто подозревает их в чём-то позорном! Так бы воевали все македоняне!



Лицо Филиппа покрылось красными пятнами. Не совладав с разрывающими его эмоциями, ещё не остыв от утомительного сражения, царь махнул рукой и отошёл прочь.

* * *

Всадники из отряда Александра вышли из жаркой схватки почти без потерь. Удивительно, но на юном командире не было ни одной царапины. Лишь помятый панцирь из крепчайшей коринфской бронзы говорил о том, что воин не сторонился ближнего боя. «Зевс оберегает меня!» — сказал он товарищам со счастливой улыбкой.

— Наш герой, — уважительно отзывались о нём бывалые воины. — У Филиппа, великого стратега, растёт достойный преемник. Его сын — наш царь!

Александр, слушая похвалу, искоса поглядывал на отца —

как он реагирует, а Филипп не возмущался и не протестовал, отшучивался. Оказывается, ему было очень приятно слышать похвалы его сыну, видеть, с каким удивлением, уважением и восхищением военачальники смотрят на Александра... Он внутренне был согласен, что без участия сына в сражении, боги могли отвернуться от него, царя Филиппа. Выходит, Зевс покровительствовал Александру? А ведь истинная правда, что в разгроме греческого войска у Херонеи есть огромная часть заслуги его наследника. Если бы не его ошеломительный наскок на беотийский фланг, ещё неизвестно, чем бы обернулся задуманный маневр с «отступлением» македонских фаланг под предводительством самого царя Филиппа!

Афиняне потеряли убитыми почти тысячу воинов. Две тысячи сдались в плен; многие были ранены, поэтому не могли сражаться на равных. Уцелевшие наемники из союзных городов позорно бежали, оставив афинян до завершения схватки.

Александр сообщил Аристотелю обо всех подробностях того знаменательного события, что смог заметить неискушённым юношеским взглядом.

— И Демосфен не помог! — со смехом сказал он.

— Как, этот оратор был там?

— Да, его видели в рядах пехотинцев. Поначалу он громко вдохновлял афинян и проклинал моего отца, а потом исчез. Никто его там больше не видел.

Оказывается, Демосфен, как его ни отговаривали, сам напросился записать его в ополчение, вооружился мечом и щитом.

— Сегодня, друзья мои, здесь я увижу поражение Македонии, и даже смерть злейшего врага Афин — царя Филиппа! — ораторствовал он перед сражением.

Показывая всем свой щит с изображением богини удачи Тихе, он сотрясал им перед афинянами со словами:

— Афиняне, друзья мои! Вы видите этот знак? Он вселяет в сердца греков уверенность в победу над тираном!

Но при первых звуках сражения, как только раздались

звонкие удары мечей, треск копий и вопли раненых, мужество покинуло сердце красноречивого оратора. В схватке с набежавшим на него македонским воином он чудом остался жив — увернулся от копья, после чего он окончательно понял, что здесь он оказался случайно, зря рискует жизнью. Присутствие его высокоодаренной личности среди простонародья, с ожесточением убивающего друг друга, показалось ему неуместным. Словно молнии, в голове мелькали мысли:

— Я лидер... Я политик... Я не воин... Я нужен афинянам живой... Без меня Афины пропадут...

Демосфен словно протрезвел: он мельком глянул по сторонам и увидел, что сейчас ему ничто не угрожает, остановился и незаметно для своих товарищей попятился назад, предоставляя согражданам самим расправляться с ненавистными ему македонянами. А когда на его глазах началась паника, и вокруг уже падали соотечественники, оратор понял, что пора спасать свою жизнь. Уже не боясь оскандальиться, резко развернулся и... побежал, бросая на ходу, что мешало ускорять бег — тяжелый щит и меч. Ему слышалась погоня, тяжелый топот ног преследователей, готовых убить или пленить его... Достигнув края поля, где не было видно врагов, Демосфен почувствовал себя в сравнительной безопасности, как вдруг его грубо ухватили за плащ. Он дернулся, что было сил. Бесплезно! Упал на землю и завопил, задыхаясь от бега и страха, прикрывая голову руками:

— Не убивайте меня! Я Демосфен! За меня дадут выкуп!

В ответ — молчание! Он полежал некоторое время — ничего! Осторожно поднял голову и всё понял: его крепкий плащ зацепился за терновник и некстати задержал. Демосфен тихо заплакал — от унижения, страха и бессилия...

Сидя на земле, он смотрел туда, где таяли последние островки сопротивления воинов союзной армии греков. Ещё шли ожесточённые поединки, они вспыхивали, словно угольки на ветру в утренних кострах...

Грекам в тот день не помогли ни призывы Демосфена к стойкости воинов, ни боги, ни командование опытных во-

еначальников. Военный гений Филиппа в очередной раз одержал верх.

* * *

Аристотель с удовлетворением выслушал Александра — другого исхода сражения он не ожидал, — но по лицу царевича заметил, что он не договаривает.

— Что-то случилось между тобой и отцом?

— Да, случилось, — нехотя признался Александр.

Он помялся и выдал из себя:

— Я его увидел страшным и мерзким, каким себе не представлял. Мной до сих пор овладевает гнев.

Он побледнел, но продолжил:

— Афиняне, кто остался жив, просили отца разрешить им убрать убитых товарищей и оказать помощь раненым. А он устроил оргию.

— Как? Он так поступил? Это же священное право побежденных!

— Он нарушил закон предков. Приказал принести вина и стал пить его среди трупов греков. Пил без меры, а когда напился, видимо, потерял рассудок: разделся догола и так ходил по полю и всё искал убитого Демосфена. Говорил, что хочет на нём справить нужду. Военачальники отговаривали его, просили не кощунствовать, но он не хотел никого слушать, даже Антипатра. Не найдя, что искал, так, полуголый, танцевал среди мёртвых греков и пел глупую песню о «подмоченной славе» Демосфена.

Аристотель, сам расстроенный, успокаивал Александра:

— Мальчик мой, прошу тебя, не осуждай отца. Прежде пойми его действия. Ведь ничто в нашем мире неслучайно, особенно в мире человеческих взаимоотношений. Но соглашусь с тобой, что предание бесчестию трупа побеждённого врага не придаёт славы победителю; на взгляд просвещённых эллинов, подобное допускают варвары. Для нас с тобой герои все, кто расстался с жизнью ради отечества — греки, македоняне, — им мстить неблагородно, тем более, царю.

Аристотель обнял царевича за плечи.

— Но ты всё равно прости отца хотя бы за то, что он великий полководец. Греки ещё не осознали его значимость для своей истории, но только с ним будущее Эллады.

Философ заглянул в глаза Александра, словно призывая его к снисхождению.

— А что касается его проступка, объясню это тем, что великие натуры могут таить в себе не только великие доблести, но и великие пороки. Вот почему при блестящих подвигах проявляются не всегда хорошие качества его характера. Прости отца ещё потому, что даже таким неблагоприятным деянием он подаёт тебе пример, как не следует поступать.

Успокоившись, Александр сообщил Аристотелю, что когда отец протрезвел, он, словно не совершал никакого бесчестия, объявил военачальникам:

— Хватит нам купаться в славословии самим себе! Мы победили греков, но не Грецию. А Грецию побеждать никому не следует, хотя бы по той причине, македоняне с греками одной крови. Эллинской! С этого дня ни греки, ни македоняне не будут мстить друг другу. От этого в Греции всегда будет мир, а когда грекам и македонянам захочется воевать, у нас был и есть один общий враг — Персия!

* * *

По словам очевидцев, на следующий год поле у Херонеи проросло огромным алым ковром из маков. Так земля возвратила кровь погибших эллинов в назидание живущим...

ПОБЕДИТЕЛЮ ДОСТАЁТСЯ ВСЁ

После катастрофического разгрома греческой армии Филипп получил в распоряжение просторы Греции с сотнями больших и малых городов, сельских поселений — всё то, к чему стремился все годы царствования. Только Спарта, не принимавшая участия в военном союзе с Афинами, внешне не прореагировала на печальные для греков события, крова-

вые последствия вражды Греции с Македонией. Горделивые спартанцы сделали вид, что не признают нового гегемона, потому что никого не боятся, хотя продолжали наблюдать за последующими после Херонеи событиями.

Победитель Греции, македонский царь, теперь повсюду устанавливал удобные ему порядки. Во-первых, он объявил о неукоснительном соблюдении мира на греческой земле, строго пресекая любые попытки враждебных отношений с обеих сторон — македонян и греков. Филипп занялся урегулированием отношений с государствами-полисами, ранее поддержавшими Афины и Фивы, и с теми, кто сохранял нейтралитет. В этих городах были поставлены военные гарнизоны, способные утихомирить любые проявления недовольства, мятежи или волнения населения, если таковые имели бы место. При этом Филипп не подвергал преследованиям никого из своих личных противников и врагов Македонии. Не притеснял никого из политиков прежних антимакедонских партий. За Демосфена будто вообще «забыл» — не требовал его головы и даже не вспоминал вслух, чем сильно удивил всех греков, да и македонян из ближайшего окружения! А кто всё-таки боялся за свою жизнь и не доверял ему, уходили в изгнание по своей воле, без преследования и конфискации имущества. Такого явления в политической жизни Греции ещё не случалось! Но союзным Македонии городам, население которых многие годы страдали от произвола Афин, кто помогал ему в борьбе против афинян, Филипп отдавал в управление города, отобранные у тех, кто прежде искал афинского покровительства.

Царь Филипп не планировал управление греческими городами, *полисами*, объявив над ними, например, протекторат Македонии. И распоряжений по управлению ими не давал. Каждому полису он оставлял былую автономию и всяческие свободы, запрету лишь подвергалось только право принимать самостоятельное решение, воевать или дружить с кем бы то ни было. Такие вопросы теперь были во власти македонского царя, за всех думал сам Филипп! С каждым поли-

сом велись предварительные переговоры о государственном устройстве — придать новый статус или сохранить старое, после чего царь от лица Македонии заключал с избранной властью города политический договор, или торговые соглашения, что оказывалось более выгодным для обеих сторон, чем это было бы до поражения Греции от Македонии.

Едва Греция успокоилась, и слёзы матерей и жён погибших воинов высохли, Филипп призвал своих прежних союзников: Аргос, Аркадию, Мессению и Элиду, чтобы сообщить им, что он собирается покарать Спарту за проявленное к нему неуважение. На совете долго искали причину для объявления войны — без официального повода никак нельзя! Наконец, нашли: царь отправил гонца с письмом.

«Спартанцы, сообщите мне, кто я для вас — друг или враг?»

С тем же гонцом получил по-лаконски* краткий, то есть, *лаконичный* ответ: «Никто».

Такой наглости Филиппу перенести не было возможности. Дерзкого ответа для объявления войны было достаточно. Македонский царь выбрал удачный момент, когда спартанский царь Архидам ушёл воевать с войском в Италию, к Таренту. Он там погиб, а войско ещё не вернулось. Поэтому защитников Спарты, способных держать оружие, оказалось мало, но всё равно женщины и подростки-эфебы успешно заменяли отсутствующих воинов. Филипп подошёл с войском к городу, но воевать со слабым противником не пожелал, предложил жителям мир. Взамен потребовал отдать ему часть территорий, которые собирался отдать своим союзникам по их просьбе. Гордая Спарта, какой бы она слабой ни была в этот момент, отказалась. Пришлось Филиппу начать боевые действия.

Спарта не сдавалась, но для царя Филиппа это ничего уже не значило. Македоняне опустошили страну, разграбили пригороды Спарты — город не стали захватывать, похоронив надежды спартанцев на былую гегемонию.

Другой «вечный» враг Македонии, Фивы, растеряв бы-

лое могущество, приняли македонский гарнизон, а фивяне теперь были вынуждены восстанавливать за свой счёт разрушенные в прежних войнах с Беотией её города. Управление Беотийским союзом городов было передано олигархическому Совету, чем резко ограничилось политическое и экономическое влияние Фив на Грецию. К тому же фиванцы потеряли представительство в совете амфикионов, «добровольно» передав Филиппу свои полномочия.

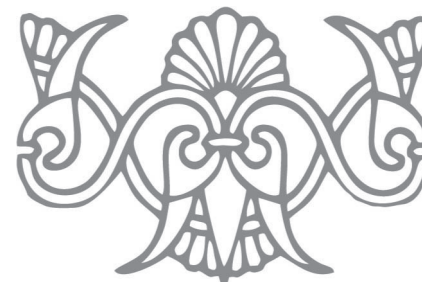
Последнее, что нужно было решать македонскому царю, это как поступить с Афинами, где жители в страхе ожидали дальнейших действий победителя. В то время, когда союзная армия греков ещё сражалась у Херонеи, афиняне всерьёз готовились к торжествам, посвященным триумфальному возвращению своих героев — настолько все здесь верили в поражение Македонии. Когда же стало известно о разгроме греческой армии, в Афинах ужаснулись, запаниковали. Народное собрание постановило собрать из окрестных поселений женщин и детей, спрятать их за городскими стенами. Богачи и политические деятели из антимакедонской партии спешно покидали свои дома, прихватив семьи и ценности. Демосфен, благополучно добравшийся домой из-под Херонеи, срочно отбыл на корабле, выпросив для себя у собрания ответственное задание — заготавливать продовольствие на случай осады города. Его однопартиец Гиперид, ученик Платона, призвал афинян дать вольную всем рабам, наделить их правами граждан и вооружить, чтобы они «в полном единодушии с афинянами сражались за отечество!»

Но городские власти ограничились воззванием к гражданам, чтобы ремесленники приступили к ремонту обветшавших местами оборонительных стен и почистили ров от ила и мусора. Судя по слухам, приходившим в Афины из Пеллы, нападение македонян ожидалось со дня на день.

Появление подобных слухов было не случайным, так как близкие друзья царя и особенно военачальники предлагали воспользоваться военной удачей и теперь идти на Афины, захватить и разрушить город до основания, чтобы навсегда

похоронить его могущество. Филипп выслушал всех и резко заявил:

— Разве я похож на глупца, чтобы всерьёз принимать ваши советы? Неужели вы думаете, что ради дурной славы я посмею разрушить этот замечательный город, обитель эллинской истории и культуры, чтобы варварским действием навечно запятнать имя своё?



Глава двадцать первая

ФИЛИПП ВЕЛИКОДУШНЫЙ

ВОЗРАСТ ЭФЕБА

В подтверждение доброй воли в отношении ярых врагов, афинян, Филипп совершил дружелюбный посыл, который долго не могло понять окружение царя, а граждане Афин даже не могли такое предположить. Всех афинских воинов, пленённых в сражении у Херонеи, он приказал отпустить без выкупа, раненых — долечить и тоже отпустить, а мёртвых — захоронить с почётом, как героев. В тот же день случился казус: ему донесли, что пленники требуют, чтобы он лично выслушал их претензии.

— Чего они хотят? — удивился царь.

— Они возмущаются, что при освобождении им не возвращают отобранные одежду, личные вещи, деньги и оружие.

— Ну, молодцы, афиняне! — развеселился Филипп. — Они, наверное, думают, будто они проиграли нам свои вещи в астрагал*!

Для македонской элиты, да и простому народу, особенно тем, кто воевал с афинянами на полях сражений, оставалось непонятным, почему царь наперекор явным государственным интересам так поступает со злейшим врагом? Когда это настроение передал ему близкий друг Антипатра, Филипп возмутился:

— Какие они бараны, если не понимают, что для Македонии мирный договор с поверженными греками гораздо ценнее и надёжнее любого их унижения! Нельзя разорять или уничтожать Афины, уподобляясь персам Ксеркса! И в этом не слабость наша, а благоразумие победителя, уверенного в себе.

Когда царь успокоился, он вернулся к столу, за которым работал до появления советника, взял папирусный свиток, обвитый красным шнурком. Подал Антипатру.

— Чтобы покончить с этой проблемой, я отправляю Александра на переговоры в Афины. Ты поедешь ему в помощь. Тебе не привыкать участвовать в посольствах, а сына моего пора приучать к государственным заботам. К тому же афиняне тебя знают как полководца, которого нужно бояться и уважать.

Александр почувствовал себя счастливым, узнав о поручении отца. Героический эпизод во время херонейского сражения придавал ему уверенности в отношениях с ним, позволял держаться независимым. Но хотелось ещё большей самостоятельности. Филипп также ощущал потребность чаще видеть сына, превозносил его мужество при каждом удобном случае, называл «наш герой». Будто намерстывая упущенное, царь приказал придворному художнику Апеллесу рисовать картины, изображающие его вместе с Александром, на боевых конях и в гуще схватки с врагами. При всей занятости в государственных делах и личном участии в войнах и политике Филипп не забывал о существовании искусства, нуждался в эстетическом оформлении своего быта, желая видеть во всём этом себя и знаки своих успехов. Чаще всего царь заказывал свои изображения как олимпийщика*, восседающего на олимпийской колеснице под *эгидой** Афины, раздавая картины в качестве даров чужеземным посланникам, которые в последнее время прибывали в Пеллу во множестве с деловыми визитами — на поклон или с предложениями мира, изъявлением покорности.

Однажды вечером он послал слугу за Александром. Когда тот пришёл в кабинет, недоумевая, по какой надобности, встретил его загадочной улыбкой; подал монету, размером крупнее обычной.

— Что это, отец? — удивился Александр.

— Смотри внимательно! — продолжал улыбаться Филипп.

Александр повертел монету в руках: монета была золотая, свежая, ярко блестела при свете лампадария. На лицевой стороне он разглядел свой профиль с лавровым венком на голове.

Лицо Филиппа источало самодовольную радость.

— Мой подарок герою Херонеи! Я приказал ваятелю Лисиппу* изобразить тебя на новой монете. Она пока образец. Но я намерен выпускать её вместе с теми, что давно имеют хождение по всей Греции, те, где есть одно моё изображение. Ты знаешь, что прежние я приказал выпускать наперекор суждению греков, что на них можно изображать только лики богов. Но цари чем хуже богов? — он хрипло рассмеялся. — Пусть боги Олимпа потеснятся, уступят нам с тобой место, хотя бы на моих монетах.

Довольный произведенным эффектом, а это он заметил по удивленно счастливому лицу сына, Филипп со значением добавил:

— Заказал Лисиппу несколько твоих статуй. Одну пусть делает из лучшей коринфской бронзы. Я принесу её в дар святилищу в Олимпии. На днях собираюсь туда; нужно посоветоваться с Зевсом по своим вопросам. А ещё задумал я выстроить в Олимпии собственное святилище, имя которому будет Филиппейон; там выставлю статуи всех членов нашей семьи — свою, твоей матери, тебя и моих родителей — царя Аминты и Эвридики, найду место для остальных предков семьи.

— Отец, зачем в Олимпии, в этом центре греческих святынь, оставлять наши ценные дары? В Македонии есть святилища, чтобы оказывать богам и героям почитание? Они есть в Додоне, Дионе, Эвклее.

— Ты неправ, Александр! В Олимпию приходили паломники со всей Греции во все времена. Идут уже тысячу лет, и будут ещё идти столько же, и каждый из них, увидев мой изумительной красоты Филиппейон, богатый и неповторимый в своём образе, будет разносить весть обо мне, словно о божестве. Рядом со мной ты, Александр, мой наследник, и тебе достанутся лавры героя. Теперь понимаешь, к чему моя затея?

Филипп не стал затягивать с решением о возведении Филиппейона. Призвал ваятеля Леохара — его статуи Артемиды, Аполлона и Ганимеда говорили сами за себя. Вскоре Леохар показал макет небольшого семейного храма, выглядевшего достаточно изящным. А всё оттого, что имел необычную для греков кольцевую форму. Восемнадцать ионических* колонн подчёркивали его стройность, они стояли на основании с тремя ступеньками и поддерживали *антаблемент* — верхнюю часть сооружения из камня. Кровля покрывалась «черепицей», вырезанной из белого мрамора, вверху размещался стилизованный цветок из кованой бронзы. Стены возводились из прямоугольных известняковых блоков с последующей штукатуркой красного цвета; по ней прорезались белые швы, что создавало иллюзию мелкоштучной кладки. Внутри сакрального помещения, *целлы*, помещались статуи членов царской семьи, которые с этого момента становились объектом божественного поклонения всех, кто приближался к святилищу.

Царь остался доволен макетом, после чего поручил Леохару возвести Филиппейон в Олимпии в натуральную величину.

* * *

Перед отъездом Александра в Афины Филипп пригласил его на прощальную трапезу и в завершение загадочно произнёс:

— В Афинах Антипатр передаст тебе мой подарок, — заметив на лице сына недоумение, ухмыльнулся. — Тебе понравится!

Слова отца озаботили Александра лишь на время, но через несколько дней он забыл обо всём, что не касалось сборов в дальнюю дорогу. Новые чувства собственной значимости, что он едет к афинянам решать их судьбу и от него теперь зависит многое, переполняли юного наследника. То, что отец позволил ему действовать самостоятельно, радовало и в то же время настраивало на огромную ответственность за результаты переговоров на предмет «вечного мира». Конечно, он волновался! В эти дни лишь милый сердцу Гефестион, осведомлённый о душевном состоянии друга, поддерживал его, утихомиривал ненужные страсти, украшая своим присутствием досуг Александра в уже опостылевшем ему дворце.

ПИСЬМА АРИСТОТЕЛЯ

Перед отбытием в Афины Александр получил одновременно несколько писем от Аристотеля. Наставник писал ему из Стагир чуть ли не ежедневно, а отправлял с оказией, когда предоставлялась возможность. В свойственной ему назидательной манере наставник высказывал опасения за неправильные, на его взгляд, шаги, которые предпринимал юноша в сложный возрастной период:

«Аристотель — Александру: Хайре! Береги и копи время, на которое ты прежде не обращал внимания, и которое мимо тебя проходило впустую. Самое позорное для тебя — это потеря времени по собственной небрежности. Посмотри вокруг и заметь тех людей, кто наибольшую часть жизни тратит на дурные дела, немалую — на безделье, а остальную — не на полезные дела. Выделенное тебе Судьбой время на жизнь имеет предел, оно умирает с каждым твоим вздохом. Не упуская без цели, без дела ни дня, ни часу! Получишь выгоду от дня сегодняшнего — меньше будешь зависеть от дня завтрашнего»...

Александр читал такие письма с удовольствием, хотя его не устраивало, когда наставник думал о нём, как о наивном мальчике.

... «Быть может, ты спросишь, как поступаю я, если смею тебя поучать? Признаюсь, могу сказать, что в жизни своей я зря потерял достаточно времени, особенно в молодости, и в этом назову причины моего скромного имущественного достатка и всякие удары судьбы. Я тебе советую, чтобы ты лучше берег свое достояние — время, начиная с сегодняшнего дня! А мне уж поздно быть бережливым, когда осталось на донышке. Да к тому же остается там не только мало, но и самое, что ни есть, скверное. Будь здоров, мой мальчик!».

Александр принялся за второе письмо:

«Аристотель — Александру: Хайре! Знаю, что ты сильно занят, помогаешь отцу. Не дожидаясь ответа от тебя, пишу ещё одно.

Читаешь ли ты своего любимого Гомера? Помнится, без «Илиады» и «Странствий Одиссея» ты не засыпал. Продолжай читать, и не только Гомера, не ссылайся на занятость или перемену мест. В чтении душа обретает покой и уверенность, а метания — признак больной души. Не спеши менять свои предпочтения автору или произведению. Лучше оставаться с тем или другим из великих умов, питая ими душу, если хочешь извлечь нечто такое, что в ней бы осталось. Кто пробегает всё второпях и наспех, пользы не получит — ничего не дает телу пища, если ее извергают, едва проглотивши. Не окрепнет растение, если часто его пересаживать.

Но ты захочешь сказать: чтобы больше знать, следует читать книги, много книг. А я тебе скажу: чтение множества книг лишь рассеивает наше сознание, затрудняет впечатления. Если не можешь прочесть все, что имеешь, имей столько, сколько прочтешь — и довольно. Отведывать от множества блюд — признак пресыщенности, чрезмерное же разнообразие яств не питает, но портит желудок. Но каждый раз из того, что прочитал, запоминай что-нибудь полезное, хотя бы одно. Каждый день запасай что-нибудь против всякой напасти, чтобы, пробежав по всему, выбрать одно, что пригодится в дальнейшем. Я и сам так делаю! Будь здоров!»

Очередное послание не было похоже на предыдущие

письма. Во время последнего визита Александра в Стагиры наставник завёл разговор о том, какого человека называть погруженным в *евдотию*, то есть быть счастливым.

— Я счастлив, прежде всего, тем, что родился мужчиной, македонянином и, к тому же наследником царя, — заявил тогда Александр.

— А я посоветую, прежде чем считать себя таковым, разобраться, из каких частей складывается счастье. Подумать, что создаёт для тебя ощущение счастья, и что разрушает, что мешает ему, и что не следует делать во имя счастья.

У Александра в тот день не хватило терпения, чтобы спорить с наставником. Он промолчал, вынуждая Аристотеля переменить тему. И вот наставник почему-то решил довести «урок» до логического конца. Он сообщал в письме:

«Аристотель — Александру: Хайре! Позволь мне завершить начатый с тобой разговор, чтобы убедить тебя, где ты прав, а где — прав твой учитель. Правильно, ты уже счастлив из-за благородного происхождения, что имеешь своими родоначальниками славных героев — Ахилла и Геракла. Если власть в государстве принадлежит мужам, имеющим такую родословную, это служит предметом уважения граждан. Получается, что одна составная часть личного счастья человека зависит от благородства происхождения. Следующими составляющими могут быть обилие верных друзей, богатство, хорошая семья и потомство, беспечная и обеспеченная старость, здоровье и красота, сила и статность, ловкость в состязаниях, а также такие достоинства, как слава, почёт и удача. Думается, что человек наиболее счастлив в том случае, когда он обладает благами, находящимися в нём самом. Что касается красоты, то она различна для каждого возраста. Будь здоров!».

ПОСЛАННИК ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ

Александр вместе с Антипатром возглавил дипломатическое посольство в Афины в составе опытных переговорщиков — царских советников, политиков и секретарей. По просьбе Аристотеля в качестве историографа к делегации царь добавил Каллисфена. Филипп велел записывать каждое слово, каждый шаг наследника и всё, что будут говорить представители афинян, что будут обсуждать обе стороны. Сначала предполагалось участие в переговорах Аристотеля, он поддержал бы царевича в общении с афинянами, но философ наотрез отказался, ссылаясь на недомогания. Он понимал, насколько неуместным окажется его появление в Афинах, ведь для большинства афинян воспитатель наследника царя Филиппа представлялся предателем интересов Греции, что не могло не отразиться на результатах переговоров.

Участники македонской группы отказались от дорожных колесниц, они сели на своих боевых коней, как напоминание жителям Афин о Херонее. У Александра и в мыслях не было оставить в Пелле Букефала: пусть погостит в афинских конюшнях, наестся вдоволь их пшеницы. Заслужил...

Дорогу осилили без происшествий. Она стала безопасной с тех пор, как стараниями Филиппа повсюду восстановилось спокойствие, неизвестное ранее путешественникам чувство. На полях трудились селяне, в борозде важно вышагивали волы, паслись овцы, козы, кони... Навстречу катились груженные повозки, проходили большие и малые караваны с товарами, по обочинам отдыхали странники и путешественники, от костров, где в котелках готовилась еда, тянуло дымком и дразнящими запахами приправ...

В пути Александр беззаботно общался с Гепестионом, который занимал время пустяшными историями, был предельно внимателен к настроению друга. Зря не досаждал, был искренен и готов прийти на помощь даже ценой соб-

ственной жизни. Александр это ощущал всегда, отчего рядом с Гестиеоном ему было покойно и уютно.

Через три дня показалась скала Гиметт, за ней черепичные крыши Афин. Акрополь. Блеснула золотом огромная статуя Афины Паллады, защитницы города.

Антипатр, как обычно, уверенный в себе, помнил наказ царя — требовать от афинян уступок неназойливо, но настойчиво. Как получится на самом деле? Беспокоил Александр — юнец, не помешал бы в переговорах, он горяч, не испортил бы дело скандалом! Какая-то бешеная сила сидит в нём, неукротимая! Ведёт себя не как наследник, а полноправный царь македонский... Ни одёрнуть его, ни дать совет... Заметно очень, что два рода проглядываются в нём одновременно — Геракла и Ахилла... Много геройства, необузданности, страсти... Но, вероятно, это и есть царское достоинство?

Македонян встречали у городских ворот. Представители власти, все настороженные, с недоверчивыми лицами, но подчеркнуто вежливые. Никто из них не знал, с чем пожаловали представители царя Филиппа. Уже знали, что воспитательный юноша, горделиво восседающий на рослом коне, сын Филиппа. Тот самый Александр, словивший упорство беотийцев, что послужило причиной разгрома афинян...

Пока гости проходили улицами города, люди с любопытством взирали на них, смотрели во все глаза, стараясь отметить в чертах царевича что-либо дикое, варварское, но не обнаруживали — светловолосый, что присуще благородному эллину, взгляд пронзительный, не злой, но любопытствующий, на коне держится уверенно... Афинян беспокоило одно — с чем прибыли македоняне? Чего ожидать от этих варваров — мира или новой войны?

Царевича, Антипатра и остальных посольских людей удобно разместили в гостевом доме при Булевтерионе — административном здании, где обычно проходили заседания городского совета. Когда разошлись любопытные, Антипатр поспешил на встречу со сторонниками Филиппа в Афинах.

С ними он познакомился ещё в Пелле, где они побывали в составе афинского посольства. Были ещё местные друзья царя Филиппа — оратор Демад и Фокион, мудрый политик. Остальные не показывались, осторожничали или боялись прослыть предателями Отечества.

* * *

Посланцы македонского царя вели предварительные переговоры с лидерами промакедонских и других политических группировок, а в свободное время знакомились с достопримечательностями Афин: *агорой*, общественными зданиями и храмами. А народные избранники в собрании обсуждали условия мира, привезённые Александром, провозглашенные от имени царя Филиппа. После долгих споров в Афинах поняли, что им предлагается мир на условиях, не уничтожающих и не унижающих достоинство афинян. Это было в новинку для такого сложного жестокого времени! Демад сообщил Александру, что Афины готовы заключить союз с Македонией.

Предлагая свой план мира для Афин, Филипп делал в политике дальновидный шаг. Он оставлял Афинам свободу и независимость во всех делах, касающихся внутренних дел своих граждан. Не навязывал афинянам македонский гарнизон при условии, если все граждане клятвенно пообещают не нарушать условия мирного договора. Более того, ни одно воинское подразделение македонской армии не будет находиться на афинской земле. В афинской гавани не будут стоять боевые корабли македонского флота. Филипп отдаёт Афинам город Ороп, захваченный когда-то Фивами. Оставляет афинянам основные *клерухии* — колонии на Лемносе, Имбросе, Скиросе и Самосе, но при этом забирает Херсонес Фракийский, центр морской торговли на проливе Геллеспонт*. Это был удар по продовольственной безопасности Афин, поскольку в привозном хлебе афиняне нуждались постоянно. Потеря Херсонеса оказалась самой болезненной, ставившей Афины в полную зависимость от воли Филиппа.

На виду было то, что Афины сохранили флот и независимость, и в то же время Афины не имели право организовывать военные союзы, становились членами панэллинского союза вместе с Македонией и во главе с Филиппом.

Но привилегии, данные Афинам от царя Филиппа, оказались большими, чем ожидали сами афиняне до заключения мирного договора с Македонией. Граждане Афин испытывали счастье оттого, что на их земле наступил мир, и они, по большому счёту, мало что потеряли. Обрели вновь жизнь вместо разорения и смерти.

* * *

Радостное чувство исполненного долга уже не покидало Александра. На днях македоняне отбывают в Пеллу. Наследник не подвёл отца! На прощание он с Гефестионом посетил Акрополь, где их сопровождал словоохотливый жрец с голым черепом и пушком волос на висках, в одеянии белого цвета. Он непроизвольно морщил лоб, когда рассказывал о событиях, происходивших в этом священном для афинян месте в глубокой древности, словно припоминая их, и пучил от напряжения глаза с покрасневшими белками. Александр спросил у него имя, и услышал:

— У меня есть имя, но при жизни моей никто не имеет права называть его вслух. Это имя новое, а старое, какое я имел до посвящения, утеряно. Я его не вспомню, даже если бы захотел. У жрецов старые имена вырезают на бронзовых плитках и предают морским глубинам, чтобы никто и никогда не смог узнать. Ведь в глубинах человеческих взор бессилён что-либо увидеть.

С плоской вершины известняковой скалы Афины выглядели большим человеческим муравейником. Жрец сообщил, что в случае вражеских набегов с древних времен это природное убежище укрывало окрестных жителей. Сюда с трудом добирались по крутым ступеням, вырубленным в скалах, или по веревочным лестницам. При царе Тесее, победителе Минотавра, Акрополь обзавелся массивными стенами цикло-

пической кладки. Сто пятьдесят лет назад персы осадили Акрополь, долго взять не могли, хотя его защищали только старики; остальные жители покинули Афины до прихода жестокого врага. Изменник выдал персам один возможный путь вверх: им удалось взойти на вершину по считавшемуся неприступным северному склону. Из крепости на Акрополе персы вывезли все ценное оружие, ограбили и сожгли храмы, превратив святыни греков в груды развалин. При поджоге строительных лесов, устроенных вокруг почти готового Парфенона, храма Афины, обрушились его каменные конструкции — колонны, балки, кровля. В последующие годы на Акрополе велись восстановительные работы под управлением известного эллинскому миру зодчего Фидия, создателя колоссальной фигуры Зевса в Олимпии, очередного чуда света.

Осмотр монументальных храмов Акрополя, религиозные и общественно значимые сооружения Афин, в том числе главная агора, оставили у Александра возвышенные впечатления. Только сейчас он понял, почему Греция так неравнодушна к судьбе своего древнего города с великой историей. Он понял и своего отца, который не пожелал осады, взятия и разграбления Афин.

Вечером на подходе к Булевтериону его перехватил Антипатр; на его лице играла загадочная улыбка.

— Александр, сегодня ничему не удивляйся. Тебя ожидает подарок твоего отца.

Советник открыл дверь помещения, где жил царевич, и слегка подтолкнул его вовнутрь. На своей постели Александр увидел... молодую женщину.

ИСКУШЕНИЕ ЖЕНЩИНОЙ

В последние дни Александра не покидало ожидание событий подобного рода. Несмотря на возраст — а ему уже пошёл девятнадцатый год, он до сих пор не имел плотской

связи с женщинами, и это обстоятельство сильно беспокоило родителей, особенно мать. Она опасалась, что сын не станет мужчиной в прямом смысле. Олимпиада несколько раз подсылала к нему на ночь молоденьких служанок, но они тотчас прибегали обратно, все в слезах, говорили, что он выгнал их. Олимпиада обратилась к Аристотелю, надеясь, что наставник сумеет доходчиво внушить ему эротические влечения мужчины к женщине, что они не только полезны, но и необходимы для активной жизни молодого человека. Философ с охотой отозвался на призыв любящей матери, отослав в Пеллу письмо:

«Аристотель — Александру: Хайре! Ты шагнул в возраст эфеба, когда, помимо священной необходимости служить Отечеству, существует обязанность создавать семью, иметь детей, будущих воинов и матерей. А в твоём положении наследника престола такое обстоятельство немаловажно. Тебе пора познать некое влечение, овладевающее мужчиной при общении с женщиной, позволяющее, полюбив её, сблизиться с ней, после чего следует некое врожденное действие, обоим доставляющее не только наслаждение, но и благо. Если боги не могут обходиться без чувственных наслаждений, то люди обязаны брать с них пример...».

Для убедительности Аристотель привел в пример Геракла, напомнив, что он не всю свою жизнь носил стрелы, палицу и львиную шкуру. Он находил время и для наслаждений, среди которых немало случалось и любовных подвигов: например, за одну ночь он разделил ложе с пятьюдесятью девственницами, дочерьми царя Феспия. И все они были ему благодарны, радуясь, что понесли от него, каждая своё дитя...

«...А я добавлю, — продолжал философ, — что и суд Париса был ни чем иным, как выбором между наслаждением и добродетелью: выбор пал на Афродиту, то есть на наслаждение».

Письмо наставника заставило Александра улыбнуться. То, на чём настаивал Аристотель, Александр давно узнал от товарищей, вкусивших сладость любовных утех. Узнал, но при

этом у него самого не возникло желание немедленно устремиться к познанию женского тела и души. Более того, принадлежать женщине, воспринимать Эрос как безусловную зависимость от чувств и желаний другого человека, необходимость любить этого человека, останавливала юношу, настораживала и пугала. Нет, ради эфемерного удовольствия не мог он терять мужскую силу и волю, пусть на миг! Достаточно, что он любит одну женщину — свою мать.

И всё-таки, о «приятном» у Александра сложилось своё представление, из пояснений наставника на уроках:

... Для человека приятны ощущения исполнения им долгожданной мести — «гневаясь, люди безмерно печалются, не имея сил отомстить...

... Приятно побеждать, поскольку при этом всегда появляется мысль о собственном превосходстве.

... Почёт и добрая слава принадлежат к числу наиболее приятных вещей, когда каждый воображает, что именно он таков, каков бывает человек хороший, и тем более в том случае, когда почести и похвала воздаются со стороны лиц, которых мы считаем правдивыми. Если человек с пренебрежением относится к этому и не придаёт никакого значения почестям со стороны их и доброй славе среди них, то ради чего он живёт?»...

* * *

В комнате Александра находилась женщина. В притушённом свете лампадария он заметил, что она не слишком молодая, но красивая. Гостя невозмутимо возлежала на постели, прикрытая лёгкой тканью розового цвета. Сквозь накидку вызывающе просвечивало тело, прикрытое складками ткани в тех частях, которые до поры не следовало увидеть. Бледное овальное лицо с невысоким лбом, прямой нос, тёмные брови в одну линию, полноватая грудь и выразительная линия бёдр, на которых покоилась холёная рука с длинными тонкими пальцами.

— Кто ты? — сдерживая себя — не только удивление, но и

раздражение, спросил Александр. — Зачем ты здесь?

— Я Калликсена, подарок твоего отца.

Калликсена! Александра приятно поразил певучий голос. В Афинах Александр слышал о ней от самих граждан, что сопровождали его; они с восторгом отзывались о ней, делились слухами по поводу её искусства обольщения. Кто говорил, что она фессалийская гетера, кто — храмовая жрица любви, но, в любом случае, общение с Калликсеной стоило счастливцу огромных денег. К тому же действительно несравненная и восхитительная гетера была уверена в том, что ни один мужчина не в состоянии был устоять перед ее обаянием. Появление у сына македонского царя, о котором узнала, что он ещё девственник, она посчитала для себя легкой забавой, развлечением, игрой кошки с мышкой...

Хотя внутреннее раздражение не покинуло юношу, ему вдруг показалось интересным узнать, что случится дальше. Как она поведёт себя, и как это отразится на нём. Или даже, насколько наглость незваной гетеры позволит ему терпеть её присутствие.

Калликсена протянула руки; ткань упала с плеча, обнажив соблазнительное тело до пояса.

— Иди ко мне, Александр.

Он повиновался. Сел на край постели. Он уловил едва уловимый благоухающий запах тела, похожий на аромат весеннего мёда, обожаемого им с детства. Гетера взяла его левую руку и осторожно положила себе на левую грудь; он ощутил приятную упругость. Следом взяла правую руку и положила себе на правую грудь, медленно сняла с его плеч хитон, после чего своими пальчиками коснулась его кожи и начала нежно вибрировать по известным только ей эрогенным точкам, медленно опускаясь вниз. Александр чувствовал, как неведомая живительная сила вселяется в него, высвобождая глубоко сидящие в нём чувства и устремления. Убедившись, что её старания достигают цели, Калликсена лукаво глянула ему в глаза и улыбнулась, обнажив белые, словно жемчужины, зубы.

— О, я вижу, твой воин готов к сражению! — она тихо рассмеялась. — А мне говорили, что ты равнодушен к женщинам.

Внезапно у него забились мысли: «Отец решил за меня, с кем мне спать? Отец лишает меня свободы даже в выборе женщины»...

Не исключено, Калликсена, получив задание Антипатра, решила взять на себя роль наставницы:

— Представь, дорогой мой, что женщина — это божественный костёр Эроса, куда мужчина вовремя подкладывает священные дрова; в этот огонь мужчины приносят свое семя как приношение богам. Совместное творение Эроса должно быть нежным и страстным, взаимным, предвосхищая и соизмеряя приближение экстаза, как всепобеждающее завершение соития мужчины и женщины. Из жертвенных приношений в костёр любви рождаются взаимные чувства и зарождается жизнь другого существа.

Калликсена притянула Александра к груди и нежно поцеловала в макушку головы. О, Зевс! Так делала только его мать! Кровь внезапно бросилась ему в лицо. Внезапно его охватил гнев, с которым совладать он уже не мог. Александр вырвался из объятий гетеры.

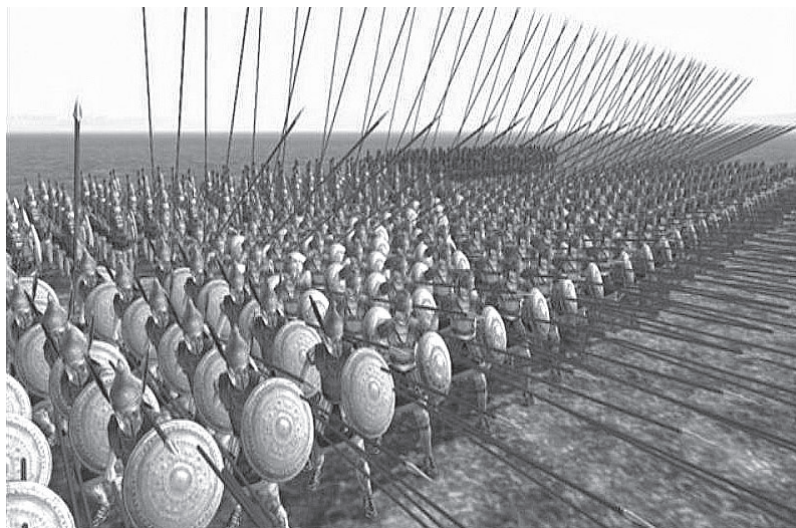
— Пошла прочь! — закричал он так громко, что его услышал Антипатр, ожидавший событий встречи в соседней комнате; советник понял, что и на этот раз Александр остался самим собой.

* * *

Узнав об условиях мира с Филиппом, афиняне вздохнули с облегчением, а когда договор был подтверждён клятвами перед алтарём Зевса, то все греки в Аттике* возликовали. Афинские правители, *архонты*, постановили воздвигнуть на агоре бронзовую статую «божественного» Филиппа, даровали ему и Александру почётное право афинского гражданства. Такое же гражданство было дано Пармениону и Антипатру.

По возвращении в Афины Демосфена ждало глубокое

разочарование — он не узнал сограждан, которые не так давно ловили каждое его слово и безоговорочно верили во враждебность царя Филиппа по отношению к ним. По случаю «вечного мира» с Македонией городские власти устраивали праздники чуть ли не каждый день. Ранее уважаемому политику и оратору Демосфену сограждане припомнили все его действия, направленные на македонского царя, отчего незамедлительно возбудили против него сразу несколько судебных дел, и все, в основном, «за вред, причинённый дружбе с Македонией».



От унижения и неминуемой гибели Демосфена спасли лишь эмоциональные и вразумительные речи, которые пришлось ему высказывать на судебных заседаниях в собственную защиту.

МИР ВО ИМЯ ВОЙНЫ

После заключения мирного договора с Афинами Филиппу ничего не оставалось, как стать реальным хозяином Греции.

Но он пожелал получить этот статус по согласию населения греческих городов. Для этого созывает представителей в Коринф на внеочередной всегреческий *синедрион*. Одна Спарта отказалась принять участие, прислав гонца со словами:

«Если Филипп утверждает, что существует мир между греками и македонянами, спартанцы считают такой мир тяжким рабством, так как он дарован победителем, а не договором свободных государств».

Понимая правоту спартанцев, Филипп всё равно не отреагировал на подобные «мелочи», но оставил за собой право на удар, как он сказал грекам, «по возмутителям спокойствия и мира в Элладе».

Для созыва синедриона Коринф был выбран не случайно. Сто пятьдесят лет назад перед грозящей опасностью нашествия персидской армии Ксеркса в этом городе впервые был создан военный союз греческих полисов. Его усилиями персидский флот у Саламина потерпел поражение, персы с позором возвратились в Азию. Для Филиппа, претендующего на лидерство среди греков, это историческое событие представлялось предельно весомым.

Первое заседание синедриона для македонского царя прошло успешно. Образовался новый всегреческий военно-политический союз — *симмахия*, целью которого являлась предстоящая война с Персией. Все города Греции получили в синедрионе постоянное представительство при обязательном условии подчинения собственных интересов решениям симмахии. За отступления от утверждённых совместными усилиями правил налагались огромные штрафы или более суровые наказания, как например, исключение из союза. В таком случае, виновнику грозило военное вмешательство симмахии и гигантские контрибуции.

Главой синедриона единодушно был избран Филипп, поручив ему командование общими сухопутными и морскими силами. Но только на случай войны с Персией! В остальное время предполагалось, что он такими правами не владеет. Доверие ему оказывалось такое, какое он сам не предвидел:

под его началом собиралась армия до двухсот тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников! Чтобы ни один член синедриона не передумал, царь Филипп обязал каждого дать клятву:

«Я клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Посейдоном, Афиной, Аресом, всеми богами и богинями. Я останусь верен миру и не нарушу того договора, который был заключен с Филиппом, царём Македонии. Я не выступлю походом ни на суше, ни на море и не причиню вреда тем, кто останется верен клятвам. Я не посягну на царскую власть Филиппа и его потомков, а также на государственное устройство, существовавшее у каждого государства в тот момент, когда приносились клятвы о мире. Я сам не сделаю ничего, противоречащее этому договору, и не позволю никому другому по мере сил. Если кто-либо сделает что-нибудь нарушающее этот договор о мире, я окажу тем, кому будет причинен вред, такую помощь, какую они попросят. Я буду воевать с нарушителем общего мира в соответствии с решением союзного совета и приказом вождя»...

В отличие от прежних военно-политических союзов, когда отступников ожидала лишь кара богов, теперь все участники оказались обреченными на «вечный мир» между собой и полное политическое подчинение Филиппу. Во имя общих целей и задач каждый греческий полис обязывался заботиться о том, чтобы у них самих и у других участников синедриона, как постановил царь Филипп, не применялись «ни казни, ни изгнания, ни отбирания в казну имуществ, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота». При этом в новое для всех мирное время возникло огромное преимущество перед прежним страхом войны. Сейчас ни один город не платил никому дань или подати, никто не вмешивался во внутренние дела, а их граждане не принуждались в проведении внешней политики, противоречащей их желаниям. Для всех царь Филипп имел право распоряжаться судьбой каждого города и Грецией в целом. Хотя на практике он ничего не предпри-

нимал без решения синедриона, где решения принимались по его предложениям. Но без Филиппа синедрион ничего не мог решать и делать! Греки учились жить по правилам, которые устанавливал для них македонский царь по принципу: кто гонится за излишком, теряет и то, что у него было.

Новый гегемон не преследовал цели привести членов синедриона к подчинению Македонии, но каждый из них обязывался не воевать друг с другом, но готовиться к войне с персами, то есть исполнял волю главнокомандующего объединёнными военными силами — царя Филиппа. В это самое время стали актуальными призывы Исократы:

«Если греки с македонянами переправят туда войско более сильное, чем персов, — а при желании его легко собрать — там безопасно будут собирать дань со всей Азии. Гораздо лучше воевать с ним за царство, чем между собой бороться из-за гегемонии... Счастливая война с персами откроет простор предпринимательскому духу и освободит Грецию от массы бедного люда, дав работу бродячим элементам, угрожающим самому существованию эллинского государства и культуре... Одушевленное патриотической идеей воинство сделает Грецию обладательницей неисчерпаемых сокровищ Востока, центра мирового обмена»...

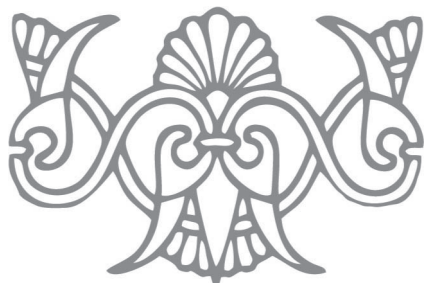
После завершения организационных дел в Коринфском синедрионе Филипп возвратился в Македонию, чтобы готовить войско к походу на Восток. В качестве разведочной военной операции он собирался отправить в Азию отряд во главе с Парменионом. Узнав об этом, в Персии переполошились: царь персов засылал в греческие города тайных курьеров с подарками и золотом, пытаясь ослабить македонское влияние. Напрасно! Воспоминания о Херонее были ещё очень свежи в памяти Эллады!

По этому поводу Филипп напомнил грекам известную притчу:

... Собака бежала с куском мяса мимо реки. Увидела, как на берег выскочила рыба. Бросилась к рыбе, выронив мясо. Рыба прыгнула обратно в воду, а когда собака вернулась к

месту, где бросила мясо, увидела, как его унёс коршун...

Греки опасались македонского коршуна, который в силах отобрать у них не только кусок мяса, но и самих унести в преисподнюю.



Глава двадцать вторая

СВАДЬБА РАЗДОРА

РАЗЛАД В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Филипп посетил Коринф вместе с сыном. Хотел, как повелось, показать наследника. Царевич всюду сопровождал отца, присутствовал на заседаниях синедриона, вникал в горячие споры представителей городов при обсуждении прав и обязанностей членов нового союза. Он стал свидетелем мудрости отца, когда он разрешал сложнейшие политические проблемы с пользой для Македонии и собственного авторитета. Так получалось, что для Александра пребывание в Коринфе явилось школой искусной дипломатии.

Завершив дела, Филипп поспешил в Пеллу, но Александра намерено оставил, чтобы он совместно с Антипатром уточнил некоторые детали союзного договора. После отъезда отца царевич принялся за исполнение поручения, а оставшиеся несколько дней потратил на знакомство с городом, славящимся древней историей и традициями.

Таких мест было немало. Например, знаменитый на всю Элладу храм Афродиты, в котором трудились день и ночь тысяча жриц любви. Любой чужеземец, приехавший в Коринф по своим делам, выбирал женщину для свершения с ней обряда, «угодного Афродите». Гость обращался к служительнице богини со словами: «Призываю тебя на служе-

ние богине!» — и бросал в подол горсть монет: сумма не имела принципиального значения, ибо мужчина мог заплатить сколько угодно, но даже мелочью пренебрегать женщине запрещалось. Всё происходило у стен храма или в священной роще, а деньги передавались в общую казну храма.

Александр не задавался целью познакомиться со жрицами любви, но ему было интересно посмотреть на них со стороны. Он отметил красивые лица, у них длинные распущенные волосы. Храмовый жрец объяснил царевичу, что в волосах заключена особая магия, которая помогает восстанавливать женщине силы, утраченные после близости с мужчиной во имя Афродиты.

Жрец рассказал историю Коринфа. Назвал имя Перияндр — правителя и одного из знаменитых в древности Семи мудрецов Греции. При нём коринфянам счастливо жилось, хотя бы оттого, что все исполняли придуманные им законы, строгие и справедливые. В архитектуре общественных зданий сложился так называемый «коринфский ордер», отражающий расточительный образ жизни горожан того периода. В Коринфе жил знаменитый киник Диоген из Синопа. Сograждане называли его чудаком, потому что он ходил по улицам днём с факелом и говорил, что ищет «человека». Но так и не нашёл...

Представители местного жречества, польщенные вниманием сына царя, посоветовали посетить храм владыки морей Посейдона, возведённый за стенами Коринфа. Он знаменит тем, что рядом с храмом проводились знаменитые состязания атлетов, музыкантов и конные бега — так называемые Истмийские игры, по названию соседнего городка Истм и узкого перешейка, отделяющего полуостров Пелопоннес от материковой Греции.

Места эти связаны с жизнью и смертью легендарного царя Ясона, предводителя «аргонавтов». К этим берегам он привёл корабль «Арго», на котором привёз из далёкой Колхиды не только шкуру священного барана — «Золотое руно», но и жену Медею, сбежавшую от своего отца, царя Аэта.

Ясон, когда стал царём Коринфа, оставил «Арго» у храма на вечную стоянку как жертвенный дар владыке морей. Много лет царствовал Ясон, не уступая престол ни одному из своих семи сыновей. Однажды, совсем старый, пришёл к храму Посейдона и увидел свой корабль; прилёг отдохнуть в его тени, предавшись воспоминаниям давних лет. Вдруг раздался треск — и подрыхлевший корабль вмиг развалился, похоронив под собой Ясона, некогда славного героя...

— Зачем ты рассказал мне эту историю, жрец? — спросил Александр своего сопровождающего.

— Старый царь добровольно не уступал престол наследнику. Вот и погиб. Всё повторяется в этом мире, царевич, — загадочно произнёс жрец.

Александр вспомнил этот разговор в Пелле через несколько месяцев при неожиданных семейных обстоятельствах...

* * *

Появившись в Пелле, Александр без промедления направился в кабинет отца доложить о результатах своих встреч в Коринфе. У дверей его остановил Аттал; этого нового друга отца Александр недолюбливал — втайне завидовал его полководческим успехам. Аттал придержал царевича за плечи и загадочно произнёс:

— Не спеши, юноша! Царь никого не хочет видеть.

— Даже меня? — удивился Александр. — У меня важные сведения для царя!

— Не советую! — голос Аттала зазвучал жестче. — Царь знает, что ты во дворце. Жди, когда тебя позовут.

Последние слова он произнёс голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Александр попытался оттолкнуть Аттала, но тот не уступил. Окончательно удивлённый странным поведением военачальника, царевич развернулся и поспешил на половину матери, выкрикивая по дороге проклятия.

Олимпиада, узнавшая о возвращении сына, ожидала в саду на любимой скамье у водоёма. Издали Александр

не узнал мать, так как на ней был хитон непривычного тёмно-охристого цвета. Приблизившись, заметил под глазами матери тёмные круги, а сами глаза исторгали ненависть.

— Здравствуй, мой мальчик! — царица протянула руки. — Ты был у отца?

— Нет, меня не пустили! — голос его прерывался от обиды. — Как он посмел!

— Догадываюсь, Александр, о ком ты говоришь! Разве до тебя не дошли слухи, что натворил твой отец? — голос матери нервно оборвался.

— Что мне знать? — с раздражением крикнул Александр. — Что случилось, я могу услышать?

— Твой отец женится!

Царица произнесла эти слова, готовая разрыдаться; она отвернула лицо, не желая показаться слабой.

Если бы небо упало на землю, Александр не так бы удивился. Отец женится?! Сын знал, что отцу не чужды мужские забавы, его увлечения молоденькими флейтистками, *авлетридами*. Знал его наложниц, живших при дворе в ожидании внимания царя. Догадывался, что Филипп иногда проводил время, развлекаясь со смазливymi мальчиками. Но чтобы оскорбить мать своего наследника!

Александр с усилием подавил kloкочущее внутри негодование, тихо спросил:

— А как же ты? Ведь ты царица!

— Он разводится со мной.

Олимпиада, уже не скрывая унижения, разрыдалась, уткнувшись в плечо сына. Вот в чём дело! Александр сжал кулаки, лицо потемнело от гнева. Помимо горькой обиды за мать, он осознал, что новой женитьбой отец ставит под сомнение его права наследника! Пересилив себя, выдавил:

— Кто она?

— Клеопатра — племянница Аттала. Ей всего шестнадцать лет! — царица уже рыдала в голос.

— Жених старше невесты на тридцать лет? — вскричал Александр.

Лицо матери выражало неподдельное горе...

Он теперь знал, что делать. Из гинекея направился к покоям отца; ноги сами несли. Аттала не было, но у дверей встретился Элний, царский секретарь. Он натянуто улыбнулся и попытался что-то сказать, предупреждая взмахнув руками. Александр, не останавливаясь, двинул кулаком ему в плечо так, что секретарь не устоял, отлетел к стене. Дежурный стражник, наслышанный о геройстве царевича, не решился препятствовать, отступил.

Александр ворвался к отцу, и первое, что услышал, было:

— Что привело тебя ко мне, сын?

Филипп полулежал на кушетке с мрачным видом. Он слышал шум и мог догадаться, что произошло. Лицо выражало недовольство.

— Что привело тебя? — повторил он голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Ответь, но вначале обдумай, чтобы не огорчать отца.

Александр подошел ближе и, глядя прямо ему в глаза, жестко спросил:

— Отец, это правда?

Филипп взорвался:

— Ты хочешь сказать, что твой отец не может делать того, что считает нужным?

Александр неожиданно испугался, побледнел. Отец кричал во весь голос:

— Я не обязан тебе докладывать о своих намерениях! Тем более что никого не приглашал, как тебе успел сообщить Аттал, — царь задвигал желваками на скулах. — Я выгоню тебя и буду прав. И слуг накажу, кто допустил тебя ко мне!

Филипп замолчал. Он не ожидал появления сына, поэтому сразу не сообразил, как отреагировать на его вторжение. Сейчас, если это произошло, он подбирал слова для главного, что хотел сказать сыну. Наконец, решился:

— Александр, пойми, я давно не люблю твою мать. Причин достаточно, я не намерен все их объяснять. А теперь я полюбил Клеопатру. Женюсь на ней.

Филипп произнёс это твёрдо, как это делал всегда, если не желал дальше обсуждать тему. Александру стало страшно — за себя, за своё неопределённое будущее... Он бросился прочь, не соображая, где он и куда бежит.

Оказавшись в саду, где недавно беседовал с матерью — здесь уже никого не было, Александр разрыдался во весь голос. Рушились все надежды на дружбу с отцом, наследование престола, участие в персидском походе. Злая обида и, главное, непонимание того, что случилось с ним, переполняли его душевное состояние. Отец же старый, старый! Как может он оставить жену, с которой прожил почти двадцать лет и жениться на девчонке? Ради чего?.. Непонятно!

Если отец женится на Клеопатре, она может родить сына. При таком раскладе положение Александра как наследника престола становится проблематичным. Наверно, постараются его убить, нечаянно, где-нибудь на охоте. Его могут убить не только по приказу отца, а по сговору новых родственников, например, Аттала, влиятельного человека среди военных... Нет, такого допустить нельзя! Он — герой Херонеи, его любили македоняне. Если бы не он, неизвестно, победили бы македоняне! Отец отправляется в Персию. Оставит ли он Александра в Македонии охранять престол или возьмёт с собой?.. Наверяд ли... Тогда что делать? Что делать?..

Александру вдруг показалось, что он услышал голос коринфского жреца: «Старый царь уступает сыну»... Он почувствовал, как сердце в груди успокаивает бешеный ритм, мысли обретают спокойный ход. Обозначилось прозрение: с этого дня жизнь его круто меняет направление. Он будет бороться за своё будущее, какие бы препятствия перед ним судьба ни ставила. Для него ближайшая цель — престол Македонии, даже ценой жизни предателя-отца... Пора действовать безотлагательно и решительно.

Но вначале необходимо помешать свадьбе, но каким образом это можно сделать, Александр не знал...

* * *

После ухода сына мрачные мысли долго не оставляли Филиппа. Намерений всерьёз ссориться с Александром у него не возникало, хотя не всё в характере сына его устраивало. В такие моменты Филипп отмечал у него влияние матери, называл сына «отрыжкой злой эпирянки». Но выбор сделан: Филипп расстается с Олимпиадой, а сын обязан смириться с решением отца. Иначе отец примет суровые меры...

Но как поступить с Александром, когда Филипп поведёт войско на Персию? Оставлять в Македонии вместе с матерью опасно. Олимпиада обязательно уговорит любимого сына затеять заговор против бывшего мужа... Какой выход? Убрать обоих? Но как? Выслать из Македонии или убить? Исполнить нетрудно — то и другое, зная, что в большинстве своём македоняне не любят гордячку эпирянку Олимпиаду. Хотят видеть царицей Клеопатру, македонского рода. К тому же при дворе шепчутся, ему доносили верные люди, будто Александр не сын ему...

Свадьба с Клеопатрой состоится, он так решил. Она красива и молода, полная неистраченной женской силы. Он в самом расцвете мужских сил, возрасте «акмэ». Клеопатра родит сына, у царя появится ещё один наследник — будет из кого выбирать. А чтобы брак стал ещё надёжней, он женит Аттала на дочери Пармениона. Пусть оба древних рода оберегают царский престол.

Клеопатре не было пятнадцати лет, когда Филипп увидел её в доме Аттала. Она появилась перед ним на миг, когда он трапезничал с её опекуном, но успела поразить юной свежестью и приятным грудным голосом. Что-то дрогнуло у него в груди, давно не испытывал он подобного состояния. Странно, но было такое ощущение, что он влюбился... Филипп отгонял образ девушки от себя как наваждение, но вскоре навязчивое чувство овладело им полностью. Он представлял её в своих объятиях, думал о ней, и чтобы увидеть, находил причины для встреч с Атталом у него дома. Военачальнику,

знавшему о семейных проблемах царя, не пришлось долго соображать, к чему может привести дружба с царём. Стал поощрять его увлечение, а племяннице велел отвечать на чувства Филиппа, но события не ускорять. Через полгода знакомства с Клеопатрой царь предложил Атталу взять её с собой на дворцовое торжество. В тот вечер Филипп поручил Антипатру напоить опекуна девушки до бесчувствия, а сам, пользуясь праздничной суматохой, увёл Клеопатру в сад.

На другой день Аттал со смущённым видом намекнул царю, что Клеопатра пытается что-то рассказать ему, своему опекуну, что с ней произошло, на что Филипп коротко произнёс:

— Я подумаю.

На этом бы и закончилось увлечение царя, как обычно после подобных интрижек. Но Аттал скоро опять пришёл к царю и извиняющим тоном произнёс:

— Не знаю, царь, как сообщить, будешь ли ты рад, но Клеопатра беременна.

Реакция Филиппа оказалась неожиданной для Атталы:

— Это знак Зевса! — сказал он. — Теперь остаётся решить, как расстаться с матерью Александра.

Занятого этими мыслями и застал Филиппа Александр после возвращения из Коринфа. Филипп понимал, что жить с Клеопатрой будет непросто, хотя бы по причине её юного возраста. Женитьба на юной девице потребует отвлечения его внимания от государственных дел, безусловно. Клеопатра молода, когда войдёт во вкус, как женщина, не просто будет ему, воину сплошь израненному, лежать под боком горячей кобылицы... Она и сейчас его удивила недевичеством прытью.

На памяти всплыли слова коринфской жрицы храма Афродиты, которая дала ему совет для стареющего мужчины:

— Если ослабнешь в эросе, не будешь иметь успеха у женщин, исполни, как я велю: зайди в дубовый лес, срежь ветку, заостри ее и вкопай, приговаривая: «Я жеребец! Я жеребец!» — и ты почувствуешь, как в тебя вселяется сила дуба

и резвость племенного жеребца. А следом поручи повару готовить для тебя каждый день приправы к рыбе и мясу из киренаикской сельфии, и ешь запечённые бычьи яйца и мидии, пей козье молоко и настои, приготовленные из смеси кардамона, имбиря, перца, мускатного ореха и шафрана с медом. И ты будешь силен, как жеребец.

Придётся Филиппу воспользоваться советами жрицы.

БЕГСТВО В ЭПИР

Олимпиада осознавала, что оставаться во дворце в ожидании новой царской свадьбы будет стоять ей немало душевных сил. К тому же становится опасно. Она не сможет помешать юной сопернице стать новой царицей, а с прежней царицей Македонии может произойти всякое. О коварстве мужа она знала не понаслышке, поэтому Олимпиада долго лить слёзы в гинекее не намеревалась.

Разумное решение пришло сразу — исчезнуть из Пеллы, объявившись в Эпире у брата Александра, где он царствует. Хотя за это спасибо Филиппу! В Эпире она будет жить без угрозы для своей жизни, выжидать, следить за каждым шагом бывшего мужа. Сыну тоже шепнёт, чтобы оставил Пеллу и уехал вместе с ней. Боги на Олимпе всё видят, помогут вернуться в Македонию...

Филипп, узнав о намерении супруги отбыть из Пеллы, думал недолго; решил не обострять ситуацию, не возражал отпустить с миром. Так лучше для всех. Но когда сын подошёл к нему с просьбой отпустить, якобы, чтобы сопроводить мать до места, возмутился. Посчитал этот шаг вызовом ему.

Накануне отъезда Александр появился у матери. У него был растерянный вид.

— Я не еду с тобой! — сообщил он.

— Ты раздумал?

— Нет! Отец приказал быть на свадьбе.

— Да, коварства у твоего отца не занимать! Не я, так ты

испробуешь горькую чашу обиды! Ничего, это зло ему припомнится! — в зелёных глазах Олимпиады сверкнули молнии.

Александр грустно усмехнулся.

— Я ему всё-таки сказал: «Когда моя мать снова выйдет замуж, она тоже пригласит тебя на свою свадьбу».

— Ты так сказал? Молодец! И как отец?

— Он зарычал как лев, но я поспешил уйти. Не знаю, чем всё бы закончилось. Антипатр был у царя, спроси его, если хочешь.

Олимпиада ласково погладила волосы сына, на её лице светилась счастливая улыбка.

Через несколько дней небольшой караван из людей, повозок с мулами тронулся в направлении Эпира. Восемнадцать лет назад царской невестой Олимпиада ехала по этой дороге, только в обратном направлении. Сейчас из Македонии съезжала отвергнутая супруга царя и мать наследника престола. Осознание этого момента было горьким.

По распоряжению Филиппа, безопасность в дороге обеспечивал небольшой отряд царских гвардейцев.

* * *

В Эпире сестру с радостью и сочувствием встречал Александр. Брат хорошо помнил, как она в детстве заботилась о нём, играла в его игры и, собственно, только по её инициативе царь Филипп вернул ему эпирский престол. Он поселил Олимпиаду во дворце в тех же покоях, где она выросла, и откуда посланники Филиппа увезли её в Македонию. Она вспомнила всё, что происходило с ней в далёком детстве, сразу окунулась в дорогие ей ощущения, и это состояние не тяготило, а возбуждало её сознание, давало пищу для размышлений. Хотя будущее проглядывалось пока неясно...

С этого дня она ловила каждое сообщение из Македонии, думала о сыне: «Как он там? Что с ним? Как ведёт себя ненавистная Клеопатра?»... Проходили дни за днями, но сведения доходили скудные. Ночами в мыслях и во снах Олимпиада часто летала в Пеллу, к сыну... Горькие слёзы,

отчаянье, тоска тяжело давили на сердце матери... Филипп! Во всём виноват ужасный Филипп!

Олимпиада недолго сомневалась, забыть ей обиду на мужа или мстить. В безлунную тёмную-тёмную ночь выбрала уединённое место в саду, куда принесла семь масляных светильников. Зажгла их, поставила кругом, в центр положила венок из репейников; в левую руку взяла яблоневую ветку, в правую руку — плеть и начала взывать к богине мести, как её научили на Самофракии:

— О, могущественная Немезида, дочь Великого титана Океана и сумрачной Ночи! Ты Возмездие, ты Мсть, ты Воздаяние, ты Взыскание! Прошу у тебя гибели для Филиппа, смерти ему быстрой, но страшной, раны глубокой и нелечимой!

Облила венок оливковым маслом, подожгла от пламени светильника и начала хлопать плетью по венку, пока он не выгорел полностью. При этом продолжала петь гортанным голосом:

— Серой мглой да туманом зловещим пусть придет смерть к Филиппу в доме его, на людях, чтобы видели все, как постигнет его кара жестокая, и как помрёт он, захлебнувшись кровью. Как сгорает венок от пламени жаркого, так пусть сердце в груди его остановится. И будет проклято имя его, когда жизни лишится он. Да поможет мне в этом могущественная Немезида!

Совершив обряд, Олимпиада ощутила, будто камень свалился с сердца — это богиня дала знать, что услышала просьбу. В эту ночь спала она спокойно, а назавтра к полудню служанка принесла радостную новость, что сын в Эпире! Оказывается, Александр бежал от гнева отца после ссоры на свадьбе. Боги услышали Олимпиаду — сын рядом, с матерью! Отсюда, из Эпира, он начнет путь к македонскому престолу...

НАКАНУНЕ

В Македонии народ возликовал, узнав, что царь изгнал эпирскую колдунью и женится на девушке из древнего македонского рода. Представители греческих городов потянулись в Пеллу с ценными дарами, пожеланиями добра и счастья молодым. Приехали вожди вассальных племён из Иллирии, Фракии и прочих балканских областей, подневольных Македонии или союзных с ней. Но особенно показательным стало посещение представительной делегации из Афин; их глава вручил ему массивный золотой венец со словами:

— Мы вручаем тебе, царь, не только заслуженную тобой награду за твои высочайшие достижения в установлении мира в Элладе, а символ круга времён, непрерывности и бесконечной деятельности, чего мы тебе желаем. Пусть божественная сила венца придаёт тебе столько жизненных сил, сколько содержится света в солнечном диске.

Афинянин видел, что пожелания достигают цели — Филипп едва сдерживал торжествующую улыбку.

— Царь, — продолжал речь оратор, — будь уверен в том, что афиняне готовы выдать тебе всякого, кто, замыслив покушение на твою жизнь, вдруг нашёл бы прибежище в нашем городе.

Посчитав, что этого достаточно, афиняне удалились, довольные собой.

* * *

От дома Аттала до царского дворца торжественную процессию невесты сопровождала разномастная шумная толпа. Люди выкрикивали здравицы Гименея*, перебрасывались скабрёзными шуточками по поводу возраста жениха и невесты, резко звучали флейты-*сиринги*, слышалось пение обрядовых свадебных *эпиталамий*.

Филипп, облачённый в парадную одежду, с царской диадемой на седеющей голове ожидал прибытия невесты, чтобы на руках внести в супружеский дом, как заведено предка-

ми. Будет роскошный пир с изысканными блюдами, царские вина, музыка, песни и танцы с участием приглашенных актёров.

Перед свадьбой царь был озабочен не только подбором свадебных блюд и напитков. Торжественность момента воссоединения двух родов, Филиппа и Клеопатры, требовала особого внимания к списку лиц, кого следовало пригласить на свадебный пир, а кого — проигнорировать. Помимо родственников, своих и новых, при нём должны быть самые близкие друзья, военачальники, иногородние гости. Получался внушительный список.

— Зачем мне приглашать столько гостей? — со смехом спросил царь Антипатра.

— Так требует обычай, царь! Наши предки зря ничего не делали. На обычное пиршество приглашают гостей, чтобы каждый мог насладиться разумными разговорами с сотрапезниками и хорошей музыкой, вкушать диковинные блюда, приготовленные любезным хозяином. Все с удовольствием пробуют хорошие вина и особые напитки, припасённые для такого случая. А на свадьбу гости сходятся для иных впечатлений. На свадьбе они свидетели важного события — бракосочетания супругов, и чем больше таких свидетелей, тем лучше. Вот почему на свадьбу приглашают много гостей, лишь бы всем хватило места! По этой причине и угощение на пиршественных столах не должно быть скромным, и сам пир длится продолжительное время, иногда по несколько дней. Всё для того, чтобы приглашённые долго ещё с восторгом вспоминали свадьбу, на которой им довелось побывать и стать свидетелями. Вот почему тот, кто справляет свадьбу, зовёт большое число родственников с обеих сторон — своих друзей и вообще всех сколько-нибудь близких, опасаясь обойти кого-нибудь своим приглашением.

Царя устроило объяснение Антипатра.

— Ладно, с гостями разобрались. Хейрисофос настаивает на том, чтобы каждому гостю ставили отдельную порцию еды. Так, говорит, мы больше оказываем уважения пригла-

шённым, чем когда подаём общее блюдо. Что скажешь, Антипатр?

Советник, подумав, высказался:

— Думаю, твои гости не будут обращать внимания на такие вещи. Вряд ли будут удивляться той или иной подаче блюд. Особых запретов нет, хотя в Спарте заведено есть из общего блюда даже в таверне, людям совершенно незнакомым друг другу. Но на свадьбе поступают так, чтобы все гости были довольны праздником.

— Ты прав, мой друг, но как это сделать?

— Для этого вспомним, откуда пошла традиция, подавать пирующим отдельное блюдо. От обряда жертвоприношений, когда каждому из участников — жрецам, жертвователю и свидетелям, *параситам*, выделялась равная доля жертвенного мяса. Отсюда распределение даров перешло в застольный обычай. Но с тех пор одним участникам застолий нравится такой порядок, другие находят его неправильным и даже несправедливым, что порция для одного окажется чрезмерной, для другого будет недостаточной.

— Так и есть, Антипатр! Мы же с тобой знаем, какое брюхо имеет Парменион? Будет ли он рад, получив за пиршественным столом равную с Аристотелем долю? — довольный шуткой, рассмеялся царь. — Хотя я сам, не скрою, люблю поесть лишнего.

— С одной стороны, распределение еды по отдельным порциям превращает собрание друзей в скучнейшее мероприятие, — продолжил Антипатр. — При отдельной раздаче блюд этот важный элемент досуга эллина, как дружеское общение во время трапезы, устраняется. Как поставить перед каждым его меру вина и еды, предложить ему всё это употребить, не обращая внимания на других участников, словно угощаясь в харчевне?

— Так ты советуешь, друг Антипатр, на свадебном пиру угощать из общих блюд?

— Конечно, Филипп! Смешон был бы врач, который давал бы одну точно размеренную дозу лекарства разным боль-

ным! Собравшись в застолье, участники сообща угощаются, ведут общий разговор, вместе слушают музыку развлекающих всех вместе кифаристок и флейтисток. На званное торжество каждый приходит со своим собственным желудком, которому для насыщения нужна не мера равенства с другими, а мера достаточности. Если не соблюдать такое правило, то пиршество превратится скорее в разъединение людей, которые только кажутся друзьями, а в действительности не могут даже разделить между собой общее блюдо за столом.

Царь согласился с доводами Антипатра. Когда советник вышел, он послал слугу за Хейрисофосом.

* * *

Незадолго до свадьбы Филипп вспомнил, что забыл пригласить Аристотеля. Наставник будет полезен Александру, если тот по неразумности надумает совершить на пиру какую-нибудь глупость. Послали гонца в Стагиры.

Когда Аристотель появился, царь не скрывал удовлетворения, что видит наставника сына, обнимал, прихлопывая по плечам. Вглядевшись в лицо философа, спросил озабоченно:

— Аристо, ты нездоров? Лицо бледное, и круги под глазами.

— Плох я в последнее время, царь, желудок даёт знать. Старая болезнь — то стихает, то проявляется. Сам виноват, не следую советам Гиппократов о здоровом питании, вот и страдаю. Забываю, что уже не молод, и не всё мне позволительно с охотой употреблять.

Аристотель знал, что говорить царю о возрасте в канун свадьбы не следует — они почти ровесники. Но не удержался, проговорился, а когда понял, заметил тень недовольства на лице царя. Но Филипп не стал углубляться в неприличную для него тему, сохранив приветливую улыбку, сказал:

— Ох, подвёл ты меня, друг Аристо! Я очень хотел видеть тебя на свадьбе, а ты разболелся! — Филипп махнул рукой. — Не буду настаивать! Гости должны веселиться и много пить за моё здоровье и моей невесты. А ты своим болезнен-

ным видом наведёшь на всех тоску! Нет, обойдусь без тебя!

Они поговорили ещё об Александре, отец успел посетовать на его несносный характер.

— Сделай одолжение, Аристо, — сказал Филипп на прощание. — Увидишь Александра, поговори, пусть не осуждает меня!

ССОРА ОТЦА И СЫНА

Была глубокая ночь, когда слуга Аристотеля, которого он взял с собой в Пеллу, осторожно разбудил его:

— Хозяин, царевич пришёл. Может, беда случилась?

Сна как не бывало! Пока слуга заносил два светильника, Аристотель наскоро оделся и поспешил встретить нежданного гостя.

Александр выглядел растерянным: бледное лицо, всколоченные волосы, глаза безумца...

— Александр, мальчик мой, что случилось? Ты же должен быть на свадьбе отца! Как ты здесь оказался?

— Я ушёл, и он мне больше не отец! — выкрикнул юноша прерывающимся голосом. Едва справляясь с волнением, он сжимал кулаки и угрожающе вращал глазами.

Аристотель догадался, что причиной такого состояния могла быть только ссора с отцом. Но как к этому относиться, пока не решил. Необходимо выслушать Александра, тогда можно найти подходящее решение. Наставник прижал его к груди, начал успокаивать, как малого ребёнка, гладил по плечам, как бывало в Мизе после разногласия Александра с товарищами. Сейчас он не спрашивал ни о чём, ожидая, когда царевич успокоится и поведаёт, что случилось...

Александр стал рассказывать — неуверенно, сбивчиво, голос дрожал...

...Как велел отец, наследник присутствовал во время обряда бракосочетания и на свадебном застолье. Чтобы отделить сына, не скрывающего своего мрачного настроения, от

остальных гостей, или от желания унижить, царь определил ему стол в дальнем углу. Там же были его товарищи: Гефестион, Клит и Филота. Оттуда они наблюдали за всем, что происходило на пиру.

По правую руку царя с величественным выражением лица сидел Аттал, рядом его ближайший сородич Парменион. За их столом ещё находился Антипатр, как обычно, сдержанный в словах и эмоциях, и почти трезвый. За другими столами расположились на своих ложах остальные царские советники и полководцы, родня с обеих сторон и друзья из ближайшего придворного окружения.

Пир начался засветло, многолюдный и шумный. Потом появились авлетриды, без которых не обходится ни одно свадебное торжество. С ними были молодые родосские арфистки; сквозь прозрачные хитоны из тонкого египетского льна просвечивали их стройные тела. Поиграв несколько смен блюд, музыканты удалились; некоторое время застолье продолжалось без музыки и пения, отчего гости отдавали предпочтение здравцам и тостам. Когда же наступили сумерки, слуги открыли большой занавес, прикрывавший дальнюю стену, и тут гости ахнули от восхищения: они увидели «живые скульптуры» — полуобнажённые фигуры в образах мифологических наяд и нимф, эротов, сатиров, панов и гермесов. Актёры держали в руках зажжённые канделябры, и под звуки тонкоголосой свирели ходили по залу, освещая столы участников пира колдовским светом. Пока гости восторгались действием, проворные слуги заменили столы с объедками на другие, заставленные новыми изысканными яствами и напитками. Свадебное пиршество шло своим чередом по выработанным предками канонам...

После проведения обязательных свадебных обрядов, Клеопатра терпеливо ожидала мужа в супружеской спальне. Сильно захмелев от значительного количества вина, Филипп чувствовал себя счастливым среди шумных развлечений и нетрезвых гостей, в окружении новых родственников, и не спешил к своей новой избраннице.

В какой-то момент за столами воцарился дух, когда уставшие от праздничного возбуждения участники уже не слышали ни друг друга, ни громкой музыки старательных исполнителей, ни длинных поэм седовласых песенников, аэдов. Уже никто не восторгался даже ловким искусством фокусников и жонглёров. Каждый, казалось, был предоставлен самому себе. *Симпосиарх*, глава застолья, заметив перемену в настроениях, предложил игру в *коттаб*. Азартная часть мужчин дружными криками приветствовала предложение, кто хотел, быстро выделились в небольшой круг.



Слуги поставили на пол большой медный таз, доверху наполнили водой, а на поверхность положили пустые мисочки, которые плавали, как маленькие кораблики. Игроки по очереди выплескивали из своих чаш остатки вина, нацеливаясь в мисочки: следовало попасть и наполнить вином «кораблик» до краёв, чтобы он утонул. Первый, кто этого добьётся, признавался победителем и получал награду от

остальных участников игры — кольца, цепочки, монеты.

Поскольку до «коттаба» игроки выпили немало, выплескивали они вино неточно, мешали друг другу, шумно толкались, и «кораблики» долго не желали тонуть. И всё-таки удачливый победитель определился — Аттал! В качестве трофея он потребовал от игроков продолжить состязание... в выпивке. Кто больше остальных выпьет и не опьянеет! Его призыв поддержали, ибо не приходится удивляться, что люди, обладающие властью и богатством, всему предпочитают это удовольствие как более доступное из всех приятных. Обрадованные новым развлечением гости дружно выкрикивали слова из Еврипида: «Кто больше пьёт, и веселится больше тот!».

Филипп не принимал участия в состязании — он был хозяином застолья, — к тому же виночерпий подливал ему в кубок особое вино из Родоса. Оно настаивалось на смеси мирры, пахучего тростника, аниса, шафрана, бальзамина, кардамона и киннамона (корица); как утверждал лекарь, вино это придаёт мужчине любовную мощь. Кубок царя, сделанный из рога пеонийского быка, впечатлял размером и красотой отделки краёв из серебра и золота. Вина в него вмещалось не меньше шести кружек*, и каждый раз после здравицы в свою честь кубок опустошался и вновь наполнялся.

Александр исподтишка поглядывал на отца, стараясь ни о чём плохом не думать, мало ел, а когда звучали здравицы в честь царя, едва касался губами своей чаши. Он догадывался, что отец поручил кому-нибудь из своих слуг тайно следить за ним, поэтому делал вид, что рад всему происходящему. А Филипп будто забыл о его существовании, ни разу не обменялся с сыном взглядом, в речах не обмолвился словом о нём, словно не было у него больше наследника. Глухая тоска постепенно накрывала сознание царевича, словно тёмная ночь небо. Ему оказалось невозможным осознать, что отец отдалился от него, стал чужим! Всё, что происходило с Александром, представлялось несуразным сном...

Аристотель часто говорил царевичу, что отец по природе

своей не может быть врагом собственному сыну. Выходит, наставник ошибался? Если отец не предаёт его, своего наследника, тогда почему он всем своим видом показывает, что у него нет сына Александра? Все это видят и радуются унижению Александра. Царевич почувствовал, как на него накатывается гнев. Он посмотрел на Аттала — отвратительное потное пьяное чудовище с мокрыми губами.... Судя по торжествующему лицу, он уже после царя первый человек в Македонии. Клеопатра, а не Олимпиада теперь македонская царица, и она беременна. Вот почему радуется Аттал!

Друзья Александра, понимая его состояние, отвлекали от мрачных мыслей: шутили и смеялись по любому поводу. Но ему всё время казалось, что гости отца едва скрывают свою неприязнь к нему, в упор разглядывают, хихикают. От таких мыслей кровь сильно билась в висках, в груди клокотало негодование ...

В этот момент симпосиарх предложил желающим произнести тост. Грузно поднялся Аттал.

— Македоняне! — громко произнёс он, привлекая внимание гостей. — Будем все молить богов, чтобы они даровали нашему царю **законного** наследника!

Не успел Аттал закончить, как неожиданно из дальнего угла послышался возмущённый голос Александра:

— Ах ты негодяй! А меня предлагаешь называть **незаконным** наследником?

С этими словами он буквально взвился из-за стола в направлении Аттала. Никогда ещё не исторгался из груди Александра такой крик! Царевич машинально схватил первое, что попало под руку — чашу из тяжелой коринфской бронзы, и швырнул её через весь зал, целясь Атталу в лицо. Военачальник не успел увернуться, и чаша, словно камень из пращи, попала ему в голову. Аттал взвыл от боли, неожиданности и позора, схватился руками за рану и едва не упал ...

Филипп, уже достаточно нагруженный вином, удивительно быстро, хотя и неуклюже, среагировал на происшествие. Вскочил с ложа и, как опытный воин, выхватил меч у стояв-

шего рядом телохранителя и... попытался совершить выпад в сторону сына.

— Убью! — взревел он громко, что гости вздрогнули. Все окаменели от такой картины. Прихрамывая на раненую ногу, царь поспешил к столу, где сидел сын, с намерением подтвердить слова жестоким действием. На пути оказалась лужа от пролитого вина; валялись ещё объедки, которые обычно бросают гости со столов собакам или шутам. Царь поскользнулся, пошатнулся и... упал лицом на заплеванный пол. Невольные свидетели позора царя ахнули, в то время как Филипп взвыл от беспомощности и огорчения...

Александр хорошо рассмотрел лицо отца — вначале растерянное, охваченное бессилием, затем налитое яростью и ненавистью. Царевич догадывался, что намерения отца его убить в тот момент были не игрой, рука воина опасно сжимает острый меч. Ему стало страшно. Ноги налились противной тяжестью. Смерть смотрела ему в глаза...

Неожиданно страх прошёл. Ему стало удивительно спокойно: он увидел отца в унижительном положении, каком невозможно было представить. Царь барахтался на полу, рыча что-то нечленораздельное, а он стоит, уверенный в себе. В звенящей тишине свадебного зала застывшие от ужаса гости слышали насмешливый голос Александра:

— Вы только посмотрите, македоняне! Этот человек обещал вам покорить Персию, преодолев Геллеспонт? Да он неспособен преодолеть даже эту лужу!

Филипп зарычал, словно израненный медведь, которого добывают охотники в его собственной берлоге. Он попытался подняться, не выпуская меч из рук, но тело, отяжелённое едой и вином, не справилось: ноги безвольно подкосились, и Филипп ещё раз упал.

Кто был рядом с ним, поспешили к нему, до этого они просто суетились, не зная, что предпринять. Первым был Антипатр, он поддерживал царя, помогая встать, и одновременно деликатно мешал ему достать Александра мечом. Аттал и его родственники угрожающе сжимали кинжалы, на-

мереваясь кинуться к царевичу, но всё ещё сомневались в правомочности своих дальнейших действий. Александр, увидев вокруг напряжённые от злобы лица, продолжал гневно улыбаться, пока друзья, уберегая его от неминуемой смерти, подтолкнули его к выходу.

После всего, что произошло, Александр понимал, что оставаться во дворце было очень опасно. Он вспомнил, что в Пелле находился Аристотель. При свете луны он с друзьями поспешил к дому, где остановился его наставник. Оставив друзей у порога, царевич заколотил в дверь...

НАПУТСТВИЕ НАСТАВНИКА

Александр, волнуясь и запинаясь, говорил о случившемся на свадьбе отца, в то время как наставник спокойно внимал, раздумывая, какие слова станут подходящими для царевича в таком диком случае.

— Во-первых, Александр, не осуждай отца, сказал он после некоторого молчания. — Ты не сможешь понять его развод с твоей матерью и новую женитьбу, пока сам не станешь царём. Что касается его действий против тебя, скажу только, что гневался он не на тебя, а вследствие собственных обстоятельств, куда попал, видимо, по недоразумению. Тебе должно быть понятно, что на новый брак отец решил не из-за страсти, а сообразно государственной выгоде. Такова царская ноша, она, как дамоклов меч, который всегда висит на волоске над головой правителя.

Аристотель заметил удивление на лице юноши.

— Да, так бывает, и ты, если хочешь быть царём, готовься к подобным поступкам! Для царя интересы государства всегда выше личных амбиций.

Царевич неожиданно стал кричать:

— Мне и моей матери не легче от того, что отец считает свою женитьбу поступком государственного значения! На самом деле он, как последний шут, влюбился в девочку,

которая мизинца на ноге моей матери не стоит! И она, как и вся её родня, проклятый Аттал, уже крутят моим отцом, а он этого не замечает! — Александр задыхался от гнева. — Уже кричат, что им наследник! А я кто для Македонии? Бездомный пёс?

Юноша от крика выдохся, притих. Наставник воспользовался его молчанием:

— Мой мальчик, ты неправ, когда заявляешь, что твоим отцом руководит страсть. В его возрасте страсти уходят или становятся умеренными. На самом деле, Филипп всё делает по расчёту, оттого женитьба на Клеопатре вызвана государственными соображениями, о которых остальные пока не имеют никакого представления. Но в чём ты прав, ему не следовало поступать бесстыдно, с пренебрежением ко всему, что было совсем недавно дорого ему и его близким. Обычно из таких обстоятельств и складывается репутация правителя. Я готов заверить, что подобные случаи по большей части оканчиваются совсем дурно.

Аристотель покачал головой.

— Учитель, ты предлагаешь мне сидеть и ждать, когда отца настигнет кара богов? Пока Аттал не расправится со мной, а Клеопатра не заставит слабовольного мужа уничтожить мою мать? — Александр вновь перешёл на крик. — Нет, я не хочу ждать своей смерти! Я буду защищать своё право наследования престола македонских царей, буду насмерть сражаться со всеми, кто будет в этом мешать. Зевс и Ахилл помогут победить всех моих врагов!

— Мальчик мой, не будешь же ты воевать с собственным отцом? И ещё, чтобы с кем-то воевать, нужно войско. Откуда у тебя войско? Твои верные друзья не в состоянии стать твоей опорой в таком деле. Это будет расценено как заговор, с твоей стороны — невероятно безумный поступок!

Но Александра трудно было остановить, таким его наставник ещё не видел:

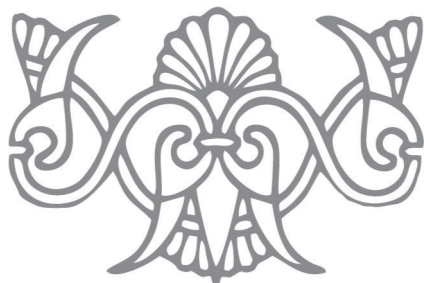
— Мне помогут иллирийцы*! — решительно заявил он. — Сейчас отправлюсь в Эпир провести мать, потом направ-

люсь в Иллирию. Я знаю, что иллирийцы давно ненавидят моего отца, как я его сейчас. Уговорю племенных вождей, чтобы они выступили против царя Филиппа. Они помогут мне, а я потом помогу им!

Аристотель удивился решительному тону царевича. В раздумье пожал плечами.

— Если ты бесповоротно решил, это меняет дело. Уходи из Пеллы, пока твой отец не хватился тебя. Будь осторожен, он не простит твою дерзость. А здесь постараюсь тебе помочь, попробую успокоить Филиппа. Но не завтра, а когда остынет. Для этого потребуется время. Он опасный человек, как любой тиран. А что может быть хуже тирании? От тех, кто от тирана находится подальше, он ожидает непримиримой вражды, а от тех, кто рядом с ним, — предательства. Поэтому тирану приходится ненавидеть тех и других!

Они расстались далеко за полночь. Остерегаясь царских гвардейцев, которые, вероятно, уже искали царевича, Александр с друзьями покинули Пеллу и направились в сторону Эпира.



Глава двадцать третья

ПОХОД ГРЯДЁТ

ЭЛЛАДА И ПЕРСИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

После Херонеи Филипп заметно изменился. Поначалу он намеревался проявить тиранию в управлении городами греков, склонивших перед ним повинные головы. Однако идея стать объединителем эллинской нации, лидером в противостоянии с Персией показалась ему выгодной. Победитель пошёл на мирные переговоры с побеждённым народом Греции, заявив, что в угоду общей цели ломать демократические вольности греков не намерен. Стало известно, что царь даже обзавёлся особым рабом, который каждое утро, как он проснётся, первым делом напоминал:

— Филипп, ты прежде человек, а уже потом — царь.

И пока раб трижды не повторял ему эти слова, царь не покидал спальни.

Филипп понимал, что без мира между суверенными греческими городами не бывать ему *архистратигом*, а без победы над Персией не властвовать над Элладой. А повелевать огромными пространствами, на которых проживают греки и македоняне, он может в одном случае — если будет между ними мир и согласие. Поэтому окончательно решил для себя, что не хочет быть «царём всех греков», при этом лидерства упускать не был намерен. Вот почему Филипп со

всей значимостью занимался формированием армии, которой предстояло воевать с сильнейшей на тот момент державой — Персией. На это ушли месяцы, и вскоре военачальники сообщили ему о готовности выступить — греки и македоняне, как никогда, жаждали персидской крови...

Но царь всё не решался объявить начало похода. Семейные дела не отпускали. Во-первых, в Иллирии от справедливого гнева отца укрывался сын Александр, а в Эпире плела интриги бывшая супруга. Оставлять Македонию в такой ситуации было бы непростительной ошибкой. Иллирийские вожди, таившие на него обиду за приведение к покорности, приняли беглеца и теперь соображали, как поступить дальше, прислушиваясь к призывам Александра воевать с Македонией или возмутиться против тирании царя Филиппа.

А Филипп, занятый подготовкой армии, будто забыл об Александре! Он пока не придавал особой значимости поведению сына, на него он уже не рассчитывал, как на преемника на македонском престоле. Он надеялся, как и вся Македония, что вот-вот появится сын от молодой царицы, которого он объявит своим наследником...

Но родилась девочка! Мать назвала ее Европой. Македонию сотрясали пересуды, как теперь поступит Филипп: если он отрёкся от Александра, тогда на кого же оставит царство на время похода? Не может македонский престол оставаться без наследника живого царя на время военных действий! Если что случится с царём, македоняне представляли, каковы будут последствия — заговоры, междоусобицы, война претендентов...

Филипп находился в смятении, подумывал об очередной женитьбе или о примирении с Александром, но на днях Клеопатра с радостью сообщила ему, что вновь забеременела...

* * *

Господство Персии над другими народами началось с конца VII века до н.э., после того как разрозненные племена персов, стремясь сбросить власть мидийских царей, под

предводительством пастуха **Кира** объединились в государство, чтобы общими усилиями сломить могущество Мидии, Лидии и Вавилонии. Что они успешно и сделали! При Кире персам покорились и некоторые ближайшие к Азии греческие острова. Во время похода в Среднюю Азию создатель первой персидской державы погиб, оставив престол сыну **Камбизу**. Он царствовал семь лет, завоевал ослабленный междоусобицами Египет и неожиданно умер на пути в Персию. В результате заговора представителей знатных княжеских родов трон по жребию достался **Дарию**, сыну Гистаспа; с него начинается династия Ахеменидов, воевавших с греками почти сто пятьдесят лет. В царствование Дария I города ионийских греков на азиатском побережье потеряли свою автономию, вошли в состав Персидского царства; он привёл свою армию в Аттику, где в 490 году до н. э. потерпел жесточайшее поражение от афинян при Марафоне.

После его смерти в 486 до н. э. году персидским царём становится его сын **Ксеркс**, устроивший беспримерный по глупости поход против скифов, включающий в себя «бичевание» пролива Геллеспонт за то, что волны разметали устроенный персами понтонный мост. Задумав отомстить за поражение отца, Ксеркс привёл в Грецию почти миллионную армию, которую вначале встретили в Фермопильском ущелье триста спартанцев царя Леонида. За три дня персы потеряли здесь более двадцати тысяч воинов, затем только прошли дальше. В морском сражении у острова Саламин и в битве у Платей персидская армия была сокрушена.

Греки вытеснили персов из бассейна Эгейского моря и начали контролировать Средиземноморье. Военные неудачи Ксеркса вынудили придворное окружение создать заговор, в результате чего он погиб от мечей убийц, подсланных младшим сыном **Артаксерксом** (465 г. до н. э.). В его правление египетские цари, опираясь на афинское наёмное войско, попытались вернуть себе независимость. Безрезультатно! Благодаря интригам персидских дипломатов происходили войны между Афинами и Спартой, но ещё был мирный договор

с Афинами (449 г. до н. э.), по которому персы отказались от притязаний на острова и берега Эгейского моря, в обмен на влияние над Египтом и Кипром.

В годы царствования **Дария II** и его сына **Артахсеркса II** происходило ослабление центральной власти, допустившее междоусобицы и мятежи сатрапов, восстания покоренных народов, жаждущих вырваться из рабства. От Персидской державы отпал Египет, в Малую Азию вторглось войско спартанского царя Агесилая, но всегда дальновидные персидские цари принимали любые меры — дипломатические и подкуп должностных лиц, чтобы ослабить военную мощь потенциальных врагов Персии — Спарты, Афин и Фив, сталкивая их между собой.

Царствование **Артахсеркса III Оха** (358-338 гг.) сопровождалось жестоким правлением, когда вновь произошло укрепление Персидской державы: мятежные сатрапы были приведены к повиновению, вновь завоёван Египет, а греки во главе с Афинами из-за проблем во взаимоотношениях с другими греческими городами не могли больше претендовать на малоазиатскую прибрежную полосу земли.

* * *

Военная сила персов заключалась в их коннице, боевых кораблях и богатстве царских сокровищниц. Эллинская нация сопротивлялась весь исторический период становления Великой Персидской державы, отвечала на враждебные действия ненавистью и победами в морских и сухопутных сражениях. А в мирное время греческие врачи, архитекторы и учёные устремлялись из своих перенаселённых городов в Персию, где не гнушались получать высокооплачиваемую работу у своих потенциальных врагов. Полные сил молодые греческие воины нанимались в элитные отряды персидских царей и членов их семей. Греки своими глазами видели несметные богатства, накопленные в сокровищницах царей и вельмож за счёт грабежей подневольных народов, и это обстоятельство особенно привлекало внимание бедной части

населения Греции. Простой народ жадно внимал речам ораторов, призывающих к священной войне с персами за поругание греческих святынь, не скрывая оправданного желания отобрать всё у врага, обогатиться за счёт военной добычи. Если иметь в виду такой посыл, задуманный Восточный поход союзнического войска абсолютно соответствовал национальным интересам Эллады.

НОВЫЙ НАСЛЕДНИК

С утра к Филиппу, находившемуся в военном лагере, прибыл гонец из Пеллы.

— Царь! У тебя родился сын! — радостно выдохнул он.

Новость всколыхнула мысли Филиппа:

О, боги! Клеопатра родила наследника македонской крови! Македония возликует, а я могу отправляться на войну с Персией.

В царскую палатку без предупреждения ворвался Аттал. Гвардеец у входа не посмел остановить — всё-таки ближайший родственник царя.

— Наша Клеопатра родила сына! — ликующе выкрикнул он, кидаясь обнимать Филиппа, ошеломлённого или вестью, или неожиданным выпадом военачальника.

— Филипп, поздравляю с законным наследником!

После свадьбы царь стал замечать неприятные изменения в поведении Атталы: при каждом удобном случае он показывал окружению царя свою к нему близость, а от Филиппа не скрывал намерений сделаться ближайшим другом, намеренно оттесняя верного Антипатра. Но если раньше Атталу много прощалось как боевому полководцу, то теперь царь едва терпел его вольности, высокомерие и самодовольство. Сейчас Филипп почувствовал, как внутри у него растёт раздражение. Выдавив подобие улыбки, сказал безразличным тоном:

— Благодарю, мой верный Аттал! У нас с тобой появился

повод устроить пирушку. — Филипп сделал паузу. — Но делать этого мы не будем — нынешние события не позволяют.

Аттал, не разгадав настроения царя, продолжал говорить своё:

— Филипп, у тебя есть теперь наследник, ничто не мешает начинать войну с персами. Достаточно испытывать армию ожиданием. Все ждут приказа.

— Согласен с тобой, дорогой Аттал, — сдержанно отозвался Филипп. — Пришло время воевать. И вот что я тебе скажу: завтра выдвигайся со своим отрядом к Геллеспону, откуда на кораблях отплывёшь в Ионию. Местные греки давно просят защитить их от персов. Там закрепись, и ожидай подхода наших основных сил. Я присоединюсь позже. А теперь, прощай, дорогой Аттал!

Царь повернулся к столу, показывая, что сильно занят. Военачальник ушёл, озабоченный столь откровенной нелюбезностью, от которой было впору растеряться.

Оставшись один, Филипп погрузился в размышления. Аттал прав, пора выступать в поход. Вызвал Аминту и Пармениона, в чьей верности никогда не сомневался. Им он тоже приказал отправляться в Азию, но каждый своим маршрутом и отдельными отрядами. Парменион, старый вояка, не привыкший робеть перед царём, спросил напрямик:

— Филипп, а сам когда поведёшь армию? Чего выжидаешь?

— Парменион, дорогой, я оставляю Македонию в тот день, когда сочту нужным. Не торопи события.

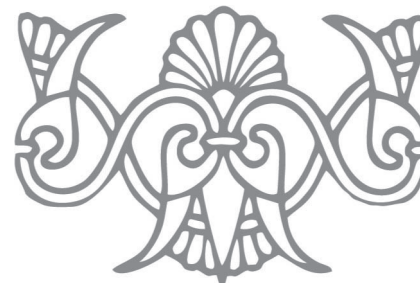
Парменион сам понимал, что царь не осмелится оставить престол без объявления преемника на случай смерти в походе. Но с Александром пока не мирится. Остерегаясь тревожить дальше Филиппа, Парменион кивнул Аминте, предлагая оставить царя, и направился к выходу.

* * *

Филиппа одолевали большие сомнения: он не знал, как поступить с сыном, не доводя отношения до окончательного

разрыва, но без ущерба для авторитета среди окружения. Задумав жениться на Клеопатре, Филипп не допускал даже мысли, что сын может так отреагировать на развод родителей. К тому же он стал на сторону матери. И даже в такой ситуации Филипп не хотел ссориться с Александром. Но сын сбежал, на радость врагам Филиппа, а это предательство простить отцу было сложно. Сердце Филиппа ожесточилось, он был готов наказать Александра. Обида и негодование клокочет в груди отца, но иногда ему становится не по себе: если бы не Антипатр и Парменион, на свадьбе он мог убить Александра! Сейчас впечатления от той ссоры немного размылись, пора делать какие-то шаги... Он может силой вернуть Александра из Иллирии, достаточно послать отряд гвардейцев. Но не станет этого делать. Тогда что?...

Филипп вспомнил бывшую жену Олимпиаду. Эта змея добилась своего, настроила сына против отца! Разве она не понимает, что македонскому царю ничего не стоит задавить её на месте? Знает она и о том, что не будет признанный греками архистратиг воевать с бывшей женой. Знает и тем пользуется! Что ж, когда он вернётся из Персии, тогда и разберётся с заговорщицей... Но как поступить с Александром?



Глава двадцать четвертая

ОРАКУЛ АПОЛЛОНА

ПРИМИРЕНИЕ

С той поры как Александр бежал из Пеллы, Аристотель каждый день ожидал вызова во дворец, надеялся, что Филипп обратится за советом, как быть в такой непростой ситуации. Но царь безмолвствовал, делал вид, словно ничего в его семье не происходит. До Стагир доходили слухи о том, что престолонаследие уже пересмотрено в пользу слабоумного сына Арридея, первенца от гетеры Филинны. Иногда бывший наставник царевича получал от своего подопечного весточки, из которых можно было догадаться, что Александр сильно переживает разрыв с отцом. Аристотель решил действовать.

Он оставил Стагиры и объявился в царском дворце.

— Кого я вижу! — Филипп, похоже, был рад видеть Аристотеля, хотя не скрывал удивления. — Ты ли это, друг мой верный!

Царь в этот момент, судя по заставленным на столе блюдам, собирался обедать: сыр, зелень, жареные голуби, лепёшки и кувшин с вином. Он подошёл к философу, обнял и предложил кресло напротив себя. Слуга принес посуду для гостя.

— Аристо, раздели со мной трапезу и заодно Расскажи,

чем ты занят в Стагирах? Всё забываю спросить, твой новый дом тебе нравится? Если недоволен, скажи. Накажу кого следует. Заставлю переделать!

Это был намёк на то, что философ до сих пор не поблагодарил царя за участие в восстановлении разграбленного и сожжённого родительского дома. Аристотель сдержанно улыбнулся, склонил лысеющую голову.

— Благодарю, царь. Мне всё нравится. По крайней мере, жена мне не жаловалась. А я не замечаю неудобств, когда работаю. Меня в Стагирах никто не отвлекает, а это главное.

Филипп налил вина в чашу и передал её Аристотелю — это был знак большого уважения. Затем наполнил свою чашу и неожиданно задал вопрос:

— Ты получаешь письма от Александра?

Пока философ замешкался, не зная, как лучше ответить, он спросил:

— Скажи честно, Александр сожалеет о своем поступке?

Аристотель уловил в вопросе царя желание не столько узнать о существовании его переписки с царевичем, сколько мнение о конфликте. Глаза выдавали боль. Аристотель никогда ещё не видел Филиппа таким растерянным.

— Поверь мне, я это читаю в каждом его письме. Если откровенно, царь, мне не хватает Александра, — с грустью ответил Аристотель. — Скажу больше, я скучаю по нему. Он моя гордость, и кому, как не мне, заботиться о том, чтобы родной отец не гневался за его дурное поведение.

Лицо Филиппа передёрнулось.

— Ты считаешь, я не должен наказать негодяя, который зовётся моим сыном?

— Филипп, не спеши осуждать родную кровь! Александр невыдержан, дерзок в словах, ты прав. Он твой сын, поэтому повторяет тебя во многих поступках, а значит, и в дурных. Но прежде всего, он мальчишка, сделал всё не со зла, а от обиды. Я знаю, что Александру стыдно за свой проступок. Поэтому прошу посмотреть на его действия с этой стороны, и простить. А для этого найди повод, чтобы встретиться с

сыном, поговорить, найти повод для примирения. Он очень любит тебя, он попросит у тебя прощения, а ты найди в себе силы, чтобы простить его. Иначе потеряешь лицо в глазах не только своих близких, но и всей Греции!

Филипп не прерывал Аристотеля, слушал, опустив голову, не показывая своего отношения к его словам. Лишь трогал седеющую бороду, что передавало растерянность, не свойственную ему. Аристотель, вдохновлённый молчанием собеседника, продолжал наступать:

— Не забывай, царь, что твоя семья, как никогда, сейчас на виду у всей Греции. Ты, и только ты, обязал население греческих городов не враждовать между собой, грозишь страшными карами за нарушение. А сам отторгаешь от себя родного сына, наследника престола, радуя недругов на осуждение твоих действий, внося сумятицу в умы своих же македонян.

Слова Аристотеля достигали цели. Филипп чувствовал, как постепенно в нём угасала ярость к сыну. Он слушал, проявляя благоразумие и терпение, удивляясь, что ему не безразлично то, о чём говорил наставник сына.

— Если ты собираешься навести порядок среди греков, — продолжал Аристотель, — собрать в единое целое Грецию и Македонию, начни с себя, царь, со своей семьи, где по твоей же вине нет мира и покоя, ни для тебя, ни для её членов. Филипп попытался возразить:

— О чём говоришь, Аристо? Это Олимпиада, ядовитая змея, сбежала от меня к братцу, чтобы плести против меня козни. Я её не прогонял! Если бы она осталась в Пелле, не сбежал бы Александр. А так она сама избрала свой путь, путь мести, и сына завлекла.

— Олимпиада повела себя так, как должна была любая мать — она защищает своего сына, не чужого для тебя человека! Ведь ты взял под сомнение его право быть твоим наследником. Неужели Александр недостойн того, чтобы ты на склоне лет доверил ему престол? Тебе будет спокойно, и ему в радость быть преемником твоих славных дел.

— Олимпиада испортила моего сына своей любовью, приучила ненавидеть меня! Нет, я не могу простить Александра! — уже без былого упорства не сдавался Филипп. Вскочил с места и заметался по комнате. Так ведет себя пойманный лев, впервые помещённый в клетку.

— И всё-таки, царь, я настоятельно прошу, сделай первый шаг к примирению с Александром. Прости сына и приблизь к себе, как было раньше. Увидишь, тебе станет легче, и все вокруг этого ждут.

После недолгого молчания Филипп вздохнул и выдавил из себя:

— Ладно, напиши ему, пусть возвращается. Мне пора в поход, а ему быть у престола.

Он сдвинул седеющие брови.

— Но как поступить с его матерью? Она в заговоре против меня!

— Не волнуйся! Как только сын окажется с тобой рядом, в безопасности, в любви и признании отцом, его мать будет счастлива. Она пытается мстить тебе потому что чувствует опасность для любимого сына. А так чего ей желать лучшего?

— Ты прав, Аристо. Пусть отсиживается в эпирских горах, а я позже подумаю, как уладить отношения и с ней. Но это будет потом.

* * *

Поверив наставнику, Александр покинул Иллирию. Отец принял его, как обещал Аристотелю, спокойно, словно не было между ними ужасного разрыва. Но прежних доверительных отношений между ними не было. Недоверие осталось у обоих.

Олимпиада, опасаясь за свою жизнь, осталась в Эпире, но была счастлива неожиданным поворотом в судьбе сына.

Филипп предложил Александру Молосскому, правителю Эпира и брату своей бывшей супруги, взять в жёны Клеопатру, дочь Филиппа совместную с Олимпиадой. Это был

достойный с его стороны политический шаг, означающий примирение с Олимпиадой. Македония и вся Греция, узнав хорошие новости, начали готовиться к свадьбе, после чего начиналась война с Персией...

Поскольку ни один правитель Эллады не начинал важное государственное дело без совета с богами, Филипп принял решение посетить Дельфы, древнейшее всегреческое святилище. Здесь у жрецов Аполлона он намеревался получить божественное прорицание.

На Элладу пришёл 336 год до н. э.

ПОСЕЩЕНИЕ ДЕЛЬФ

Филипп подгадал прибыть в Дельфы к тому дню, когда жрица Пифия, прорицательница, изрекала священные оракулы Аполлона, сына Зевса. В древнейшие времена прорицания давались тем, кто в них нуждался, всего раз в году — седьмого дня месяца Дистроса (февраль — март), когда, согласно легендам, это божество Солнца появилось на свет. Позднее оракулы для греков стали более востребованными, число паломников значительно возросло, поэтому «приёмы» уже проводились каждый седьмой день всех месяцев за исключением зимних, когда Аполлон пребывал на отдыхе у гипербореев*.

Впервые Филипп посетил Дельфы совсем молодым человеком, когда стал царём. Сюда его привело желание получить ответ, как не допустить дальнейшего разрушения Македонии, ослабленной внутренними распрями и внешними врагами, добиться процветания и могущества. «Сражайся серебряными копьями», — были слова Пифии. Потом жрец-толкователь пояснил, что не хватит никаких денег, чтобы копьё македонских воинов оснастить серебряными наконечниками. Но стараться воевать не оружием, а деньгами, подкупом недругов. Деньги брать неоткуда, Македония — страна небогатая, а Фракия, напротив, рядом с её копиями, содер-

жащими золото и серебро. Вернувшись в Пеллу, Филипп набрал отряд авантюристов, пришёл во Фракию, где захватил всё это богатство. Неожиданная и до предела дерзкая вылазка македонского отряда на чужую территорию показал Греции, что на престоле появился царь, которому небезразлична судьба своего народа. С этой поры за счёт устойчивого поступления в казну фракийского серебра началось реформирование армии, появились средства для решения внутримакедонских проблем и конфликтов, хватало и на подкуп царей приграничных областей, вождей враждебных племён. «Перед ослом, навьюченным моим золотом, не устоит ни одна крепость с самыми неприступными стенами!» — хвастался молодой македонский царь.

На сей раз Филипп пожелал получить дельфийский оракул перед войной с персами. В таком важном вопросе божественное напутствие необходимо. Без одобрения Аполлона поход придётся отложить до лучших времён, пока не получишь добрый знак. В Греции знают историю Креза, царя Лидии, который неправильно понял оракул: «Перейдешь Галис, погубишь великое царство». Перейдя пограничную с Персией реку Галис, он потерял всё — армию, престол и стал рабом у Кира. Филипп будет осмотрительней...

* * *

Дорога из Пеллы к святилищу заняла три дня и три ночи. Страшиться разбойников или вражеских засад уже не приходилось, так как после Херонеи по всем городам стояли македонские гарнизоны. По этим обстоятельствам Филипп неспешно передвигался верхом в сопровождении двух всадников и вьючных мулов с дарами, имея возможность погрузиться в думы, которые, к сожалению, вызывали одни огорчения...

После возвращения Александра в Пеллу и формального примирения с ним, Филипп подтвердил за ним права своего наследника. Но их отношения не наладились так, как хотелось обоим, в чём повинен был уже Александр. Конкретных

причин по этому поводу Филипп не знал, приходилось догадываться...

Остерегаясь гнева отца в Иллирии, он обнаружил в себе силы и способность к самостоятельным решениям. С каждым днём, прожитым вдали от Пеллы, Александр всё более укреплялся в вере, что многого в своей жизни добьётся сам. Появилось убеждение, что царский престол — не такая уже дальняя мечта. Но не в Македонии! Отец полон сил, здоров, как племенной бык, а его женитьба на Клеопатре создала проблемы не для него, а для Александра. Если сын не хочет быть хвостом у быка, нужен другой путь. Будет случай, нужно ловить миг удачи.... И вскоре волею непредсказуемой судьбы представился удачный момент...

Пиксодор, правитель Кариин* и сатрап персидского царя, желая обрести самостоятельность, повёл тайные переговоры с Филиппом, надеясь на его военную поддержку. В преддверии войны Эллады с Персией такой союз македонского царя устраивал, и он уже планировал размещение группы греко-македонских войск на земле Кариин. Пиксодор не возражал этому, но как временному состоянию и, чтобы союзный договор стал надёжным, предложил ещё брачный договор, предложив руку своей дочери Арридею, слабоумному первенцу македонского царя от фессалийки Филлины. Это был отличный для военного союза вариант — породниться с македонским царём.

Царь Кариин отправил в Пеллу посланников с таким предложением, а на тот момент Филипп в Македонии отсутствовал. Принимал их Александр, у которого неожиданно зародилась неплохая, на его взгляд, идея: а что, если предложить Пиксодору выдать дочь за него! Дружью царевича, с которыми он поделился: Гарпал, Неарх, Лаомедонт и братья Эригии — поддерживали его затею. Александр воодушевился, вернул посланников в Карию, отправив с ними своего друга Фессала, актера из Коринфа, в надежде на его красноречие и обаяние...

Покачиваясь на крупной лошади, Филипп вспомнил день,

когда узнал о тайных переговорах сына с карийским сатрапом. Он их воспринял как заговор! Не зря тогда царь рассвирепел, но злился на Александра недолго, понимая, что сам поступил бы точно таким образом. Александру в свои девятнадцать лет не терпелось заполучить царский престол, хотя бы за пределами Македонии. Но у него не хватило ума проследить свою судьбу дальше: при согласии Пиксодора на брак Александра с его дочерью Филипп не простил бы такого самоволия ни тому, ни другому. Причём в качестве зятя Пиксодора Александру пришлось бы навсегда переселиться в Карию.

— Твоему поступку нет объяснений! — в негодовании кричал Филипп на сына. — Ты не оправдал моего доверия! Мой сын, рождённый потомком божественного Геракла, предложил себя мужем дочери царя варваров! Ведь все карийцы — потомки рабов! — клокотал гневом Филипп. — Нет, ты действительно не понял своего счастья, своего назначения быть моим наследником!

Филипп не стал говорить сыну, что в случае едва не случившегося отъезда Александра в Карию отец терял контроль над ним, поскольку получал долгожданную независимость от него. И ещё неизвестно, как бы повел себя Александр в отношении Македонии в роли наследника карийского престола. Нет, без влияния Олимпиады не обошлось! Только она могла подсказать сыночку столь правильный для него выбор, поскольку опасалась, что отец в любой момент изменит завещание и передаст по старшинству престол Арридею. А дальше наследование переходит возможному сыну Арридеи, после чего Александру никогда не быть царём Македонии...

После памятной встречи с отцом Александр, чувствуя за собой вину, пообещал ему впредь не предпринимать самостоятельных шагов, если они могли вызвать его недовольство. Филипп простил сына, но злость выместил на его товарищах, кто способствовал, на его взгляд, преступному намерению сына. Всех изгнали из страны, а Фессал был

выпорот розгами и посажен в тюрьму. Рядом с наследником царя теперь непрестанно находились только верные Филиппу люди, сообщавшие царю о каждом неблагоприятном намерении царевича. По этой причине Александр окончательно настроился против отца и с тех пор не делал никаких шагов к сближению...

* * *

Солнце бликовало на позолоченных шлемах и щитах всадников, отражая в дорогом снаряжении их знатность. Следом продвигался небольшой караван из десятка ослов с ценной поклажей. Неутомимые длинноухие труженики, осторожно переставляя на каменистой дороге точеные ножки, мелодично позвякивали медными колокольчиками. Извилистая дорога, обрамленная пыльными кустарниками *аканфа*, петляла меж приземистых холмов, с каждым шагом приближаясь к конечной цели. Ближе к Дельфам дорога всё больше заполнялась паломниками.

Вскоре македоняне приблизились к горе Парнас — месту пребывания Муз и Аполлона. Неожиданно открылся проход, малозаметный со стороны, откуда дорога повела в долину, окруженную отрогами. В северной стороне возвышались угрюмая скала — печально знаменитая Федриада, с которой сбрасывали преступников, святотатцев, кто действиями или дерзким словом посмел оскорбить Аполлона, его священнослужителей или святилища в целом. Дельфийцы называли имя бывшего раба Эзопа, остролова-баснописца, осмелившегося насмеяться над жителями Дельф. Обвиненный в хищении золотой чаши из храма Аполлона, он нашел здесь свою смерть.

Филипп рассмотрел у подножия скалы высеченные в ней неглубокие ниши, где паломники оставляют *агальму* — первые дары Аполлону. Он спешил и распорядился подать золотой киаф*, который поставил в нишу, что была повыше, чтобы все видели размеры его царской щедрости.

Неподалеку рос огромный дуб с узловатыми от старости

ветвями, из-под корней которого выбивался родник. Знаменитый Кастальский источник! Прозрачные струи шевелили на дне мелкие камешки, песчинки, они перекатывались с места на место, пугая рыбёшек, неведомо откуда там взявшихся. Воды родника даровали вдохновение поэтам и музыкантам. В нём совершали паломники неперенный обряд перед посещением храма Аполлона — омовения. Царь последовал примеру, после чего почувствовал во всём теле свежесть в усталых мышцах и одновременно великое волнение, очистительный трепет, позволяющий без страха вступить во владения Аполлона.

* * *

Жрецы храма, извещенные о предстоящем посещении македонского царя, ждали. Едва он приблизился к ограде храма, подошел главный священнослужитель, *иеродул*, в длинном до лодыжек хитоне; в руке посох, *тирс*, увитый лавровыми ветвями — священного дерева Аполлона; на лбу *инфула* — шерстяная повязка красного цвета как отличительный знак высшего жреческого сословия. Иеродул с важностью приветствовал царя, справился о дороге, здоровье и уже не покидал во всё время пребывания в святилище.

Иеродулы ведали всеми делами в Дельфах, числом пять человек — каждый по своему роду деятельности; они ещё вершили суд над преступниками, повинными в *асебии* — святотатстве. При храме находились жрецы, записывающие слова пророчицы Пифии, и *хрисмологи* — толкователи изречений, и большое число охранников и рядовых храмовых служителей — *неокоров* и *перингетов*, сопровождающих паломников по святилищу. Но мало кто знал, что на неокорах лежала ещё обязанность скрытно собирать нужные сведения о людях, желающих получить оракул. Дело доходило до того, что они посещали местожительство тех людей, кто запрашивал оракул, узнавали подробности их быта и причины обращений в Дельфы.

Собранные таким образом сведения давали хрисмоло-

гам большие возможности для «правильных» толкований пророчеств Пифии, чем всегда поражали воображение паломников. Ведь Аполлон «сообщал» оракулы не напрямую паломнику. Сначала их «улавливала» жрица Пифия в неадекватном душевном состоянии, в наркотическом трансе, наёмками, так что было трудно понять смысл сказанного. Поэтому жрецам-толкователям приходилось их разгадывать, доводить до смыслового понятия, но никогда ничего прямо утверждающего! Царь Филипп не догадывался, что в Дельфах было собрано о нём немало тайных сведений.

Иеродул предложил царю отдохнуть с дороги в *лесхе*, гостинице при храме для почётных гостей; сопровождал до выделенной комнаты.

— Пифия ожидает тебя завтра с утра, — сказал он и вышел, оставив после себя сильный запах египетских благовоний.

Перед сном Филипп прогулялся по гостинице, увидел роскошную мраморную колоннаду, на стенах потрясающего вида фрески. Одна фреска изображала взятие Трои: разрушенные стены пылающего города, мечущиеся греки и троянцы, морской берег и корабли, готовые поднять паруса. Другая фреска изображала мрачное царство мертвых — подземный Аид. Филиппу сообщили, что почти сто лет назад святилище посетил художник Полигнот из Фасоса, это его бесценный дар.

ГЛАС ЗЕВСА

Утро раскрылось Филиппу чудесной солнечной погодой, на небе ни облачка, словно в ожидании чуда, притих ветер, разгулявшийся ночной порой.

Дельфийское святилище — это, прежде всего, великолепный храм бога Аполлона, начинался он с широких каменных ступеней, долго хранивших ночную прохладу. Роскошная колоннада из дивного по красоте мрамора с острова Па-

рос дополняла величие храмового сооружения. На фронтоне храма виднелись изображения близнецов Аполлона и Артемиды рядом с матерью Латоной, богини ночи и всего сокровенного. По легенде, чудовищный змей Пифон напал на Латону, когда её дети были маленькие, и жестоко преследовал ее, где бы она ни пыталась укрыться. Аполлон, став богом, убил Пифона, настигнув на том месте, где сейчас стоит храм; по преданию, закопал глубоко в землю: оттого до сих пор ощущается смрад от гниющего тела чудовища...



Мраморная ограда окружала террасу, выложенную большими каменными плитами, на которой возвышался храм Аполлона. В ограде несколько проходов, позволяющих

большому числу паломников беспрепятственно проходить на священную территорию; но такое происходило лишь в праздничные дни. Внутри ограды выставлены ценные дары жителей городов со всей Греции и не только — есть чужестранные дары: медные, бронзовые и позолоченные статуи богов, героев и правителей; были ещё изображения животных — все в благодарность за помощь и деяния богов. Сокровищницы Дельф наполнялись издавна, они постоянно дополняются священными дарами: ценным оружием и тканями, дорогой посудой и ювелирными камнями, благовониями. При храмах работают рабы, преподнесенные благодарными паломниками в дар Аполлону.

За оградой возвышался большой жертвенный алтарь, поставленный против входа в храм. К жертвеннику в первую очередь направлялись те, кто желал получить ответ у оракула. Вчерашний иеродул подвёл Филиппа к алтарю, куда сопровождающий его гвардеец возложил дары богу: золотую посуду, бесценные ткани пурпурной расцветки и полупрозрачный *аморгин* — материя из тонкого египетского льна; амфоры с драгоценным нардом и благовонными маслами. Жрецы приняли дары и разложили их на алтаре поверх поленьев священного белого тополя, любимого дерева бога. Один из помощников иеродула принёс в жаровне горящие угли от «неугасимого огня», высыпал на поленья. Вверх потянулся дымок, и через мгновение алтарь занялся пламенем... Жрец, следивший за жертвенным костром, торжественно объявил, что Аполлон принял дар от царя Филиппа, а если дары угодны богам, это благоприятный признак для дальнейшего ритуала...

Следом к алтарю привели пару белых быков, специально выращенных на лугах возле Дельф, тоже жертвенный дар Филиппа: позолоченные рога, головы украшены лавровыми венками — в таком виде они будут представлены Аполлону. Иеродул распорядился, чтобы все участники обряда надели венки, чтобы принять защиту божества. Жрец обнёс вокруг алтаря слева направо сосуд с водой и корзину с ножом,

жертвенным ячменём и прочими священными предметами для обряда. Затем иеродул окропил водой, освященной погружением в нее горячей головни с алтаря, всё — алтарь, жертвенных животных и присутствующих как знак очищения. Царь и каждый из участников обряда бросали на головы быков по горсти поджаренных зёрен ячменя, часть бросили в огонь на алтаре. Иеродул обратил внимание Филиппа на то, что быки до сих пор ведут себя спокойно — опять благоприятный знак! С головы каждого быка отрезали по клоку шерсти, раздали присутствующим, чтобы они бросали её в огонь в знак *катарсиса* — очищения животного перед жертвоприношением.

Последовало ритуальное убийство быков с соблюдением всех необходимых жертвенных формальностей. Чтобы заглушить рёв обречённых животных, присутствующие рядом музыканты громко играли на флейтах.

Помощник жреца, *парасисос*, принял вытекающую струёй кровь животных в подставленный сосуд, чтобы вылить её на алтарь. Другие помощники ловко снимали шкуры, разнимали на части туши и отделяли всё, что шло для сожжения — Аполлону предназначались хребет, задняя его часть вместе с хвостом и, кроме того, внутренности.

Вырезанные части и внутренности обернули жиром, прибили куски мяса от различных частей туш и так положили на пылающий жертвенным огнём алтарь, чтобы сжигались вместе с печеным тестом; при этом совершали возлияния вином и курения благовоний, поливали маслом. Оставшееся мясо должно быть употреблено сегодня в конце дня на пиршестве со всеми, кто участвовал в жертвоприношении...

Закончив церемонию, иеродул произнёс:

— Аполлон доволен дарами. Следуй за мной, царь Филипп.

Они шли по храму, на стенах которого были начертаны изречения древних мудрецов: «Познай самого себя», «Ничего слишком» и другие известные эллинам высказывания Великих Семи Мудрецов Греции. На невысокой колонне сто-

яла медная статуя прославленного Гомера, незрячего певца эпоса. В следующем помещении царь увидел мраморный жертвенник, посвященный Посейдону. Напротив входа на постаменте находилась статуя Аполлона. Рядом с ним изображения богинь судьбы Мойр. Рядом возвышалась яйцевидная тумба из белого мрамора, *омфал*, обвитый повязками, с золотыми изображениями орлов, некогда отпущенные Зевсом с противоположных концов земли. По легенде, птицы встретились на этом самом месте, отчего люди называли его «Центр земли», её «Пуп». Возле жертвенника — священный очаг, где пылал «вечный» неугасимый огонь, поддерживаемый особой службой дельфийских жрецов.

Главный жрец остановил сопровождающих царя, велел ему следовать дальше одному в самую важную и тайную часть храма — *адитон*, куда доступ разрешался только жрецам-прорицателям и тому, кто желал получить ответ у божества. Адитон размещался непосредственно над узкой и, возможно, глубокой расселиной, откуда поднимались удушливые испарения. По преданию, это место обнаружил пастух, искавший козу; он нашёл её в странном беспокойном состоянии. Всё указывало на то, что так действовали вредные миазмы, исходившие от гниющего тела чудовищного Пифона.

Филипп увидел эту самую расселину, над ней высокий стул в виде деревянного треножника, обложенного золотом; на нём немного вогнутая круглая плита — сиденье для прорицательницы Пифии.

Царь остановился неподалёку от помоста и тут же почувствовал резкий запах несвежего мяса или тухлых яиц, настолько воздух оказался насыщен тяжелыми испарениями. Повсюду на земле валялись лавровые ветви, их запах тоже действовал дурманящим образом. В пещере стало невыносимо душно и смрадно.

В сумраке царь заметил женскую фигуру, в белой одежде и с распущенными волосами. Она тенью промелькнула позади него, оставив запахи благовонного дыма от горящих листьев оливы: перед выходом жрицу окуривали, чтобы ей

было легче впасть в состояние транса. Филипп знал, что Пифия омывается в Кастальском источнике, надевает на голову венок из лавровых ветвей и жуёт их листья, особым образом действующие на её сознание. Когда садится на высокий треножник, вдыхает испарения, впадает в забытие, потом пробуждается и произносит пророчества.

Когда Пифия воссела на треножник, жрец подал лавровую ветвь. Она сорвала несколько листьев, взяла в рот и начала жевать. Через время стала неровно и громко дышать, словно задышалась, затем безвольно опустила голову, погрузившись в забытие.

— Ты готов задать вопрос великому Аполлону? — торжественным голосом спросил иеродул Филиппа. Царь кивнул потяжелевшей от дурмана головой.

— Спрашивай.

— Я Филипп, царь македонян и архистратиг эллинов, — нетвердым голосом начал царь. — Почитая священный оракул, я послал тебе дары и теперь спрашиваю тебя, мой бог, в начале похода на Персию: «Что ожидает меня?»

Наступила глубокая тишина, нарушаемая невидимыми в пещерном пространстве каплями воды, треском горящих оливковых веток и тяжелым прерывистым дыханием Пифии. Филипп почувствовал, что начинает задышаться, ему захотелось прекратить священный ритуал. Он едва сдержал свой неугодный богам малодушный порыв. Это было явное испытание его верующей души...

Через мгновение всё плохое ушло, он услышал низкие утробные звуки, исходящие от Пифии, неясные фразы, глухое бормотание. Жрец, приставленный записывать, приступил к делу. Царь поднял глаза на Пифию и заметил, что взор её устремлен далеко за пределы адитона.словно разбуженная чьим-то повелительным окриком, Пифия подняла голову, мертвенно белые губы раскрылись, и она неожиданно чётко произнесла:

— Колесница рядом... Увенчанный бык заколот будет...

Пифия умолкла также внезапно, как и начала говорить.

Поникла головой и так осталась сидеть на тренажерке.

Филипп, по ощущениям, сам пребывал в трансе, пока не очнулся. Иеродул взял его за руку и вывел на свежий воздух. Царь с наслаждением вдохнул грудью и только сейчас понял, что испытание закончилось.

— Ответ получишь завтра, — сказал на прощание иеродул.

Вечером Филипп принял участие в обязательном ритуальном пиршестве, устроенном храмовыми жрецами: на угольях жарили мясо белых жертвенных быков. Было много вина. А наутро, едва затеплился день, к нему доставили две глиняные таблички с оракулом Аполлона. На одной он прочитал: «Остерегайся колесницы». На другой — «Увенчанный бык будет заколот»..... Понятного для македонского царя было немного. Ему не следовало ездить на колеснице, с возницами часто случаются «неприятности». С этим, вроде, ясно! Но как быть с «быком»? Филипп думал немного. Бык — священное для персов животное; увенчанный бык — это персидский царь, на голове которого венец — символ монархической власти. «Будет заколот», здесь всё ясно — победа будет за македонянами!

Вернувшись из Дельф, Филипп, воодушевленный божественным оракулом, перед походом на персов начал готовить намеченную свадьбу дочери с эпирским царём Александром, братом бывшей жены Олимпиады.

ЖЕРТВЕННЫЙ БЫК

Свадьбу решили отмечать в Эгах, старинной столице Македонии. По замыслу Филиппа, великолепием и размахом торжество должно затмить любое подобное событие, когда либо проводимое в Греции. Главное, зачем он так затеял, было желание убедить македонян и греков, что в царской семье восстановлены мир и согласие, ничто теперь не мешает росту авторитета Филиппа и могуществу Македонии.

В Эги прибыли посланцы из областей Македонии, почти

всех греческих городов, за исключением Спарты, официальные представители фракийских и иллирийских племен. На другой день после свадебных торжеств были намечены состязания знаменитых атлетов, представления театральных и цирковых актёров, показательные бои воинов, также состязания музыкантов. Филиппу пришлось согласиться с предложением Антипатра, что на свадьбу дочери и брата нужно пригласить Олимпиаду. Она с радостью отозвалась на призыв бывшего супруга.

Свадебный пир прошёл с великой помпой, торжественно, как было задумано царём, с возвышенными речами и лестиными тостами в адрес Филиппа. Молодым преподносились дорогие подарки. На следующее утро радостно возбуждённый народ, прибывший из окрестных поселений, ринулся в театр, где были объявлены основные праздничные мероприятия и развлечения. Чтобы пораньше занять удобные места, поближе к членам царской семьи, люди устраивали давку, но никто не сердился — праздник есть праздник.

В полдень на дороге, ведущей к театру, появилось огромное шествие. Шли царские придворные, высшие должностные лица Македонии и военачальники Филиппа, гости из чужеземных городов. Участники несли изображения двенадцати богов Олимпа, и отдельно — золотую статую Филиппа. Это была задумка царя, пожелавшего быть для эллинов тринадцатым богом. Царь шел впереди в окружении гвардейцев, расположившись между двумя Александрями, сыном и женихом. Одет он был во все белое, словно настоящее живое божество...

При виде шествия по сигналу придворного жреца на главном алтаре началось заклинание жертвенного быка. Филипп ещё издали увидел, как закололи упитанного белого быка, на его рогах, по традиции, покоился венок из ярких полевых цветов. Неожиданно царя неприятно резануло: «Бык белый, как и моё одеяние...» Он вспомнил слова Пифии: «Увенчанный бык будет заколот...» Он постарался отогнать эти мысли, с усилием переключившись на происходящее вокруг празднество.

Когда процессия входила на территорию театрального комплекса, царя увидели двадцать тысяч зрителей. Громогласный вопль восторга разорвал воздух Эг. Отовсюду неслись радостные возгласы, приветствия любимому царю и архистратигу. Сердце Филиппа, воспринимая столь возвышенный народный восторг, сильно радовалось, а душа возносилась к божественным высотам... Чтобы народ мог хорошо созерцать своего царя, он немного отстал от своих спутников, сына и жениха, заставив отступить немного назад и сопровождавших его гвардейцев. Теперь он шагал в одиночестве, показывая тем самым, что доверяет своему народу, который так беззаветно любит его...

Чтобы попасть в театр, каждый человек должен пройти через колоннаду. В тот момент, когда Филипп оказался за первым рядом колонн, и на мгновение скрылся из виду гвардейцев, сбоку и немного сзади к царю метнулся человек. Филипп его не видел, он шел, охваченный эйфорией счастья единения со своим народом, широко улыбаясь...

Всё произошло настолько стремительно, что никто не успел среагировать, даже гвардейцы не поняли, что произошло. Филипп почувствовал вдруг резь в боку, он остановился и попытался повернуться, чтобы установить причину жуткой, невыносимой боли. Наконец, когда увидел, изумлённый, дёрнулся телом и медленно осел на землю, изливая сгустки яркой крови на пыльные каменные плиты.

Александр, обернувшись на сдавленный стон, подбежал к отцу и успел заметить в его угасающих глазах немой ужас.

Убийца, выронив меч, ловко увертывался от преследователей, побежал в сторону городских ворот, где, как позже выяснилось, его ожидали какие-то люди и верховые лошади. Неловко оступившись, он споткнулся на пути о корни дерева, упал и был тут же убит сразу несколькими гвардейцами...

Его опознали сразу. Это был Павсаний, юный красавец, один из самых близких к царю телохранителей.

Меч Павсания, которым он убил Филиппа, имел рукоять из слоновой кости с изображением... колесницы.

* * *

После печальных событий в Македонии и Греции все начали гадать, почему так случилось. Царь Филипп не был идеальным правителем, имел массу врагов и недоброжелателей, поэтому для предположений годились любые версии. Во дворце, например, говорили о том, что не так давно Филипп сильно обидел Павсания тем, что сначала приблизил его к себе, приласкал, а потом передал его на поругание Атталу. Что ж, доля истины в этом имелась, но и от остальных причин нельзя отмахиваться: месть Олимпиады, сумевшей использовать ненависть Павсания; заговор македонских военных, не согласившихся с мирной политикой царя в отношении Греции; происки персов, знавших о готовившейся войне. Но судя по тому, что Павсания убили, не попытавшись задержать живым, говорит о многом. Расправа над убийцей без расследования причин и мотивов, сославшись только на неконтролируемое чувство возмездия, говорит о том, что ни одна версия не выдерживает критики. Поэтому все последующие годы и века, кого интересовала смерть македонского царя Филиппа II, ломали себе головы, задавая один единственный вопрос: «Кому это было выгодно?» — и не находили нужного ответа.

ВЕЩИЙ СОН АЛЕКСАНДРА

Закончился трагический день. Потрясенный и растерянный неожиданной смертью отца, Александр добрался до кровати и не заметил, как провалился в глубокий сон...

...Он вдруг услышал свое имя. Открыл глаза. В ночной полутьме различил стоявшие рядом две странные фигуры: у них были неестественно крупные головы, белые лица и огромные выпуклые глаза. От полупрозрачных плащей исходило серебристое свечение. В воздухе держался запах неизвестных благовоний. Удивительно, но у Александра не

возникло никакого неудобства от присутствия странных гостей, не было недоумения, ни тем более страха. Ощущалось лёгкое покалывание тела, как комариные укусы.

Неожиданно послышался булькающий гортанный голос, но приятный на слух, похожий на звуки падающих в воду крупных дождевых капель. Хотя сказанное было на незнакомом языке, Александр понял:

— Встань и следуй за нами, если хочешь узнать своё будущее.

Он подчинился, продолжая оставаться совершенно спокойным в такой непривычной ситуации, словно давно ожидал встречи с незнакомыми существами. Когда приподнялся с постели, заметил, как стена напротив чудесным образом бесшумно распахнулась, обнаруживая за собой чёрный провал звездного неба. Он успел заметить лежащих вповалку гвардейцев, охранявших царский дворец. Почувствовал, как сильные руки подхватили его и понесли по воздуху...

Александр воспарил в небо, словно огромная птица, летел быстро, без страха и напряжения, ощущая на лице упругие потоки воздуха. Он чувствовал себя царственным орлом, любимцем Зевса, которому подвластны горные вершины и небесная стихия, и это восторженное состояние сопровождало всё время необычного полёта.

Земля внизу не просматривалась, но скоро Александр обнаружил её — она превратилась в голубую сферу, как некогда рассказывал о ней Аристотель. Иногда мимо про скальзывали загадочные тени... Словно читая его мысли, голос произнёс:

— Это души бессмертных героев Эллады. Они заслужили, чтобы находиться на Олимпе рядом с богами.

Присмотревшись, Александр обнаружил, помимо сферы Земли, вокруг еще множество других шаров — больше размерами и крохотные; они слабо перемигивались огоньками, словно влюблённые светлячки в ночи...

— Это зажженные лампадарии — светильники в жилищах богов, — услышал он снова тот же голос.

Путешествие неожиданно закончилось в незнакомой местности у подножья высокой горы, когда совсем рассвело. В первых лучах пробуждающего утра Александр распознал разбросанные по склонам ярко сверкавшие золотые самородки и драгоценные камни. На вершину горы вели крутые ступени, вырубленные в скале, украшенные сапфирами чистейшей воды. Александр вновь услышал:

— Поднимайся и считай: сколько ты осилишь ступеней, столько лет проживёшь на этом свете. Узнай свою судьбу!

Александр с трепетом взошёл на первую ступень и, как теперь понимал, начал преодолевать собственную «лестницу жизни». Стал считать...

Поначалу восхождение проходило без особых усилий — сказывались молодой возраст и физическая сила, но приходилось прилагать усилия, так как ступени на самом деле оказались чрезмерно высокими, чуть ли не по пояс каждая... Он преодолевал их, осознавая огромную ответственность, что легла на него: ведь каждая ступень даёт ему шанс прожить лишний год. Но самое главное для Александра было ощущение не сна, а реальности всего происходящего в нём...

Неожиданно силы оставили его, — а преодолено было всего тридцать три ступени! Он понял, что карабкаться вверх больше не может, и в этот момент заметил небольшую площадку, выровненную в грунте. На ней стоял сухощавый старец в белом одеянии; венчик из плюща покрывал наголо обритую голову, крупный нос с горбинкой и смуглая кожа выдавали в нём уроженца юга Африки, Египта или Вавилона. В руке старец держал *тирс* — посох, увитый плющом. Старец по-доброму улыбался.

— Я жду тебя, Александр, вот уже двадцать лет, — щуясь, произнёс он. — Заходи, будь моим гостем.

Старец направил тирс на скалу, что была перед ним, она раздвинулась, открывая неширокую щель. Александр прошёл вслед и увидел убежище отшельника: каменное ложе, покрытое потёртой шкурой козла, глиняный фиал для питья и кувшин для омовений. У входа виднелся жертвенный ал-

тарь с тлеющими древесными угольями. От дыма и благово-
ний воздух внутри пещеры показался Александру тяжелым.
Снаружи доносились слабые звуки истекающего вблизи род-
ника.

— Почему я здесь? — спросил Александр. — Кто ты?

— Я служил у царицы Олимпиады советником и прорица-
телем до той поры, пока не родился ты. Я — Нектанаб, слуга
Зевса — об этом твоя мать знала.

— Ты знал моего отца?

— Если ты говоришь о царе Филиппе, он называл меня
халдеем, иначе, магом. Но кто твой отец, тебе только пред-
стоит выяснить.

— Халдей! Почему ты говоришь так о моём отце, царе
Филиппе? Разве я не его сын? — удивился Александр.

Старец остался беспристрастным.

— Тебе предстоит выяснить, кто твой настоящий отец, —
повторил старец. — Но я могу сказать тебе только те сведе-
ния, какими сам владею. Ещё до свадьбы Олимпиада увиде-
ла сон, во время которого узнала, что наш всевышний бог
Зевс избрал её своей возлюбленной. Я был царём Египта,
но мой бог Аммон, одной божественной крови с Зевсом,
поручил мне охранять царицу Олимпиаду до родов и после;
она, прежде всего от меня услышала, что она родит тебя,
Александр, сына бога. День и час, когда тебе было суждено
родиться, какое дать тебе имя — всё решал Зевс, божествен-
ный отец твой. Эту тайну знали только я и твоя мать. Теперь
в неё посвящён и ты.

— Почему я должен верить тебе, халдей? Если всё правда,
о чём ты говоришь, пусть бог сам скажет о том. Я хочу уви-
деть Зевса!

— Александр, это невозможно! Ты слышал о судьбе фи-
ванской царицы Семелы, возлюбленной Зевса и матери Ди-
ониса? Она тоже просила Зевса, чтобы он показался ей в
своём божественном облике. Но явившись во всепоглоща-
ющем пламени, он погубил её. С Зевсом общаются только
бессмертные боги. Увидеть нашего бога — всё равно, что

смотреть на солнце в летний полдень: его огонь для жизни
излучает живительный свет, и становится губительным, по-
добно раскалённой лаве, истекающей из жерла вулкана. Вот
кто такой наш бог Зевс и почему ты не можешь его увидеть.
А теперь слушай.

Нектанаб начал глуховатым голосом:

— Александр, сейчас ты находишься в Индии, на горе
Нис — обителище младенца Диониса, сына Зевса. Вот по-
чему греки называют его «Дио Нис», или «Бог с горы Нис».
Раньше индийская земля напоминала незамужнюю женщину,
которая без мужа не могла приносить никакого потомства,
то есть не давала плодов, чтобы прокормить народ индий-
ский. Став богом, Дионис научил их обрабатывать землю, со-
бирать и хранить урожай, разводить виноградники и изготав-
ливать вина. Он помог людям обустроить большие города,
основал первую царскую династию, установил справедливые
законы, поскольку знал, что царь является воплощением по-
рядка, закона и норм праведности. Многие поколения индий-
цев почитали Диониса, строили в его честь жилища-храмы,
приносили дары. Так продолжалось, пока люди не забыли
доброе его отношение к ним, перестали славить бога-отца и
бога-сына — Зевса и Диониса. Разгневанный Зевс хотел на-
слать на индийцев второй Потоп, но Дионис сказал ему, что
большая вода погубит не только индийцев, но и другие наро-
ды мира, а также всё живущее на земле. И тогда Зевс велел
наказать индийцев, призвав тебя, сына своего от Олимпиады.

— Что я должен сделать, халдей?

— Я расскажу о твоём рождении, и ты поймёшь, что пред-
начертано тебе судьбой. В ночь, когда ты появился на свет,
в Эфесе сгорел храм Артемиды, святилище покрылось чер-
ным пеплом. Знамение означает для тебя — ожидай черных
дней в твоей семье. События, с тобой связанные, велики, как
велик был пожар в Эфесе. Избежать тебе этого не удастся,
возможно, несправедливо для тебя, но для тебя пожар озна-
чает, что ты пройдёшь очищение огнем. В тебя вселился дух
огня, ты побываешь в странах, где поклоняются огню — а это

случится на востоке. Огонь будет уравнивать тебя, придавать силу. Свой поход на Восток, Александр, ты начнёшь с похода на Персию, как намеревался твой отец в стремлении покарать врагов Эллады. В Персии ты не остановишься, пройдёшь всю Ойкумену до краёв, границ земли, где живут народы. В сражениях ты будешь непобедим, тебя устроят племена и народы, все подчинятся твоей воле и признают своим владыкой. Ты придёшь в Индию, где накажешь людей, погрязших в грехах и в неуважении к небесной власти Зевса на земле. Восстановишь для индийцев справедливую власть и эллинский культ Диониса. Иди, Александр, завоюй весь мир — для себя и для отца твоего, Зевса.

— Если Зевс объявляет мне волю свою, я её исполню.

Он помолчал, раздумывая, задать ли вопрос.

— Халдей, у подножия горы голос мне сказал, что я проживу столько лет, сколько преодолею ступеней. Это правда? Взгляд старца опечалился.

— Да, тебе осталось жить совсем немного. — Он протяжно вздохнул. — Но если ты знаешь свою судьбу до конца, тогда устрани от себя страх смерти.

— Скажи, халдей, что означает смерть.

— Представь человека в виде огня, зажжённого утром, чтобы угаснуть к вечеру. Таков закон, живет ли человек столетие или малый срок. Ты знаешь о себе всё, Александр, поэтому будь смел и решителен, дела и поступки свои размеряй так, будто жить тебе осталось и мало, и много. Люди, ожидающие смерть, лишившись покоя и самообладания, малодушны. Разве стойкому и мужественному человеку не следует собственную смерть встретить бестрепетно, без волнения и трусости? Помни, что даже боги — смертны, а люди получают бессмертие, когда делаются героями. Вот твой путь!

Нектанаб смотрел на Александра выцветшими глазами.

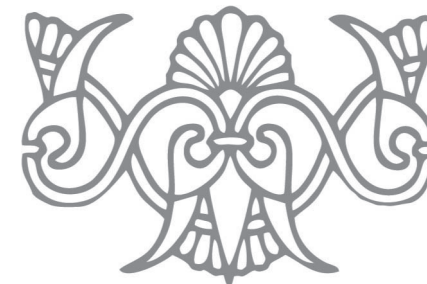
— В сражениях ты будешь непобедим, чем обретишь своё бессмертие. Но жизнь закончишь, когда она покажется тебе самому в тягость.

Дряблые щеки Нектанаба потемнели, голос окреп:
— Теперь поспеши, и пусть тебе покорится Ойкумена. А мы с тобой увидимся там, куда придёшь ты царём и героем.

Нектанаб повернулся и скрылся в темноте пещеры.

Александр проснулся, ошеломлённый необычными снами...

Конец второй книги



ПОЯСНЕНИЯ К ТЕКСТУ:

Авлетриды — женщины, игравшие на флейтах — авлосах и увеселявшие, вместе с танцовщицами, игравшими на цитрах.

Агон — обозначение состязания атлетов в любом виде спорта на пределе возможностей участников.

Агора — рыночная площадь в городах Древней Греции, центр общественной и деловой жизни.

Акрополь (с др.-греч. «верхний город») — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города; крепость (убежище на случай войны). На Акрополе обычно находились храмы божеств-покровителей данного города.

Алабастр — грушеобразный или вытянутый сосуд цилиндрической формы с округлым дном; использовались для хранения ароматических веществ и жидкостей.

Аминта III (возможно, он Аминта II) — македонский царь, правивший в 392–369 гг. до н. э., правнук царя Александра I через отца Арридея и деда Менелая.

Анакреонт (570/559 — 485/478 гг. до н.э.) — древнегреческий лирический поэт. Был включен в канонический список Девяти лириков учеными эллинистической Александрии.

Антаблемент — балочное перекрытие пролёта или завершение стены, состоящее из архитрава, фриза и карниза; верхняя, несомая часть архитектурного ордера.

Антипатр — полководец и близкий друг Филиппа Македонского, пользовавшийся величайшим доверием и Александра, который, отправляясь в поход в Персию, поставил его наместником Греции.

Аримнест — младший брат Аристотеля.

Асклеиады — члены семейств, ведущих свой род от древнегреческого бога медицины Асклепия (Эскулапа). Занимались лечением больных в посвящённых Асклепию святилищах — асклепионах.

Астрагал — вид игральных костей, изготавливавшихся из позвоночных костей некоторых животных. Игра в кости была широко распространена в Греции, затем в Римской империи и в ранней Византии.

Аттика — область Греции, которая на севере соседствует с Центральной Грецией, а на юге омывается водами Саронического залива.

Ашшурбанипал — царь Ниневии (Вавилонии), VII век до н. э.

Аэд — бродячий певец, древнегреческий сказитель народных песен, лёгших в основу древнейшего эпоса.

Беотия — область в Средней Греции, заселенная греческими племенами, начиная в микенское время (3—2-е тыс. до н.э.), подвластная Фивам.

Боспор Киммерийский — совр. Керченский пролив

Брисеида — персонаж древнегреческой мифологии, одна из центральных фигур сюжета поэмы Гомера «Илиада». Брисеида — «отчество», прозвище по отцу Брису из Мисии, её собственное имя — Гипподамия.

Букефал — с греч. «Бычьеголовый».

Булевтерий — правительственное здание для заседаний представителей городской власти, здесь имелись гостевые комнаты и зал для официальных пиршеств.

Византий — предшественник Византии, Константинополя и турецкого Стамбула.

Вяхирь — птица семейства голубей. Длина около 45 см. Голова сизая, спина буроватая, зоб розоватый, шея с белыми пятнами и зеленоватым полуошейником с медным отливом.

Геллеспонт — пролив Дарданеллы.

Геркулесовы Столбы — Гибралтарский пролив.

Гетера — в Древней Греции женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни, публичная женщина, куртизанка. Первоначально главным образом из рабынь, позже также свободные женщины.

Геты — древний воинственный фракийский народ, родственник дакам, с которыми его смешивали римляне; жил во времена Геродота между Балканами и Дунаем.

Гиматий — верхняя одежда греков, плащ. Для гиматия брали четырехугольный кусок материи, один конец перебрасывали через левое плечо и придерживали левой рукой; остальную часть обвивали от левой стороны к правой вокруг спины, правой руки и груди, а конец перебрасывали назад через левое плечо.

Гимнасий — комплекс зданий с помещениями для занятий физическими упражнениями, тренировок и состязаний атлетов.

Гипербореи — в греч. мифологии пребывающий в вечном блаженстве народ, обитавший на северном краю мира. Гипербореи пользовались особой любовью Аполлона, ухажившего к ним на зиму из Дельф. Мифы повествуют о прорицателях из Гипербореи — основателях храмов и оракулов Аполлона. В переносном смысле Гиперборея — страна севера, страна — легенда.

Главка — в греческой мифологии дочь Нерея и Дориды, одна из nereид, чьё имя «зеленоватый», «голубой» указывает на цвет воды.

Гоплит — древнегреческий тяжёловооружённый пеший воин. Слово происходит от названия тяжёлого круглого щита — гоплон.

Девкалионов Потоп (Всемирный потоп) — катастрофа огромного масштаба, легенда о которой широко распространена в мифологических представлениях народов мира, в т.ч. древних греков. Спаслись только благочестивые Девкалион и его жена Пирра, от которых снова пошёл род людской.

Демос — народ.

Деспот — верховный правитель, пользующийся неограниченной властью.

Дион — город у подошвы Олимпа и при Фермейском заливе, в Македонской области Пиерии, получивший название от знаменитого во времена Полибия храма Зевса.

Диос — одно из многочисленных имён бога Зевса.

Диофант Александрийский — древнегреческий математик, живший предположительно в III веке н.э. Иногда упоми-

нается как «отец алгебры».

Дитилас — «здоровяк», детина.

Драхма — денежная единица: 1 драхма = 6 оболов = 4,31 г серебра; 1 обол = 0,72 г серебра.

Залевк (VII в. до н.э.) — знаменитый законодатель локров, греческих переселенцев в Нижней Италии, считается автором древнейших писанных законов у греков. О его жизни и законах известно мало.

Игры в Олимпии — 108-е Олимпийские игры в 348 г. до н. э.

Иола — дочь царя Эврита, возлюбленная Геракла. Жена Геракла Деянира, боясь, что Иола займёт её место, по коварному совету кентавра Несса, послала Гераклу отравленный хитон. Умирая в страшных муках, Геракл обручил Иолу со своим сыном Гиллом.

Ионический ордер — один из трёх древнегреческих архитектурных ордеров. От более раннего дорического ордера отличается большей лёгкостью пропорций и декором всех его частей.

Истр — древнегреческое название нижнего течения реки Дунай с V в. до н.э. (верхнее и среднее течение называли Данувием). В первые века н.э. Истр и Данувий служили названиями всей реки.

Кабарга — небольшое парнокопытное оленевидное животное, представитель семейства кабарговых.

Каламус — тростник, тростниковая флейта или палочка для письма на папирусе.

Калкан — передняя часть корпуса у кабана, развитая более мощно в сравнении с задней. Наибольшая толщина «калкана», до 4 см, достигается в зоне лопаток и плеч.

Кария — древняя область на юго-западе Малой Азии, ограниченная на юге и юго-западе Эгейским морем и граничившая на севере с Ионией и Лидией, а на востоке с Ликией и Фригией.

Кассандра — в древнегреческой мифологии дочь троянского царя Приама и Гекубы. Плененный красотой Кассан-

дры, бог Аполлон одарил её пророческим даром, но, отвергнутый ею, сделал так, что её прорицаниям никто не стал верить.

Квадрига — античная двухколёсная колесница с четырьмя запряжёнными конями. Часто использовалась в Древнем Риме в гонках или в триумфальных шествиях

Керас — вместительный кубок для питья вина в виде рога.

Киаф — сосуд с одной ручкой, возвышающейся над кромкой сосуда, напоминающий по форме современную чашку. Киафы использовались на симпозиях для зачерпывания вина.

Кипарис — греки называли так дерево по месту основного произрастания — Кипр, где в то время имелись кипарисовые леса.

Колумбарий — в данном случае, ферма для разведения голубей для пищевых целей.

Кратер — большая чаша для смешивания вина с водой.

Круг — на греческом ипподроме составлял расстояние семьсот семьдесят метров.

Кувшин — в греческих городах-полисах представлял собой меру объёма жидких и сыпучих продуктов; в 1 кувшине вмещалось 12 мерных кружек (в 1 кружке — 6 черпаков, в 1 черпаке — 0,045 л) = **3,28 л.**

Куникул — кролик.

Лакония — область на Пелопоннесе; Спарта — город-полис этой области.

Леохар — древнегреческий скульптор середины IV в. до н. э. Приписываемые Леохару статуи «Артемиды Версальская», «Аполлон Бельведерский» сохранились в копиях.

Ликург I — легендарный царь и законодатель Лаконики (Спарта), правивший в IX в. до н.э.

Мавсолей — гробница царя Карики Мавсола в Галикарнасе, сооруженная в середине IV в. до н. э., символ величия и почитания царя.

Маргит — дурачок, больной на голову.

Мегарон — греческий дом прямоугольного плана с оча-

гом посередине. Послужил прототипом храмов в гомеровский период.

Мегары — древнегреческий полис на Коринфском перешейке, центр области Мегарида.

Меды — одно из фракийских племён, живущих на Балканах.

Мельник — совр. Мельник (Болгария).

Меотское озеро (Меотида) — Азовское море.

Метагнитион — дни месяца 2-3 августа.

Мидийцы — жители Мидии, древнего восточного государства, а также древняя этногеографическая область на западе Ирана, от р. Аракс и гор Эльбурс на севере до границ Персиды (Фарса).

Минт — вид мяты, приправа к блюдам.

Мирмидонянин — представитель ахейского племени в Фессалии, где, по Гомеру, властвовал Ахилл.

Музы (от греч. «мыслящие») — в древнегреческой мифологии дочери бога Зевса и титаниды Мнемосины, либо дочери Гармонии, живущие на Парнасе богини — покровительницы искусств и наук.

Мускус — сильно пахнущее вещество, вырабатываемое железами некоторых животных (кабарги, бобра и других) или находящееся в корнях некоторых растений и применяемое в парфюмерии.

Ойкумена — известная философам часть земли, населенная человечеством.

Обол — кусок медной проволоки, которая шла на изготовление монет.

Олимбос — горная вершина острова Лесбос. Древние греки, где бы ни селились, всегда называли самую высокую гору «Олимпом», местом проживания богов.

Олимпионик — пожизненное почётное звание победителя атлетического состязания в Олимпии, пользующееся всегреческим признанием.

Орфики — представители орфизма, религиозного направления, создателем которого, по традиции, считался Орфей,

мифический поэт-песнопевец из Фракии. Орфики верили в воздаяние после смерти, раздвоенность человеческой природы на доброе и злое.

Палестра — частная гимнастическая школа в Древней Греции, где занимались мальчики с 12 до 16 лет (на острове Самос была палестра для взрослых мужчин).

Патера — блюдо на ножке с двумя ручками.

Пелла — столица Древней Македонии с конца V до середины II в. до н.э., место рождения Александра Великого.

Пелопоннесские войны (431—404 до н.э.) — военный конфликт в Древней Греции, в котором участвовали Делосский союз греческих городов во главе с Афинами — с одной стороны, и Пелопоннесский союз других греческих городов под предводительством Спарты — с другой.

Перистиль — открытое пространство, как правило, двор, сад или площадь, окружённое с четырёх сторон крытой колоннадой.

Перикл — государственный деятель (V в. до н.э.), единовластный правитель Афин.

Пианепсион — месяц октябрь.

Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н.э.), древнегреческий поэт. Из его произведений сохранились целиком 4 книги *эпикийев*, торжественных хоровых песен, прославлявших победителей в общегреческих спортивных состязаниях.

Пиния — средиземноморская сосна.

Писистрат — афинский тиран (с 560 по 527), его внутренняя политика принесла Афинам мир и благополучие. При нём воздвигались новые здания и храмы, процветали искусства и литература, афинская монета высоко ценилась во всей Греции. Писистрат поручил записать все устные поэмы Гомера в том виде, в каком они сохранились для последующих поколений.

Племохой — ритуальный сосуд.

Полис — город-государство, особая форма социально-экономические и политические организации общества, типичная для Древней Греции и Древней Италии.

Полифем — циклоп из поэмы Гомера «Одиссея».

Понт Эвксинский — Чёрное море

Приена — город в Ионии (Кария, М. Азия), на восток от Эгейского моря.

Рапсод — (греч. rapodos, от rapto — сшиваю, слагаю и odn — песнь) — древнегреческий странствующий певец-сказитель. Известны как исполнители музыкально-поэтических произведений («оймэ»).

Рецина — греческое смоляное белое вино крепостью 11,5 % об.

Сариссы — сверхдлинные пики (до 6 м) македонских пехотинцев.

Сатрап (буквально — хранитель области) — наместник сатрапии, возглавлявший её администрацию. Чеканил серебряную и медную монеты; отвечал за сбор податей и контролировал местных чиновников.

Сереброщитники — аргираспиды, воины, носящие посеребренные щиты.

Сильфия — растение семейства зонтичных. По внешнему виду сильфий был похож на другие растения этого рода.

Сова — символ мудрости Афины.

Солнцеповорот летний — июль-август

Солон (между 640 и 635 до н.э.) — афинский политик, законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции.

Стадий — греческая мера длины, ок. 200 м

Столпы Бриарей — совр. Гибралтар. Бриарей в греческой мифологии сын бога неба Урана и богини земли Геи. Чудовищное существо с 50-ю головами и сотней рук, один из трёх братьев сторуких чудовищ, первоначально населяющих Землю.

Талант — древнегреческая весовая и денежная единица; 1 талант = 60 мин = 6000 драхм = 36,000 оболов = **25,86 кг серебра**; 1 мина = 100 драхм = 600 оболов = 431 г серебра; 1 драхма = 6 оболов = 4,31 г серебра; 1 обол = 0,72 г серебра

Танаис — река Дон.

Тихе — в греческой мифологии дочь Океана и Тефиды, богиня случайности, счастливого случая. Жила на Олимпе, входила в свиту Зевса.

Трибаллы — могущественный народ во Фракии (в Нижней Мёзии, ныне Сербия и часть Болгарии), единственный фракийский народ, который был в состоянии долго отстаивать свою независимость против захватчиков.

Троада — древняя область на С. -З. Малой Азии, на территории современной Турции.

Трогалий — понятие «десерт», с греч. «догрызание», от глагола «грызть», «вкушать»

Туба — пенал для хранения папирусных свитков с текстами.

Тиртей, Тиртей — греческий поэт VII в. до н.э. Согласно античному преданию, Тиртей был хромым учителем, которого афиняне послали на подмогу спартанцам, когда те находились в тяжёлом положении во время Второй Мессенской войны.

Фалес — древнегреческий философ и математик из Милета (М. Азия), VI в. до н.э. Представитель ионической натурфилософии и основатель милетской (ионийской) школы.

Фаллос — сакральное изображение мужского детородного органа.

Фаргилион — месяц май.

Феано — ученица и жена древнегреческого философа и математика Пифагора, жившего в VI— V вв. до н.э. В возрасте 60-ти лет Пифагор женился на своей ученице Феано, девушке удивительной красоты.

Фемисто — в греческой мифологии nereида, супруга Афаманта, мать будущих царей Орхомена, Сфингия, Левкона, Ерифрия, Схойнея и Птоя.

Федра — в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса, вторая жена Тесея, восплаившая любовью к своему пасынку Ипполиту. Отвергнутая юношей, она оклеветала его перед отцом, а потом покончила с собой.

Филэллин — с греч. «любящий эллинов».

Фокида — в древности область в Средней Греции, граничившая на западе с Доридой и Озольской (западной) Локридой, на юге с Коринфским заливом, на востоке с Беотией и Опунтской Локридой.

Фракия — область на юге Балкан, от Карпат до Эгейского моря

Фукидид (ок. 460 — 400 до н.э.), афинский историк.

Хариты (от греч. «изящество, прелесть») — в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Соответствуют римским грациям.

Херсонес Фракийский — полуостров Фракийский Херсонес, или Херсонес, лежащий между фракийским морем и Геллеспонтном.

Хрисеида — мифологический персонаж, одна из центральных фигур сюжета поэмы Гомера «Илиада». Хрисеида — «отчество», прозвище по отцу, дочери жреца бога Аполлона — Хриса, имя которого, впрочем, также не собственное.

Щётка — у лошадей: часть ноги над копытом и пучок волос на этом месте.

Эгида — защита, символический щит

Эконом — главный домоправитель

Эпаминонд (ок. 418 до н. э., в Фивах — 362 до н. э., погиб в сражении у Мантинеи) — военный и политический деятель Древней Греции, глава Фив и Беотийского союза, внесший большой вклад в развитие военного искусства.

Эфеб — в древнегреческом обществе юноша, достигший возраста, когда он обретал все права гражданина (16 лет, в Афинах — 18), становясь членом эфебии — общности молодых людей-граждан полиса.

Эфес — город на западном побережье Малой Азии, где проживали в основном греческие переселенцы.

Яксарт — река Сырдарья

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРИСТОТЕЛЬ (384-322 до н.э.)

Краткие биографические сведения

Отец Аристотеля, Никомах, уроженец Стагир (область Македонии), служил врачом при дворе македонских царей. Он видел в сыне продолжателя семейного ремесла, обучал врачебному искусству. Отец умер, когда Аристотелю исполнилось пятнадцать лет; чтобы не быть в тягость замужней старшей сестре, он подался в Афины, где надеялся зарабатывать себе на жизнь. Вскоре увлекся философией и, чтобы продолжить учёбу в этом направлении, поступил в Академию, руководимую Платоном, на тот период самого престижного в Греции научно-философского учреждения.

Платон, известный всей Греции философ, отличал молодого «Стагирита», как он его называл, от остальных учеников за пронизательный ум, неутолимую жажду поиска истины, ревностное изучение философской литературы; по этой причине Аристотель стал одним из лучших педагогов Академии. Но неординарное смелое мышление и занозистый характер Аристотеля нравились не всем, на философских диспутах противники страшились его беспощадной логической убедительности и суждений, всегда остроумных, а подчас убийственно саркастических. Склонный к анализу и исследованию действительности, Аристотель преклонялся перед ораторским искусством Платона, но отказывался следовать его цветистому красноречию. Будучи преподавателем, не стремился нравиться ученикам, но хотел быть понятым. А своими научными открытиями и обобщениями лучший ученик Платона намеревался создать универсальный философский синтез, который, преодолев слабые стороны «идеализма», смог бы заменить его учение.

С этого началось противостояние учения Платона с но-

выми научно обоснованными взглядами Аристотеля на мир философии. Ученики Платона, идейные противники Аристотеля, добились того, что Платон перестал доверять ему. Но эти обстоятельства не помешали молодому преподавателю обзавестись благодарными слушателями, верными учениками и последователями, которые становились его близкими друзьями.

В 347 году до н.э. умер Платон, оставив завещание, по которому руководство Академией он оставлял на Спевсиппа, верного «платоника», сына родной сестры. Аристотель был оскорблён таким решением, в роли руководителя он видел только себя, получив приглашение своего ученика Гермия, царя Трояды (М. Азия), легко отбывает из Афин. В поездке его сопровождает Ксенократ, ученик и друг.

В Трояде, в городе Атарней, Аристотель прожил три года; женился на племяннице Гермия, родившей ему дочь. Став, по сути, родственником единоличного правителя Трояды, Аристотель помогает ему в управлении государством, «применяя демократические формы к тиранической азиатской власти». Но благополучная жизнь Аристотеля в Атарнее внезапно закончилась: персидский царь, заподозрив Гермия, своего вассала, в измене, казнил его. Жизнь Аристотеля оказалась под угрозой, и он с семьёй был вынужден бежать на Лесбос, в Митилену, куда позвал другой его ученик, Феофраст.

На Лесбосе Аристотель активно занялся научными исследованиями, ставил опыты, писал труды, в том числе известную «Историю о животных». Через три года спокойной и невероятно плодотворной научной работы Аристотель получает письмо македонского царя Филиппа с предложением стать воспитателем наследника престола, тринадцатилетнего сына Александра. Он согласился, но не по причине материальных обстоятельств, а с намерением «наставить молодого человека на путь царствования, очищенный философским духом».

Обучение царевича велось по индивидуальной программе, разработанной Аристотелем, непрерывно в течение четырёх

лет, затем занятия велись эпизодически, поскольку царь Филипп начал привлекать сына, к его радости, к государственному управлению. Но вместе с полезными науками учёный воспитатель успел передать юному Александру глубокую преданность идеалам Эллады, её высочайшей культуре. Как напишут потом биографы Александра Великого, «вдохнул в дикую, необузданную македонскую душу неистребимое наследие духовного эллинского величия».

В 337 год до н.э. царя Филиппа II постигла неожиданная смерть, — он погиб от удара кинжалом обиженного им телохранителя. После трудных переговоров с военной элитой Македонии престол занял его сын, двадцатилетний Александр. После этого важного в жизни Александра события, его духовная связь с наставником обрывается; уверенный в себе молодой македонский царь не нуждался в философствующем воспитателе, хотя продолжал в дальнейшем ценить его советы, помнил все оставшиеся годы жизни. Собиравшись в знаменитый Восточный поход, Александр предложил ему сопровождать его, но Аристотель, сославшись на болезни и возраст, отказался. Но оставил при нем в качестве секретаря и советника Каллисфена, своего ученика и внучатого племянника. Известный античный историк Диоген из Лаэрта так описал этот факт: «А когда он рассудил, что уже достаточно провел времени с Александром, то уехал в Афины, к Александру же привел своего родственника Каллисфена Олинфского; и, глядя, как тот не в меру вольно рассуждает с царем, не слушая советов, попрекнул его такими словами: «Скоро умрешь ты, о, сын мой, судя по тому, что вещаешь!».

Говорил он такие слова племяннику, или автор присочинил, но в 327 году до н.э. Александр, якобы, уличил своего личного летописца Каллисфена в заговоре; его поместили в клетку, где содержали как дикого зверя, пока он не умер от голода, вшивости и прочих болезней. Исследователи биографии Александра это обстоятельство считают причиной ухудшения отношений между Аристотелем и его учеником.

И даже называют Аристотеля одним из тайных врагов Александра, отравивших его!

Распрощавшись в Пелле с молодым македонским царём, обласканный его милостями, в 335 году до н.э. Аристотель появился в Афинах, где вернулся к преподаванию в философской школе, Ликее, созданной им в противовес Академии Платона. Аристотель завёл в нём необычные порядки. От учеников и преподавателей он требовал соблюдения установленных им строгих правил и распорядка занятий, дисциплины. Для наблюдения поставил особого смотрителя, которые сменялись каждые десять дней, — чтобы не давали поблажек любимчикам и знакомым. Сам Аристотель до полудня занимался с лучшими из своих учеников, объясняя труднейшие части науки доступным и понятным языком. После полудня преподавал более обширной аудитории. На его лекции допускались даже посторонние лица, проявляющие интерес к излагаемой теме.

Во время Восточного похода царя Александра, в годы его великих побед, Аристотель вёл переписку с ним, давал советы. По свидетельству римского историка Плиния Старшего, «царь Александр Великий, пылая страстью познать отличительные свойства животных и поручив их исследование Аристотелю — мужу, учнейшему во всех науках, предоставил в его распоряжение несколько тысяч человек на всем протяжении Азии и Греции для сбора всего, что могут дать охота, ловля птиц и рыболовство; этим же людям была поручена забота о зверинцах, стадах, пчельниках, рыбных садках, птичниках, дабы ничто живое не осталось где-либо ему неизвестным». Даже если не принимать всерьёз цифры в «несколько тысяч», не грех отметить, что естественнонаучные коллекции Ликее пополнялись благодаря вниманию бывшего ученика к своему наставнику.

Известно также, что Аристотель составил большой по объёму труд в виде обозрения политического устройства всех греческих и варварских государств, в основном, ради Александра, которого, безусловно, интересовал этот вопрос. Ведь

он уже задумал отречься от Македонии, своего отечества, ради Новой Империи, создаваемой на основе завоёванных территорий и народов. В качестве материального вознаграждения за научные сочинения и для оплаты приобретаемых Аристотелем книг в личную библиотеку Александр передал ему в общей сложности восемьсот талантов (1 талант=26.кг серебра) из военной добычи в разорённой им Персии.

В Афинах одни боялись Аристотеля, другие терпели, потому что ему покровительствовал сам Александр, тиран афинской демократии. Но не любили! Он знал такое отношение к себе, отчего старался в политике быть незамеченным, но всё равно чувствовал себя не в безопасности. Положение в этом смысле резко ухудшилось после неожиданной смерти Александра в Вавилоне. На Аристотеля начались гонения со стороны демократов и представителей антимакедонской партии, особенно политических деятелей Демосфена и Гиперида. Афинянам он показался опасным, прежде всего обширным государственным умом и его связями с македонскими властителями. Вскоре последовал донос: его обвинили в богохульстве, после чего обычно следовала судебная расправа и гражданская казнь. Зная это, Аристотель поспешил из Афин со словами: «Я хочу избавить афинян от нового преступления против философии», — имея в виду прошлую казнь оболганного афинянами Сократа.

Он поселился в Халкиде, где вскоре умер — говорили, от болезни желудка, но, скорее, от клеветы, которая преследовала его всю жизнь. После его смерти враги не оставили его в покое: они распустили слух, будто он покончил собой, лишь бы не предстать перед судом честных граждан Афин, хотя подобный жизненный исход противоречил морали учёного и философа. Хотя одна из версий о смерти Аристотеля заслуживает внимания лишь по той причине, что учёный, якобы, «утонул, бросившись в пролив, отделяющий остров Эвбею от континента Греции, от отчаяния, от невозможности объяснить явление прилива и отлива»... Неправда, но как она характеризует Аристотеля-учёного!

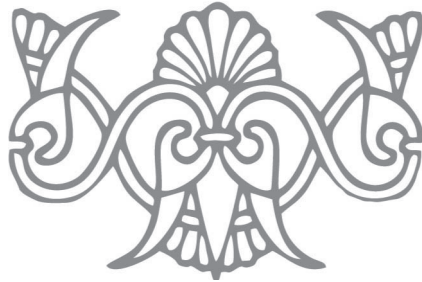
Тело Аристотеля друзья доставили из Халкиды в Стагиры, где он упокоился в богатой гробнице. Время не пощадило рукотворный памятник, его могила исчезла с лица земли, но имя Аристотеля сделалось бессмертным благодаря его научным трудам. Великий учёный и философ написал около трехсот научных трактатов с изложением исследований по проблемам зоологии, физики, астрономии, психологии, этики, политики, метафизики. Большинство их было написано в Афинах в последние тринадцать лет его жизни.

По преданию, Аристотель передал управление Ликеем Феофрасту; ему же завещал свои сочинения. От Феофраста ценнейшая библиотека перешла к философу Нелию из Скепсиса, наследники которого отказались продавать книги Птолемею Филадельфу, предлагавшему поместить их в Александрийскую библиотеку. Не уступили наследники Нелия и пергамским царям, пожелавшим превзойти Птолемея в щедрости за собирательство памятников античной культуры и науки. Однажды рукописи Аристотеля хотели даже отнять силой. Драгоценные рукописи были надежно упрятаны... в сыром погребе и тайниках семейного дома. В результате плохого хранения листы папируса сильно пострадали от сырости и плесени.

В I веке до н.э. книги из библиотеки Аристотеля нечаянно обнаружили, как и то, что они находились в жалком состоянии. Их купил за высокую цену собиратель древностей и ценитель «умных» книг, греческий богач Апелликон из Тессалонии. Из благих намерений, новый приобретатель стал восстанавливать пострадавшие от времени места в рукописях... собственными вставками, и, как оказалось, «сделал он это не всегда удачно». Затем книги Аристотеля перекупили наследники Феофраста.

Диктатор Рима Сулла при покорении греческих городов помимо статуй, картин и других художественных ценностей приказал собирать книги древних авторов. «Аристотелева библиотека» была конфискована в 83 году до н.э. и в числе прочей военной добычи попала в Рим.

Здесь их «рассмотрел и привел в порядок» греческий философ-перипатек Андроник из Родоса (или учёный, грек Тирранион), но по сведениям, их в первоначальном виде сохранилось только одна треть. В Риме труды Аристотеля были изданы, и так они дошли до настоящего времени.



ИЗДАНИЯ КНИГ АРИСТОТЕЛЯ

Первое полное издание на латинском языке с комментариями арабского философа Аверроэса появилось в 1489 году в Венеции, а первое греческое издание сделано Альдом Мануцием тоже в Венеции в 1495-98 гг. За этим последовало новое издание, пересмотренное Эразмом Роттердамским (Базель, 1531), потом другое, пересмотренное Сильбургом (Франкф., 1584) и другие. В конце XVIII века Буле сделал новое греческое и латинское издание (Цвейбрюк. и Страсб., 1791—1800). В 19-м веке Берлинская академия приготовила полное издание сочинений, комментариев, схолий и фрагментов, в 5-ти томах (Берл., 1831-71), которое послужило пособием и для французского издания Дидро в Париже (5 т., 1848-74).

Дошедшие до нас сочинения Аристотеля делятся по содержанию на 7 групп, в т.ч.

Логические трактаты: «Органон», «Категории», «Об истолковании», «Первые аналитики», «Вторые аналитики», «Топика», «О софистических опровержениях» и др.

Физические трактаты: «Физика», «О происхождении и уничтожении», «О небе», «Метеорологика» и др.

Биологические трактаты: «История животных», «О частях животных», «О возникновении животных», «О движении животных», «О душе» и др.

Сочинения о первой философии («Метафизика»).

Этические сочинения: «Никомахова этика», «Эвдемова этика», и др.

Социально-политические и исторические сочинения: «Политика», «Афинская полития» и др.

Работы об искусстве, поэзии и риторике: «Риторика», «Поэтика» и др.



Анатолий Гаврилович Ильяхов. Родился в гор. Сочи, живёт в Краснодаре. Выпускник Краснодарского политехнического института (КУБГТУ). В литературе обратился к истокам общечеловеческой культуры, в Античность. Член Союза писателей России (www:ilyahov.ru).

Изданные книги:

«Античные корни русского языка. Этимологический словарь» (2006);
«Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад» (2006);
«Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия» (2007);
«Эросу посвящённые. Античные любовные истории» (2007);
«Афине посвящённые» (2007);
«Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления» (2009);
«Этимологический словарь. Античные корни в русском языке» (2010);
«Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое» (2012);
«Игры эллинов у подножья Олимпа. Три тысячи лет до 2014» (2013);

«Орёл в стае не летает. Знак Зевса» (2014);
Серия: «Античный код в деловой терминологии» (2014):
«Человек и природа. Словарь эколога»,
«Закон и право. Словарь правоведа»,
«Экономика и финансы. Словарь»,
«Наука и производство. Политехнический словарь»,
«Философия разума. Словарь эрудита»,
«Медицина. Историко-этимологический словарь».

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Подписано в печать 07.07.2015
Формат бумаги 60х90/16
Объем печ. л. 31. Гарнитура «TextBook»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 450 экз. Заказ №2621
Отпечатано ООО «Флер-1»
г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: 274-10-74